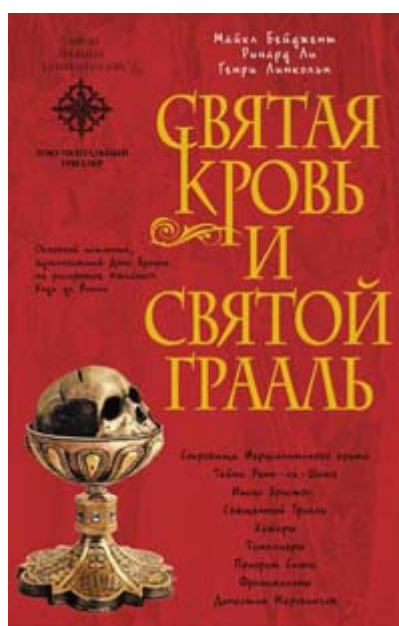

Майкл Бейджент, Ричард Ли, Генри Линкольн Священная кровь и священный грааль

ВВЕДЕНИЕ

В 1969 году, следуя по Севеннской дороге, я совершенно случайно обнаружил небольшую книжку, причем на первый взгляд очень незначительную. И если бы по ходу чтения я не обнаружил некую недоговоренность, странное умолчание автора, то я положил бы ее в стопку книг, которые после каждого отпуска накапливаются в моем шкафу и ждут, чтобы их перечитали.

Кажется, в 1890 г. некий деревенский священник нашел какое-то «сокровище»: под каменной кладкой церкви он обнаружил исписанные пергаменты и попытался их расшифровать. Два из этих документов были воспроизведены в книжке, но никаких следов «секретных посланий», которые, как предполагал автор, должны были там содержаться, я не обнаружил. Может, они снова были потеряны? Однако, когда я наскоро изучил документы, я понял, что, по крайней мере, одно из этих посланий было открыто самим автором: так как он, работая с документами, уделил им наибольшее внимание, то он не мог не сделать того же самого открытия, что сделал я. Почему же он, в таком случае, не обнародовал своего разоблачения, раз он до них такой охотник?

В течение следующих месяцев необычность этой недоговоренности и возможность дальнейших сюрпризов заставили меня не один раз вернуться к брошюре. Передо мной находилась настоящая головоломка, а вдобавок к ней — непонятное молчание автора. Какие же тайны, какие секретные послания были начертаны на этих пергаментах и захоронены в Ренн-ле-Шато? Не заслуживали ли они большего, нежели некоторого любопытства с моей стороны, продиктованного моими обязанностями человека, пишущего для телевидения?

Таким образом, в конце осени 1970 г. я представил Полу Джонсону, продюсеру исторической серии «Хроники» компании Би-Би-Си, этот анекдот как возможный сюжет для документального фильма. Он без колебаний принял предложение, и я тотчас же отправился в Париж, чтобы набросать план короткометражного фильма вместе с автором французской книги.

Я встретился с ним во время рождественских праздников и, не теряя ни секунды, задал ему вопрос, который уже больше года вертелся у меня на языке: «Почему вы не опубликовали послания, скрытые в документах?». Его ответ меня крайне удивил: «Какие послания?»-спросил

он.

Было бы немыслимым предположить, что сведения об этих секретных посланиях могли от него ускользнуть. В какую игру он играл и зачем? Внезапно у меня пропало всякое желание открывать ему то, что я сам обнаружил. Мы продолжали наш словесный поединок, в конце которого стало очевидно, что мы оба прекрасно знали об этих посланиях. «Почему же вы их не опубликовали?» — снова спросил я. Последовал решительный ответ: «Потому что мы подумали, что кому-нибудь вроде вас было бы интересно обнаружить все это самому».

При этих словах таких же загадочных, как и таинственные документы деревенского священника, я убедился, что секрет Ренн-ле-Шато был чем-то гораздо большим, чем просто история о потерянном сокровище.

Весной 1971 г. мы с моим директором Эндрю Максвеллом Хислопом начали делать короткометражный фильм на двадцать минут; именно тогда мы стали получать от французского автора новые сведения.

Прежде всего, полный текст зашифрованного сообщения, в котором говорилось о художниках Пуссене и Тенье. Великолепно! Шифр казался ужасно сложным, и мы узнали, что он был раскрыт специальными службами французской армии с помощью вычислительных машин. Однако, чем больше я изучал шифр, тем невероятнее, если не сказать подозрительнее, казалась мне эта гипотеза; после консультации с экспертами Интеллидженс Сервис мое впечатление подтвердилось — по их мнению, вычислительная машина никоим образом не смогла бы разобрать таинственный шифр. Расшифровать его, таким образом, не представлялось никакой надежды. Но ведь у кого-то где-то должен быть ключ...

В это время из Франции прибыло еще одно сенсационное сведение. Было найдено надгробие в точности похожее на гробницу, изображенную на картине Пуссена «Пастухи Аркадии»; нам обещали объяснить все подробнее, как только представится возможность. В самом деле, несколько дней спустя у нас уже были фотографии, убедившие нас, что наш маленький документальный фильм о не слишком значительных тайнах Ренн-ле-Шато начал приобретать неожиданные размеры. Тогда Пол Джонсон решил снять полнометражный фильм, который должен был выйти на экраны только следующей весной и войти в серию «Хроники»; значит, у нас было достаточно времени, чтобы всерьез заняться этим делом.

Фильм «Потерянное сокровище Иерусалима?» вышел в феврале 1972 г. и реакция публики показала нам, насколько он поразил ее воображение. Но это самое воображение требовало большего, гораздо большего, и нам надо было его удовлетворить.

В 1974 г. мы представили второй фильм — «Священник, художник и дьявол», и публика снова пришла в восторг. Но наш поступок имел серьезные последствия: так далеко протянулись ниточки, что одному человеку справиться со всем этим было невозможно — сколько интересной информации осталось бы без внимания! Нам нужна была целая команда. К счастью, в 1975 г. случай, который уже один раз мне так помог, натолкнул меня на мысль о том, что проделанная работа не станет бесполезным грузом и что мы сможем продолжать.

И действительно, однажды в летнем университете я встретил Ричарда Лея — романиста, новеллиста, специалиста по сравнительному литературоведению, обладающего огромными знаниями по истории, философии, психологии и эзотеризму, преподававшего в канадских, английских и американских университетах.

Когда во время одной из увлекательных дискуссий я стал рассказывать ему о тамплиерах, занимающих главное место в истории Ренн-ле-Шато, Ричард Лей признался мне, что его тоже интересует этот средневековый орден и что он даже предпринимал важные исследования в этой области. Я поделился с ним своими соображениями по поводу некоторых несоответствий, которые я обнаружил во время своей работы; он тут же предоставил в мое распоряжение все свои знания, но, в общем, был удивлен не меньше меня. Наконец, увлеченный моими планами, он предложил мне свою помощь в том, что касалось тамплиеров, и познакомил меня с Майклом Байджендом, который только что оставил блестящую карьеру журналиста, чтобы полностью посвятить себя изучению ордена Храма и фильму, который он снимал.

Мог ли я желать иметь лучших, более компетентных, более увлеченных коллег для возобновления работы или воображать более пьянящее ощущение энтузиазма и динамизма, которые они с собой привносили?

Первый осязаемый результат нашего сотрудничества должен был называться «Тень тамплиеров»; это был третий фильм о Ренн-ле-Шато, снятый Роем Дэвисом в 1979 г.

Наше расследование привело нас к самому основанию, на котором покоились все тайны Ренн-ле-Шато, и однако это было только началом. За внешними проявлениями существовало нечто более удивительное, более значительное, далеко превосходящее все то, что мы могли вообразить, когда только начинали изучать милую маленькую тайну, обнаруженную во Франции священником из захудалой горной деревушки.

В 1972 г. я закончил свой первый фильм словами: «Скоро будет открыто что-то необыкновенное... и произойдет это в самом ближайшем будущем». Настоящая работа разъясняет, чем было это «что-то», и рассказывает историю потрясающего открытия.

Генри Линкольн, 17 января 1981 года.

1. ТАЙНА

В самом начале наших поисков мы не знали точно ни в чем они должны были состоять, ни в каком направлении их вести. У нас не было ни теории, ни гипотезы, нам нечего было доказывать, мы просто хотели разгадать любопытную загадку конца XIX века. Мы пока не собирались делать никаких выводов — мало-помалу они пришли бы к нам как бы сами по себе.

Сначала мы думали, что имеем дело с тайной сугубо местного значения, интригующей, но не выходящей за пределы скромной деревеньки Южной Франции, и представляющей, несмотря на ее некоторую причастность к истории, чисто академический интерес. Может быть, наше расследование могло бы помочь прояснить хотя бы некоторые аспекты истории Западной Европы. Тогда, во всяком случае, мы были далеки от того, чтобы думать, что она заставит нас полностью пересмотреть историю; более того, — что наши открытия будут иметь даже в настоящее время такие по меньшей мере шумные последствия.

Короче говоря, наши поиски начались с простой загадки, по-видимому, мало отличающейся от многочисленных историй о сокровищах и других «нераскрытых тайнах», коими изобилует всякий сельский фольклор. Некая версия этой тайны появилась во Франции, вызвав огромный интерес, но она не имела продолжения и, как мы узнали впоследствии, включала много ошибочных суждений.

Итак, вот история, каковой она была опубликована в 60-е годы и с которой мы познакомились.

1 июня 1885 г. маленький приход Ренн-ле-Шато получил нового священника. Беранже Соньеру тридцать три года. Он красив, крепкого сложения, энергичен и очень умен. Еще совсем недавно, обучаясь в семинарии, он производил впечатление человека, которому уготована блестящая карьера, гораздо лучшая, чем та, которая ждала его в этой деревушке, затерянной у подножия Восточных Пиренеев. Быть может, он чем-то разочаровал свое начальство? Этого мы не знаем, но он должен был отказаться от всякой мысли о повышении, и возможно, что его отправили в Ренн-ле-Шато, чтобы попросту от него избавиться.

В Ренн-ле-Шато жило всего двести человек. Это была маленькая деревенька, взобравшаяся на вершину холма, в 40 километрах от Каркассона. Для любого другого человека этот забытый уголок, удаленный от всякой цивилизации и от образа жизни, необходимого для любознательного ума, был бы равнозначен изгнанию, и, безусловно, честолюбию Соньера был нанесен тяжелый удар. Но будучи уроженцем этих мест, родившийся и выросший в нескольких километрах от деревни Монтазель, он умел извлечь из своего положения кое-какие выгоды — вроде компенсации, и вскоре почувствовал себя в знакомых ему окрестностях Ренн-ле-Шато как дома.

В период с 1885 по 1891 гг. доход священника составлял чуть больше 60 франков в год. Не слишком роскошно, но все же лучше, чем обычное жалованье сельского кюре в конце прошлого века. Если прибавить к этому «натуральные» дары прихожан, то этой суммы вполне хватало на мелкие повседневные расходы, при условии, конечно, что не будет никаких излишеств.

В течение шести лет Беранже Соньер живет тихо и спокойно. Он охотится в горах и удит

рыбу в речках, знакомых ему с детства, читает, совершенствуется в латыни, учит греческий язык, пробует изучить древнееврейский. У него есть служанка, молодая крестьянская девушка восемнадцати лет по имени Мари Денарно, которая до конца останется его товарищем и доверенным лицом. Он часто навещает своего друга аббата Анри Буде, кюре из соседнего селения Ренн-ле-Бэн; вместе они следуют по таинственным извилистым дорогам окружающей их со всех сторон истории этого края.

В нескольких километрах к юго-востоку от Ренн-ле-Шато, на холме Безю, находятся развалины средневековой крепости, бывшего командорства тамплиеров. В другом направлении, не очень далеко и тоже расположенные на возвышенности, находятся руины фамильной резиденции Бертрана де Бланшфора, четвертого великого магистра ордена Храма в середине XII века. Ренн-ле-Шато стоит на дороге, по которой в старину проходили паломники и которая связывает Северную Европу с городом Сантьяго-де-Компостела в Испании, и вся эта местность изобилует легендами и отголосками прошлого, столь же богатого, сколь и трагического, кровавого.

Именно в это время Соньер мечтает реставрировать деревенскую церковь; она сооружена в VIII или IX веке, но построена на старинном фундаменте, относящемся еще к эпохе вестготов, и в конце текущего XIX века находится в почти безнадежном состоянии.

В 1891 г. , ободренный своим другом Буде, Соньер занимает немного денег у своих прихожан и предпринимает попытку хотя бы самой скромной реставрации. По ходу работ ему пришлось перенести на другое место алтарный камень, покоившийся на двух колоннах, оставшихся от эпохи вестготов; одна из этих колонн оказалась полой, и внутри деревянных запечатанных трубок Соньер находит четыре пергаментных свитка. Три документа содержат генеалогические древа: одно из них датировано 1243 годом и имеет печать Бланки Кастильской, второе — от 1608 года с печатью Франсуа Пьера д'Отпуля, третье — от 24 апреля 1695 года с печатью Анри д'Отпуля. Четвертый документ, исписанный с обеих сторон, подписан каноником Жан-Полем де Негр де Фондаржаном и относится к 1753 году.

Похоже, что эти документы были спрятаны около 1790 года аббатом Антуаном Бигу, предшественником Соньера в приходе Ренн-ле-Шато.

Кстати, аббат Бигу был личным капелланом семьи Бланшфор, которая накануне Революции еще считалась одним из самых крупных землевладельцев в этих краях.

В последнем документе содержались отрывки из Нового Завета на Латинском языке. Только на одной стороне пергамента слова были расположены непоследовательно, без пробелов между ними, и в них были вставлены лишние буквы; на обратной стороне строчки были оборваны, расположены в полнейшем беспорядке, и некоторые буквы были написаны над другими. Очевидно, что это были различные шифры, и некоторые из них очень сложные, и без ключа расшифровать их было невозможно. Позже они будут фигурировать в работах, посвященных Ренн-ле-Шато, и в фильмах, снятых Би-Би-Си; представлены они будут следующим образом:

B RG R PAS D T NTATION QU POUSSIN T NI RS GARD NT LA CL F PAX
DCLXXXI PAR LA CROIX T C CH VAL D DI U J'ACH V C DA MON D GARD N A
MIDI POMM S BL U S (ПАСТУШКА НЕТ СОБЛАЗНА ЧТО ПУССЕН ТЕНЬЕ
ХРАНЯТ КЛЮЧ РАХ DCLXXXI КРЕСТОМ И ЭТОЙ ЛОШАДЬЮ БОГА Я
ДОБИВАЮ ЭТОГО ДЕМОНА ХРАНИТЕЛЯ В ПОЛДЕНЬ СИНИХ ЯБЛОК).

Если этот текст безнадежно запутан и непонятен, то другие имеют хоть какой-то смысл; например, на втором документе из букв, написанных над словами, складывается следующее послание:

A DAGOV RTII ROI T A SION ST C TR SOR T IL ST LA MORT (ДАГОБЕРУ II
КОРОЛЮ И СИОНУ ПРИНАДЛЕЖИТ ЭТО СОКРОВИЩЕ И ОНО ЕСТЬ СМЕРТЬ)

Мы не знаем, как отреагировал Соньер на эти таинственные знаки, ведь с тех пор прошло около ста лет; возможно, он сознавал, что открыл нечто важное, и поэтому, с согласия

деревенского мэра, отвез документы епископу Каркассона. Мы так же не знаем, что подумал этот выдающийся церковный деятель при виде документов, но он тут же посылает священника в Париж, оплатив ему дорожные расходы, с поручением показать документы некоторым высокопоставленным духовным лицам. Среди них — аббат Бьей, директор семинарии Сен-Сюльпис, и его кузен Эмиль Оффе, готовящийся стать священником. Ему всего двадцать лет, но у него уже репутация знатока лингвистики, криптографии (тайнописи) и палеографии; кроме того, несмотря на его призвание к духовному сану, все осведомлены о его склонности к эзотеризму и о его тесных связях с различными тайными обществами и сектами, занимающимися оккультными науками, которых тогда в Париже было великое множество. Он также входит в культурный кружок, членами которого являются Стефан Малларме, Морис Метерлинк, Клод Дебюсси и знаменитая певица Эмма Кальве, верховная жрица этого в некотором смысле подпольного общества.

Три недели Соньер проводит в Париже. Если мы не знаем, какие толки вызвало появление документов, зато мы знаем, что кружок Эмиля Оффе принял деревенского священника с распростертыми объятиями; ходили также слухи, что он быстро стал любовником Эммы Кальве и что она была им очень увлечена. Действительно, в течение следующих лет она регулярно наносила ему визиты в Ренн-ле-Шато, и еще недавно можно было разглядеть их инициалы, высеченные на скале, переплетенные между собой и окруженные рамкой в виде сердца.

Во время своего пребывания в Париже Соньер посещает Лувр. Имеют ли эти визиты какое-либо отношение к трем картинам, репродукции которых он теперь ищет? Кажется, речь идет о написанном неизвестным художником портрете папы Целестина V, который в конце XIII в. находился недолгое время на престоле, затем об одной работе Давида Тенье — отца либо сына, — и о знаменитой картине Никола Пуссена «Пастухи Аркадии».

Вернувшись в Ренн-ле-Шато, Соньер продолжает реставрационные работы. Вскоре он извлекает из земли весьма интересную резную плиту, относящуюся к VII или VIII вв., возможно, закрывающую старинный склеп. Но вот еще более странные факты: например, на кладбище находится могила Марии, маркизы д'Отпуль де Бланшфор; надгробный камень был установлен около ста лет назад прежним кюре Антуаном Бигу. Надпись на нем, полная орфографических ошибок, есть точная анаграмма послания, содержащегося в одном из двух старых документов, составленных, очевидно, священником; в самом деле, если буквы надписи поменять местами, то мы снова увидим таинственный намек на Пуссена и Тенье.

Не зная, что надпись на могиле маркизы де Бланшфор была переписана в другом месте, Соньер ее уничтожает, и это надругательство над могилой не является единственным странным моментом в его поведении. Начиная с этого времени, в сопровождении своей верной служанки он обходит шаг за шагом окрестности в поисках надгробных камней, которые, как кажется, представляются малоценными и малоинтересными. Он вступает в бешеную переписку со всей Европой и с совершенно неизвестными адресатами, которые дают ему возможность собрать значительную коллекцию почтовых марок. Затем он начинает какие-то не очень ясные дела с различными банками; один из них даже посылает из Парижа своего представителя, который проделывает путь до Ренн-ле-Шато с единственной целью заняться делами Соньера.

Только на почтовые марки Соньер тратит значительные суммы, намного превосходящие его скромные возможности. А начиная с 1896 г. он совершает необъяснимые и беспрецедентные траты, которые как окажется после его смерти в 1917 г., исчислялись многими миллионами франков.

Одна часть этих денег направлена на достойные похвалы работы по улучшению жизни в деревне: строительство дороги, водопровода. Другие расходы более непонятны, например, возведение на вершине горы Башни Магдала или строительство виллы Бетания, огромного здания, в котором Соньеру так и не доведется пожить. Что касается церкви, то у нее появилось новое украшение, причем очень странное.

Над портиком выгравирована следующая надпись на латинском языке:

T RRIBILIS ST LOCUS IST (УЖАСНО ЭТО МЕСТО)

Прямо перед входом возвышается уродливая статуя, грубое подобие Асмодея, хранителя

секретов и спрятанных сокровищ, а также, как говорится в одной иудейской легенде, строителя храма Соломона. На стенах церкви — дорога из крестов, вульгарная и вызывающая, прерываемая шокирующими изображениями, достаточно далекими от текста Священного Писания, признанного Церковью. Так, на восьмой картине нарисован младенец, завернутый в шотландский плед, а на четырнадцатой — тело Христа, уносимое в могилу, находящуюся в глубине темного ночного неба, освещенного полной луной; такое впечатление, что Соньер хотел что-то внушить, подсказать. Но что? То, что это положение во гроб имело место много часов спустя после того, как, согласно Библии, тело похоронили днем? Или же, что тело не опускают в могилу наоборот, оно выходит оттуда?

Не удовольствовавшись этим весьма любопытным украшением, Соньер продолжает бросать деньги направо и налево, покупая редкие китайские вещицы, дорогие ткани, античные мраморные поделки. Он строит оранжерею и зоологический сад, собирает великолепную библиотеку; незадолго до смерти он задумывает даже построить для своих книг хранилище, подобное огромной Вавилонской башне, с высоты которой он собирался читать проповеди. Он не пренебрегает и своими прихожанами, устраивая для них банкеты, делая им подарки; на их взгляд, он ведет себя как знатный средневековый сеньор, правящий своими подданными, сидя в неприступной крепости. Он принимает у себя знаменитых гостей: кроме Эммы Кальве, его посетили Государственный секретарь по делам культуры и, что особенно удивительно по отношению к простому деревенскому священнику, Эрцгерцог Иоганн Габсбургский, кузен австрийского императора Франца — Иосифа. Позже из банковских ведомостей станет известно, что в один и тот же день Соньер и эрцгерцог открыли два счета и что второй положил на счет первого солидную сумму.

Высшие церковные власти закрывают на все это глаза. Но после смерти старого начальника Соньера в Каркассоне новый епископ требует объяснений. Соньер высокомерно и с некоторой долей наглости сначала отказывается выдать происхождение своих денежных средств, потом отказывается передать ему деньги, как того желал епископ. Последний, не имея больше доводов, обвиняет Соньера в спекуляции предметами религиозного культа и при посредстве местного суда временно отстраняет его от должности. Соньер подает апелляцию в Ватикан, который сразу же снимает с него обвинение и восстанавливает его в прежнем звании.

17 января 1917 г. на 65-ом году жизни с Соньером случается удар. Но эта дата весьма сомнительна. В самом деле, это то же самое число, какое высечено на одном из двух надгробных камней маркизы де Бланшфор, которое священник уничтожил, а также это праздник святого Сульпиция, с которым мы еще встретимся по ходу этой истории; к тому же Соньер отдал документы аббату Бьею и Эмилю Оффе именно в семинарии Сен-Сюльпис (св. Сульпиция). Самое любопытное в том, что касается удара, случившегося с Соньером 17 января, это то, что за пять дней до этого, 12-го числа, его прихожане отметили, что их кюре казался здоровым и цветущим; однако, по имеющейся у нас расписке, в этот же день, 12 января, Мари заказала гроб для своего хозяина...

Позвали священника из соседнего прихода, чтобы выслушать последнюю исповедь умирающего и соборовать его. Он закрывается в комнате с исповедуемым, но вскоре выходит оттуда, как свидетельствует один очевидец, в совершенно ненормальном состоянии. Другой утверждает, что больше никогда его не видели улыбающимся; третий, наконец, — что он впал в депрессию, длившуюся много месяцев. Вполне может быть, что все эти рассказы преувеличены, но известно совершенно точно, что в последнем причастии своему собрату священник отказал...

Итак, 22 января Соньер умирает, так и не получив отпущения грехов. На следующее утро его тело, одетое в великолепное платье, украшенное малиновыми шнурами с кисточками, было посажено в кресло на террасе виллы Бетания, и многочисленные посетители, среди которых было несколько неизвестных людей, проходили мимо один за другим, а некоторые даже отрывали от его одежды кисточки на память. Этой странной церемонии, которой до сих пор удивляются жители деревни, так и не было дано никакого объяснения.

Понятно, что все с нетерпением ожидали вскрытия завещания. Но ко всеобщему удивлению и разочарованию, Соньер объявлял в нем, что у него ничего нет. Отдал ли он все свое состояние Мари Денарно, которая в течение тридцати двух лет служила ему и была его

доверенным лицом, или же на имя служанки с самого начала была положена большая его часть?

Известно, что после смерти своего хозяина Мари продолжала спокойно жить на вилле Бетания до 1946 г. После второй мировой войны правительство пускает в обращение новые денежные знаки и, опасаясь контрабандистов, коллаборационистов и нажившихся на войне спекулянтов, обязывает всех французских граждан представить декларацию о доходах. Не слишком заботясь о том, что будут говорить люди. Мари выбирает бедность, и однажды кое-кто заметил, как в саду, окружающем виллу, она жгла толстые пачки старых денег. Семь следующих лет она живет в относительной нужде; продав виллу Бетания, она обещает новому владельцу, Ноэлю Корблю, перед смертью доверить некий «секрет», который сделает его не только богатым, но и могущественным. 29 января 1953 г. с ней, как и с ее хозяином, случается удар, которого никто не мог предвидеть, и вскоре она умирает, унося свою тайну в могилу.

Вот в общих чертах история в том виде, какой она была опубликована в 60-х годах, когда мы с ней ознакомились. И теперь мы принимаемся за вопросы, которые поднимает форма изложения этих событий.

Прежде всего, каков источник дохода Соньера? Откуда взялось так внезапно огромное состояние? Дается ли этому хотя бы самое банальное объяснение или же оно заключает в себе нечто неожиданное? Подталкиваемые необычайной привлекательностью этой тайны, мы начали поиски.

Если верить тем любознательным людям, которые провели расследование до нас, то Соньер, по всей видимости, нашел сокровище. Простое и правдоподобное объяснение, тем более, что доказательством этому — история деревни и ее окрестностей, подтверждающая существование тайников с золотом и драгоценностями.

В давние времена местечко Ренн-ле-Шато почиталось кельтами как священное, а сама деревня, называвшаяся тогда Редэ, обязана своим именем одному из кельтских племен. Потом, в эпоху римского господства, после того как это место стало знаменитым, благодаря своим рудникам и горячим источникам, оно стало процветать; тогда оно тоже считалось священным, и еще долго после этого оставались там следы языческих храмов.

В VI в. деревня на вершине холма насчитывала около тридцати тысяч жителей. Возможно, это была северная столица империи, построенной вестготами-тевтонцами, пришедшими с востока, которые, разграбив Рим, захватили юг Галлии и обосновались по обе стороны Пиренеев.

В течение следующих пяти веков город был центром влиятельного графства Разес. Затем, в начале XIII в. внезапно с севера в Лангедок явилась целая армия с целью уничтожить ересь катаров; армия захватывает все, что находит на своем пути, и во время этого так называемого Альбигойского крестового похода вотчина Ренн-ле-Шато много раз переходит из одних рук в другие. Спустя сто двадцать пять лет, около 1360 г., местное население сильно сократилось из-за эпидемии чумы; чуть позже городок был разрушен бандой каталонских разбойников.

И во все эти повороты Истории вклинивается огромное число невероятных приключений с сокровищами.

Все помнят, что еретики-катары слыли обладателями сказочного, даже священного сокровища, которое, согласно некоторым легендам, было ни чем иным, как святым Граалем. Именно эта величественная тень заставила Рихарда Вагнера совершить паломничество в Ренн-ле-Шато, перед тем как написать свою последнюю оперу «Парцифаль», а немецкие войска во время оккупации 1940 — 1944 гг. — предпринять безуспешные раскопки по всем окрестностям. Но это еще не все, потому что призрак утерянного тамплиерами сокровища не оставлял в покое ни одного жителя этой местности. В свое время великий магистр ордена, Бертран де Бланшфор, отдал приказание перерыть всю землю в округе. Все рассказы об этом сходятся на том, что работы велись тайно, а горнорабочих специально вызвали из Германии. В таком случае, возможное нахождение сокровища в окрестностях Ренн-ле-Шато достаточно хорошо объясняет намек на Сион, фигурирующий в документах, найденных Соньером.

Можно также предположить, что в этой земле лежат и другие клады. Между V и VIII веками большая часть современной Франции находится под властью Меровингов. Во времена Дагоберта II Ренн-ле-Шато является бастионом вестготов, а сам король женится на вестготской

принцессе. В некоторых документах говорится о богатстве, накопленном им в результате военных завоеваний и спрятанном в окрестностях городка. Если Соньер нашел королевские сокровища, то намеки на Дагоберта, содержащиеся в зашифрованных посланиях, объясняются сами собой.

Катары... Тамплиеры... Дагоберт II... А может быть речь идет о другом сокровище — огромной добыче, собранной вестготами во время их бурного продвижения по Европе? Добыче в другом смысле: одновременно символической и материальной, происходящей от легендарного сокровища Иерусалимского храма и касающейся религиозной традиции Запада? Эта гипотеза еще лучше, чем гипотеза о тамплиерах, объясняет намеки на Сион.

Действительно, в 66 г. н. э. Палестина восстает против римского ига; спустя 4 года, в 70 г., легионы императора Тита до основания разрушают Иерусалим. Храм разграблен, содержимое Святая Святых увезено в Рим; вместе с ним, как это показывает триумфальная арка Тита, был увезен золотой семисвечник — священный предмет иудейского религиозного культа, а может быть даже и киот завета.

Спустя три с половиной века, в 410 г., Рим разоряют вестготы под предводительством Алариха Великого, который увозит из Вечного Города все богатства. В своей «Истории войн» писатель Прокопий изображает захватчика, уносящего сокровища древнееврейского царя Соломона. Это невиданный случай, добавляет он, потому что среди этих сокровищ находились изумруды, которые в древние времена были похищены римлянами из Иерусалима.

Может быть, источником необъяснимого богатства Соньера и было то самое сокровище, которое в течение веков переходило из рук в руки, пройдя через Иерусалимский храм, попав затем к римлянам, потом к вестготам, а от них к катарам или рыцарям Храма, а то и к обоим последним одновременно? Значит, оно могло принадлежать и Дагоберту II, и Сиону?

Дойдя в наших расследованиях до этого пункта, мы констатировали, что все еще занимаемся историей о сокровищах. А обычно истории о сокровищах, даже если речь идет об Иерусалимском храме и даже если они совершенно сказочные, имеют небольшое значение и вызывают достаточно ограниченный интерес. Они обычны в наше время; они более или менее возбуждающие, драматические или таинственные и проливают некоторый свет на прошлое. И все. Очень немногие имеют политические или какие-либо другие последствия в настоящем, только... только если само сокровище не содержит в себе какую-нибудь тайну.

В данном случае мы никоим образом не подвергаем сомнению тот факт, что Соньер нашел сокровище, но мы уверены, что к нему, каким бы оно ни было, добавилось еще одно, историческое, имеющее крайне важное значение для своего времени, а может быть, и для нашего тоже. Безусловно, деньги, золото и драгоценности сами по себе не могут прояснить некоторые стороны этой загадки, а именно: проникновение священника в закрытый кружок Оффе, его отношения с Дебюсси, связь с Эммой Кальве. Они не объясняют также ни особый интерес Церкви к этому делу, ни снисходительность Ватикана по отношению к непослушному священнику, ни отказ в соборовании, ни визит эрцгерцога Габсбургского в отдаленную пиренейскую деревушку. Наконец, ни деньги, ни золото, ни драгоценности не могут в достаточной мере объяснить ту таинственную атмосферу, которая окружает всю эту историю: от зашифрованных посланий до Мари Денарно, сжигающей свое наследство...

Если и есть какое-то объяснение, то оно должно быть капитальным, далеко выходящим за рамки жизни скромного деревенского кюре конца XIX века — Эта тайна, возникнув в Ренн-ле-Шато, глубокой и бескрайней волной накрывает весь мир. А может быть, богатство Соньера имеет другой источник, нематериальный? Может, оно является неким таинственным знанием, и в данном случае одно обменивается на другое: богатство на знание, и первое является платой за второе, чтобы было гарантировано полное молчание?

Получил ли Соньер деньги от Иоганна Габсбургского, выдав ему тайну скорее религиозного, чем политического характера? Во всяком случае, все подтверждали, что его отношения с австрийцем были очень сердечными. Почему же некое учреждение — мы говорим о Ватикане — казалось, опасалось священника и обращалось с ним очень осторожно? Быть может, Соньер пошел на шантаж? Но такое предприятие было бы рискованным для одного человека, если только за ним не стоял кто-то недоступный для Церкви, например, эрцгерцог Габсбургский, который в этом деле был только посредником, имеющим поручение отдать

священнику деньги, появившиеся из сундуков Древнего Рима.

Итак, в 1972 г. появляется «Потерянное сокровище Иерусалима?», первый из трех наших фильмов, посвященных Соньеру и тайне Ренн-ле-Шато. В нем нет ничего, что можно было бы оспаривать, ни спекуляций ни на каких «взрывоопасных» секретах, нет никакого шантажа на высшем уровне, а имя Эмиля Оффе даже не упоминается. Фильм в очень простой и доступной форме рассказывает обыкновенную историю.

Сразу же нас захлестнул поток писем. Авторы одних пускаются в забавные рассуждения, другие полны восхвалений, третьи — сплошной бред. Правда, одно из этих писем, автор которого — английский священник на пенсии — просил нас его не публиковать, привлекло наше внимание авторитетной и категоричной манерой суждения без всякой заботы о достоверности. Сокровище, утверждает он априори, не содержит ни золота, ни драгоценных камней; оно содержит формальное доказательство того, что распятия на кресте не было и что Иисус в 45 г. нашей эры еще был жив...

Абсурд! — такова была наша первая реакция после прочтения письма. Какое «формальное доказательство» может увидеть здесь даже убежденный атеист? Все, что мы старались представить себе в качестве «доказательства» или даже «формального доказательства», оказывалось из области невероятного или чистой фантастикой и, следовательно, должно было быть отброшено. Тем не менее, нелепость этого утверждения требовала пояснений; на конверте был указан адрес, и мы отправились по этому адресу.

Представший перед нами собеседник показался нам нерешительным и как бы смущенным из-за того, что написал нам. Он отказался как-либо прокомментировать свой намек на «формальное доказательство», и мы с большим трудом получили от него скудное дополнение к имеющейся у нас информации: это доказательство или, по крайней мере, его существование выдал ему другой священник, Кэнон Альфред Лесли Лиллей.

Умерший в 1940 г. Лиллей был признанным писателем, поддерживающим всю свою жизнь тесные контакты с Модернистским Католическим Движением, которое располагалось сначала в Сен-Сюльпис; в молодости он работал в Париже, где у него завязались отношения с Эмилем Оффе. Таким образом, круг замкнулся; если существует хоть одна ниточка, протянутая между Лиллеем и Оффе, то не стоит сразу отвергать утверждение священника.

Уверенность в том, что имеется какая-то великая тайна, снова пришла к нам, когда мы начали изучать жизнь художника Никола Пуссена, имя которого часто встречается в связи с Соньером. В 1656 г. Пуссена, который в то время живет в Риме, навещает аббат Луи Фуке, брат знаменитого суперинтенданта финансов Людовика XIV. За визитом следует письмо, в котором аббат повествует своему брату о встрече с художником. Процитируем часть этого письма:

Вместе с г-ном Пуссеном мы задумали кое-что, что, благодаря г-ну Пуссену, окажется для Вас выгодным, если только Вы этим не пренебрежете; короли с большим трудом смогли бы вытянуть это у него, и после него впоследствии, быть может, никто в мире этого не возвратит; к тому же это не потребует больших расходов, а может обернуться выгодой, и это сейчас разыскивается многими, и кто бы они ни были, но равного или лучшего достояния сейчас на земле нет ни у кого". Ни один историк, ни один биограф Пуссена или Фуке ни разу не дали удовлетворительного объяснения этому письму, в котором явно подразумевается нечто исключительно важное. Отметим однако, что спустя некоторое время Никола Фуке был арестован и приговорен к пожизненному заключению. Его имя с тех пор окутано непроницаемой тайной; некоторые упорно считают его Человеком в Железной Маске. Но известно, что после прочтения его переписки, Людовик XIV повелел достать ему картину Пуссена «Пастухи Аркадии», которую потом он укроет в своих личных апартаментах в Версале...

Какими бы высокими ни были ее художественные достоинства, эта картина представляется совершенно бесцветной. На переднем плане трое пастухов и пастушка, окружив старинную могилу, созерцают надпись, выбитую на надгробном камне: «ET IN ARCADIA GO»; на заднем плане изображен один из тех горных пейзажей, которые так любят художники — совершенно мифический и полностью выдуманный автором, если верить Энтони Бланту и другим исследователям творчества Пуссена. И тем не менее... В 1970 г. была найдена могила, идентичная той, что изображена на картине — форма, размеры, расположение, растительность

вокруг, даже кусок скалы, на который опирается ногой один из пастухов, совершенно совпадали. Эта могила находится на опушке леса близ деревни Арк, по меньшей мере, в десяти километрах от Ренн-ле-Шато и в каких-нибудь пяти километрах от замка Бланшфор. Пейзаж там точно такой же, как и на картине Пуссена; с вершины одного из холмов можно вдалеке разглядеть Ренн-ле-Шато.

Ничто не указывает на возраст этой могилы. Даже если допустить, что надгробие поставлено недавно, то как так случилось, что архитектор сделал его до такой степени похожим на надгробие с картины Пуссена? Значит, вполне возможно, что оно существовало и во времена художника, и что он точно воспроизвел его на своей картине. Впрочем о нем уже упоминалось в «памятке» 1709 г., а местные крестьяне говорили, что всегда знали о нем, как их родители и праотцы.

Архивы деревни Арк уведомляют нас о том, что этот клочок земли, где находится могила, принадлежала американцу из Бостона Луи Лоуренсу вплоть до его смерти в 1950 г. Когда в 1920 г. американец вскрыл могилу, она оказалась пустой; впоследствии он похоронил там свою жену и тещу.

Во время съемок фильма о Ренн-ле-Шато мы целое утро провели фотографируя надгробие, потом пошли завтракать. Когда спустя три часа мы вернулись, могила была диким образом разворочена: кто-то, вероятно, пытался ее вскрыть.

Если на могильном камне и была раньше какая-либо надпись, то ее уже давно не существовало. Что касается надписи, фигурирующей на картине Пуссена, то она более, чем условна в воспоминании о присутствии смерти в этой тихой Аркадии, пасторальном раю классических мифов. Однако, задерживает внимание одна деталь: отсутствие глагола: только и всего. Почему? Из философских соображений, чтобы стереть всякое понятие о времени, всякое указание на прошлое, настоящее или будущее и, таким образом, внушить понятие о вечности, или же напротив, из чисто практических соображений?

Не напрасно все же найденные Соньером документы изобилуют анаграммами. Эта коротенькая фраза без глагола тоже могла быть — а почему бы и нет? — анаграммой, сокращенной до точного числа необходимых букв.

Таково было мнение одного из наших телезрителей, который после первого фильма сообщил нам результат своих остроумных латинских упражнений:

I! T GO ARCANA D I. ИДИ! Я СКРЫВАЮ ТАЙНЫ БОГА

Что касается лично нас, то мы были далеки от того, чтобы размышлять, насколько все это было правдой. В тот момент «находка» нас позабавила, не более того, и мы даже не подумали принять ее всерьез...

2. ВЕЛИКАЯ ЕРЕСЬ КАТАРОВ

И тогда наше расследование вступило на уже знакомый нам путь: ересь катаров, или альбигойцев, и крестовый поход, спровоцированный ею в XIII в.; все указывало на то, что ей придется сыграть важную роль в раскрытии тайны Ренн-ле-Шато. В эпоху Средневековья там жило много еретиков, окрестные деревни сильно пострадали от грубых репрессий, которым подверглись катары, и кровь, омывающая их историю до сего дня окрашивает их землю и холмы, также как и идея катаров сохраняется еще в душах местных жителей. И не в селении ли Арк прожил до самой своей смерти в 1978 г. «катарский папа»?

Уроженец этих мест, приобщенный с детства к ее истории и фольклору, Соньер не может не знать ни преданий о катарах, ни того, что городок Ренн-ле-Шато в XII и XIII вв. был одним из главных их бастионов. Ему известны и легенды о Святом Граале, и он знает, что Рихард Вагнер, возможно, приезжал сюда, чтобы побольше узнать о сказочном сокровище.

В 1890 г. Жюль Дуанель, библиотекарь из Каркассона, основывает Неокатарскую Церковь, потом он вступает в городское Общество Искусства и Науки, секретарем которого он был избран в 1898 г.; среди членов этой блистательной культурной ассоциации фигурирует аббат Анри Буде. А в близком к Дуанелю окружении мы встречаем Эмму Кальве.

Таким образом, кюре Ренн-ле-Шато тоже должен был быть знаком с библиотекарем из Каркассона.

То, что катары связаны с тайной Ренн-ле-Шато, не вызывает и тени сомнения. В одном из документов, найденных Соньером, восемь маленьких, отличных от других букв разбросаны по тексту — три вверху, пять внизу; собранные вместе, они образуют слова «R X MUNDI» (король мира) — термин, быстро узнаваемый всеми, кому знакома мысль катаров.

Именно по этому пути надо было теперь нам следовать. Верования, традиции, история, среда обитания катаров должны были придать тайне новые размеры.

В 1209 г. пришедшая с Севера и из Иль-де-Франс армия, состоящая из тридцати тысяч всадников и пехотинцев, словно ураган налетает на Лангедок. В последующие годы мы видим разоренную страну, погибающие урожаи, снесенные до основания города и селения, заколотых мечами и шпагами людей, населявших их. Истребление в таком масштабе, возможно, является первым примером геноцида в истории современной Европы. Только в городе Безье было уничтожено пятнадцать тысяч мужчин, женщин, детей, большое число которых было убито прямо в церквах. «Убивайте их всех, Бог потом разберет своих!» — так ответил легат папы Иннокентия III воинам, спросившим его, как отличить еретиков от правоверных католиков. Подлинных или нет, но эти слова хорошо иллюстрируют фанатизм и нетерпимость, которые господствовали в этом кровавом крестовом походе; этот же легат, отчитываясь в Риме о выполнении порученного ему дела, напишет: «Ни возраст, ни пол, ни положение — ничто не было основанием для пощады».

Разгромив Безье, армия «крестоносцев» продолжает свой жуткий марш через Лангедок, не оставляя после себя ничего, кроме крови и руин. Один за другим падают Перпиньян, Нарбон, Каркассон, Тулуза; деревушки, селения и замки сожжены и разграблены.

Этот Альбигойский крестовый поход, один из самых долгих и самых жестоких за всю Историю, построен по тому же принципу, что и заморские крестовые походы: этого требовал папа, на одинаковых белых плащах изображен все тот же красный крест, одинаковое воздаяние на земле и на небесах ожидают крестоносцы Франции и крестоносцы Святой Земли: наверху — спасение, а здесь, внизу — добычу.

Почему такое ожесточение, такое систематическое разрушение? Почему такую красивую землю внезапно отдали на поругание варварам, свирепствующим чуть ли не по всей Европе?

В начале XIII в. Лангедок еще не входил в состав Франции. Это была независимая вотчина, язык и весь уклад жизни которой были ближе к испанским королевствам — Леону, Арагону и Кастилии, чем к Иль-де-Франсу. Управляли ею несколько благородных семей, среди которых выделяются графы Тулузские и могущественный дом Транкавель. Что касается культуры, то она была одной из самых утонченных во всем Христианском мире, исключая, быть может, культуру Византии; впрочем, у этих двух культур было много общего.

Высоко оценивается там философия; поэзия и куртуазная любовь восхваляются, как замечательные интеллектуальные достоинства в обществе элегантно и блестящем; огромную роль играет изучение греческого, арабского, древнееврейского языков, в то время как в Люнеле и Нарбоне в школах изучают древнюю иудейскую эзотерическую науку — Кабалу.

Также в противовес тому, что мы можем наблюдать в то время в Европе, здесь, под милосердным небом провансальской культуры царит религиозная терпимость. Может быть, это было потому, что коррумпированная, непримиримая и уже несостоятельная римско-католическая Церковь пользуется не слишком большим уважением — приходы без месс, без священников, или же со священниками, предпочитающими другие виды деятельности, нежели их священство; может быть также, потому что эта страна, благодаря своему географическому положению, остается открытой для различных проникающих в нее культурных течений; обрывки мусульманской и иудейской мысли, исходящих из Марселя — перекрестка торговых и морских путей, различные влияния, идущие из Северной Италии или же пробивающие себе дорогу через Пиренеи.

Но какой бы блестящей ни была эта культура, она несет в себе также и свойственные ей слабости, среди которых не последнее место занимает отсутствие единства. Как только Церковь, озабоченная установлением там своего авторитета, решила действовать, Лангедок проявляет почтение и не способен выдержать ее безжалостный натиск, тем более безжалостный, что в самом сердце этой пленительной культуры свирепствует самая грозная за все времена Средневековья ересь — альбигойская, вышедшая из истинной Церкви, с ее

собственными иерархией и соборами, проникшая во все крупные города Германии, Фландрии и Шампани и имеющая там ошеломляющий успех.

Эта ересь имеет несколько названий. Но то ли потому, что в 1165 г. еретики были приговорены к смерти церковным трибуналом города Альби, то ли потому, что этот город долгое время оставался одним из важнейших их центров, название «альбигойцы» получило повсеместное распространение. Их также зовут катарам (Cathari; Patarini в Италии), и имеется несколько более ранних имен — ариане, марцианиты, манихейцы.

И все равно эти термины далеки от того, чтобы открыть единую и сплоченную реальность, так как в действительности альбигойская ересь насчитывала множество различных сект, сходных по основным принципам, но отличающихся некоторыми деталями.

Их религия, как и многие другие, основана на дуализме, только она более законченная. Мир есть театр конфликта между двумя непримиримыми началами: духовным началом Добра и материальным началом Зла; чтобы победило Добро, Свет, нужно порвать с материальным, оскверненным миром Зла и Мрака, богом — узурпатором", дурным началом, прозванным «Rex Mundi» — «Королем Мира». Нужно быть бедным, целомудренным и чистым, говорят катарские проповедники — «Совершенные», превзойти нечистую материю, отказаться от всякой идеи «власти», чтобы воспринять только идею Любви. Только тогда душа может достичь спасения и совершенства; иначе через целую серию переселений она будет вновь и вновь воплощаться в тело, пока, освобожденная, она не сможет достичь совершенной чистоты.

А чтобы сделать это, человек, созданный Сатаной, может освободиться только посредством личного познания, опыта или «гнозиса», которые способствуют его прямому контакту с Богом, без человеческого посредника и без понятия веры. То есть катары отбрасывают всю церковную иерархию и свод догматов римско-католической Церкви. В глазах последней самым темным пунктом в ереси катаров является их отношение к Христу. Безусловно, он согласился сойти в этот чувственный, нечистый мир, чтобы указать душам дорогу к свету; но он только внешне выглядел человеком, а на самом деле был видением, подчиняющимся земным законам, но совершенно не имеющим к ним никакого отношения. Он никак не мог быть сыном Божьим, а был, в лучшем случае, его образом, самым совершенным из ангелов, или пророком.

И тогда Дьявол попытался умертвить его на кресте, и раз крест есть орудие Зла, то он ни в коем случае не должен быть предметом поклонения, так как в действительности Христос не мог страдать и умереть на этом кресте.

Церковь — Рима — Roma — противоположное началу Любви — Amor, которую представляет Иисус, и следовательно, это Церковь Дьявола, погрязшая в ереси. Все, что от нее исходит — пагубно, и ее таинства не имеют никакой ценности, ведь вода для крещения и гостий для причастия сделаны из нечистой материи.

Однако, вопреки силе своего убеждения, катары не были ни свирепыми, ни фанатичными, и это одна из причин их успеха. Это были мудрецы, влюбленные в простоту и желающие спасти души людей, мистики, обладающие, возможно, некой великой космической тайной; некоторые моменты их доктрины, остающиеся в тени, могут заставить думать, что она содержала какое-то эзотерическое знание.

Они осуждают равно брак, плоть и зачатие, которые, будучи далекими от служения началу Любви, идут только от «Rex Mundi». Но так как в большинстве своем катары были обыкновенными мужчинами и женщинами — кроме «Совершенных» с очень строгими моральными установками, — то сексуальность не совсем исчезла из их жизни. Чтобы ее простить, то перед смертью над ними свершается таинство, присущее только катарам — «Consolamentum», — обязывающее их прожить оставшееся им время в абсолютном целомудрии. Вполне возможно представить себе, что они осуществляли нечто вроде контроля за рождаемостью и даже за абортами; верование, на которое намекали некоторые инквизиторы, обвиняя еретиков в «противоестественной сексуальной практике»; кое-кто из их врагов вменял им в вину содомию под тем предлогом, что они всегда ходили проповедовать по двое.

Мы видим, что вся жизнь их была благочестием, добротой и строгостью. Их церемонии и молитвы происходили не в храмах и церквях, а в специальных домах или сараях, или же на сельском рынке. Каждый Совершенный отдавал свое имущество общине, чтобы посвятить себя

размышлениям, преподаванию и уходу за больными; катары считали, что они на самом деле представляют Церковь Любви, и, следовательно, более близкую к учениям апостолов, чем римско-католическая Церковь, предававшаяся всем мирским порокам.

Такова в общих чертах история этого религиозного движения, которое распространяется в Лангедоке и прилегающих к нему провинциях, нанося этим вред католической Церкви. К нему вскоре присоединяются многие благородные семьи, потому ли, что они оценили религиозную терпимость, или же они не могли больше выносить развращенность официальной Церкви, ее упадок и явную несостоятельность. Как бы то ни было, тридцать процентов Совершенных были выходцами из лангедокской знати. В 1145 г., за полвека до Альбигойского крестового похода, святой Бернар явился собственной персоной, чтобы поразить катаров, и он был удивлен тем, что тех было действительно очень много, но «не было учения более христианского, нежели учение катаров, и нравы их были чисты».

Тем не менее, в 1200 г. католическая Церковь, еще более обеспокоенная развитием ереси и прекрасно сознающая, какую зависть вызывает на Севере эта богатая южная провинция, решает вмешаться при первом же удобном случае. Этот случай вскоре ей представляется: 14 января 1208 г. был убит легат папы римского Пьер де Кастельно, и хотя катарская ересь была абсолютно непричастна к этому убийству, Рим дает сигнал к вооруженному наступлению.

В июле 1209 г. в Лионе под предводительством аббата Сито собирается огромная армия и отправляется в дорогу, ведущую на юг. Симон де Монфор, испытанный солдат и вассал французского короля, возглавляет военные действия, полный решимости не отступить ни перед чем и стереть с лица земли страну еретиков. Его святому делу оказывает помощь молодой и страстный испанский миссионер Доминго де Гусман, основавший в 1216 г. монашеский орден, носящий его имя (орден Доминиканцев), представители которого будут заседать в трибуналах Инквизиции. Катары будут не единственными жертвами этого печально известного учреждения; такая же участь постигла издавна живущее в Лангедоке еврейское население, которое защищали знатные семьи провинции.

В 1218 г., во время пребывания в Тулузе, Симон де Монфор был убит, но истребление народа продолжалось еще целую четверть века, за исключением нескольких лет передышки. В 1244 г. капитулирует замок Монсегюр, и катарская ересь официально перестает существовать на юге Франции. Но только официально; и Эмманюэль Ле Руа Ладюри в своей прекрасной книге «Монтайу, провансальская деревня» вполне справедливо отмечает деятельность катаров еще в течение долгого времени после падения замка Монсегюр. Маленькие «очаги» вспыхивают там и сям, под защитой гор или в подземных гrotах, верные своему учению, продолжающие неустанную борьбу со своими преследователями. Именно так и удалось одной из общин выжить в окрестностях Ренн-ле-Шато.

Во время крестового похода и еще долго после него катаров окутывает ореол тайны; не исчез он полностью и сегодня. Превозносимые в самых невероятных легендах, окруженные полутенью, свойственной великим тайнам мировой Истории, они остаются одной из самых привлекательных загадок прошлого Франции, и по отношению к ним возникает всегда великое множество вопросов.

Прежде всего их происхождение. Некоторые видят в них потомков богомилов, еретической секты, распространившейся в X и XI вв. в Болгарии и эмигрировавшей затем на запад. Без сомнения, часть их осела в Лангедоке; однако вероятно, что катары имели более глубокие и давние французские корни, выросшие из предшествующих им ересей в самом начале христианской эры.

Смушают некоторые детали, такие, например, как анекдот, рассказанный летописцем Жаном де Жуенвилем, советником Людовика IX Святого в XIII в.: "Святой король поведал мне, что многие альбигойцы пришли к графу Монфору... и сказали ему, чтобы он пошел посмотреть на тело Господа нашего, который в руках священника обрел плоть и кровь. И он им ответил: «Идите и смотрите вы сами, вы, не верящие в это, а я в это верю твердо, так, учит Священное Писание». Любопытно, что Жуенвиль больше не возвращался к этой истории, и она остается загадочной. На какой ритуал он намекает? Если катары отрицали значение святого причастия, что просили они констатировать графа Монфора и почему?

Не меньшей загадкой является и их сокровище. Из достоверных источников ясно, что

катары были очень богаты, и их богатство оправдывалось большим количеством разного рода даров, которые они принимали, распоряжались ими и перераспределяли, исполняя свои дела. Но было и другое, так как с самого начала крестового похода ходили слухи, что в замке Монсегюр, этом великолепном каменном корабле и оплоте веры, находилось некое богатство, не материальное, а мистическое. Однако, после падения крепости ничего похожего не обнаружили... Тем не менее, мы не должны обходить вниманием странные происшествия, имевшие место в замке, а затем его капитуляцию.

Коротко о фактах: весной 1243 г. многочисленная армия, состоящая из конных и пеших французских солдат, окружает огромную скалу, чем исключается всякая возможность войти либо выйти из осажденного замка. Маневр прост: крепость расположена на большой высоте, с внешним миром никаких сообщений быть не может, и осажденные погибнут от голода и жажды.

Но несмотря на численное превосходство армии, этого количества солдат не хватает, чтобы полностью окружить подножие горы. Иногда случаются дезертирства; существует также такое сообщничество между жителями окрестных деревень и даже между осаждающими и осажденными, что последним удается пересекать «границу» и приносить провизию или получить другую помощь от преданных их делу сторонников.

В январе следующего года, за три месяца до падения цитадели, двое Совершенных покидают замок унося с собой большую часть сокровища катаров (золото, серебро и огромное количество денег), которое они переносят в укрепленный грот, находящийся в глубине гор, а также в другой замок-крепость; больше никто и никогда об этом не услышит...

Первого марта Монсегюр с находящимися в нем пятьюстами осажденными сдается; сто пятьдесят или двести человек являются Совершенными, остальные-хозяева замка, рыцари, конюхи, солдаты, младшие офицерские чины и их семьи.

Переговоры начинаются сразу же, и условия капитуляции предьявляются удивительно выгодные: еретики из Монсегюра получают прощение за все свои прошлые ошибки, и солдаты могут покинуть замок, взяв с собой свое оружие, вещи и деньги. Что же касается Совершенных, то они должны будут предстать перед судом Инквизиции, чтобы исповедоваться во всех своих заблуждениях, и как только они отрекутся от своей веры, они будут освобождены и подвергнуты самым легким наказаниям. В противном случае, они взойдут на костер.

Осажденные просят двухнедельного перемирия, которое победители в необъяснимом порыве великодушия им дают. Взамен еретики добровольно отдают нескольких заложников, которые будут убиты при малейшей попытке к бегству. Но никто не пытается покинуть крепость, и в течение двух недель обитатели Монсегюра все вместе готовятся к смерти, ибо отречению все они предпочли мученичество. Было ли это в силу их убеждения или же из-за отказа выдать инквизиторам то, что от них требовали? Человек двадцать из них получают *Consolamentum*, став Совершенными, они без страха идут навстречу смерти.

Перемирие заканчивается 15 марта. На заре двести Совершенных, из которых ни один не согласился отречься, собрались внутри высокого палисада «против подножия горы», где полыхали уже многочисленные вязанки дров, ибо для такого большого количества жертв не успели приготовить столбы. К вечеру от них уже ничего не останется; только несколько кучек горячего пепла еще долго будут дымиться ночью.

Однако, четверо избежали сожжения. Это четверо Совершенных, которых оставшиеся в крепости с риском для жизни спрятали в подземелье, пока остальные еретики покидали замок, чтобы взойти на костер. В ночь на 16 марта они с помощью веревок, подвешенных на западной стене, убегают из замка. Побег такой же опасный для них самих, как и для остатков гарнизона; зачем он? Какое такое важное поручение должны были они выполнить, что избрали опасный ночной побег, тогда как на следующий день они могли свободно покинуть крепость?

Как свидетельствует старый лангедокский рыцарь Арно-Роже де Мирпуа, эти люди унесли с собой то, что осталось от сокровищ катаров. Но разве большая часть его не была уже вынесена из замка Монсегюр три месяца назад? Да и как можно, нагрузив себя тяжелыми и громоздкими слитками драгоценных металлов и деньгами, спуститься в пустоту с высоты более ста метров?

Значит, четверо беглецов унесли с собой не материальные ценности, а нечто другое. Быть

может, какую-нибудь ценную информацию, содержащуюся в рукописях, реликвию или предмет культа, которые ни за что не должны были попасть в чужие руки... Но почему тогда это не могли вынести раньше и укрыть в надежном месте, пока было время? Почему это сохранялось в крепости до самого последнего и опасного момента?

Ответ на эту загадку, кажется, лучше всего искать в перемирии, желаемом и полученном. В самом деле, двухнедельная передышка была так необходима осажденным, что эта необходимость оправдывает выдачу большого числа заложников. Передышка, служащая для того, чтобы отдалить неизбежное, выиграть время. Не какое-то время, а вполне определенное количество времени, даже специфическое, потому что позволило им дожидаться дня весеннего равноденствия, ритуального праздника катаров, совпадающего с христианской Пасхой.

Но ведь катары, подвергающие сомнению факт распятия, не имеют никакого основания придавать значение воскресению!? Тем не менее, известно точно, что 14 марта, накануне истечения срока перемирия, в окруженном замке состоялся праздник. Без сомнения, эта дата была выбрана не случайно, также как и то, что в конце церемонии шесть женщин и человек двенадцать мужчин — рыцарей и младших офицеров — были приняты в лоно катарской Церкви. Имеет ли все это какое-либо отношение к таинственному «предмету», который тайно покинет Монсегюр спустя две ночи? И, следовательно, был ли этот «предмет» необходимым во время церемонии? Играл ли он какую-то роль в обращении новых еретиков? Был ли он настолько драгоценен, что для его спасения требовалось сообщничество всех, кто отправлял его из замка, и риск собственной жизнью? Все эти вопросы сводятся к одному: каким же легендарным и необыкновенным сокровищем обладали катары?

Тогда мы вернулись к духу многочисленных легенд, которые в XII и XIII вв. тесно связывали между собой катаров и святой Грааль. До сих пор мы придавали этому мало значения, даже не зная точно, существовала ли на самом деле эта драгоценная чаша, и какой интерес представляла она для религии катаров.

Имеются многие свидетельства; кое-кто считает даже, что романы о Святом Граале — Кретьена де Труа, например, и Вольфрама фон Эшенбаха в Германии, — это интерполяция в христианскую религию катарской идеи, скрытой в поэтической аллегории. Это утверждение содержит долю правды; действительно, во время Альбигойского крестового похода представители Рима осудили романы о Святом Граале как опасные, если не еретические, из-за явно выраженного в них очень специфического дуализма.

Ко всему прочему, Вольфрам, немецкий поэт, располагает замок, в котором находится священная чаша, в Пиренеях, и, как кажется, Рихард Вагнер принял эту версию. Этот замок называется Мунсальвеш — германизированная форма названия Монсальва — термина катаров. Кроме того, в одной из поэм Эшенбаха владельца замка Грааля зовут Перилла; хозяина Монсальва звали Раймон де Перей; в документах той эпохи его имя писалось чаще как Перелла.

Если эти совпадения поражают нас, то они поразили так-же и Соньера, более, чем мы, проникшегося духом местного фольклора. А так как он неплохо разбирался в географии, то он знал, что Монсегюр находится недалеко, и что его трагическая судьба все еще волнует умы жителей; он знает также, что величественная тень вековой крепости вполне могла бы скрывать какую-то тайну.

Итак, на следующий день после окончания перемирия четверо из осажденных сбежали из капитулировавшей цитадели, унося с собой драгоценную ношу. Но разве этот груз не был вынесен из замка три месяца назад? Значит, могло случиться так, что вторая часть его, которую потом найдет аббат Соньер, содержала в себе некое разоблачение? И что это разоблачение каким-то непонятным образом связано со Святым Граалем? В таком случае, Романы о Граале могли бы иметь другое значение, нежели то, которое им обычно придают?

Где же тогда находится это сокровище? В укрепленных гrotах Орнолака, в Арьеже, где, согласно преданиям, группа катаров будет уничтожена вскоре после трагедии Монсегюра? Но кроме человеческих останков в Орнолаке ничего не нашли. Почему бы тогда не вспомнить о Реннле-Шато, расположенном в полдне езды верхом от Монсегюра, или об одной из труднонаходимых пещер, которые буквально пронизывают близлежащие горы? И, следовательно, почему бы тайне Монсегюра не быть одновременно «тайной аббата Соньера»?..

О ком бы ни шла речь о катарах или о Соньере — оба сокровища означают, вероятно

нечто отличное от того, что этим термином обычно определяют; и в обоих случаях можно различить какой-то знак, информацию, относящуюся к христианству — к его доктринам и к его теологии, и может быть, к его истории и происхождению. Располагали ли им катары или хотя бы некоторые из них, вызвав этим лютую ненависть и месть со стороны Рима? Была ли это та самая информация, на которую указывал английский священник, говоря о «формальном доказательстве»?

Снова мы испытали чувство, что подверглись самым нелепым измышлениям на очень опасной и неустойчивой почве, так как наши знания о катарах были ничтожны, и было очень трудно установить какую-либо гипотезу.

Именно тогда наше расследование привело нас на новый, еще более загадочный, более маловероятный путь: путь рыцарей Храма.

3. ВОИНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ

Знакомые и дорогие для Истории тени тамплиеров! Горделивые рыцари в белых плащах с красным крестом, галопом несущиеся по дорогам Святой Земли... Солдаты Христа, вечно бесстрашные, часто фанатичные, отдающие службе свою веру и свои силы, чтобы, как мы знаем, проявить себя героями во время крестовых походов. Рыцари Храма Соломонова — вот кто эти воинствующие монахи; но они были также членами таинственного ордена, союза со многими и опасными ликами, интриги, замыслы, действия и заговоры которого еще и сегодня окружены атмосферой неясности и двусмысленности.

Каких только чувств они ни вызывали! Как только им ни удивлялись, какими только их ни описывали... Если Вальтер Скотт в «Айвенго» показывает их лицемерными и спесивыми деспотами, без стыда злоупотреблявшими своей властью и богатством, вершившими по своей прихоти судьбы отдельных людей и целых государств, то другие писатели XIX в. видят в них злодеев, осквернителей, идолопоклонников, еретиков, а также магов и алхимиков. Однако, сегодня кое-кто считает их несчастными жертвами, простыми пешками на шахматной доске Церкви и государства; другие, в традициях франкмасонства, рассматривали их прежде всего, как мистиков, адептов некоей науки, известной только им, тайны которой они ревниво охраняли.

Если в историческом плане никто не отрицает ни храбрость тамплиеров во время крестовых походов, ни их вклад в развитие западноевропейской культуры XII и XIII вв., если мы сознательно признаем их могущество и влияние, которыми они пользовались в Христианском мире, равно как и одну из главных ролей, сыгранную ими в Истории, то никто без колебаний не может определить их истинную личность. Кем они были в действительности и что скрывали за их респектабельным фасадом? Почему столько сомнений и вопросов, столько легенд вокруг этих загадочных «солдат Христовых»? Почему, наконец, за официальными версиями, принятыми историками разных стран, упорно присутствует какая-то другая, заботливо скрываемая правда?

Первым делает намек на тамплиеров между 1175 и 1185 гг. историк Вильгельм Тирский в своей книге «*Historia rerum transmarinarum*» («История заморских событий»), которая описывает жизнь франкского королевства в Палестине со дня его основания. Но это королевство существовало к тому времени уже семьдесят лет, а орден Храма был основан еще раньше, за пять-десять лет до этого, и писатель, не присутствовавший лично при сих значительных заморских событиях, пользуется свидетельствами из вторых или даже третьих рук. В самом деле, ни один летописец между 1127 и 1144 гг. не был там, чтобы составить описание, и так как автор использовал устные предания, народные легенды и другие похожие способы передачи событий, можно задать справедливый вопрос: насколько относительна их достоверность?

За неимением лучшего, это — необходимая основа для понимания всего того, что происходило тогда на Востоке, бесспорно полезная информация, на которой будут базироваться, и это следует признать, все последующие рассказы о тамплиерах. Но из-за недостатка источников и хрупкости утверждений она все же нуждается в подтверждениях, хотя, к несчастью, многие ученые принимают ее как единственно правильную и неприкосновенную.

Итак, согласно Вильгельму Тирскому, орден «Бедных Рыцарей Христа и Храма

Соломонова» был основан в 1118 г. Гуго де Пейном, шампанским рыцарем и вассалом графа Шампанского, с целью, по существу, бескорыстной. Зная об опасностях, которым в те времена подвергались все совершающие паломничество в Святую Землю, Гуго и восемь его товарищей предстают перед королем Иерусалима Бодуэном I, брат которого, Годфруа Бульонский, овладел Святым городом девятнадцатью годами ранее. Они предлагают ему свои услуги в качестве защитников паломников от неверных, для надзора за дорогами, ведущими к Святым Местам и охраны Гроба Господня.

В течение последующих девяти лет девять рыцарей не принимают в свое общество ни одного нового члена. Они живут в такой бедности, что даже на печати они изображены сидящими по двое на одной лошади, согласно их девизу: бедность и милосердие; но надо также заметить по поводу печати, которую считают наиболее типичной для первых дней существования ордена, что датируется она в действительности следующим веком, эпохой, когда тамплиеры уже не были бедными, если они вообще таковыми были...

Планы бедных и великодушных рыцарей были такими благородными, что король, религиозный глава нового королевства и представитель папы, отдает в их распоряжение целое крыло своего дворца, расположенное на фундаменте древнего Храма Соломонова. Так орден получает свое название — орден Храма.

И вот, в соответствии со словами того же Вильгельма Тирского, тамплиеры устроились в королевском дворце Иерусалима, предаваясь своему святому делу, направленному против врагов Господа. Недалеко от них живет королевский капеллан и официальный историк Фуше Шартрский, который не ждет пятьдесят лет, чтобы начать писать хронику, а изо дня в день, занимается тем, что описывает царствование своего короля.

И что очень любопытно: летописец не упоминает ни о Гуго де Пейне, ни о его товарищах, ни о каком-либо другом рыцаре Храма. Первое время существования ордена и его деятельность окружены странным «официальным» молчанием; ни тогда, ни после нигде нельзя было найти хотя бы малейший намек на то, что он защищал паломников, ни даже на само его присутствие в королевском окружении. Впрочем, каким образом эта маленькая горстка людей могла надеяться выполнить такую важную миссию; девять рыцарей, чтобы защищать все дороги Святой Земли! Только девять на всех паломников и против стольких опасностей! Если это и в самом деле было их целью, то разве не должны были они принять в свой орден новых членов? И однако Вильгельм Тирский в этом категоричен: в течение девяти лет, прошедших со дня основания ордена, новых приемов в него не было.

Тем не менее, в это же самое время шум славы тамплиеров достигает пределов Европы, где высшие церковные авторитеты восхваляют их самих и их храбрость. В 1128 г. или чуть позже одно послание, принадлежащее перу Бернара Клервоского, к голосу которого прислушивался весь Христианский мир, горячо приветствует добродетели нового рыцарства, объявляя, что тамплиеры являются примером для всех и апофеозом христианских ценностей.

По истечении этих девяти лет, в 1127 г., Гуго де Пейн и некоторые его товарищи отправляются — на Запад, где они были приняты с триумфом. В следующем году папа собирает совет в Труа, где находился двор графов Шампанских, сюзеренов Гуго, под духовным руководством самого святого Бернара. На этом совете тамплиеры были официально признаны членами общества одновременно военного и религиозного; по этому случаю Гуго де Пейн получает звание «великого магистра» общества монахов-солдат, мистических воинов, которые, соединяя строгую монастырскую дисциплину с военным пылом, близким к фанатизму, образуют, говоря языком того времени, «воинство Христово». Наконец, святой Бернар с энтузиазмом утверждает устав и правила нового ордена, простые и строгие, похожие на устав и правила цистерцианцев.

Тамплиеры должны быть привержены бедности, целомудрию и послушанию. Они должны стричь волосы, но не брить бороду, которая являлась отличительной и легко узнаваемой чертой в ту эпоху, когда большинство мужчин брились; что касается пищи, одежды и других деталей повседневной жизни, то они отражали двойной, монашеский и военный, аспект их идеала. Все «рыцари Христа» должны носить одежду — рясу или накидку — белого цвета, которая станет потом знаменитым плащом, неотделимым от их имени и явно символическим: слугитель Бога покидает жизнь мрачную, чтобы посвятить своему создателю

жизнь, полную чистоты и света.

Устав предусматривает подробную административную иерархию и строго определенный свод законов: от обмундирования и использования ценностей, отданных в их распоряжение, до их поведения на поле битвы. Попав в плен, тамплиер не должен просить ни пощады, ни выкупа, но он должен биться насмерть; и ему разрешается отступить лишь в том случае, если число нападающих больше в три раза.

В 1139 г. булла папы Иннокентия II, бывшего монаха-цистерцианца из Клерво и протеже святого Бернара, дарует тамплиерам значительные привилегии: орден, находящийся под исключительной опекой Его Святейшества, может быть распущен только самим папой. Иными словами, впредь он становится независимым от любой власти — светской или церковной, принца, короля или прелата, политической или религиозной. Таким образом, орден Храма вполне мог стать в будущем международной автономной империей, государством, не отчитывающимся ни перед кем, кроме самого себя, — в этом вначале проявлялась их сила, но это было также весьма двусмысленно.

В течение двух следующих десятилетий, после совета в Труа, орден подвергается настоящей экспансии, как в отношении численности — ибо он привлекал младших сыновей всех знатных семей Европы, — так и в отношении богатства. Дары в виде денег, земли и других ценностей не переставали поступать из всех уголков Христианского мира, так как вслед за Гуго де Пейном все рыцари были обязаны отдать ордену все, чем они владели.

Вот таким образом, очень естественно и в короткий срок орден тамплиеров становится обладателем внушительных территорий во Франции, Англии, Фландрии, Испании и Португалии; вскоре к ним присоединяются земли в Италии, Австрии, Германии, Венгрии, а также в Святой Земле и на Востоке. Короче, ни один из Рыцарей лично не был богат, ибо он исполнял обет бедности, но от имени ордена они принимали все, что им приносили в дар. Это означает, что их богатство постоянно и значительно увеличивалось, тем более, что основой политики ордена было ни в коем случае не упустить деньги: он получает, но не дает, и к тому же свободен от уплаты церковной десятины. Так, когда в 1130 г. Гуго де Пейн возвращается в Палестину, он оставляет за со-бой под охраной новых рыцарей участки принадлежащей ордену земли, разбросанные по всей Европе.

В 1146 г., во время правления папы Евгения III, на белом плаще тамплиеров появляется красный крест с раздвоенными «лапчатыми» концами; и во втором крестовом походе, возглавляемом французским королем Людовиком VII, они участвуют под этим знаменитым и прославившимся знаком. Этот крест из алой материи, расположенный слева, над сердцем, папа утверждает в качестве герба; этот «триумфальный знак» станет для них «щитом, чтобы они не обратились в бегство перед неверными»; впрочем, рыцари никогда не бежали и всегда показывали себя достойными своей репутации, гордыми до спеси, храбрыми до безрассудства, удивительно дисциплинированными, не находящими себе равных среди всех армий мира. Король Франции признался личнов в одном письме, что если поход против турок, так плохо организованный и плохо проведенный, не обернулся полным крахом, то это только благодаря тамплиерам и им одним.

Прошло сто лет, в течение которых орден Храма становится могущественным поистине в международном масштабе.

Он втягивается во все дипломатические акции, имеет дело со знатью и монархами различных дворов Европы, осуществляет свою власть в Святой Земле и в Англии, пытается помирить Генриха II Плантагенета с его архиепископом Томасом Беккетом; в лондонском парламенте он представлен своим великим магистром, который вместе с королем Иоанном Безземельным будет присутствовать при подписании Великой Хартии. Короче говоря, он заставляет весь Христианский мир прислушиваться к своему голосу более внимательно, нежели к голосам разных приоров и аббатов. Таким образом, когда в 1252 г. Генрих III Английский осмелился бросить вызов тамплиерам и пригрозил им конфискацией имущества, от великого магистра последовал ответ, который своей смелостью заставляет поразмыслить о действительном могуществе ордена. Судите об этом по следующему диалогу:

«Вы, тамплиеры... — резко говорит король, — имеете столько свобод и хартий, что ваши безграничные возможности наполняют вас гордыней и наглостью. То, что вам было так

неосмотрительно дано, должно быть предусмотрительно взято обратно, и то, что вам было по неосторожности пожаловано, должно быть продуманным образом отобрано».

На эти слова последовала уничтожающая реплика великого магистра: «Что говоришь ты, о король! Неуместные слова твои больно слышать. Пока ты будешь справедлив, ты будешь царствовать; но если ты нарушишь справедливость, ты перестанешь быть королем!».

Однако, влияние тамплиеров не ограничивалось одним лишь Христианским миром, и несмотря на враждебность, проявляющуюся на полях сражений, они поддерживают тесные отношения с мусульманами. Они глубоко уважают сарацинских вождей и налаживают тайные связи с сектой хашишинов, собратьями по религиозному фанатизму; говорили также, что эти последние состоят у них на секретной службе и платят дань...

Но это еще не все, так как к военным действиям, дипломатии и политическим интригам тамплиеры добавляют еще одну имеющую немаловажное значение деятельность-банковскую.

Благодаря прочной сети командорств — в XIII в. их насчитывалось пять тысяч вместе с зависимыми замками и монастырями, — покрывающей почти целиком Европу и Ближний Восток, тамплиеры могли обеспечивать под небольшие ссудные проценты не только охрану вверенных им ценностей, но и их перевозку из одного места в другое, от заимодавца к заемщику или от погибшего паломника к его наследникам — то есть, все те операции, которые осуществлялись с большим риском и одними только итальянцами. Таким образом, положенные в одну из крепостей деньги можно было получить в другой по предъявлении квитанции с печатью ордена, которую ставили в момент вклада.

Монархи, принцы, частные лица, ювелиры и торговцы становятся клиентами и должниками этих новоявленных банкиров, первых «биржевых маклеров» нашей цивилизации и — а почему бы и нет? — изобретателями чеков, которыми мы сегодня пользуемся.

Что касается огромной крепости, построенной ими в Париже, то она вскоре стала важным европейским финансовым центром, а ее казначей — значительным лицом в административной жизни французской столицы; он управляет королевскими финансами, а в отсутствие монарха ему поручается принимать деньги, приходящие из его владений.

Наконец, тамплиеры играют важную роль в интеллектуальной жизни эпохи. Открытые мусульманской и иудейской культуре, они были открыты новым наукам и новым идеям, также как и новым формам познания, и обладали монополией на самые лучшие и передовые технологии века. Оружейники, кожевники, каменотесы, топографы, архитекторы и военные инженеры, они принимают участие в создании карт, в прокладке дорог, в мореплавании. У них свои собственные порты, судостроительные верфи, а их флот — торговый и военный — один из первых, который начал использовать магнитный компас. Будучи солдатами, они получают самые различные раны и болезни, и поэтому они применяют наркотические вещества, содержат в своих собственных госпиталях собственных врачей и хирургов, и в качестве гигиенических материалов, а также против некоторых нервных заболеваний используют самые современные средства. Вот краткое и в общих чертах изложение деятельности рыцарей Храма; они богаты, могущественны и умны, им удается все, что они предпринимают — качества, быстро порождающие грубость, жадность и развращенность. Увы, это как раз случай нашего «братства»: выражение «пить» или «ругаться как тамплиер» датируются именно той эпохой и останутся навсегда. Настойчиво поговаривали и о более серьезных вещах: что орден принимает и отлученных от Церкви рыцарей...

В то время как в Европе складывается вот такой двусмысленный образ солдат Христовых, положение в Святой Земле значительно ухудшается. В 1185 г. Бодуэн IV Иерусалимский умирает, и во время последовавшей за этим событием сумятицы Жерар де Ридфор, великий магистр ордена, приводит франкское королевство в Палестине на порог гражданской войны. Кроме того, его легкомысленное отношение к сарацинам ускоряет прекращение уже давно заключенного перемирия и провоцирует возобновление вражды. В июле 1187 г. Ридфор ведет своих тамплиеров вместе с армией крестоносцев на ужасную битву при Хаттине; войско христиан было разгромлено, и спустя два месяца Иерусалим снова оказался, как это было сто лет назад, в руках сарацинов.

Положение продолжает ухудшаться в течение всего следующего века, и в 1291 г. заморское королевство было окончательно потеряно, Святая Земля целиком оказалась во власти

мусульман. Христианам осталась только крепость Сен-Жан-д'Акр, но и ее они вынуждены были оставить в мае этого же года, несмотря на удивительный героизм тамплиеров. Seriously раненный великий магистр ордена Вильгельм де Боже сражался до самой смерти, и пока женщины и дети эвакуировались на галерах, принадлежащих ордену, рыцари продолжали безнадежную борьбу. Когда же последняя стена цитадели рухнула, она погребла под собой без разбора и осаждающих, и осажденных.

Тогда рыцари в белых плащах пытаются жить на острове Кипр, но, лишённые Святой Земли, то есть своего «смысла существования», и при отсутствии страны, где жили бы неверные, они отказываются от своего замысла и: обращают взор к Европе в надежде там найти своему существованию хоть какое-нибудь оправдание.

За сто лет до этого тамплиеры руководили созданием другого, также полувоенного, полурелигиозного ордена — ордена Тевтонских рыцарей. На Ближнем Востоке их было немного; в середине XIII в. они предпочли обосноваться у северо-восточных границ Христианского мира и создать там свое независимое государство — Ordenstaat, которое тянулось от Пруссии до Финского залива и территории, принадлежащей ныне России.

Государство Ордена на некоторое время привлекает к себе внимание Тамплиеров, которые мечтают, по примеру тевтонцев, основать свое, полностью автономное и неприкосновенное государство, где бы они мирно наслаждались независимым положением, не отдавая ни в чем отчета кому бы то ни было. Но в противоположность своим тевтонским братьям, и привыкнув к роскоши, которую обеспечивало им их богатство, тамплиеры нашли климат Восточной Европы слишком жестким; они предпочитали земли более привлекательные, более подходящие их вкусам и воспитанию. И поэтому они выбрали Лангедок.

С самых первых дней своего существования тамплиеры поддерживали тесные отношения с катарами, особенно с уроженцами этих мест. Очень многие крупные землевладельцы, будучи сами катарами или сочувствующими, принесли в дар ордену большие земельные владения; и если мы не знаем, как истолковать слухи о том, что один из его основателей был катаром, то что касается четвертого великого магистра ордена, Бертрана де Бланшфора, и его семьи, то они, несомненно, ими были. Действительно, спустя сорок лет после его смерти, его потомки будут сражаться на стороне других сеньоров-катаров против войск Симона де Монфора.

Тамплиеры подчеркивали свою нейтральность в отношении истребления альбигойцев и ограничились тем, что объявили настоящими крестовыми походами только походы против сарацин. Однако, по рассказам современников, крепости тамплиеров служили убежищем для еретиков, и им даже приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить скрывающихся. Судя по рукописям, датированным началом Альбигойской войны, очень многие катары пополнили ряды тамплиеров, чем привели в уныние крестоносцев Симона де Монфора. Также среди имен высших должностных лиц фигурируют имена, безусловно, принадлежавшие катарам. Вступив в орден тамплиеров, представители лангедокской знати, по всей видимости, предпочитали чаще всего оставаться в своих владениях, где они являли собой мощную, прочную и верную ордену основу.

Так же именно в Лангедоке тамплиеры окажутся лицом к лицу с системой мышления и влияния, очень далеких от римско-католической ортодоксии. Многие из них после путешествий или плена не только бегло говорили по-арабски, но и имели общие культурные или финансовые интересы с местными еврейскими общинами, благодаря которым они воспринимают ценности иудейской цивилизации, продолжая приобщаться к тайнам и дуалистической доктрине катаров.

В 1306 г. король Франции Филипп Красивый внезапно решает отделаться от тамплиеров. Спесивые, недисциплинированные, они представляют собой армию, превосходящую по силе армию короля. Он, конечно, пользуется их услугами, но они могут оказаться опасными, так как подчиняются только папе римскому. К тому же, король знает, что он плохо контролирует этих вооруженных банкиров, которым он должен много денег. Как-то он был вынужден просить убежища в одной из их крепостей, когда восстал парижский люд. И даже хуже: они имели неслыханную смелость отказать ему в просьбе вступить в их орден! Все эти унижения плюс зависть к их богатству и боязнь возможного образования их независимого государства толкают его на внезапные действия, а ересь послужит оправданием.

Год назад, после весьма сомнительной смерти двух пап, Бонифация VIII и Бенедикта XI,

Филипп Красивый возводит на папский престол своего собственного кандидата. Клемент V впредь уже не сможет ни в чем ему отказать.

Как видно, французский король тщательно продумал весь план. Частично благодаря шпионам, которых он внедрил в ряды тамплиеров, частично благодаря разоблачениям одного командора-рenegата, он составил список обвинений, который позволит ему нанести ордену роковой, действенный и окончательный удар; потом он распространил по всей стране запечатанные приказы об аресте, которые будут вскрыты одновременно на рассвете в пятницу, 13 октября 1307 г. В этот день все французские тамплиеры будут арестованы и заключены в тюрьму, их имущество — конфисковано, на командорства наложен королевский секвестр. К несчастью, хотя эффект внезапности, рассчитанный королем, превосходно удался, огромное богатство, которое он надеялся заполучить, от него ускользнуло: он не смог нигде его найти, и знаменитое «сокровище тамплиеров» заняло свое место в длинном перечне великих загадок Истории.

Но было ли наступление Филиппа Красивого действительно неожиданным, или все же тамплиеры были вовремя предупреждены? Известно, например, что незадолго до своего ареста великий магистр Жак де Молэ сжег все работы и предписания, касающиеся его ордена; со своей стороны, парижский казначей, словно предчувствуя неизбежную катастрофу, открыто признал «очень благоразумным» выход из ордена всех рыцарей, которые возымели такое желание. Наконец, в этот же самый момент все командорства Франции обошел приказ, запрещающий давать какую-либо информацию об обычаях и ритуалах рыцарей.

Короче говоря, были ли тамплиеры предупреждены о надвигающихся событиях или же они сами обо всем догадывались, но они предприняли ряд вполне определенных мер предосторожности. В то время, как одни дают себя арестовать, не оказывая ни малейшего сопротивления, как будто они получили на этот счет инструкции, другие, принадлежащие, возможно, к ближайшему окружению орденового казначея, умело организуют исчезновение архива и документов. Ходили слухи, согласно которым сокровище ордена было вынесено из парижского командорства ночью накануне арестов, потом на телегах перевезено на берег моря, может быть, в Ла-Рошель, морскую базу ордена, и там погружено на восемнадцать галер, о которых больше никто и никогда не слышал. Если неизвестно, насколько эти слухи достоверны, то, следуя логике вещей, нужно констатировать, что флот тамплиеров ускользнул от короля, ибо не существует ни малейшего намека, позволяющего предположить, что такая добыча была когда-либо найдена... Корабли исчезли вместе со своим таинственным грузом, который тоже войдет в легенду.

Тем временем во Франции тамплиеров подвергают допросам, а во многих случаях и пыткам; в ходе беспрерывно следовавших процессов они сознаются во всем, в чем их обвиняют, и даже в большем, так что на этот счет ходят самые необыкновенные слухи. Они поклонялись богу но имени Бафомет, во время гайных церемоний падали ниц перед бородатой человеческой головой, которая с ними говорила и облакала их магической властью — так заявляют различные неуполномоченные свидетели, которых никто и никогда больше не увидит. Над ними тяготеют и другие, более смутные обвинения: детоубийство, аборт, гомосексуализм, непристойные действия во время церемонии посвящения; а более тяжкое преступление, едва вероятное по отношению к солдатам Христа, которые сражались с неверными и отдали жизнь за свою веру—это то, что они отрицали своего бога и плевали на крест.

Итак, судьба тамплиеров была определена, а ненависть к ним Филиппа Красивого не знала границ. Многие были сожжены, еще больше их было заключено в тюрьмы, где их мучили пытками, а король в это время упорно требовал от папы принятия против них конкретных мер. Все попытки сопротивления папы были напрасны; в 1312 г. он капитулирует и приказывает просто-напросто ликвидировать орден Храма.

Тем не менее, допросы и процессы будут продолжаться во Франции еще в течение двух лет. В мае 1314 г., наконец, взойдут на костер великий магистр Жак де Молэ и Жоффруа де Шарнэ, сборщик налогов в Нормандии. Вместе с их кончиной тамплиеры официально сходят с исторической сцены, что, в общем, не совсем верно.

Филипп Красивый использовал свое влияние на весь христианский мир, чтобы ни в одном его уголке не остался ни один тамплиер. Этот его пыл заставляет задуматься. Желание избавиться

свою страну от их стесняющего присутствия — допустим, но при чем здесь другие страны? Почему вдруг такое упрямство? Сам он вовсе не был образцом добродетели, и можно только удивляться, что король, так спокойно подготовивший смерть двух пап, был вдруг задет предполагаемыми нарушениями религиозных законов. Может быть, он опасался мести, если бы орден продолжал существовать за пределами Франции? Или причины его беспощадной суровости надо искать в другом?

Однако его неистовое стремление уничтожить тамплиеров увенчалось успехом не сразу. Его зять, Эдуард II Английский, выступает сначала в пользу тамплиеров и против их истребления; но потом, под давлением папы римского и своего тестя он соглашается изменить свое отношение к ним, впрочем, без большой убежденности. Таким образом, и в Английском королевстве были арестованы многие тамплиеры, которых подвергли не слишком тяжелому тюремному заключению, гораздо менее жестокому, чем их французских собратьев в тот же самый момент; что же касается их имущества, то оно было передано рыцарям-госпитальерам Св. Иоанна.

Шотландию, воюющую в то время с Англией, мало заботят все эти события. Папская булла, ликвидирующая орден тамплиеров, никогда не была там ратифицирована, и многие английские и французские тамплиеры смогли найти в Шотландии надежное убежище. В 1314 г. они будут сражаться вместе с Робертом Брюсом в битве при Баннокберне и, согласно легенде, засвидетельствованной Историей, в течение следующих четырех веков они создадут на шотландской земле солидную общину. Когда в 1689 г. Джон Клэверхауз, виконт Данди, будет убит на поле битвы при Килликранки, окажется, что он носил на себе большой крест ордена тамплиеров, каким он был до 1307 г.

В Лотарингии, которая тогда принадлежала Германии, тамплиеры находились под защитой герцога-губернатора. Некоторых из них судили и объявили невиновными, но большинство из них, по совету их наставника, сбривают себе бороды, надевают мирское платье и ассимилируются с местным населением.

В Германии они угрожают взять в руки оружие, и их объявляют невиновными. Когда орден был официально ликвидирован, они рассеялись среди госпитальеров Св. Иоанна и тевтонских рыцарей. Так же было и в Испании, а в Португалии тамплиеры меняют имя и становятся Рыцарями Христа; вплоть до XVI в. они будут активно участвовать в мореплавании. Вспомним, кстати, что Рыцарем Христа был Васко да Гама, и что Генрих Мореплаватель, корабли которого плавали под парусом с большим «лапчатым» красным крестом, был великим магистром ордена. Под таким же крестом, впрочем, три каравеллы Христофора Колумба пересекут Атлантику и завоюют Новый Свет, а его жена была дочерью бывшего Рыцаря Христа, да и сам Колумб имел доступ к документам и картам своего тестя.

Вот так тамплиеры почти во всей Европе пережили массовое истребление 1307 г. И только в 1522 г. их прусские потомки, тевтонские рыцари, уже обращенные из духовных лиц в светские, окончательно отказываются от всяких связей с Римом, чтобы под предводительством бунтаря Мартина Лютера вступить на путь ереси. Спустя два века после официальной ликвидации, хоть и не непосредственно, тамплиеры брали таким образом реванш над Церковью, которая их предала.

Вот очень коротко история ордена, разумеется, в той форме, в какой она официально представлена и принята и в которой мы ее тщательно изучили. Но сразу становится видно, что она имеет как бы другое измерение, более темное, и что эта скрытая личина, этот двусмысленный облик рыцарей в белых плащах существовал на самом деле.

Прежде всего, сколько противоречий в том, что говорят об этих людях их современники! Их называли колдунами, магами, алхимиками, членами тайной секты, обладающими к тому же какой-то скрытой властью. Уже в 1208 г., в начале Альбигойского крестового похода папа Иннокентий III разоблачает их поведение и недвусмысленно обвиняет их в приверженности к некромантии. Но находятся у них и восторженные поклонники, так, например, романист Вольфрам фон Эшенбах в конце XII в. совершил путешествие через море, чтобы увидеть их в действии; в своем эпическом романе «Парцифаль» автор наделяет их самыми пылкими добродетелями, описывая их как хранителей Святого Грааля, его замка и семьи.

Окружающий их мистический ореол не исчезает вместе с ними, совсем наоборот. В марте

1314 г., когда Жака де Молэ казнили на Еврейском Островке, в то время, как пламя медленно пожирало его тело, его громкий голос призвал папу Клементя и короля Филиппа предстать перед судом божьим. Через месяц папа умер от мнимого и внезапного приступа дизентерии, а в конце года при совершенно необъяснимых обстоятельствах перешел в мир иной и Филипп Красивый.

Никакого сверхъестественного объяснения этим событиям искать не надо. Тамплиеры прекрасно умели пользоваться ядами, а вокруг них было достаточно добровольцев, чтобы помочь им свершить месть — беглые рыцари, тайком работавшие на тамплиеров, симпатизирующие им, или же родственники их преследуемых братьев. Но осуществления предсказаний великого магистра было достаточно для того, чтобы распространилась легенда, согласно которой орден обладал какой-то тайной властью; даже больше — что орден проклял будущих потомков короля Франции, и проклятие это имело последствия на протяжении большого отрезка Истории.

В XVIII в. тамплиеров будут почитать различные более или менее тайные братства, видя в них предтечу и приобщившихся к магии; многие франкмасоны объявят себя их наследниками и хранителями тех же самых тайн, а некоторые масонские ритуалы будут рассматриваться как пришедшие из ордена Храма. В отдельных случаях родство это спорно, но в других возможно, если, например, принять во внимание, что орден мог существовать в Шотландии.

Но своих мистических размеров ореол, окружающий тамплиеров, достиг в 1789 г. во время Французской революции, а историческая действительность потонула в толще романов и нравоучительных описаний. Они-то и алхимики, и ясновидящие, и оккультисты, и маги, и посвященные в высшую мудрость, и масонские магистры... В общем, «сверхчеловеки», снабженные впечатляющим арсеналом власти и знаний; или же они герои и мученики, провозвестники антиклерикального духа, характерного для этой революционной эпохи. Таким образом, составляя заговор против Людовика XVI, многие франкмасоны захотят участвовать в осуществлении проклятия, брошенного королю и его потомкам Жаком де Молэ. И действительно, говорят, что когда голова короля упала из-под ножа гильотины, некто неизвестный подбежал к эшафоту, погрузил свои руки в неостывшую еще кровь монарха, потом простер их к толпе и крикнул: «Ну вот ты и отмщен, Жак Де Молэ!»

Но несмотря на Французскую революцию, тамплиеры еще не потеряли своей таинственной привлекательности. Это имя носят три организации, восходящие, как они утверждают, к 1314 г., хотя их подлинность никогда не была установлена. В некоторых масонских ложах принята степень «тамплиер», а также некоторые ритуалы и терминология, которые, как предполагается, использовал этот орден. В конце XIX в. в Германии и Австрии был основан даже зловещий «Орден новых тамплиеров», выбравший одной из своих эмблем свастику. Русско-американский теософ Е. П. Блаватская и австрийский философ Рудольф Штейнер, основатель антропософии, вспоминают в своих произведениях о некоей «традиции мудрости», которая через посредство розенкрейцеров найдет свое начало у катаров и тамплиеров, а те сами были обладателями более древних тайн. Наконец, в США подростки вступали в «Общество де Молэ», хотя ни они, ни более старшие не имели понятия о происхождении этого названия; не говоря уж о непонятных «Ротари-Клубах», которые, распространившись на Западе и присвоив себе имя тамплиеров, собирают под этим очень сомнительным знаменем важных личностей. Список этот длинен и не исчерпывается по сей день; можно побиться об заклад, что с высоты Царствия Небесного, завоеванного шпагой, Гуго де Пейн с растерянностью наблюдает за этими и пузатыми рыцарями, которых он наплодил, и, возможно, удивляется живучести своего наследия.

Наследие это особенно цепким оказалось во Франции, где тамплиеры наподобие чудовища из озера Лох-Несс, стали источником для создания целой индустрии. В Париже книжные магазины и издательства предлагают множество работ и трактатов, посвященных ордену; некоторые из них приемлемы, другие — почти абсурдны. В самом деле, в течение последней четверти века по поводу тамплиеров были выдвинуты самые сумасбродные гипотезы, некоторые из них, однако, не лишены основания.

В одних, по большей части, тамплиерам приписывают строительство готических соборов, в других их объявляют вдохновителями средневековой архитектуры. В третьих

обнаруживается, что с 1269 г. они установили торговые связи с Американским континентом и что их богатство происходит из серебряных шахт в Мексике. В четвертых — что они обладали некой тайной, касающейся происхождения христианства; что они были гностиками, еретиками, предателями, принявшими ислам. Утверждали, что они пытались установить созидательное единство всех кровей, рас и религий — политика слияния идей ислама, христианства и иудаизма. А также, как об этом уже писал Вольфрам фон Эшенбах почти восемь веков назад, что они были хранителями Святого Грааля, чем бы этот последний ни являлся.

Гипотезы, часто вызывающие улыбку, но которые еще раз, если в этом есть нужда, могут доказать, что над тамплиерами довлеет груз вопросов и что имя их не может развеять чарующую атмосферу так и не разгаданной загадки. Загадки, которую можно квалифицировать как «эзотерическую», ибо символические скульптуры, найденные в командорствах ордена, вызывают мысли о том, что некоторые из высших должностных лиц предавались изучению таких дисциплин, как астрология, алхимия, священная геометрия, нумерология и, конечно, астрономия, в XII и XIII вв. неотделимая от астрологии и рассматриваемая как наука в высшей степени недоступная для понимания.

Больше всего, конечно, нас заинтриговали не эти безумные предположения и не эзотерический аспект некоторых из них. Напротив, нас заинтересовало кое-что вполне банальное и прозаическое: этот набор противоречий, невероятностей и нелогичностей, накладывающихся на официальную историю тамплиеров как непроницаемый экран. Может быть, они и в самом деле располагали некой тайной; но здесь существовала какая-то другая реальность, более глубоко проникшая в религиозные и политические течения той эпохи. Именно в этом направлении мы и должны были продолжать свои поиски.

Итак, не будем соблюдать точную хронологию и начнем с момента краха ордена и обвинений, предъявленных его членам. Об этом уже написано во многих работах, и мы должны признать вслед за их авторами, что написаны они были не зря.

Например, многие рыцари, которых допрашивала Инквизиция, намекают на некоего «Бафомета» (*Vaphomet*), причем очень часто; допрашиваемые находились в разных местах и довольно далеко друг от друга, поэтому невозможно, чтобы кто-то один это выдумал или же чтобы это было просто название командорства. Речь идет совсем о другом, но в то же время мы не можем узнать, кто этот Бафомет, что он, из себя представляет и каковы были его роль и значение.

Похоже, что его имя окружено почетом, близким к обожествлению; иногда он вызывает в памяти демонические скульптуры, похожие на водосточные трубы, обнаруженные в разных командорствах; иногда его представляют в виде головы с бородой. Но вопреки тому, что могут подумать некоторые историки, «Бафомет» вовсе не есть искаженное «Мухаммед», а скорее искаженное арабское «абуфиhamет» (*abu fihamet*) или, как произносили это слово испанские мавры, «буфиhamат» (*bufihimat*), что означает «отец понимания», «отец мудрости», а в арабском языке «отец» заключает в себе понятие «источник». Если «Бафомет» происходит из этого слова, то это имя, вероятно, может иметь отношение к какому-нибудь божественному или сверхъестественному началу. Но чем же тогда он отличается от других идентичных начал? Если Бафомет является не кем иным, как Богом, или Аллахом, то для чего тамплиерам понадобилось давать ему другое имя? А если он не Бог и не Аллах, то кто он или что он?

Все свидетельства сходятся на признании того, что в церемониях тамплиеров присутствует какая-то голова и что в донесениях Инквизиции она тоже постоянно появляется. Но значение ее, так же как и Бафомета, остается неясным; может быть, это из области алхимии, ведь одна из фаз алхимического процесса, расположенная перед превращением философского камня, носит название «*caput mortuum*» («мертвая голова») или «*nigredo*» («почернение»). Согласно другим источникам, это была голова самого Гуго де Пейна, на плаще которого были изображены три черные головы на золотом поле.

Можно также связать эту голову с знаменитой туринской плащаницей, которой, возможно, в 1204-1307 гг. владели тамплиеры: действительно, в командорстве Тэмпликомб, в Сомерсете была найдена голова, удивительно похожая на голову с плащаницы. Ее желали рассматривать как принадлежавшую Иоанну Крестителю, и кое-кто намекал, что тамплиеры были заражены иоаннитской или мандеистской ересью, объявляющими Христа лжепророком, а

настоящим мессией признававшими Крестителя. Ведь во время своей деятельности на Ближнем Востоке тамплиеры, конечно, входили в контакт с этой сектой, и нельзя исключать возможности наличия иоаннитских традиций в ордене, хотя неизвестно, было ли это с их стороны глубоким убеждением или чисто политической акцией.

И в материалах допросов после ареста 1307 г. тоже фигурирует голова, хотя и в другой форме. Судя по докладам Инквизиции, среди конфискованного имущества в Тампле (Париж) нашли реликвию в форме женской головы. Верх ее открывается, а внутри содержится то, что, похоже, было реликвией и весьма необычной:

«Большая голова из позолоченного серебра, очень красивого, с женским лицом; внутри две черепные кости, завернутые и зашитые в полотно из белого льна, покрытого другим полотном красного цвета; на него нашит ярлычок с надписью: CAPUT LVIII^m. Отметим, что эти кости принадлежали женщине довольно маленького роста». В отношении этого жестокого монашеского и военного института, каким был орден Храма, реликвия очень любопытная! Однако, один рыцарь, которого подвергли пытке и которому представили эту голову, заявил, что она не имеет ничего общего с мужской бородатой головой, используемой в ритуалах ордена. Следовательно, эта «Caput LVIII^m (Голова 58^m)» остается загадкой, если только буква "m" в действительности не является знаком, взятым для обозначения астрологического символа Девы, — стилизация немного похожа на букву.

Но эта знаменитая голова фигурирует еще в одной любопытной истории, которую традиционно приписывают тамплиерам, и которая достойна того, чтобы мы рассказали один из многочисленных вариантов:

Один тамплиер, сеньор де Сидон, любил знатную даму де Мараклеа; но та была отнята у него, так как умерла в юном возрасте. В ночь после похорон обезумевший от любви рыцарь проник в могилу, открыл ее и удовлетворил свое желание с безжизненным телом. И тогда из мрака донесся голос, приказывающий ему прийти сюда девять месяцев спустя, чтобы найти плод его деяния. Рыцарь повиновался приказанию, и когда подошло время, он снова открыл могилу; меж больших берцовых костей скелета он нашел голову. «Не расставайся с ней никогда, — сказал тот же голос, — потому что она принесет тебе все, что ты пожелаешь». Рыцарь унес ее с собой, и, начиная с этого дня, всюду, где бы он ни был, во всех делах, какие бы он ни предпринимал, голова была его ангелом-хранителем и помогала ему творить чудеса, пока не стала собственностью ордена".

Какой-нибудь Уолтер Мэп в конце XII в. мог бы быть автором этого мрачного рассказа; но ни он, ни другой писатель, рассказавший эту же самую историю спустя сто лет, не уточняют, что осквернитель некрополя был тамплиер. Однако в 1307 г. ее связывают с орденом, и она регулярно всплывает во время процессов над рыцарями, и по крайней мере двое из них признались, что она хорошо им известна. В других, более поздних версиях, как и здесь, личность осквернителя устанавливается: это тамплиер; тамплиер же фигурирует в рассказе, сохранившемся у франкмасонов, которые приняли эту мертвую голову и использовали ее как эмблему на своих надгробных плитах.

Было ли это гротескной карикатурой на божественное материнство? Или же искаженным символом какого-нибудь ритуала посвящения, заключающего в себе понятия смерти и воскресения? Один из летописцев даже указывает имя женщины: Иза, производное от Изис, которое выводит нас на новые и обширные горизонты, вроде тайн, связанных с именем известной богини и Таммуз-Адониса, голова которого была сброшена в волны, или Орфея, чья голова покатила по Млечному Пути. Но магические свойства этой головы, какими их представляет автор истории, могут напомнить также голову Брана Блаженного из кельтской мифологии или «Мабиногион». Отметим в этой гипотезе, что ее магический котел, мистический сосуд, которому завидовали боги, будет часто отождествляться с языческим эквивалентом Святого Грааля.

Короче говоря, что бы ни значил этот «культ головы», Инквизиция тоже придает ему большое значение. В доказательство приведем список обвинений, выдвинутых против них 13 августа 1308 г.:

«Item, что в каждой провинции у них имелись идолы, в особенности головы... Item, что они говорили, будто голова могла их спасти... Item, что они поклонялись этим идолам... Item,

что она могла заставить цвести деревья... Item, что она заставляла землю давать урожай. Item, что /она могла/ сделать их богатыми... Item, что они обвязывали эти головы или притрагивались к каждой голове этих идолов маленькими шнурочками, которые они носили сами на шее между рубашкой и телом».

Таким образом, если этот намек, как кажется, имеет прямую связь с катарами, которые, по слухам, носили священные шнуры, то более удивительными являются перечисленные предполагаемые способности головы: она и богатство приносит, и деревья цвести заставляет, и оплодотворяет землю, — качества, приписываемые в романах Святому Граалю.

Но вернемся к обвинениям, выдвинутым против тамплиеров. Самые серьезные из них — это обвинения в богохульстве и ереси, а именно: что они отрицали крест, глумились над ним и плевали на него. Что же означали в действительности эти ритуалы и от чего именно отрекались тамплиеры? От Христа? Или просто от распятия? А что проповедовали они вместо этого? На эти вопросы ни разу не был дан удовлетворительный ответ, но кажется, что на самом деле от них требовалось что-то вроде акта отречения в соответствии с одним из основных принципов ордена; это так, если верить свидетельству одного из рыцарей, который должен был подтвердить, что когда его принимали в орден, ему торжественно объявили: «Ты ошибаешься, Христос — лжепророк, верь не в него, а только в Бога, который на небесах». Другой признался в этом почти такими же словами: «Не верь, — сказали мне, — что человек Иисус, распятый за морем евреями, есть Бог, и что он может тебя спасти». Наконец, третий подтвердил, что ему приказали не верить в лжепророка Христа, а верить только в «высшего Бога», потом ему показали распятие, говоря: «Не придавай ему большого значения, ибо он еще слишком молод».

Если бесспорно то, что подобного рода рассказы часто встречаются в признаниях тамплиеров и этого достаточно, чтобы придать обвинениям против них видимость достоверности, то не менее верно и то, что они никогда не считали свои убеждения до конца правильными. Точно так же нельзя не думать о том, что если бы Инквизиция захотела сфабриковать доказательства против обвиняемых, она, конечно, раздобыла бы более убедительные и точные аргументы. Тем не менее, совершенно ясно, что отношение тамплиеров к Иисусу не было полностью сходным с отношением к нему католической Церкви, хотя мы и не можем определить его более четко. Поэтому мы лучше отметим, что отрицание креста, в чем часто обвиняли тамплиеров, уже витало в воздухе за пятьдесят лет до 1307 г., ибо оно эффективно, хотя и не явно поддерживалось во время VI крестового похода в 1249 г.

Конец рыцарей Храма окружен загадками, но не менее противоречив и смутен момент основания ордена и первое время его существования. Во-первых, это внезапное появление в Святой Земле девяти «бедных рыцарей», которым король тут же отдает часть своего дворца. Девять рыцарей, не принимающих в свое общество никого и претендующих на то, чтобы одним защищать все дороги Палестины. Девять рыцарей, о которых в те времена никто не говорит, следов которых нигде невозможно найти и о которых не упоминает даже официальный летописец короля Иерусалимского, а уж он-то должен был встречаться с ними и знать их! Действительно ли их деятельность, их присутствие в королевской резиденции могло ускользнуть от взгляда и от пера Фуше Шартрского? Это совершенно невероятно, и, тем не менее, о них не говорят ни слова ни он, ни другие историки до Вильгельма Тирского, писавшего спустя полвека.

Что из этого надо заключить? Что в действительности наши девять рыцарей вовсе не состояли на этой весьма похвальной общественной службе, а занимались подпольной деятельностью, неизвестной официальному летописцу двора? Или же, что последнего попросили молчать? Вторая гипотеза кажется нам более правдоподобной, ведь вскоре к этой маленькой группе присоединились два известных сеньора, о присутствии которых писатель просто не мог не знать. Согласно Вильгельму Тирскому, как мы уже говорили, орден Храма был основан в 1118 г. девятью рыцарями, которых останется девять и в течении следующих девяти лет. И тем не менее, официально известно, что в 1120 г., спустя два года после его предполагаемого основания, в орден был принят сам граф Анжуйский, отец Жоффруа Плантагенета, а в 1124 г. за ним последовал один из самых богатых сеньоров Европы — граф Шампанский. Следовательно, если рассказ Вильгельма Тирского верен, тамплиеры не принимали новых членов до 1127 г.; а в 1126 г., и это тоже известно, было принято четыре

человека. Где же ошибка? В утверждении, что в течение девяти лет к первым членам ордена никто не присоединился? Или же — а это тоже правдоподобно — в дате основания ордена, которая была передвинута вперед летописцем? Если Фульк Анжуйский становится тамплиером в 1120 г., и если в течение предшествующих девяти лет ни один человек не был принят в орден, то он был создан не в 1118 г., а в 1111 или в крайнем случае в 1112 г.

Итак, в 1114 г. граф Шампанский отправляется в Святую землю. Незадолго до этого он получает письмо от епископа Шартрского: «Мы узнали, — пишет прелат, — что прежде чем уехать в Иерусалим, вы изъявили желание присоединиться к „христову воинству“, что вы хотели служить среди этих солдат Господа...».

Термин «Христово воинство» формально обозначал тамплиеров в первое время их существования, и, таким образом, св. Бернар намекает именно на них. Из-под пера епископа не мог выйти намек ни на какую другую организацию; это не могло также означать, что Гуго Шампанский просто решил примкнуть к крестовому походу, раз епископ пишет далее в своем письме об обете целомудрия, который вытекал из его решения и который вовсе не требовался от обыкновенного воина-крестоносца.

Из этого письма, таким образом, ясно, что пусть даже в виде проекта, но тамплиеры существовали с 1114 г., то есть за четыре года до общепринятой даты, и что в этом же году граф Шампанский собирался войти в их ряды — что он и сделал, только десять лет спустя. Цитируя это письмо, историк приходит к любопытному выводу: епископ Шартрский сам не знал, что говорил, он ошибался, намекая на тамплиеров, которые появились только через четыре года... В 1115 г. прелат умирает; возникает вопрос: каким образом он «по ошибке» упомянул об ордене, который еще не существовал? Если, только, конечно, он ошибся годом, ставя дату в своем письме!

У этой загадки есть только одно возможное решение: ошибку сделал не епископ, а Вильгельм Тирский и все остальные историки, принявшие после него неверную дату образования ордена Храма.

До этого момента ничего подозрительного. Но таковыми становятся странные обстоятельства и совпадения, окружающие это событие. В самом деле, по крайней мере трое из девяти рыцарей, а среди них и Гуго де Пейн, происходят из прилегающих друг к другу владений, имеют родственные связи, давно знают друг друга и являются вассалами одного сеньора-графа Шампанского. Получив в 1114 г. письмо от епископа Шартрского, он сам в 1124 г. становится тамплиером, поклявшись в повиновении своему собственному вассалу Гуго, первому великому магистру ордена. Между тем, в 1115 г. он приносит в дар ордену свои земли, на которых св. Бернар, покровитель тамплиеров, возведет знаменитое аббатство Клерво. Отметим также, что среди девяти основателей ордена фигурирует Андре де Монбар, дядя св. Бернара.

Заслуживает в свою очередь размышлений и Труа, где находился двор графов Шампанских. В самом деле, с 1070 г. этот город является важным центром изучения кабалистики и эзотеризма, и именно в этом городе на церковном соборе 1128 г., как мы знаем, тамплиеры были официально признаны. В течение последующих двух веков столица Шампани будет для них важным стратегическим центром, и, как замечено, до сих пор ближайший к городу лес называется «лесом Храма». Наконец, именно из Труа один из удостоенных великой судьбы романов, посвященных «поискам Святого Грааля», может быть, первый, написанный знаменитым трувером и ученым Кретьеном, выйдет и отправится путешествовать по свету.

Из этих разных и, по-видимому, туманных констатации все же, кажется, просвечивает тонкая сеть взаимозависимостей. По нашему мнению, они являются чем-то гораздо большим, чем простыми совпадениями, и ведут к утверждению, что тамплиеры были вовлечены в какую-то подпольную деятельность. Но о какой подобной деятельности может идти речь?

Особый интерес представляла для нас часть древнего Храма Соломонова, ставшая дворцом короля Иерусалима, и которую по непонятным причинам отдали в распоряжение девяти рыцарей. В 70 г. н. э. храм был разгромлен римскими легионами императора Тита, сокровище похищено и увезено в Рим, откуда оно было вновь похищено и, быть может, отправилось в Пиренеи. А почему бы и не поразмыслить над тем, что в Храме находилось нечто другое, гораздо более важное, чем это сокровище? Видя римские фаланги у своих ворот,

священники могли оставить грабителям добычу, на которую те надеялись, а другое сокровище спрятали. Например, под Храмом.

Среди манускриптов Мертвого моря, найденных в Кумране, имеется один, расшифрованный в 1955 — 1956 гг. в Манчестере, недвусмысленно намекающий на большое количество золота, священной посуды и разных дорогих предметов, сложенных в двадцать четыре большие кучи и похороненных под самим Храмом.

Кроме того, в середине XII в. Иоганн фон Вюрцбург, паломник из Святой Земли, сообщает о своем визите в «соломоновы конюшни». Расположенные прямо под Храмом, они достаточно просторны, чтобы в них содержались две тысячи лошадей, и именно здесь оставляли своих коней тамплиеры. Другой историк уточняет, что они с 1124 г. использовали эти конюшни, чтобы держать там своих собственных лошадей — в то время их было всего девять, и, возможно, что рыцари сразу же начали копать землю под Храмом.

Не означают ли эти раскопки, что рыцари активно что-то искали, или даже, что они были специально посланы в Святую Землю с вполне определенной целью? Если бы подтвердилась достоверность этих предположений, тогда нашлось бы и объяснение для некоторых несоответствий: сначала поселение рыцарей в королевском дворце, а потом, что особенно непонятно — молчание официального летописца двора. Но если принять во внимание все эти возможности, то кто же их послал в Палестину?

Наверно, было бы правильным снова вернуться назад: в 1104 г. граф Шампанский собирает конклав знатных сеньоров. Один из них только что вернулся из Иерусалима, все они принадлежат к небольшому числу семей, с которыми мы в процессе нашего расследования постоянно встречаемся:

Бриенн, Жуенвиль, Шомон, Невер (последний — сюзерен Андре де Монбара, который сам является одним из основателей ордена Храма и дядей св. Бернара).

Спустя небольшое время после конклава, граф Шампанский уезжает в Святую Землю; он находится там в течение четырех лет и возвращается в 1108 г. В 1114 г. он снова отправляется в Палестину с намерением присоединиться к «воинству Христову», потом передумывает и, спустя год, возвращается вновь во Францию. После своего возвращения он дарит землю ордену цистерцианцев; св. Бернар строит на ней аббатство Клерво, поселяется там и оттуда пытается укрепить свой орден.

В 1112 г. цистерцианцы находятся на грани краха, но, благодаря своему блестящему представителю, им снова улыбается фортуна. Действительно, в последующие годы основываются новые аббатства, и в 1153 г. их насчитывается более трехсот, из которых шестьдесят девять были основаны лично св. Бернаром. Этот новый и внезапный взлет ордена цистерцианцев приходится на то самое время и происходит таким же образом, что и взлет ордена Храма. Между ними существует бесспорная родственная связь — это Андре де Монбар.

Теперь рассмотрим поближе эту непонятную совокупность событий. В 1104 г. граф Шампанский едет в Святую Землю, после совещания с несколькими сеньорами, один из которых находится в тесных отношениях с Андре де Монбаром. В 1112 г. племянник Монбара вступает в орден цистерцианцев, а в 1114 г. граф Шампанский совершает свое второе путешествие в Святую Землю, намереваясь вступить в орден тамплиеров, основанный его собственным вассалом Гуго де Пей-ном и Андре де Монбаром. Как свидетельствует письмо епископа Шартрского, орден к тому времени уже существовал или его вот-вот должны были создать.

В 1115 г., то есть чуть меньше года спустя, граф Шампанский возвращается в Европу и дарит св. Бернару землю, на которой тот возводит аббатство Клерво. В последующие годы оба ордена — цистерцианцы и тамплиеры, орден св. Бернара и орден его дяди Андре де Монбара — переживают во всех возможных сферах жизни резкий взлет, активную деятельность и исключительную удачу.

Подобное совпадение фактов, постоянная связь между событиями, людьми и датами не переставала нас поражать, все это не могло быть случайным. Напротив, нам все время казалось, что мы открыли следы какого-то обширного и честолюбивого замысла, о подробностях и значении которого История не знала. И поэтому, чтобы их найти, мы попытались выработать нечто вроде гипотезы, «сценарий», который учитывал бы детали, имеющиеся в нашем

распоряжении.

Вот они: предположим в самом деле, что, случайно или намеренно, в Святой Земле было сделано важное открытие, которым весьма и весьма интересуются некоторые знатные семьи Европы. Прямо или косвенно, но это открытие вызывает приток богатств; но имеется еще какая-то вещь, нечто очень значительное, что должно было содержаться в секрете и поверяться лишь очень малому числу сеньоров высшего ранга. Об этом открытии было упомянуто, а затем оно было внимательнейшим образом изучено на конклаве в 1104 г.

Сразу же после этого Гуго Шампанский едет в Святую Землю — то ли лично проверить все факты, то ли совсем с другой целью, например, с целью создания ордена Храма. В 1114 г., если не раньше, орден уже существует, и граф Шампанский играет в нем большую роль в качестве руководителя и покровителя. В 1115 г. деньги рекой текут в Европу и в сундуки цистерцианцев, которые под предводительством св. Бернара и благодаря их снова прочному положению поддерживают новый орден тамплиеров и создают ему рекламу.

Под руководством св. Бернара цистерцианцы достигают известного духовного влияния в Европе; под руководством Гуго де Пейна и Андре де Монбара тамплиеры распространяют в Святой Земле военное и административное влияние, которое вскоре охватит всю Европу. За этим необыкновенным расцветом двух орденов все время стоит тень дяди и племянника, а рядом с ними — тень их богатого и влиятельного покровителя Гуго Шампанского. Между этими тремя персонажами существует жизненная связь; на поверхности Истории они являются видимыми знаками глубинных перипетий, то есть скрытой действительности, которую мы смутно предвидели.

Эта действительность, если она существует — а она существует, — не может быть замкнута на троих людях; она включает в себя сотрудничество с ними других умов, а также тщательную организацию. Здесь и находится ключ, потому что, если наша гипотеза верна, то она предполагает некую организацию, эквивалентную ордену — третий орден, действующий тайно за спинами двух других официальных орденов — цистерцианцев и тамплиеров. И этот третий орден существует, мы имеем доказательства.

Но вернемся на мгновение к предполагаемому открытию, сделанному в Святой Земле, к основе, на которой стоит наш «сценарий». Что это такое в действительности? Что это за тайна, в которой участвуют одновременно тамплиеры, св. Бернар и граф Шампанский? Тамплиеры сохранили ее до конца своей жизни нераскрытой, ненарушенной. Нет никакого следа ее происхождения или места, где бы она хранилась.

Не существует никакого документа. Значит, если бы это сокровище было только материальным, неужели нужно было уничтожить даже малейшее указание на него?.. Что может оно заключать в себе? Или, может быть, под охраной тамплиеров находилось сокровище невыражаемое и настолько ценное, что даже попытки не смогли разомкнуть их уста; сокровище, не принадлежащее ни материальному, ни финансовому миру, абсолютная, первостепенная тайна, возможно, как-то связанная с их двусмысленным отношением к Христу?..

13 октября 1307 г. все французские тамплиеры были арестованы в своих командорствах по приказу Филиппа Красивого; но вспомним, что были и редкие исключения, например, командорство Безю близ Ренн-ле-Шато. Почему тамплиерам удалось ускользнуть из сетей, расставленных королем, как и почему они спаслись? Именно это мы и попытаемся узнать, исследуя деятельность и особенно плотное «укоренение» ордена именно в этом регионе, где в его владении было не менее полудюжины командорств, расположенных на площади более тридцати квадратных километров.

Итак, в 1153 г. некий сеньор из этой местности, сочувствующий катарам, становится великим магистром ордена Храма. Его зовут Бертран де Бланшфор, и его резиденция предков расположена на вершине горы, совсем недалеко от Безю и Ренн-ле-Шато. Бертран де Бланшфор, который будет вершить судьбу ордена до 1170 г., является выдающейся личностью; он сумеет превратить еще неокрепший в момент его прихода орден в институт, имеющий свою иерархию, дисциплинированный, действенный и удивительно организованный. Это благодаря ему тамплиеры будут вмешиваться в международные дипломатические и политические акции на высшем уровне; также благодаря ему Европа, и особенно Франция, станет для них важной сферой интересов. Кто же советник Бертрана, которого некоторые считают непосредственным

предшественником на посту великого магистра ордена? Это Андре де Монбар.

Но продолжим. В течение нескольких лет, которые последовали за созданием ордена тамплиеров, Бертран де Бланшфор, примкнув к нему, принес в дар свои земли в окрестностях Ренн-ле-Шато и Безю. Став великим магистром, он в 1156 г. вызывает команду шахтеров немецкого происхождения. Их тут же подчинили строгой, почти военной дисциплине, запретив любой контакт с местным населением. Для них создана специальная судебная коллегия, «Немецкий суд», которой было поручено решать различные технические вопросы, которые могли возникнуть. Их мнимая задача состоит в том, чтобы разрабатывать золотые шахты, расположенные на склонах горы Бланшфор — шахты, совершенно опустошенные римлянами почти тысячу лет тому назад.

В XVII в. инженерная комиссия произведет разведку минеральных ресурсов региона и составит подробные отчеты. Именно тогда Сезар д'Аркон перероет руины, оставленные после себя немецкими шахтерами, и сделает категорическое заключение: никакие разработки на этой территории не велись. Как видим, это для нас открытие исключительной важности.

Что же тогда делали немецкие шахтеры на горе Бланшфор? Здесь д'Аркон колеблется: может быть, это результат распада или превращения металла; может быть также, они рыли подземный ход или помещение, предназначенное для кладовой. Следовательно, загадка остается неразгаданной, но, несмотря ни на что, присутствие тамплиеров в окрестностях Ренн-ле-Шато в середине XII в. остается установленным фактом.

Нет ничего удивительного в том, что в 1285 г. в нескольких километрах от Безю было обнаружено важное командорство Кампань-сюр-Од. В это же самое время Пьер де Вуазен, сеньор Безю и Ренн-ле-Шато, вызывает из арагонских провинций Руссильона специальный отряд тамплиеров и поселяет их на вершине горы Безю, где они тут же сооружают сторожевой пост и часовню. Они были посланы, чтобы охранять безопасность этих мест и дорогу паломников, которая, пересекая равнину, шла до Сантьяго-де-Компостела. Это официальная версия. А может, официозная?.. Почему Пьер де Вуазен вызвал в качестве подкрепления эту горстку людей, если по соседству уже жили тамплиеры, и у него самого имелось свое войско, чтобы обеспечивать защиту окрестностей? Если верить местным преданиям, то этот дополнительный отряд тамплиеров прибыл из Руссильона, имея несколько возможных целей: откопать, закопать или сторожить сокровище.

Если об их настоящей миссии так никто ничего никогда и не узнал, то известно из надежного источника, что, обосновавшись в Безю, они стали пользоваться особыми привилегиями. В самом деле, они были единственными из французских тамплиеров, оставшихся на свободе после акции 13 октября 1307 г., предпринятой Филиппом Красивым; но известно также, что в этот день весь их контингент был передан под командование сеньора де Гота.

Гот... Прежде чем взойти на папский трон под именем Клементя V, епископ Бордо — марионетка в руках Филиппа Красивого — звался Бертраном де Готом. А кто была его мать? Иза де Бланшфор, из семьи Бертрана де Бланшфора... Был ли, таким образом, новый папа связан с чудесной тайной, доверенной на хранение его семье, которая останется тайной до XVIII в., когда аббат Антуан Бигу, кюре Ренн-ле-Шато и капеллан Мари де Бланшфор, раскроет его и составит документы, найденные позже Соньером? Если все это так, то стоит ли удивляться тому, что верховный жрец римско-католической церкви предоставил особые привилегии члену своей семьи, имеющему под своим командованием тамплиеров из Безю, а, следовательно, такие же привилегии и последним?

Как мы видим, простая история местной общины тамплиеров отягощена загадками так же, как и вся их судьба. Между ними двумя есть кое-что общее, например, роль Бертрана де Бланшфора, сеньора Ренн-ле-Шато, великого магистра ордена Храма, кузена или племянника папы.

Таким образом, мы оказались лицом к лицу со стечением обстоятельств слишком многочисленных и смущающих, чтобы быть простыми совпадениями. Не обнаружили ли мы замысел этой непостижимой тайны? Но в чьих руках были направляющие нити? Казалось, перед нами снова открываются сказочные перспективы, возможность прекрасной и тщательной разработки плана, в основе которого находилась группа людей, быть может, некий орден,

действующий в тени официальной истории. Очень скоро мы надеялись получить подтверждение действительного существования этого ордена.

4. СЕКРЕТНЫЕ ДОСЬЕ

С 1956 г. во Франции начала появляться целая серия работ, статей и документов, относящихся к Беранже Соньеру и загадке Ренн-ле-Шато. С течением лет этот источник превратился в настоящий поток, индустрию, принимающую внушительные размеры, если подумать о средствах, необходимых для ее разработки и распространения, и о важности и неопределенном еще характере дела.

Кроме того, по нашему примеру, в это дело впряглось большое число самостоятельных исследователей, которые, со своей стороны, внесли в комплекс всех работ ценный вклад. Работы эти очень разнообразны, но, скорее всего, изначальный материал исходит из единого источника. Следовательно, по нашему мнению, кто-то где-то имеет интерес «выдвинуть» Ренн-ле-Шато, привлечь внимание публики, возбудить вокруг тайны самую шумную рекламу и самое большое любопытство, какие только возможны.

Причина эта, кажется, не финансового порядка. Скорее, речь идет о том, чтобы создать атмосферу достоверности, произвести подобие воздействия на общественное мнение, короче, организовать пропаганду. Кто бы ни отвечал за это, он заботливо старался действовать в тени, одновременно ярко освещая в желательное для него время некоторые выбранные им самим детали.

Действительно, в течение ряда лет соответствующий материал систематически и вполне сознательно отбирался кем-то фрагмент за фрагментом. Большая часть этой информации, что более или менее ясно, как будто бы исходила из одного и того же источника, конфиденциального и скрытого от нескромного любопытства. Один за другим новые факты прибавлялись к уже известным, но, будучи далеки от того, чтобы прояснить ситуацию, они, кажется, наоборот, еще больше сгущали мрак тайны. Соблазнительные намеки, наводящие на определенные мысли гипотезы, ссылки и недоговоренности перемешивались и сплетались в тонкую сеть специально для того, чтобы разжечь любителей загадок. Вопросы, которые казались ответами, датами, названиями, внушениями и инсинуациями они, подобно ослу, которого приманивают морковкой, оказываются вовлеченными в цепь последовательных ходов, в конце которых всегда сияет возможность ошеломляющего и наиважнейшего открытия.

Эта информация разглашается самыми разными способами, причем часто они имеют вид работ, подлежащих широкому распространению, более или менее загадочных, более или менее соблазнительных или удачных. Таким вот образом Жерар де Сед произвел на свет целую серию этюдов, посвященных таким разным сюжетам, как катары, тамплиеры, династия Меровингов, розенкрейцеры, Соньер и Ренн-ле-Шато. То уклончивый, то намекающий, то скромный, то мистифицирующий, автор постоянно дает понять, что он знает больше, чем говорит, если только это не присущий ему элегантно скрыть тот факт, что он обо всем этом знает меньше, чем претендует. Однако, в его работах имеются некоторые детали, которые легко проверить и которые являются связками между соответствующими темами, так как автор утверждает, что эти различные сюжеты накладываются один на другой.

От кого Жерару де Седу поступает такая информация?

Когда мы начали снимать на Би-Би-Си наш первый фильм о Ренн-ле-Шато, мы попросили у нашего парижского издателя некоторые фотодокументы, которые он нам тот час же прислал. Мы отметили, что на обратной стороне каждого из них фигурирует надпись «Плантар». Тогда нам это имя ни о чем не говорило, но когда в конце одной из работ нашего автора мы увидели интервью с неким Пьером Плантаром, то мы поверили, что этот неизвестный каким-то образом тесно связан с исследованиями Жерара де Седа. И в самом деле, он станет одним из главных героев наших поисков.

Вся информация об интересующем нас деле, появившаяся после 1956 г., не имеет того доступного или же шуточного характера, который свойственен стилю некоторых авторов. Другие книги скучны, напыщенны или даже отталкивающи, как, например, работа, опубликованная Рене Декадейя, бывшим хранителем муниципальной библиотеки Каркассона.

Она посвящена истории Ренн-ле-Шато и его окрестностей и изобилует социоэкономическими отступлениями, производящими самое мрачное впечатление: полный список рождений, смертей, свадеб, материального благосостояния, налогов и общественных работ, имевших место между 1730 и 1820 гг. Эта работа как бы противостоит произведениям легким и заведомо обреченным на успех, которые г-н Декадейя подвергает строгой критике.

Одновременно с этими работами в различных газетах и иллюстрированных журналах появилось большое количество статей и интервью со знаменитыми незнакомцами, утверждающими, что им известен тот или иной аспект тайны. Но самую интересную информацию надо искать не в прессе, не в ученых этюдах и не в работах, вышедших большим тиражом. Напротив, ее надо искать в документах, брошюрках или небольших трудах, выпущенных маленьким тиражом частными издательствами и сданных в парижскую Национальную библиотеку;

большая часть этих изданий, однако, не представляет никакой ценности, является простыми копиями отпечатанных на машинке страниц или обыкновенными фотокопиями.

Эти вышеупомянутые брошюры еще больше, чем работы, которые продаются в магазинах и о которых мы уже говорили, кажутся исходящими из одного и того же источника. Благодаря хитрой системе замечаний, ссылок на Соньера, Ренн-ле-Шато, Пуссена, меровингскую династию и другие уже известные темы, каждая из них дополняет и подтверждает другую. Наконец, в большинстве случаев они подписаны весьма сомнительными именами, являющимися, по всей вероятности, псевдонимами, причем, довольно прозрачными. Мы можем назвать Мадлен Бланкассаль, Никола Босеана, Жана Делода и Антуана Отшельника. Что касается первого имени — «Мадлен» («Магдалина»), то здесь очевиден намек на Марию-Магдалину, «магдалеянку», которой была посвящена церковь в Ренн-ле-Шато и башня Магдала, построенная аббатом Соньером; имя «Бланкассаль» составлено из названий двух речушек, сливающихся в одну близ Ренн-ле-Шато — Бланка и Саль. «Босеан», искаженное «Beausean» — военный клич рыцарей Храма; Жан Делод (Delaude) на самом деле — de l'Aude, — Од — департамент, где находится Ренн-ле-Шато; наконец, Антуан Отшельник — это святой, статуя которого украшает церковь Ренн-ле-Шато, праздник его — 17 января; эта дата фигурирует на могиле Мари де Бланшфор, а также в этот день у аббата Соньера случился удар.

Книжка, приписываемая Мадлен Бланкассаль, называется «Потомки Меровингов и загадка Вестготского Разеса» — Разес, как мы уже видели, было старинным названием интересующей нас местности. На титульном листе указано, что текст сначала был опубликован в Германии, потом переведен на французский язык Вальтером Сельс-Назером — другой псевдоним, составленный из имен двух святых, Кельсия (Celse) и Назария (Nazaire), которым была посвящена церковь в Ренн-ле-Бэн. Также на титульном листе указано, что издатель книги — Великая Альпийская Ложа, верховная масонская ложа Швейцарии, равная Великой Английской ложе или Великому Востоку Франции. Ничто не говорит о том, на каком основании вдруг современная масонская ложа интересуется тайной неизвестного французского священника, жившего в XIX в., и историей его прихода за последние полторы тысячи лет. Впрочем, один из наших братьев, задавший этот вопрос представителям Альпийской Ложи, услышал в ответ, что никто из них не был в курсе, что существует подобная работа! В таком случае, что же надо думать о свидетелях, которые видели работу в их библиотеке, и о том факте, что знак Великой Альпийской Ложи в надлежащей форме присутствует на двух других книжках?..

Как бы там ни было, из всех документов, опубликованных частным образом и отданных в Национальную библиотеку, самым важным является сборник отдельных листков под общим названием «Секретные досье», занесенные в каталог под шифром 4°lm1249 и снятые в настоящее время на микро пленку. Но еще совсем недавно он представлял собой тоненький и незначительный томик, вроде папки с твердой обложкой, в котором собраны разнородные документы, в совершенно разрозненном виде — вырезки из газет, письма, вкладыши, многочисленные генеалогические древа, а также страницы, отпечатанные типографским способом, очевидно, вырванные из других книг и периодически — странная вещь! — заменяемые на другие, на которых было очень много пометок и исправлений, сделанных от руки — проделки, кажется, продолжающиеся и по сей день.

Самая важная часть этих «Секретных досье», состоящая из генеалогических деревьев, приписывается некоему Анри Лобино, имя которого фигурирует на титульном листе. Две заметки внутри папки упоминают о том, что это всего лишь псевдоним — может быть, он обязан своим происхождением улице Лобино близ церкви Сен-Сюльпис в Париже; что же касается генеалогий, то они были произведением некоего Лео Шидлофа, историка и любителя древностей, австрийца, прожившего, как предполагается, свою жизнь в Швейцарии и умершего в 1966 г. Почерпнув силы в этих сведениях, мы попытались добыть по этому поводу дополнительные уточнения.

Его дочь мы нашли только в 1978 г. в Англии. Ее отец, подтвердила она, действительно был австрийцем, но он не был ни составителем генеалогий, ни историком, ни любителем древностей; он был лишь экспертом и торговцем миниатюрами, на тему о которых он опубликовал две работы. Он поселился в Лондоне в 1948 г. и прожил там до самой своей смерти — эти последние сведения приведены впрочем, в «Секретных досье».

Самое удивительное заключалось в том, что мадемуазель Шидлоф горячо утверждала, что ее отец никогда не интересовался ни генеалогиями, ни меровингской династией, ни тайнами французского Лангедока; однако, добавила она, кое-кто думал именно так, потому что, например, в 1960 г. и позже он встречался со многими неизвестными людьми, европейцами и американцами, которые желали увидеться с ним и поговорить на темы, в которых он совершенно не разбирался. Наконец, после его смерти в 1966 г. к ней стали приходить различные послания, и авторы большинства из них осведомлялись о каких-то документах, которые мог оставить ее отец.

Каким бы ни было дело, в котором он против своей воли оказался замешан, продолжала мадемуазель Шидлоф, оно не пришлось по вкусу американскому правительству. Действительно, в 1946 г., за десять лет до составления «Секретных досье», Лео Шидлоф попросил визу на въезд в США, но ему отказали, так как его подозревали в шпионаже или в какой-то другой подпольной деятельности; прошли долгие месяцы ожидания, пока он не добился необходимых разрешений и не смог отправиться в Америку. Простые административные придирки? Нет, ответила его дочь, это было гораздо серьезнее и, безусловно, связано с секретными занятиями, в которых его подозревали.

Эти перипетии заставляют задуматься, и мы точно так же подумали о том, что отказ в визе вовсе не был случайным, так как некоторые намеки «Секретных досье» вызывали предположение, что Лео Шидлоф и в самом деле был связан с чем-то вроде международного шпионажа; тем более, что новая брошюра, появившаяся в это время в Париже, говорила о том, что таинственный Анри Лобино был не Лео Шидлоф, а французский аристократ, граф де Ленонку — утверждение, которое в течение последующих месяцев должно было быть подтверждено другими документами.

Однако, подлинная личность Лобино не была единственной загадкой, обнаруженной этими досье. В них также фигурирует статья, намекающая на некую «кожаную сумку самого Лео Шидлофа», в которой, как предполагается, содержатся некоторые конфиденциальные документы, относящиеся к истории Ренн-ле-Шато между 1600 и 1800 гг. Вскоре после смерти своего владельца сумка перешла в руки посредника, Фахар уль Ислама, который в феврале 1967 г. доверил ее «агенту, присланному Женевой», во время одного их свидания в Восточной Германии. Но прежде чем сделка успела состояться, Фахар уль Ислам, высланный из ГДР, должен был уехать в Париж, «чтобы ждать дальнейших указаний». А 20 февраля 1967 г. в Мелёне на рельсах нашли его тело, выброшенное из экспресса Париж-Женева, и никакой сумки при нем не было.

21 февраля французская пресса была вынуждена подтвердить это печальное происшествие: в Мелёне на рельсах было найдено обезглавленное тело, принадлежавшее молодому пакистанцу по имени Фахар уль Ислам, высланному из ГДР по неизвестным причинам, который направлялся из Парижа в Женеву. Думая, что речь могла идти об агенте контрразведки, власти передали дело в ДСТ (Direction de la Securite du Temoir — Управление безопасности территории, иначе — контрразведка).

Но так как ни один журналист не сделал явного намека ни на Лео Шидлофа, ни на кожаную сумку, ни также на тайну Ренн-ле-Шато, то мы оказались лицом к лицу с новыми

вопросами. Быть может, эта смерть была связана с предметом наших поисков — в таком случае, «Секретные досье» были первоисточником информации, к которому пресса и широкая публика не имели доступа. Или же — вторая гипотеза — заметка, появившаяся в досье, была чистой воды мистификацией. Кто-нибудь взял давнишнюю заметку из отдела происшествий о подозрительной смерти на железной дороге и небрежно сунул ее в документы досье, чтобы запутать следы. Но с какой целью? Кому было выгодно так решительно нагнетать вокруг Ренн-ле-Шато эту мрачную атмосферу?

Мы были тем более поражены, что смерть Фараха уль Ислама явно не была единичным событием такого рода, ибо менее чем месяц спустя в Национальную библиотеку пришла новая брошюрка под названием «Красная змея», которую написали Пьер Фежер, Луи Сен-Максан и Гастон де Кокер. И датирована она была, что очень знаменательно, 17 января...

Странная книжка эта «Красная змея»! Кроме генеалогического древа меровингских королей и двух карт Франции той эпохи, сопровождаемых кратким комментарием, она содержала план церкви Сен-Сюльпис в Париже со всеми ее часовнями и именами святых, которым они были посвящены. Но самой значительной частью были тринадцать коротких стихотворений в прозе, обладающие несомненными литературными достоинствами и по стилю похожие на стихи Рембо. Каждая из них относится к одному из знаков Зодиака, Зодиака из тринадцати знаков, последний из которых назывался *Ophiuchus*, или Змееносец, помещенный между Скорпионом и Стрельцом. Тринадцать.

Тринадцать стихотворений, написанных от первого лица, представляют собой нечто вроде аллегорического богомолья, начиная Водолеем и кончая Козерогом, срок которого, как уточняет текст, заканчивается 17 января. Повсюду можно найти намеки на семью Бланшфор, на некоторые детали церкви Ренн-ле-Шато и надписи Соньера, на Пуссена и его «Пастухов Аркадии», а также и на слова, выбитые на надгробии:

«*t in Arcadia ego*». В одном из этих стихотворений говорится и о красной змее, «упомянутой в пергаментях», которая раскручивает свои кольца сквозь века — по-видимому, явный символ какой-либо семьи или рода. Что касается астрологического символа Льва, то он является предметом загадочного комментария, который нам кажется интересным, и поэтому мы его приводим полностью:

«От той, которую я желал освободить, поднимались ко мне волны могильного запаха. Раньше одни называли ее ИЗИС, богиней целебных источников. ПРИДИТЕ КО МНЕ ВСЕ, КТО СТРАЖДЕТ И ИЗНЕМОГАЕТ, И Я ПОМОГУ ВАМ. Для других она МАГДАЛИНА со знаменитой чашей, наполненной целительным бальзамом. Посвященные знают ее настоящее имя: НОТР ДАМ ДЕ КРОСС.» Противоречия в этом загадочном тексте весьма интересны. Изис, безусловно, древнеегипетская богиня-мать, покровительница тайн, «Белая королева» с видом благожелательным, «Черная королева» с видом зловещим. Многие мифологи, антропологи и теологи с самой языческой древности и до христианской эпохи проследили историю ее культа, и для них Изис выжила в образе Девы Марии, «Царицы небес» св. Бернара, богини-матери Астарты из Ветхого Завета, которая является финикийским эквивалентом Изис.

Но, если верить «Красной змее», то богиня-мать христиан вовсе не Дева Мария, а магдалеянка, которой посвящены церковь в Ренн-ле-Шато и башня, построенная Соньером. Как указывает стихотворение, термин «Нотр Дам» (Богоматерь), украшающий все большие соборы во Франции, относится не к Деве Марии, а к Марии-Магдалине. Но почему эта последняя заслуживает того, чтобы ее называли Богоматерью, да к тому же и «богиней-матерью» — не родившую детей, представленную в христианской традиции как блудницу, находящую свое спасение у Иисуса?

Но так как, согласно четвертому Евангелию, она является первой, кто увидел учителя после его воскресения, ее считают святой, особенно во Франции, куда, если верить средневековым легендам, она сама привезла Святой Грааль. Не означает ли, таким образом, «чаша, наполненная целительным бальзамом» священную чашу?.. И надо ли поэтому отдавать Марии-Магдалине место, традиционно предназначенное для Девы Марии (явно еретическая гипотеза!)? Но каким бы ни было послание, переданное авторами «Красной змеи», они никогда не узнают результата, ибо их, в свою очередь, постигла ужасная участь Фахара уль Ислама. Действительно, 6 марта 1967 г. Луи Сен-Максан и Гастон де Кокер были найдены

повешенными, а на следующий день, 7 марта, Пьер Фежер присоединился к ним при сходных обстоятельствах.

Невозможно помешать себе думать, что эти три смерти прямо связаны с выходом в свет «Красной змеи». Тем не менее, необходимо иметь в виду и такой возможный сценарий (также и в случае с Фахаром уль Исламом): кто-то прочел в газете сообщение об этих драматических событиях, поместил имена в уже написанную брошюру, а потом сдал ее в Национальную библиотеку. Нет ничего проще. Подлог обнаружить невозможно, эффект ужаса обеспечен. Но опять же — с какой целью? Зачем сознательно создавать атмосферу трагедии, которая, вместо того, чтобы разочаровать любопытных, наоборот привлечет их?

Если все же здесь серьезное дело, оно поднимает новые вопросы. Эти трое покончили с собой или стали жертвами преступления? Ведь если первая гипотеза кажется мало возможной, то и вторая таковой тоже кажется не более. Можно понять так, что три человека были убиты, потому что могли выдать ценную информацию; но в данном случае информация уже была выдана и даже сдана в Национальную библиотеку. Значит, речь идет о форме наказания? Или же это радикальное средство для того, чтобы на будущее прекратить излишнюю болтливость? Все эти объяснения не очень удовлетворительны, по крайней мере, если виновный не был заранее уверен, что дело не будет иметь продолжения.

Славу богу, что все пути, по которым мы прошли, не приведут нас к таким драматическим выводам. Они даже не слишком часто будут такими смущающими, как, например, случай с работой, подписанной Антуаном Отшельником и озаглавленной «Сокровище Меровингов в Ренн-ле-Шато», с которой мы много раз встретимся в ходе наших поисков и которую будем пытаться раздобыть при следующих обстоятельствах:

Каждый день в течение целой недели мы приходили в Национальную библиотеку, где, как мы знали, могли ее найти, заполняли соответствующий бланк заказа, но каждый день он возвращался к нам с пометкой «выдано», указывающей, что книга уже у читателя. Спустя две недели, так как мы не могли больше задерживаться в Париже, мы обратились к одному из библиотекарей. Книга отсутствует уже в течение трех месяцев, сообщил он, и это исключительный случай, но до ее возврата невозможно сделать новый заказ.

Вернувшись в Англию, мы поручили одной из наших хороших знакомых, которая должна была ехать в Париж, заказать работу в Национальной библиотеке и затем пересказать нам ее содержание. Но когда она вернулась, то мы узнали, что, несмотря на две попытки, она так и не смогла эту работу раздобыть: ей даже не вернули бланк заказа...

Прошло четыре месяца, и мы делаем новую попытку, которая оказывается такой же бесплодной. Измученные, мы врываемся в небольшой зал рядом с запасником и разыгрываем английских туристов, по горло сытых бюрократическими препонами Национальной библиотеки. Очаровательный старичок-ассистент взялся нам помочь и отправился на поиски работы, причем мы благоразумно дали ему только шифр книги, без названия. Возвратился он удрученный: книга исчезла, ее украли! И что еще хуже, это злодеяние совершено, возможно, одной из наших соотечественниц, имя которой он после небольшого колебания сообщил: речь шла о нашей знакомой!..

Сразу же после нашего возвращения в Англию, мы потребовали от Национальной Центральной библиотеки связаться с той же организацией в Париже и добиться объяснений: почему нашим вполне законным поискам явно чинили препятствия? Ответа никакого не последовало, но спустя некоторое время мы получили фотокопию работы Антуана Отшельника вместе с требованием немедленно ее вернуть. Странное правило, ведь любой фотокопированный экземпляр рассматривался обычно как простая копия и, следовательно, возврату не подлежал...

Впрочем, работа нас разочаровала, она вовсе не была достойной всего того труда, который мы затратили на то, чтобы ее заполучить. Как и на книге Мадлен Бланкассаль, на этой работе тоже стоял знак Великой Альпийской Ложи, но в ней не сообщается ничего нового. Она кратко излагает историю графства Разес, Ренн-ле-Шато и Беранже Соньера и возвращается к деталям, которые нам давно и очень хорошо знакомы. Ничто не объясняет нам ни то, почему ее так долго нам не давали, ни то, почему нам потом в ней отказали. Абсолютно ничего оригинального в этой работе нет, поскольку, за исключением незначительных изменений, это

полное воспроизведение одной из глав довольно расхожего карманного издания, посвященного сокровищам, рассеянным по всему свету. Какое из этих двух изданий было плагиатом?

Все эти анекдоты хорошо освещают атмосферу нескончаемых мистификаций, в которой плавают информация об интересующем нас сюжете, действие которой ощутили на себе не мы одни; имена, сведенные к простым псевдонимам, адреса несуществующих издателей или организаций, ссылки на какие-то признанные работы, исчезнувшие и не найденные документы, искаженные или непонятно почему плохо каталогизированные в Национальной библиотеке, имеющие такие знаки, что иногда создавалось впечатление, будто перед нами разыгрывается грандиозный фарс, но принятый всерьез, прекрасно поставленный, прекрасно финансируемый и прекрасно проведенный.

Итак, среди обрывков сведений, не перестающих появляться через определенные промежутки времени, постоянно прослеживаются уже хорошо знакомые нам лейтмотивы: Соньер, Ренн-ле-Шато, Пуссен, «Пастухи Аркадии», рыцари Храма, Дагоберт II и династия Меровингов, перемешанные с новыми намеками, например, на виноградарство, особенно на прививку винограда, что, возможно, имеет аллегорический смысл. Но есть информация совсем другого стиля, как, например, идентификация Анри Лобино с графом де Ленонкуром или же настоящая личность Магдалянки, появляющейся весьма часто. Обнаруживаются и новые названия, тесно связанные, как нам кажется, с Ренн-ле-Шато. Одно из них — это Жизор, что в Нормандии, представлявший в эпоху крестовых походов жизненно важное политическое и стратегическое значение; другое — Стенэ, называемый иногда Сатаникум, находящийся в Арденнах, бывшая столица меровингской династии, видевшая убийство Дагоберта II в 679 г.

Невозможно перечислить здесь подробно весь известный материал, относящийся к загадке Ренн-ле-Шато. Слишком многое появилось после 1956 г., сведения слишком краткие, слишком разрозненные, порой слишком запутанные. Но сейчас очень важно коротко обозначить некоторые главные пункты, являющиеся бесспорными историческими фактами, которые составят основу наших дальнейших поисков.

1) За орденом тамплиеров стоит некий таинственный орден, который создал их, чтобы в его ведении находились все военные и административные дела. Орден действовал под различными названиями, самое распространенное из которых — «Сионская Община».

2) Эта Сионская Община управлялась последовательно великими магистрами, имена которых фигурировали среди самых знаменитых имен в Истории и культуре Запада.

3) Рыцари Храма исчезают в период между 1307 и 1314 гг., но Сионская Община остается неприкосновенной. Периодически ей угрожают конфликты и интриги, но, однако, она продолжает существовать век за веком, действуя в тени и руководя некоторыми великими событиями, имевшими место в истории Западной Европы.

4) Сионская Община существует и по сей день и остается активной; она играет некоторую роль в международном плане и во внутренних делах некоторых европейских государств.

5) Признанная и объявленная цель Сионской Общины — восстановление династии и рода Меровингов не только на французском троне, но и на тронах некоторых других европейских государств.

6) Это восстановление оправдано как в плане моральном, так и с точки зрения закона. Действительно, род Меровингов, низложенный в VIII в., не исчез после Дагоберта II и его сына Сигиберта IV; он непрерывно продолжался по прямой линии и, благодаря династическим союзам и бракам, он включил в себя Годфруа Бульонского, который в 1099 г. захватил Иерусалим, а также многих членов знатных семей и старинных и современных королевских фамилий — Бланшфор, Жизор, Сен-Клер (Синклер в Англии), Монтестью, Монпеза, Поэр, Лузиньян, Плантар и Габсбург-Лотарингских. Следовательно, меровингский род в настоящее время вполне законно получает преимущество в деле об этом блестящем наследстве.

Существование Сионской Общины теперь могло бы объяснить ссылки на «Сион», фигурирующие в документах, найденных Соньером, так же как и любопытную надпись «P.S.» (Prieure de Sion — Сионская Башня), появляющуюся в одном из документов и на надгробной плите могилы Мари де Бланшфор.

Если эти доказательства в общем и целом верны и если в этом мире все возможно... Однако, что касается различных теорий о заговорах в Истории, то мы принимаем их очень

скептически, и большое количество утверждений только что приведенных, какими бы логичными они ни казались, кажутся нам либо неуместными, либо невероятными, даже абсурдными, или же теми и другими одновременно.

Однако кое-кто упорствует и верит в них всерьез с высоты известных позиций, хотя на самом деле все признают, что, являясь или не являясь достоверными, они все более или менее связаны с тайной, окружающей Соньера и Ренн-ле-Шато.

Именно в силу этих различных причин мы в конце концов решили в пользу систематического исследования всего того, что мы в дальнейшем будем называть «документами Общины». Да, надо было подвергнуть их скрупулезной, систематической критике, позволяющей определить их точную ценность. Могло оказаться вполне возможным, что при строгом анализе большинство выводов, к которым мы пришли, отпали бы сами собой.

Но мы совершили бы большую ошибку, если бы судили слишком поспешно...

5. ТЕ, КТО ДЕЙСТВУЕТ В ТЕНИ

Уже давно мы были убеждены, что за спиной тамплиеров существует и действует какой-то «орден». Поэтому, прежде всего рассмотрим одно утверждение из наших документов, кажущееся нам наиболее вероятным: орден Храма был создан Сионской Общиной.

В первый раз мы обнаружили более или менее содержательную ссылку на эту Общину на страницах «Секретных досье». Действительно, вверху страницы приведена была цитата из монументального труда Рене Груссе о крестовых походах, вышедшего в 1930 г., который сейчас считается неоспоримым. В этой цитате делается намек на Бодуэна I, молодого брата Годфруа Бульонского, герцога Лотарингского и завоевателя Святой Земли, который после смерти брата принял королевский венец и стал первым королем Иерусалима. Таким образом, комментирует Рене Груссе, через Бодуэна I непрерывно продолжается «королевская традиция», которая «была основана на скале Сион». Следовательно, эта династия «равна» царствующим династиям Европы — Капетингам во Франции, англонормандским Плантагенетам в Англии, Гогенштауффенам и Габсбургам, правящим в Германии и бывшей Священной Римской Империи.

Почему Груссе воскрешает в памяти «королевскую традицию», когда Бодуэн и его потомки получили трон путем выборов, а не по наследству? Впрочем, автор не дает никаких особых объяснений, а также не объясняет, почему эта традиция, «основанная на скале Сион», была «равной» самым древним европейским династиям.

На той же самой странице «Секретных досье» имеется намек на таинственную Сионскую Общину, а точнее на орден Сиона. В самом деле, в тексте уточняется, что он был создан Годфруа Бульонским в 1090 г., за девять лет до завоевания Иерусалима, тогда как другие «документы Общины» приближают эту дату к 1099 г. Согласно тому же тексту, Бодуэн, юный брат Годфруа, «был обязан получением трона» этому ордену, официальным местопребыванием которого было аббатство Нотр-дам-дю-Мон-де-Сион в Иерусалиме или же — другая возможность — вне Иерусалима, на горе Сион, знаменитом «высоком холме», находящемся к югу от города.

Но, так как ни один из текстов XX в., посвященных крестовым походам, не упоминает об ордене Сиона, то мы должны сначала определить, действительно ли такой орден когда-либо существовал и истинно ли утверждение о том, что он имел право даровать королевские троны. И с этой целью мы были вынуждены перевернуть целые груды архивов, грамот и старинных документов, так как кроме ясных ссылок на орден нам нужно было также отыскать следы его деятельности и возможного влияния и прежде всего найти следы аббатства, носящего имя Богоматери на горе Сион.

На юге Иерусалима возвышается «высокий холм» горы Сион, и когда в 1099 г. город был взят крестоносцами Годфруа Бульонского, там обнаружили развалины древней византийской базилики, датирующейся, вероятно, еще IV в. и названной «матерью всех церквей». Как указывает большое количество хроник и рассказов современников, победитель поспешил сразу же возвести аббатство на месте этих руин: по сообщениям летописца, писавшего в 1172 г., это величественное здание было очень хорошо укреплено, с башнями, стенами и бойницами, и

окрещено «Аббатством Богоматери на горе Сион» (Нотр-Дам-дю-Мон-де-Сион).

Итак, место было занято. Было ли это совершенно автономное общество, принявшее имя горы, на которой оно возросло? И принадлежали ли его члены к ордену Сиона? Вполне разумная мысль. В самом деле, если монахи и рыцари, которым Годфруа Бульонский подарил церковь Гроба Господня, объединились в официальный орден, носящий то же имя, то почему бы обитателям аббатства, расположенного на горе Сион, не сделать то же самое? В аббатстве, как отмечает один историк XIX в., "проживал капитул каноников-августинцев, в обязанности которых входило отправление службы под руководством аббата. Это сообщество имело двойное имя «Святой Марии на горе Сион и Святого Духа».

Другой историк в 1698 г. высказывается еще более определенно, хотя стиль его и лишен изящества: «...и так как дали ему главным местом приют, построенный на горе Сион в Иерусалиме, посвященный Божьей матери, это дало право звать рыцарей: орден Богоматери Сиона».

Кроме этих свидетельств в пользу существования древнего ордена Сиона, мы нашли также некоторые документы с печатью и подписью того или иного настоятеля ордена, например, грамота, подписанная приором Арнальдусом и датированная 19 июля 1116 г., или другая, где имя этого же приора фигурирует рядом с именем Гуго де Пейна, первого великого магистра ордена Храма.

Итак, все заставляет нас верить в то, что орден Сиона в XII в. уже существовал, и никто не мог знать, ни был ли он основан еще раньше, ни кто из них — орден или место, им занимаемое — был раньше другого. Например, если вспомнить цистерцианцев, то они позаимствовали свое имя у местечка под названием Сито, тогда как другие — францисканцы или бенедиктинцы — носили имена их основателей задолго до того, как они осели в определенном месте. В случае с Сионом вопрос остается открытым, и, следовательно, нам придется удовольствоваться тем, что в 1100 г. существовало аббатство Нотр-Дам-де-Сион, где обитали члены ордена, который, быть может, был образован еще раньше.

Таково наше мнение на этот счет. Но продолжим расследование.

В 1070 г., спустя двадцать девять лет после первого крестового похода, монахи из Калабрии, что на юге Италии, прибывают в окрестности Арденнского леса, входившего в состав владений Годфруа Бульонского. Как считают некоторые историки, предводительствовал им некий «Урсус» — имя, тесно связанное в «документах Общины» с родом Меровингов. Прибыв в Арденны, калабрийские монахи заручаются покровительством Матильды Тосканской, герцогини Лотарингской, родной тетки и приемной матери Годфруа Бульонского. Это она дарует своим протеже земли в Орвале близ Стенэ, где около пятисот лет назад был убит Дагоберт II. Вскоре они возводят там аббатство, но не остаются жить в нем, буквально исчезнув, не оставив после себя никаких следов в 1108 г. Кое-кто считает, что они просто вернулись к себе в Калабрию. В 1131 г. Орваль становится одним из ленных владений св. Бернара.

Но перед своим исчезновением из Орваля калабрийские монахи оставили в истории Запада неизгладимую отметку. По словам все тех же историков, среди них находился человек, который позже станет знаменитым Петром Отшельником, тем самым Петром Отшельником, наставником Годфруа

Бульонского, который, начиная с 1095 г., вместе с папой Урбаном II проповедует во Франции и в Германии необходимость крестового похода. Нужно, красноречиво заявляет он, начать эту священную войну, которая возвратит Христианскому миру могилу Христа и вырвет Святую Землю из рук мусульман.

Приняв во внимание намеки, легко различимые между строк «документов Общины», мы спросили себя, не могло ли существовать некоего подобия преемственности между монахами из Орваля, Петром Отшельником и орденом Сиона. В самом деле, можно быть почти уверенными в том, что, если эти последние казались больше бродячей общиной неизвестных монахов, прибывших в Арденны, то их внезапное исчезновение спустя каких-нибудь сорок лет является доказательством их сплоченности и организованности, которые, несомненно, имели постоянную основу. Если Петр Отшельник действительно принадлежал к этой общине, то его призывы в пользу крестового похода не были проявлением фанатизма, а напротив, были

хорошо продуманным политическим ходом. Кроме того, если он был наставником Годфруа Бульонского, то вполне вероятно, что он сыграл определяющую роль в решении своего ученика отправиться в Святую Землю. Что же касается монахов из Орваля, то на самом ли деле они возвратились в Калабрию, не обосновались ли они в Иерусалиме, в аббатстве Нотр-Дам-де-Сион?..

Это, конечно, только гипотеза, которую, тем не менее, нельзя ни отбросить, ни утвердить, но на которой нужно на некоторое время остановиться.

Когда Годфруа Бульонский сел на корабль, чтобы отправиться в Святую Землю, по слухам, его сопровождали несколько неизвестных людей, бывших, возможно, его советниками. Но войско Годфруа Бульонского не было единственным отправившимся в Палестину; их было еще три, во главе которых стояли представители высшей европейской знати. Из Европы уехали четыре могущественных правителя, и все они имели право сесть на трон, если Иерусалим падет и в Палестине будет создано королевство франков. А Годфруа Бульонский был заранее убежден, что трон займет именно он, ибо он был единственным из сеньоров, покидающих свои земли, чтобы отправиться на Ближний Восток, кто отказался от всех своих владений и продал все свое имущество, будто Святая Земля воздаст ему за все это на всю жизнь.

Итак, в 1099 г., сразу после взятия Иерусалима, собрался тайный конклав, и если История не смогла точно установить личности всех его участников, то спустя три четверти века Вильгельм Тирский утверждал, что самым знаменитым из них был не кто иной, как «некий епископ из Калабрии».

Цель этого собрания была ему вполне ясна: выборы короля Иерусалима. И, несмотря на требование Раймона, графа Тулузского, таинственные и влиятельные избиратели очень быстро отдали трон Годфруа Бульонскому, который скромно принял лишь титул «защитника гроба Господня», а титул короля в конце концов после его смерти в 1100 г. принял его брат Бодуэн.

Были ли участниками этого странного конклава, передавшего в руки Годфруа Бульонского новое королевство, монахи из Орваля? И был ли среди них пользовавшийся тогда значительным авторитетом в Святой Земле Петр Отшельник?

Собиралась ли эта таинственная ассамблея в аббатстве на горе Сион? Там было столько разных людей и столько разных вопросов, но не составляли ли они единое целое и не дали ли они один-единственный ответ? Конечно, эту гипотезу подтвердить очень сложно. Но ее нельзя и отбросить. Если ее хорошо проверить, то, наверное, могущество ордена Сиона было бы подтверждено, равно как и его власть даровать королевский трон.

Согласно «Секретным досье», основателями ордена Храма считаются «Гуго де Пейн, Бизоль де Сент-Омер и Гуго, граф Шампанский, а также и некоторые члены ордена Сиона: Ан-дре де Монбар, Аршамбо де Сент-Эньян, Нивар де Мондидье, Гондемар и Россаль».

Гуго де Пейна и дядю св. Бернара Андре де Монбара мы уже знаем; нам известен также и Гуго, граф Шампанский, который дал землю, где св. Бернар построил аббатство Клерво. Став в 1124 г. тамплиером, он принес клятву верности своему собственному вассалу и получил от епископа Шартрского письмо, которое нам тоже известно. Но, несмотря на то, что между графом Шампанским и тамплиерами существовали определенные отношения, нигде кроме «Секретных досье», он не указан в числе основателей ордена. Что касается Андре де Монбара, скромного дяди св.Бернара, то он просто принадлежал к ордену Сиона, то есть к другому ордену, отличающемуся от ордена Храма, предшествовавшему ему и сыгравшему в его создании главную роль.

Но это еще не все. В одном из текстов «Секретных досье» упоминается, что в марте 1117 г. Бодуэн I, «который был обязан Сиону своим тронном», был «вынужден» вести переговоры об утверждении ордена Храма в Сен-Лео-нар-д'Акре; а наши поиски открыли нам, что это местечко было как раз одним из ленных владений ордена Сиона.

Зато мы совсем не знаем о том, почему Бодуэн был «вынужден» вступить в эти переговоры. Это слово наталкивает на мысль о принуждении или о давлении, а оно, судя по некоторым намекам «Секретных досье», было оказано этим самым орденом Сиона, которому Бодуэн «был обязан своим тронном». Если это так, то подтверждается предположение о том, что орден Сиона на самом деле был всемогущей и влиятельной организацией, которая имела право не только даровать трон, но и, очевидно, заставить короля склониться перед желаниями ордена.

Если, таким образом, орден Сиона был действительно ответственным за избрание Годфруа Бульонского, то, конечно же, его юный брат Бодуэн «был обязан своим тронном» именно ему. Кроме того, теперь мы знаем, что, по всей видимости, орден Храма существовал (по крайней мере, в зачаточном состоянии) за целых четыре года до общепринятой даты его основания, то есть до 1118 г. В 1117 г. Бодуэн был болен, почти при смерти; быть может, рыцари Храма уже осуществляли свою деятельность в качестве услужливых военных и административных помощников ордена Сиона, который укрывал их в своем укрепленном аббатстве? Может быть также, что король Бодуэн, находясь на смертном одре, был вынужден либо по состоянию здоровья, либо под давлением ордена Сиона предоставить тамплиерам официальный статус, чтобы обеспечить им легальное существование?

В ходе наших исследований о тамплиерах мы уже обнаружили сеть хитроумных соотношений, тесно перепутанных, которые, похоже, выявляли существование некоего грандиозного замысла, и на основании всего этого, мы выработали гипотезу, но без определенных выводов.

Теперь же нам кажется, благодаря новым данным о Сионской Общине, что предполагаемый заговор приобретает некоторую устойчивость, позволяющую нам перечислить множество важных моментов:

1) В конце XI в. в Арденны прибыла таинственная монашеская община из Калабрии, где ее принимает под свое покровительство тетка и приемная мать Годфруа Бульонского, которая дарует им земли в Орвале.

2) Среди них, возможно, находится наставник Годфруа, один из проповедников первого крестового похода.

3) Некоторое время спустя после 1108 г. монахи покидают Орваль и исчезают; никто не знает, в каком направлении они убыли; быть может, они отправились в Иерусалим. Во всяком случае, Петр Отшельник едет в Святую Землю, и, если он был одним из монахов из Орваля, разумно было бы предположить, что те отправились вместе с ним.

4) В 1099 г. Иерусалим был взят крестоносцами, и конклав, состоявший из неизвестных личностей, во главе которого стоял уроженец Калабрии, предложил Годфруа занять трон нового королевства франков.

5) По просьбе Годфруа Бульонского на горе Сион возводится аббатство; в нем обитает орден, носящий то же имя, состоящий, возможно, из тех самых личностей, которые предложили ему занять трон.

6) В 1114 г. уже существуют рыцари Храма, и их деятельность (возможно, военная) находится в зависимости от ордена Сиона. Но об учреждении ордена договорились лишь в 1117 г., а его существование официально датируется только следующим годом.

7) В 1115 г. св. Бернар, член ордена цистерцианцев, находящегося на грани развала, становится одной из самых блестящих личностей Христианского мира. В это же время его орден встает во главе самых богатых и престижных религиозных институтов Европы.

8) В 1131 г. св. Бернар получает в свое владение аббатство Орваль, которое несколькими годами ранее занимали калабрийские монахи. Орваль становится обителью цистерцианцев.

9) В течение этого же времени пути некоторых лиц загадочным образом пересекаются в связи с различными событиями, но, тем не менее, это позволяет сложить некоторые куски головоломки. Так обстоит дело с графом Шампанским, который дарует земли св. Бернару, чтобы построить аббатство Клерво, содержит в Труа блестящий двор, как в романах о Святом Граале, и в 1114 г. присоединяется к рыцарям Храма, первый известный великий магистр которого, Гуго де Пейн, является его собственным вассалом.

10) Андре де Монбар, дядя св. Бернара и предполагаемый член ордена Сиона, объединяется с Гуго де Пейном, чтобы основать орден Храма. Некоторое время спустя два брата Андре присоединяются к св. Бернару в Клерво.

11) Св. Бернар становится восторженным сторонником рыцарей Храма; он принимает их во Франции и участвует в выработке их устава, который, следовательно, будет похож на устав цистерцианцев.

12) Приблизительно в период между 1115 и 1140 гг. цистерцианцы и тамплиеры процветают: земли и богатства увеличиваются у тех и других в значительной мере.

Итак, мы снова вынуждены спросить себя: являются ли эти многочисленные отношения просто набором совпадений? Возможно, речь идет лишь о людях, событиях и явлениях совершенно независимых друг от друга и лишь по воле случая накладывающихся одно на другое через примерно равные промежутки времени? Или же мы обнаружили основные линии плана, задуманного и построенного человеческим мозгом, ни одно из проявлений и элементов которого не является случайным? И может ли быть так, что этим мозгом был орден Сиона?

Следовательно, поставленный вопрос в дальнейшем звучит следующим образом: мог ли орден Сиона, держась в тени, действовать за спинами св. Бернара и тамплиеров? Действовали ли знаменитый цистерцианский монах и солдаты христовы согласно с некоей высшей политикой?

В «документах Общины» не содержится никаких указаний на деятельность ордена Сиона в период между 1118 г. — официальной датой образования ордена тамплиеров — и 1152 г., и, по всей вероятности, в этот отрезок времени орден оставался в Святой Земле, в аббатстве близ Иерусалима. Но, по слухам, французский король Людовик VII, возвращаясь из второго крестового похода, привез с собой девяносто пять членов ордена. Никто не знает, ни в чем они должны были ему помогать, ни почему он желал им покровительствовать; но если мы допускаем, что орден Сиона действовал в тени тамплиеров, тяжкие долги военного и финансового характера, сделанные Людовиком VII богатым рыцарям, могут все объяснить.

Итак, орден Сиона, основанный Годфруа Бульонским за полвека до описываемых событий, ступил или вновь ступил на землю Франции в 1152 г. Действительно, уточняет текст «документов», шестьдесят два члена ордена обосновываются в «большой общине» св. Самсона в Орлеане, которую король подарил им; семеро других влились в ряды тамплиеров; и двадцать шесть (либо две группы по тринадцать человек) прибыли в «маленькую общину на горе Сион», расположенную в Сен-Жан-ле-Блане в окрестностях Орлеана.

Зная эти подробности, мы выходим из границ неуверенности и обретаем твердую почву под ногами, ибо грамоты, которыми Людовик VII устроил орден Сиона в Орлеане, все еще существуют; они были много раз воспроизведены, а оригиналы можно посмотреть в муниципальных архивах города. В этих же архивах находится булла папы Александра III, датированная 1178 г., которая официально подтверждает владения ордена: дома и обширные территории в Пикардии и во Франции (включая обитель св. Самсона в Орлеане), в Ломбардии, на Сицилии, в Испании и в Калабрии, многочисленные земли в Палестине, среди которых — Сен-Леонар-д'Акр. До второй мировой войны в архивах Орлеана находились по крайней мере двадцать грамот, упоминавших именно орден Сиона. К сожалению, во время воздушных налетов 1940 г. все они, за исключением трех, погибли.

Если верить «документам Общины», то 1188 г. был наиважнейшим для Сиона и рыцарей Храма. Год назад Иерусалим снова был взят сарацинами, главным образом из-за некомпетентности Жерара де Ридфора, великого магистра ордена тамплиеров. Что касается «Секретных досье», то их приговор более суров: в них не говорится ни о жестокости, ни о некомпетентности Жерара, зато прямо говорилось о его «предательстве». Если мы не знаем, в чем именно состояло его предательство, то мы должны констатировать, что оно, по всей вероятности, вынудило «посвященных» ордена Сиона «всем скопом» добраться до Франции и, возможно, до Орлеана. Утверждение правдоподобно, ибо, когда Иерусалим вновь оказался в руках неверных, аббатство на горе Сион должна была постигнуть та же участь. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в подобных обстоятельствах обитатели его, лишившись своего оплота в Святой Земле, стали искать убежища во Франции, где в их владении уже имелась земля.

События 1187 г. — «предательство» Жерара де Ридфора и сдача Иерусалима, — кажется, ускорили разрыв между орденом Сиона и тамплиерами. Точные причины этого неизвестны, но, согласно «Секретным досье», следующий год был свидетелем решительного поворота в жизни обоих орденов. И когда в 1188 г. произошел окончательный разрыв, орден Сиона перестал интересоваться своими знаменитыми протезе, как отец отвергает своего ребенка... Этот разрыв произошел во время ритуальной церемонии, на которую намекают «Секретные досье» и другие «документы Общины», повествуя о «рубке вяза», имевшей место в Жизоре.

Если все пункты в этом тексте являются запутанными, то История и предания признают,

что в 1188 г. в Жизоре произошло очень странное событие, которое спровоцировало рубку вяза. Факты таковы: перед крепостью находился луг, именуемый «священным полем», которое, по сообщениям средневековых летописцев, с незапамятных времен пользовалось особым почитанием, и которое в XII в. часто служило местом встреч французских и английских королей. В центре его рос старинный вяз, который в 1188 г. во время беседы между Генрихом II Английским и Филиппом II Французским стал по непонятным причинам предметом серьезной, если не сказать кровавой ссоры.

Согласно одному из рассказов, вязу, отбрасывающему единственную тень на священное поле, было более восьмисот лет, и ствол его был таким толстым, что девять человек, раскинув руки, едва могли обхватить его. Под этой приветливой тенью и расположились Генрих II и его спутники; они обогнали французского монарха, приехавшего позже под жаркими лучами безжалостного солнца. На третий день переговоров под действием жары темпераменты накалились, вооруженные мужчины обменялись оскорбительными репликами, и из рядов галльских наемников Генриха II выпустили злополучную стрелу. Французы тотчас ринулись вперед, и, так как их было гораздо больше, чем англичан, последние были вынуждены искать убежища за стенами цитадели. Говорят, что в ярости Филипп II срубил дерево и поспешно возвратился в Париж, будучи в очень плохом настроении; там он заявил, что явился в Жизор вовсе не для того, чтобы играть в дровосека.

Разумеется, мы не преминули попытаться прочесть между строк этого простого до наивности средневекового анекдота. За его внешним очарованием раскрывается очевидная истина, которую поверхностный взгляд вполне мог бы не заметить. Можно попробовать усмотреть в нем связь и с нашим сюжетом. Однако...

В другом рассказе Филипп, кажется, действительно высказал Генриху свое намерение срубить дерево, и Генрих приказал «укрепить» ствол вяза стальными клинками. На следующий день появилась фаланга из шести эскадронов вооруженных французов, во главе каждого из которых стояли важные сеньоры королевства; у солдат в руках были пращи, топоры и дубинки. В завязавшемся бою старший сын и наследник английского трона Ричард Львиное Сердце ценой большого кровопролития попытался защитить дерево. К вечеру французы остались победителями на поле боя, и вяз был срублен.

В этом втором рассказе, как мы видим, заключено нечто большее, чем яростная ссора королей, а именно: введение в бой воинов с обеих сторон с большим количеством участников и, возможно, и жертв. К несчастью, ни в одной биографии Ричарда Львиное Сердце не содержится ни малейшего намека на подобное событие.

Зато История и предания подтверждают оба «документа Общины»: действительно, в 1188 г. в Жизоре имел место любопытный спор, окончившийся рубкой вяза. Следовательно, если ничто не подтверждает возможную связь этого события с орденом Сиона или с орденом Храма, ибо существующие рассказы одновременно слишком туманны и слишком противоречивы, чтобы считать их неопровержимыми, то не менее вероятно и то, что при этом инциденте присутствовали тамплиеры — много раз отмечалось их соупутствие Ричарду Львиное Сердце, тем более, что в то время Жизор уже тридцать лет находился в их власти.

Коротко говоря, это приключение с вязом скрывает от нас совсем не ту реальность, которую передали потомкам официальные рассказы. В самой их двусмысленности не кажется ли выпущенным главный элемент; не выдана ли широкой публике простая аллегория, скрывающая за собой истину?

Начиная с 1188 г., утверждают «документы Общины», рыцари Храма уже самостоятельны, независимы от ордена Сиона и от военных или каких-либо других обязанностей по отношению к нему. Впредь они свободны служить своим целям и вершить свою судьбу вплоть до рокового дня — 13 октября 1307 г.

В том же самом 1188 г. в ордене Сиона происходит полная перестройка. До сих пор одни и те же великие магистры, например, Гуго де Пейн или Бертран де Бланшфор, одновременно руководили обоими институтами. Начиная с 1188 г. орден Сиона выбирает своего собственного руководителя, не зависящего от ордена Храма. Первым среди них станет Жан (Иоанн) де Жизор.

Орден Сиона также изменяет свое название и принимает то, под которым он известен нам

и по сей день — Сионская Община. К нему добавляется и второе название, априори удивительное — «Ормус», которое будет использоваться до 1306 г., то есть до даты, через год после которой будет совершен арест французских тамплиеров. Это слово представлено знаком — неким видом анаграммы, в котором сочетаются несколько слов-ключей и символов, как, например, «ours» (медведь) — «ursus» по-латински, намек на Дагоберта II и меровингскую династию (это мы увидим позже), «огте» (вяз), «ог» (золото) и прописную букву "М", уже встречавшуюся ранее, которая как бы окружает другие буквы — астрологический символ Девы, и означающую «Богоматерь» на языке средневековой иконографии.

Так как нам неизвестны никакие ссылки на средневековый институт, носивший имя «Ормус», проверить эти утверждения невозможно. Но термин «Ормус» появляется в двух других совершенно разных контекстах. С одной стороны, это зороастрийская мысль и гностические тексты, где это слово является синонимом понятия Света, на которые ссылались франкмасоны в конце XVIII в. В масонской традиции «Ормус» был египетским мистиком, гностическим последователем из Александрии, где, как считается, он жил в первые годы христианской эры. Обращенный в 46 г. в христианство вместе с шестью своими товарищами св. Марком, учеником Иисуса, он стал родоначальником новой секты, где смешивались принципы зарождающегося христианства и более древних верований.

Неизвестно, существовал ли Ормус Египетский на самом деле; но если представить себе это горнило мистической деятельности, каким была Александрия в I в. н. э., то такому персонажу там вполне нашлось бы достойное место. Всякого рода иудаистские и герметические доктрины, последователи Митры и Зороастры, пифагорейцы и неоплатоники сталкивались в нескончаемой суматохе идей и мнений, где постоянно рождались и возрождались различные школы и доктрины. В изобилии имелись учителя самых разных верований, один из которых — а почему бы и нет? — мог принять имя «Ормус», выражающее светлое начало.

По той же масонской традиции, в 46 г. после рождения Христова Ормус дал своему «новому ордену посвященных» специфический символ — красный или розовый крест. Мы знаем, что красный крест оказался на гербе рыцарей Храма, но «Секретные досье» выражаются на этот счет: нужно, внушают они, видеть в Ормусе происхождение ордена Розы и Креста, или розенкрейцеров; впрочем, в 1188 г. Сионская Община прибавила к «Ормусу» еще одно название и стала называться «орденом Истинных Розы и Креста».

Эта новая гипотеза, близкая к одному из утверждений, кажется нам слишком подозрительной. Конечно, мы знаем «калифорнийских розенкрейцеров», которые вывели свое происхождение из поздней античности и имеющие своими членами величайшие имена планеты. Но к ордену «Розы и Креста», датирующемуся 1188 г., мы относимся весьма скептически!

В самом деле, до начала XVII в. или, в самом крайнем случае, до последних лет XVI в. не существует никаких следов розенкрейцеров (по крайней мере, рыцарей с этим именем), как убедительно показала это английский историк Френсис Яте. Первые мифы, связанные с этим легендарным орденом, появляются около 1605 г., потом мы обнаруживаем их десять лет спустя, во время публикации взволновавших умы брошюр, появившихся в 1614, 1615 и 1616 гг. В них объявляется о существовании тайного братства, ассоциации посвященных мистиков, основанной неким Христианом Розенкрейцем, родившимся в 1378 г. и умершим в 1484 г. в преклонном возрасте ста шести лет.

Но сегодня кое-кто считает, что Христиан Розенкрейц и его таинственное братство в действительности были лишь мистификацией, мотивы которой до сих пор неизвестны, и которые, несомненно, имели в свое время серьезные политические последствия. Впрочем, теперь мы знаем автора брошюры, появившейся в 1616 г., знаменитого «Химического венчания Христиана Розенкрейца». Речь идет об Иоганне Валентине Андреа, немецком писателе и теологе из Вюртемберга, который признался, что сочинил этот текст как «комедию» — в том смысле, в котором какой-нибудь Данте или Бальзак, вероятно, его бы поняли. Но в таком случае, почему бы ему не сочинить и другие «розенкрейцеровские» брошюры, являющиеся источником всего, что сегодня известно об основании этой организации?

Зато, если «документы Общины» заслуживают доверия, мы должны пересмотреть проблему происхождения ордена Розы и Креста и увидеть в нем нечто другое, нежели ловко

поставленный в XVII в. фарс. Пойдет ли речь о тайном обществе, о подпольном братстве в начале, быть может, не совсем мистическом, но очень политизированном? Существовало ли оно за четыреста двадцать пять лет до того, как стало известным широкой публике, и за два века до своего легендарного основателя?

Еще раз повторяем: у нас нет никаких формальных доказательств. Хотя, конечно, роза является с незапамятных времен одним из великих мистических символов человечества, бывший особо в моде во времена Средневековья, что доказывает «Роман о Розе» Гийома де Лорри и Жана де Менга и «Рай» Данте. Красный крест также является традиционным мотивом, который мы находим не только на гербе тамплиеров, но и кресте Святого Георгия, такой, каким принял его орден Подвязки, созданный спустя каких-нибудь тридцать лет после краха тамплиеров. Но будь они красные или розовые и многочисленные в мире символики, одних этих крестов недостаточно, чтобы открыть существование института с этим именем, еще менее — тайного общества.

Не будем забывать, как справедливо отметила Фрэнсис Ятс, что большое количество тайных обществ, действовавших до XVII в., были общества розенкрейцеров, если не по названию, то по политической и философской ориентации. Так, в плане индивидуальном, Леонардо да Винчи, безусловно, был розенкрейцером по своему темпераменту и по образу мыслей.

В заключение вспомним, что когда в 1629 г. братство Розы и Креста находилось во Франции в своем апогее, кюре Жизора, Робер Деньо, написал историю города и своей семьи, в которой он прямо заявил, что орден Розы и Креста был основан Жаном де Жизором в 1188 г., чем подтвердил высказывания «документов Общины». Отстоящая от описываемых событий на четыреста пятьдесят лет вперед, рукопись представляет, по нашему мнению, доказательство тем более убедительное, что она исходит от человека, жившего в самом Жизоре.

Но, повторим еще раз, что тексты «документов Общины» наталкивают только на предположения и не могут дать никакой абсолютной уверенности. Тем не менее, не будем пренебрегать ими и удовольствуемся на первое время тем, что будем держать при себе свое суждение на этот счет.

Параллельно с этой бесспорно важной информацией «документы Общины» предоставляют нам и другую, довольно разнородную и явно такую незначительную, что она ускользает от анализа. Не следует ли поэтому видеть в ней гарантию точности, ведь такие ничтожные детали вряд ли были выдуманы, тем более, что большинство из них можно проверить?

Так, Жирар, аббат «малой общины» в Орлеане, между 1239 и 1244 гг. уступил рыцарям Храма клочок земли в Акре. Причины этой сделки, естественно, никому не известны, но она была надлежащим образом установлена: существует грамота, датируемая 1239 г. и за подписью Жирара. Но это еще не все. Имеется другое, похожее показание, касающееся некоего аббата Адама, который самолично руководил «малой общиной» в 1281 г. и дал землю близ Орваля цистерцианцам, которые, как мы уже видели, занимали в то время аббатство и которые поселились там на полтора века раньше, при св. Бернаре. На этот раз никакой письменный документ не помогает установить подлинность акта, который, тем не менее, вполне вероятен, ибо в большом количестве имеются другие документы, касающиеся похожих операций. В данном случае они представляют особый интерес, так как в них упоминается Орваль, встречавшийся уже в ходе нашего расследования. Добавим, что эта территория должна была иметь исключительную важность, уточняют «документы Общины», раз за этот дар Адам навлек на себя яростный гнев со стороны своих братьев из ордена Сиона; чуть было не дошло до отказа от своих прерогатив... Свидетель акта сложения с себя сана, после которого опальный аббат уехал в Акр, Тома де Сенвиль, великий магистр ордена Святого Лазаря, подтверждает подлинность этого события. Потом городок попадает в руки сарацин, а несчастный аббат уезжает на Сицилию, где в 1291 г. умирает.

Надо сказать, что грамота о сложении сана аббатом Адамом исчезла. Но в 1281 г. Тома де Сенвиль был великим магистром ордена Св. Лазаря, который находился недалеко от Орлеана, где происходило сложение сана. К тому же из надежного источника известно, что аббат действительно отправился после этого в Акр, как свидетельствуют две прокламации и два

письма, подписанные его рукой, первое из которых помечено августом 1281 г., а второе — мартом 1289 г.

Одному моменту «документы Общины» уделяют особое внимание. Это отделение друг от друга орденов Сиона и Храма, происшедшее в 1188 г., когда был срублен вяз. Но, видимо, связь между ними все же продолжала существовать, ибо «в 1307 г. Гийом де Жизор получил от ордена Храма золотую голову *Caput LVIII*».

Факт очень интересный, потому что хоть мы уже не в первый раз встречаем эту таинственную голову, нам еще не представлялось удобного случая установить ее прямую связь ни с Сионом, ни со знаменитой семьей, царствовавшей в Жизоре. «Документы» ли очень стараются установить взаимоотношения там, где их не было? Мы так не думаем, потому что отчеты Инквизиции говорят о противоположном; там, где мы были более всего сдержаны в оценке фактов, в действительности доказательства казались самыми солидными. Вот текст одного из отчетов:

«11 мая следующего года Комиссия вызвала Гийома Пидуа, управляющего и хранителя богатств ордена Храма и на этом основании держащего у себя реликвии и раки, захваченные во время ареста тамплиеров в Париже. Его вместе с Гийомом де Жизором и Рейнье Бурдоном попросили представить членам Комиссии все деревянные и металлические фигурки, которые они могли собрать во время конфискации. Он принес большую голову... с женским ликом...».

Мы знаем продолжение, так как речь идет о той самой голове из позолоченного серебра, уже встречавшейся нам в тайных церемониях тамплиеров и имеющую пометку «*Cap LVIII*». Но не только она вносит неясность в эту историю; Гийом де Жизор, на которого были возложены те же обязанности, что и на Гийома Пидуа, являющийся сам человеком Филиппа Красивого, тоже вовлечен в это. Иными словами, так же, как и король Франции, он был врагом тамплиеров и участвовал в их уничтожении. И однако, согласно «документам Общины», Гийом де Жизор был в то же самое время великим магистром Сионской Общины. Мог ли он, будучи им, одобрить репрессивные акции Филиппа против тамплиеров и даже участвовать в них?

Некоторые документы, как кажется, подтверждают это положение и внушают даже, что в некоторой степени Сион не только разрешил уничтожение своих протеже, но и способствовал ему. Но правда и то, что эти же самые тексты, кроме того, подразумевают, что Сион осуществил в обстановке наибольшей секретности что-то вроде поддержки некоторым тамплиерам в последние дни существования ордена. Если факты точны, то Гийом де Жизор сыграл роль «двойного агента» и, быть может, взял на себя ответственность предупредить тамплиеров о том, что против них замышлялось.

Но равно можно предположить, что, если после официального разрыва в 1188 г. Сион продолжал использовать свою официальную власть по отношению к тамплиерам, то Гийом де Жизор, по крайней мере частично, мог быть ответственным за уничтожение архивов ордена и за необъяснимое исчезновение его сокровища.

Среди текстов «Секретных досье» имеются три списка имен. Первый из них, самый простой и наименее интересный, называет всех аббатов, поставленных во главе владений Сиона в Палестине в период между 1152 и 1281 гг. В ходе наших поисков мы не раз встречали его в работах, которые представляются нам бесспорными и которые, таким образом, подтверждают его точность; список везде идентичен, кроме двух дополнительных имен, фигурирующих в «документах Общины». Они согласуются с исторической правдой и заполняют пробелы.

Второй список содержит имена великих магистров ордена Храма с 1118 по 1190 гг., то есть со дня его официального создания до его разрыва с Сионом и рубки вяза в Жизоре. Априори ничто не кажется в этом списке ненормальным, но если его сравнить с другими, то появляются некоторые отклонения.

Все списки, опубликованные историками ордена Храма, устанавливают число великих магистров с 1113 по 1190 гг. — десять; однако в «Секретных досье» всего восемь имен. Среди первых — Андре де Монбар, дядя св. Бернара, бывший не только основателем ордена, но и великим магистром с 1153 по 1156 гг.; но в других списках он никогда не фигурирует в качестве великого магистра, и вся его карьера — действие в тени, за спинами тамплиеров. Во всех списках, наконец, Бертран де Бланшфор — шестой великий магистр, с 1156 г., после Андре де Монбара, тогда как в «Секретных досье» он становится не шестым, а четвертым, в

1153 г. Впрочем, это не единственное расхождение, существующее между известными списками и «Секретными досье». Очень ли они серьезны, эти расхождения, и достаточно ли их, чтобы потерять доверие к досье?

В самом деле, не существует никакого официального и точного списка великих магистров ордена Храма, ибо, как нам кажется нужным упомянуть здесь, такой список никогда не был передан потомкам. Как мы знаем, архивы ордена были уничтожены или же исчезли, а первый известный список великих магистров датируется 1342 г. — тридцать лет спустя после разгрома ордена и двести двадцать пять лет спустя со дня его основания. Значит, историки набросали этот список, согласно старинным летописям, авторы которых то там, то здесь намекали на того или иного «магистра» или «великого магистра».

Для большей уверенности можно получить сведения из грамот той эпохи, внизу текстов которых рядом с подписями названы титулы тамплиеров, издавших документ. Но мы с удивлением вынуждены констатировать, до какой степени неясен порядок следования имен великих магистров и неточны соответствующие даты, потому что как первый, так и последние варьируются в разных рассказах и различных документах.

Однако нельзя игнорировать фундаментальные различия, существующие в этом случае между «документами Общины» и другими известными текстами. Чем грешит список из «Секретных досье»: незнанием или небрежностью? Или же наоборот, правдив и является единственным, содержащим информацию, от которой отказались все историки, именно этот список? Если Сион на самом деле создал рыцарей Храма, и если, по крайней мере, в архивах он дожил до сегодняшнего дня, то можно не без оснований думать, что именно он владеет некими тайнами...

Впрочем, существует очень простое объяснение противоречий в списках великих магистров Храма из «Секретных досье»; объяснение, применимое ко всем расхождениям, которые могут существовать между ними и другими историческими источниками, считающимися бесспорными. Достаточно привести один лишь пример:

Кроме великого магистра, орден Храма состоял из большого числа местных магистров: один в Англии, один в Нормандии, в Аквитании и на всех территориях, где находились его владения. Был также один для всей Европы в целом, один для морских дел и т. д. Таким образом, мы констатируем, что внизу страниц документов и грамот, подписанных тамплиерами, все эти магистры, местные и региональные, подписывались, как правило, одним и тем же титулом — *Magister Templi*. Сам великий магистр, будучи беззаботным или же скромным, не прибавлял ничего к этим двум словам. Так, Андре де Монбар, региональный магистр Иерусалима, имел на грамотах тот же титул, что и Бертран де Бланшфор, великий магистр ордена.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что историк, основывающий свои исследования на одной или двух грамотах и не проверивший своих ссылок, мог неправильно интерпретировать точный статус некоторых личностей из ордена Храма.

Верно это как для Андре де Монбара, так и для некоего Эверара де Барра, фигурирующего во многих списках в качестве одного из великих магистров ордена. Однако наши собственные исследования убедили нас в том, что он был лишь региональным магистром, избранным и находившимся во Франции и весьма поздно отправившимся в Святую Землю. Тем не менее, каждый знает, что согласно уставу ордена, великий магистр, который обязательно избирался генеральным капитулом, находящимся в Иерусалиме, сам должен был находиться там. В случае Эверара де Барра это не так, и поэтому надо было вычеркнуть его из списка великих магистров. Действуя таким образом, «Секретные досье» проводят на этот счет тщательные уточнения.

После того, как мы провели более года изучая и сравнивая различные списки великих магистров Храма, нам надо было изучить ссылки на всех историков ордена — английских, французских, немецких, а также их источников, хроник того времени, например, Вильгельма Тирского, и всех современных им рассказов; получив массу информации о других, рассмотрев при помощи лупы титулы и подписи на прокламациях, эдиктах, актах и на всех документах, имеющих отношение к тамплиерам, мы можем утверждать, заключая это систематическое расследование, что список, появившийся в «Секретных досье», является наиболее точным не только в плане установления личностей великих магистров, но также и дат. Следовательно,

если какой-либо список великих магистров Храма — единственный — должен считаться точным и окончательным, то это именно список из этих досье.

Не то, чтобы этот список сам по себе имел главнейшее значение, но выводы, вытекающие из него, его имеют. Мы вправе думать, что он основывается на исключительной и, вероятно, секретной информации. Кто-то получил доступ к этому источнику, использовал его, доверяя ему, составил свой собственный список великих магистров Храма. Повторяем, что он, несмотря на некоторые расхождения, чаще всего бывает наиболее точным, и эта точность неоспоримо свидетельствует в пользу всех документов «Секретных досье».

Нам необходима эта уверенность; без нее мы меньше доверяли бы всем документам. Мы сразу же отказались от третьего и последнего из списков, то есть списка великих магистров Сионской Общины, который, на первый взгляд, мог лишь сбить нас с толку.

6. ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ И ПОДЗЕМНАЯ РЕКА

Третий список из «Секретных досье» — это последовательное перечисление великих магистров Сионской Общины или же, если использовать старое французское слово, которое еще употребляется, — «навигаторов», «перевозчиков». Этот список представлен следующим образом:

Жан (Иоанн) де Жизор 1188-1220
Мари де Сен-Клер 1220-1266
Гийом де Жизор 1266-1307
Эдуар де Бар 1307-1336
Жанна де Бар 1336-1351
Жан де Сен-Клер 1351-1366
Блани д'Эврё 1366-1398
Никола Фламель 1398-1418
Рене Анжуйский 1418-1480
Иоланда де Бар 1480-1483
Сандро Филиппи 1483-1510
Леонардо да Винчи 1510-1519
Коннетабль Бурбонский 1519-1527
Фердинанд де Гонзаг 1527-1575
Луи де Невер 1575-1595
Роберт Флудд 1595-1637
И. Валентин Андреа 1637-1654
Роберт Бойл 1654-1691
Исаак Ньютон 1691-1727
Чарльз Рэдклифф 1727-1746
Карл Лотарингский 1746-1780
Максимилиан Лотарингский 1780-1801
Шарль Нодье 1801-1844
Виктор Гюго 1844-1885
Клод Дебюсси 1885-1918

Жан Кокто 1918Прочитав этот список, мы снова засомневались. Ведь он содержит имена, причастные к оккультизму, что признано официально, и включает другие, кто не мог бы явно иметь ничего общего с членами президиума тайного общества. Кроме того, это именно те имена, на которые так легко ссылаются некоторые современные организации, озабоченные тем, чтобы придать себе вид достоверности; так, калифорнийские розенкрейцеры объявляют себя потомками знаменитых представителей западной культуры, а именно: Данте, Шекспира, Гете...

Некоторые имена из этого списка, однако, не вызывают удивления. Никола Фламель был одним из самых известных алхимиков средневековья, Роберт Флудд, философ XVII в. — специалист по тайным наукам, что же касается его немецкого современника Иоганна Валентина

Андреа, автора труда или трудов, давших начало знаменитому мифу о Христиане Розенкрейце, то с ним мы уже встречались. Другие имена не менее знамениты: Леонардо да Винчи, Сандро Филиппеи (более известный как Боттичелли), Роберт Бойл и Исаак Ньютон-блестящие ученые; Виктор Гюго, Клод Дебюсси и Жан Кокто — все они были замечательными личностями в культурной жизни своей эпохи.

Тем не менее, по этому поводу возникает вопрос. Мыслимо ли, что люди с такой известностью могли выполнять функции великих магистров тайного ордена так, что никто и никогда об этом и не подозревал? В самом деле, можно ли вообразить Ньютона или Кокто вступившими на таинственный путь герметической мысли?.. Но продолжим.

Список включает не только известные имена, но и другие, более неизвестные как обыкновенному читателю, так и опытному историку: Гийом де Жизор, например, который в 1306 г. сделал Сионскую Общину «герметическим франкмасонством», и его дед, Жан (Иоанн) де Жизор, первый великий магистр ордена после рубки вяза и отделения от тамплиеров в 1188 г.

Жан де Жизор, безусловно, существовал. Он родился в 1133 г., умер в 1220 г., и его имя упоминается во множестве грамот. Богатый и могущественный, хозяин знаменитой нормандской крепости, где много раз встречались короли Франции и Англии, до 1193 г. он был вассалом английского короля, страны, где у него, впрочем, имелись земли в Сассексе и усадьба в Тичфилде, в Хэмпшире. Согласно «Секретным досье», которые, правда, не уточняют причины, он встречался в 1169 г. в Жизоре с Томасом Беккетом; встреча вполне возможна, ибо Беккет как раз в этом году ездил в Жизор, но конкретно проверить это не удалось.

Что же такого сделал этот безвестный Жан де Жизор, который оставил Истории только свое имя и свой титул, который не создал ничего грандиозного, что он заслужил пост великого магистра ордена Сиона? Ничего, если, конечно, не считать — и это единственное объяснение — его присутствия на густом и сложном генеалогическом древе, сок которого есть не что иное, как кровь самих Меровингов... Да, Жан де Жизор, так же как и остальные личности, упомянутые в списке, принадлежал — условие необходимое и достаточное — к этому знаменитому роду, который дал ордену много великих магистров.

В самом деле, орден Сиона выбирал своих верховных вождей из двух различных источников. Во-первых, как мы уже видели, среди самых известных личностей, принадлежавших к миру науки или искусства, во-вторых, среди членов определенного рода, имеющего в своих жилах знатную, даже королевскую кровь. Эти последние, как правило, были персонажами второстепенными, сегодня канувшими в забвение (например, живший в XVIII в. Карл Лотарингский, деверь императрицы Марии-Терезии, прославившийся своей непригодностью к сражениям и постоянно направляемый великим Фридрихом Прусским).

Бесспорную достоверность этому списку великих магистров Сиона придает именно посредственность некоторых его членов. Действительно, разве автор выдуманной генеалогии не ввел бы в нее более замечательных персонажей, чем эти не очень-то блестящие аристократы? Таким образом, Сионская Община предстает перед нами осененная реализмом и простотой; она далека от того, чтобы верить свою судьбу только гениям, мудрецам или святым, короче, людям необыкновенным, но кажется, что она выбирает решительно людей без исключительной судьбы, следуя сбалансированной и умеренной «дозировке».

В общем, если бы этот список был придуманным, то он содержал бы лишь знаменитые имена. Например, Данте, Микеланджело, Гете или Толстой лучше соседствовали бы с Винчи, Ньютоном и Виктором Гюго, чем неизвестные Эдуар де Бар или Максимилиан Лотарингский. Не предпочтительнее ли были бы Байрон или Пушкин такому менее значительному писателю, как Шарль Нодье? Жид или Камю, имеющие международное признание, вместо Жана Кокто, поэта несколько двусмысленного? И что сказать, наконец, об отсутствии, например, Пуссена, чья связь с интересующей нас загадкой была уже в достаточной степени установлена?..

Вот сколько появилось вопросов, не дающих нам покоя и требующих с нашей стороны очень глубокого изучения. Каждое процитированное имя должно было подвергнуться самой строгой проверке как в плане биографическом, так и в плане деятельности и поступков заинтересованных людей. Потом мы сформулировали четыре следующих вопроса:

1) Имел ли место личный, прямой или не прямой контакт между каждым предполагаемым

великим магистром, его предшественником и его преемником?

2) Существовала ли связь, кровная или какая-либо другая, между каждым великим магистром и семьями, фигурирующими в генеалогиях «документов Общины» и, как предполагается, принадлежащих к роду Меровингов, в частности, к герцогскому Лотарингскому дому?

3) Был ли связан каждый из великих магистров с Ренн-ле-Шато, Жизором, Стенэ, обителью Сен-Сюльпис и другими местами, обнаруженными в ходе нашего расследования?

4) Так как орден Сиона определил себя как «герметическое франкмасонство», был ли каждый великий магистр замечен в склонности к герметической мысли и поддерживал ли он отношения с тайными обществами?

Достать документы по великим магистрам до 1400 г. было трудным делом, если не сказать невозможным, но они открыли нам удивительные подробности, касающиеся последователей. Так, мы обнаружили, что большинство из них имело действительно более или менее тесные связи с одним или несколькими вышеупомянутыми местами, а именно: Ренн-ле-Шато, Жизор, Стенэ или Сеп-Сюльпис. Кроме того, некоторые из них имели ту же кровь, что и представители Лотарингского дома, или же были связаны с ним каким-то другим образом, как, например, Роберт Флудд, который являлся наставником сына герцога Лотарингского. Мы обнаружили также, что, начиная с Никола Фламея, каждый из великих магистров Сиона без исключения был сторонником герметической мысли и входил в какое-либо тайное общество, даже такие, как Бойл и Ньютон, которых никто даже не заподозрил бы в причастности к таким учреждениям. Наконец, в большинстве своем великие магистры имели прямую или косвенную связь через посредство общего друга с тем, кто ему наследовал; единственный разрыв в этой цепи произошел между Максимилианом Лотарингским и Шарлем Нодье со время Французской революции.

Разумеется, в пределах одной главы невозможно изучить в подробностях каждого великого магистра Сионской Общины. Впрочем, некоторые из них выходили из безвестия только благодаря эпохе, во время которой они жили, и определение их точного места повлекло бы целую серию отступлений на забытые уже пути Истории. Что касается других, то невозможно обосновать роль, которую они играли, на нескольких страницах. В приложении мы привели всю касающуюся их информацию, устанавливающую связи, которые они могли иметь между собой, чтобы более широко обрисовать социальную и культурную атмосферу, в создании которой они коллективно приняли участие под эгидой Сионской Общины.

Рене Анжуйский, «добрый король Рене», одна из самых знаменитых фигур европейской цивилизации проторенессанса заслуживает того, чтобы мы ненадолго задержали внимание на его очаровательной персоне.

Он родился в 1408 г. и за время своего существования собрал невероятное количество титулов, среди которых самыми замечательными являются титулы графа де Бара, Провансальского, Пьемонтского и де Гиза, герцога Калабрийского, Анжуйского и Лотарингского, короля Венгрии, Неаполя и Сицилии, Арагона, Валенсы, Майорки и Сардинии, и, наконец, самый главный из всех-титул короля Иерусалима. Хоть он и был чисто номинальным, однако же был принят всеми европейскими монархами, и восходит он прямо к Годфруа Бульонскому.

Жизненный путь Рене Анжуйского, одна из дочерей которого, Мария, в 1445 г. вышла замуж за Генриха VI Английского и сыграла важную роль в войне Алой и Белой Розы, кажется, очень рано пересекся с жизненным путем Жанны д'Арк, причем весьма таинственным способом. Жанна, родившаяся в Домреми, что в герцогстве Бар, в самом деле была подданной Рене. В первый раз она появляется в Истории в Вокулере, на берегу Мезы, недалеко от своего родного городка, чтобы объявить коменданту крепости о «божественной миссии», которой она облечена: спасти Францию от английских захватчиков и обеспечить дофину королевский венец. Она должна присоединиться к нему в Шиноне, но сначала ей надо встретиться с герцогом Лотарингским, тестем и двоюродным дедом Рене.

Герцог удостоил ее аудиенции в своей столице, Нанси, по слухам, в присутствии Рене Анжуйского, и когда герцог Лотарингский спросил ее, что ей угодно, Жанна ответила просто, несколькими словами, которые, однако же, озадачили многих историков: «Вашего зятя, коня и

несколько храбрых мужчин, чтобы повести меня во Францию...» Многие долго спекулировали на истинной природе связей, соединявших Рене и Жанну. Если верить кое-кому — но откуда у них такие сведения? — они были любовниками, ибо неоспорим тот факт, что с самого начала миссии Жанны Рене находился рядом с ней, что он присоединяется к ней позже при дворе дофина в Шиноне, что он также сопровождает ее на штурм Орлеана. Но в дальнейшем История постаралась стереть из жизни Жанны д'Арк все следы

Рене и не дает никаких уточнений по поводу поступков и действий в период между 1429 и 1431 гг. — период, являющийся апогеем карьеры Жанны, принятым всеми молчаливо, но без всяких доказательств того, что Рене в то время не покидал герцогского двора в Нанси.

Но вернемся в Шинон, где Рене оказался рядом с Жанной и где при дворе на переднем плане блистала Иоланда Анжуйская. Действительно, именно Иоланда постарается оказывать минимум поддержки болезненному и бесцветному дофину; именно Иоланда быстро становится покровительницей Жанны, несмотря на всеобщее колебание; именно Иоланда убеждает дофина видеть в Жанне спасительницу, на роль которой она претендует; наконец, именно Иоланда устраивает свадьбу дофина со своей собственной дочерью. А Иоланда — не кто иная, как мать Рене Анжуйского...

Чем дальше мы углубляемся в эти подробности, тем менее естественной представляется нам карьера Жанны д'Арк, как если бы кто-то снова в тени дергал за ниточки Истории и извлекал выгоды из народной легенды о «Лотарингской девственнице», ловко играя на психологии толпы, организовал «миссию» Орлеанской девы. Не обязательно, что отсюда вытекает существование тайного общества, но оно становится весьма вероятным, а особенно вероятным — под руководством Рене Анжуйского.

Судьбы Жанны и Рене разошлись, и каждый пошел своей дорогой. Последуем вновь за герцогом Анжуйским. В отличие от многих своих современников, его образ меньше похож на воина, чем на придворного и поэта. Любитель искусства, литературы и миниатюрной живописи, имеющий очень развитый ум в этот готический век, он напоминает скорее утонченного принца итальянского Возрождения. Просвещенный меценат, он оказывает покровительство артистам, как Никола Фроману, ученым, как Христофору Колумбу, сам сочиняет стихи, мистические аллегории — он автор «Coeur d'amour espris», а также правил состязаний на турнирах. Занявшись эзотерическими науками, он содержит одного еврейского астролога, врача и кабалиста по имени Жан де Сен-Реми, который, возможно, был дедом знаменитого Нострадамуса...

Но кроме всего прочего, Рене Анжуйский любит рыцарство и романы о короле Артуре и Святом Граале. Он очень горд тем, что имеет роскошный кубок из красного порфира; он объявляет, что это — кубок времен свадьбы в Кане Галилейской. Это необыкновенное приобретение он сделал в Марселе, куда, по преданиям, приплыла Магдалина со своим драгоценным ковчегцем, В других письменных источниках также говорится о кубке, принадлежавшем Рене — о том же самом? — на котором была выгравирована таинственная надпись:

"Qui bien beurra, qui beurra tout d'une, baleine. Dieu voire, voire Dieu et la Madeleine " (Кто хорошо выпьет, узрит Бога/, Кто выпьет все одним глотком, узрит Бога и Магдалину).

Итак, вполне разумно видеть в Рене одного из предшественников Ренессанса, тем более, что он провел много лет в Италии, где имел в своем владении большие территории, что он поддерживал дружбу с герцогом Сфорца в Милане и с сеньором Флоренции Медичи, что он даже участвовал в несомненно честолюбивых проектах основателя могущественного флорентийского дома, планах, которые должны были наложить известный отпечаток на западную культуру.

Действительно, Рене находится в Италии, когда в 1439 г. сеньор Флоренции посылает своих агентов во все концы света для поисков старинных рукописей и в 1444 г. открывает первую в Европе публичную библиотеку — библиотеку Сан-Марко, отобрав таким образом у Церкви монополию на культуру. В первый раз и благодаря ему все великие произведения античной философии, например, труды гностиков и герметиков, были переведены и, следовательно, стали доступны всем. В первый раз в Европе за семьсот лет греческий язык стали изучать в университете Флоренции. Наконец, сеньор Флоренции приказывает создать

центр по изучению трудов пифагорейцев и платоников, который, в свою очередь, позволил появиться на свет множеству других академий на всей территории Апеннинского полуострова.

Если мы не знаем, какова в точности была роль Рене Анжуйского в создании этих культурных очагов в Италии, то, во всяком случае, кажется, именно благодаря ему ими была принята одна из его любимых символических тем — тема Аркадии, аллегии, которая появилась в первый раз в западной постхристианской культуре,

Итак, в 1449 г. Рене вместе со своим двором находится в своей резиденции в Тарасконе, где он занимается постановкой целой серии «Действ» своего собственного сочинения — нечто среднего между фигурами турнира и маскарада, во время которых рыцари состязаются и представляют что-то похожее на драму. Самая известная из них называется «Действо о пастушке», и в ней играет любовница короля, воплощающая все романтические и философские символы аркадийской фигуры. Она председательствует на турнире, где рыцари, скрывшиеся под аллегорическими масками, символизируют конфликт различных идей и систем ценно-стей в пасторальной атмосфере, свойственной Аркадии, напоминающей церемониал Круглого стола и тайну Святого Грааля.

Помимо произведений Рене Анжуйского, Аркадия встречается в образе фонтана или могилы, и оба неотделимы от подземной реки. Эта река всегда отождествлялась с рекой Алфиос, которая протекает через местность, расположенную в Греции и называющуюся Аркадией, прежде чем уйти под землю, пересечь море, не смешавшись с его водами, чтобы снова выйти на поверхность в Сицилии и соединиться с водами фонтана Арегузы. От античных времен до «Кубла-Хан» Кольриджа обожествленная река Алфиос считалась священной, ибо ее название имеет общий корень с греческим словом «Альфа», что, как известно, означает первопричину, источник, начало.

Эта подземная река, аллегория «подземных» преданий, скрытых от взгляда профана под различными формами эзотерической мысли, кажется, обрела для короля Рене очень большое значение. Символ невидимого знания, тайны, передаваемой от поколения к поколению по ритуалу — не мог ли он также внушить идею какого-то непризнанного потомства, рода, не прервавшегося до сих пор?

Впрочем, тема Аркадии и ее подземной реки вдохновляли не только Рене Анжуйского. В 1502 г. в Италии вышла в свет книга, длинная пастораль под названием «Аркадия», влияние которой в области литературы и искусства окажется очень большим. Его автор, Якопо Саннадзаро, возможно, был сыном Жака Саннадзаро, который несколькими годами раньше принадлежал к итальянскому окружению Рене Анжуйского. Эта же поэма в 1553 г. будет переведена на французский язык и — странный факт — снабжена посвящением кардиналу де Ленонкуру, один из потомков которого в XX в. составит генеалогии «документов Общины»...

В заключение вспомним, что «Аркадией» также называется пасторальный роман, опубликованный англичанином Филиппом Сиднеем, и что в Италии она вдохновляла знаменитого Торквато Тассо, чей «Освобожденный Иерусалим» рассказывает о взятии святого города Годфруа Бульонским. Но только в XVII в., в творчестве Никола Пуссена, а особенно в «Пастухах Аркадии», эта тема, бесспорно, достигает своего апогея.

Таковы эти внушенные символическим образом «подземной реки» идея традиции, иерархия ценностей, может быть даже, тщательно скрытое послание. Ибо эта река, невидимая для простых смертных, известна некоторым знатным семьям, которые прямо или косвенно фигурируют в генеалогиях «документов Общины».

Таким образом, эти семьи передают их смысл и символ тем, кому они покровительствуют в области искусства, как ранее Рене Анжуйский передал их Сфорца, Медичи и Гонзагам, которые дали двух великих магистров ордену Сиона — Ферранте и Луи де Гонзагов, а также герцога Неверского. Отсюда образ «подземной реки» проник в творчество самых знаменитых художников и поэтов того времени, среди которых на первом месте — Боттичелли и Леонардо да Винчи.

Как мы видели, первый манифест розенкрейцеров появился в 1614 г., следующий — спустя год, и оба они знаменуют рождение знаменитого мифа, влияние которого распространится на весь XVII в. Они немедленно провоцируют со стороны Церкви, в особенности иезуитов, сильную негативную реакцию, но зато вызывают иступленный восторг

у либеральных протестантов Европы. Среди главных представителей традиции розенкрейцеров надо, разумеется, назвать Роберта Флудда, шестнадцатого великого магистра Сионской Общины, с 1505 по 1637 гг.

В манифестах подробно рассказывается история легендарного Христиана Розенкрейца и «тайного и невидимого» братства посвященных французов и немцев, выходцами из которого они себя объявляют. В то же время они обнародуют грандиозные проекты — перестройка мира и человеческого сознания согласно великим принципам эзотерической мысли, приход к власти духовной свободы, когда человек, отбросив все преграды, получит доступ к недоступным до сих пор «тайнам природы» и станет хозяином своей судьбы в совершенной гармонии с космическими законами. Наконец, в них содержатся пылкие декларации, направленные против католической Церкви и Священной Римской империи.

Мы также уже видели, что эти первые проявления идей розенкрейцеров приписывают сегодня немецкому теологу Иоганну Валентину Андреа, великому магистру Сиона после Роберта Флудда, или, в самом крайнем случае, одному из его собратьев. Действительно, позже Андреа признается, что третий манифест от 1616 г. — «Химическое венчание Христиана Розенкрейца», — анонимный, как и два предыдущих, он сочинил сам.

В данном случае речь идет о сложной герметической аллегории, которая окажет влияние на «Фауста» Гете, и где мы найдем отзвуки трудов английского эзотериста Джона Ди, который вдохновил Роберта Флудда, романы о Граале и о рыцарях Храма. Таким образом, имеется много вопросов по поводу белой туники, украшенной на плече красным крестом, Христиана Розенкрейца или же еще одной принцессе «королевского рода», дочиста ограбленной маврами, которую выбрасывает на берег в деревянном сундуке и которая после многочисленных перипетий кончает тем, что выходит замуж за принца и возвращает себе свое наследство.

Ведь если предпринятые расследования насчет Андреа сообщают нам, что между ним и генеалогиями «документов Общины» связи достаточно далекие, то, напротив, они устанавливают совершенно ясно, что он был близок к Фридриху V, Придворному электору, племяннику главы протестантов Генриха де ла Тур д'Овернь, виконту Тюреннскому и герцогу Бульонскому, а сам он являлся родственником семьи Лонгвиль, которая очень часто встречается в документах и в наших поисках. (Это тот Генрих де ла Тур д'Овернь, который с большими трудностями взял в 1591 г. город Стенэ).

Итак, в 1613 г. Фридрих V женится на Елизавете Стюарт, дочери Якова I Английского, внучке Марии, королевы Шотландской и правнучке Мари де Гиз, принадлежавшей к младшей ветви Лотарингского дома. Сто лет назад Мари де Гиз вышла замуж за герцога де Лонгвиля, а после его смерти — за Якова V Шотландского, создав таким образом династическую связь между семьями Стюарт и Лотарингов. Поэтому, как и трое следующих за ним великих магистров Общины, Андреа не скрывает своего интереса к королевскому трону Шотландии: герцогский дом Лотарингов был тогда очень ослаблен, и Сион моментально предпочел довериться всемогущим Стюартам.

Как бы то ни было, после свадьбы с Елизаветой Придворный электор собирает в своей столице, Гейдельберге, двор, страстно увлеченный эзотеризмом. Фрэнсис Ятс упоминает, что культура, развивающаяся там, прямо выходит из Ренессанса, но она явно отмечена новыми веяниями, и вокруг электора четко вырисовывается движение, пытающееся придать герметической мысли политико-религиозное проявление.

Если Фридрих V играет большую роль в проповедовании идей розенкрейцеров, то, кроме того, он кажется облеченным особой духовной и политической миссией, которая несет в себе множество обязательств, но не меньше больших надежд. В 1618 г. он действительно принимает корону Богемии, которую предлагают ему сеньоры-бунтовщики, пытаясь вызвать гнев папы и германской Священной Римской империи и толкая Европу в хаос Тридцатилетней войны. Два года спустя Придворный электор был изгнан в Голландию, а Гейдельберг попал в руки католических войск. Что касается Германии, то она мало-помалу превращается в гигантское поле битвы, театр одного из самых разрушительных и кровопролитных военных конфликтов, пережитых Европой. Но, выйдя из этого конфликта, католическая Церковь почти восстановила свое былое величие времен Средневековья.

В самом сердце этого крайнего беспорядка Андреа создает сеть более или менее

«параллельных» обществ под названием «Христианские Союзы». Каждое из этих обществ анонимно руководится принцем, в него входят еще двенадцать членов такого же ранга, разделенных на четыре специализированные группы и действующих в строго определенных сферах. Цель этих «Христианских Союзов» — охранять ценности и знания, которым угрожает опасность, особенно недавние научные достижения, объявленные Церковью еретическими. В то же время «Союзы» объявляют себя убежищами и защитниками врагов Инквизиции, а впредь неразлучной с католическими армиями и яростно подавляющей малейшие проявления ниспровергающих идей. Множество эрудитов, философов и ученых нашли таким образом убежище в ячейках, созданных Андреа на местах, и, благодаря им, добрались до Англии, где создавалось франкмасонство.

Итак, множество друзей и сторонников Андреа встретились по ту сторону Ла Манша. Например, Самуэль Хартлиб, Адам Коменский, более известный под именем Комениуса, Литературный корреспондент Андреа Теодор Хаак, близкий друг Елизаветы Стюарт, и доктор Джон Уилкинс, бывший личный капеллан Фридриха V и будущий епископ Честерский.

Появившись в Англии, все они без исключения входят в масонские кружки; там мы находим Роберта Мореля, члена ложи с 1641 г.; Элиаса Эшмола, специалиста по рыцарским орденам, франкмасона с 1646 г.; юного и рано развившегося Роберта Бойла, члена другого тайного общества — Сионской Общины, может быть, раз его имя фигурирует в списке великих магистров после Андреа.

Итак, под покровительством Кромвеля эти английские и европейские умы, собравшись в динамичный ансамбль, создадут «невидимый колледж», названный так Бойлом, как отклик на манифесты розенкрейцеров, и который станет в 1660 г. во время реставрации монархии Королевским Обществом под покровительством и при поддержке Карла II Стюарта. Можно разумно заключить, что все его члены-основатели были масонами, и само общество, по крайней мере, в самом начале было чисто масонским. Во всяком случае, более определенным был вклад созданных Андреа «Христианских Союзов» в организацию системы масонских лож в Англии и в Европе.

Но течение «подземной реки», рожденной у ног Рене Анжуйского, здесь не останавливается. Следуя своей дорогой от Бойла до Исаака Ньютона, сменяющих друг друга великих магистров Общины, она теперь погружается в хитрые излучины франкмасонства XVIII в.

Согласно «документам Общины», в качестве великого магистра Сиона за Ньютоном следует Чарльз Рэдклифф. Если в самом начале мы не имели понятия об этой личности, то теперь, мало-помалу, в ходе наших поисков он появляется как одна из скромных, но важных фигур культурной жизни XVIII в.

С XVI в. Рэдклиффы являются влиятельной семьей на севере Англии, и в 1688 г., незадолго до свержения, Яков I пожаловал им титул графов Дервентуотерских. Чарльз родился в 1693 г.; от своей матери он унаследовал королевскую кровь — он являлся внуком предпоследнего Стюарта и кузеном Карла-Эдуарда Стюарта, «добряка принца Чарли», а также Джорджа Ли, графа Личфилда, другого незаконного внука Карла II. Впрочем, почти всю свою жизнь Чарльз Рэдклифф останется верным делу Стюартов.

В 1715 г. это дело возлагается на «старого Претендента», Якова III, бывшего тогда в изгнании в Бар-ле-Дюке у герцога Лотарингского. Чарльз Рэдклифф и его старший брат за участие в Шотландском бунте были схвачены и посажены в тюрьму; Джеймс Рэдклифф был казнен, но Чарльзу, которому помог граф Личфилд, удалось бежать из Ньюгетской тюрьмы, чтобы найти убежище у французских якобитов; затем он становится личным секретарем «молодого Претендента» — Карла-Эдуарда Стюарта.

В 1745 г., этот последний высаживается в Шотландии с химерической идеей восстановить Стюартов на английском троне, а Рэдклифф, пустившийся в дорогу, чтобы присоединиться к нему, снова попадает в плен. Карл-Эдуард Стюарт терпит поражение под Куллоден Муром; несколько месяцев спустя, в свою очередь, под топором палача в лондонском Тауэре умирает Рэдклифф.

Точно известно, что во время своего пребывания во Франции Стюарты щедро жертвовали на развитие франкмасонства. Поэтому их принято считать основателями одной из его особых

форм — так называемого «Шотландского ритуала»: более высокая степень, чем в других масонских системах, более обстоятельное посвящение в специфические тайны, тесные отношения с другими герметическими обществами, считавшимися розенкрейцерскими; этот ритуал, кроме того, претендовал на ведение своей родословной от самых знаменитых и древних членов ордена.

Вполне возможно, что эта форма франкмасонства была обнародована, а, может быть, даже и задумана самим Чарльзом Рэдклиффом, основателем в 1725 г. первой масонской ложи на континенте, в год, когда, возможно, он был признан великим магистром всех французских лож, хотя его имя должно было прозвучать как таковое спустя десять лет, в 1736 г. Таким образом, франкмасонство XVIII в. обязано ему больше, чем кому-либо другому.

Однако, начиная с 1738 г. особенно, Рэдклифф будет действовать очень незаметно и всегда использовать посредников, например, загадочного рыцаря Эндрю Рамсея.

Родившийся приблизительно в 1680 г. в Шотландии, Рамсей, быстро став членом тайного общества филаделфийцев, подружился с близкими знакомыми Ньютона, к которому он испытывает безграничное восхищение, видя в нем мистика, превосходного посвященного, знатока вечных истин, содержащихся в самых древних тайнах.

Но Рамсея и Ньютона соединяет еще одна нить — Жан Деагюлье, их общий друг, изучающий математику у Никола Фасьо де Дюйе. А Дюйе не скрывает своих симпатий к делу камизаров, еретиков, близких к катарам, подвергшимся в то время страшным преследованиям на юге Франции.

В 1710 г. Рамсей находится в Камбрэ, причем он в самых прекрасных отношениях с мистиком Фенелоном, бывшим кюре из Сен-Сюльпис, ставшей уже бастионом любопытной ортодоксии. Мы не знаем дату, когда Рамсей познакомился с Чарльзом Рэдклиффом, но в 1720 г., будучи горячим сторонником якобитов и наставником Карла-Эдуарда Стюарта, он, вероятно, с ним уже встречался.

Именно тогда Рамсей, несмотря на свои якобитские убеждения, возвращается в Англию, где его быстро принимают в члены Королевского Общества, несмотря на явное отсутствие у него квалификации. В следующем году он вновь приезжает во Францию и усердно посещает собрания масонских лож вместе со своим покровителем принцем де ла Тур д'Овернь, ярим франкмасоном, который назначает его наставником своего сына и дарит ему земельное владение.

В 1737 г. Рамсей публикует свою знаменитую «Речь», делая в ней широкий обзор истории франкмасонства: будущий основной документ ордена, она помещает своего автора в ряд глашатаев его поколения. Не менее вероятно то, что за спиной Рамсея — мы убеждены в этом — следует слышать голос Чарльза Рэдклиффа, который тогда председательствовал в ложе, в лоне которой Рамсей произносит свою речь, и который появляется на его похоронах в 1743 г. Но каковой бы ни была истина, Рамсей, безусловно, являлся связующим звеном между Рэдклиффом и Ньютоном.

Чарльз Рэдклифф умирает в 1746 г., но семена, посеянные им в Европе, продолжают приносить плоды. Действительно, в 1750 г. на сцену выходит новый посол франкмасонства — немец Карл Готлиб фон Хунд. Он утверждает, что был посвящен в 1742 г., за год до смерти Рамсея и за четыре года до кончины Рэдклифа; и что во время посвящения он был обучен новому способу франкмасонства «неизвестными старшими». Эти последние, уточняет он, были сторонниками якобитов, и его посвящение происходило под председательством Карла-Эдуарда Стюарта или одного из его приближенных, вероятно, самого Чарльза Рэдклиффа.

Система франкмасонства, на которую намекает Хунд, вышедшая из «Шотландского ритуала», будет позже названа обрядом «Строгого повиновения» из-за клятвы, требующей беспрекословного послушания «неизвестным старшим» и запрещающей попытки узнать, кто они такие, ибо основной принцип «Строгого повиновения» — существование прямого происхождения от рыцарей Храма, горстка которых выжила во время истребления 1307-1314 гг.

Так как нам уже известно, что папская булла, приказывающая уничтожить орден Храма, никогда не была ратифицирована в Шотландии, и что рыцари нашли там надежное убежище, мы сильно склоняемся к тому, чтобы признать утверждение Хунда справедливым и

обоснованным. Впрочем, мы сами определили место кладбища тамплиеров, которое, по всей вероятности, находилось в шотландском графстве Арджилл; самые старинные надгробия относятся к XIII в., а самые свежие — к XVIII в. На первых видны выгравированные скульптуры и символы, идентичные символам, встречающимся в некоторых командорствах Франции и Англии, тогда как на других фигурируют специфические франкмасонские мотивы, свидетельствующие о некоторой степени слияния обоих орденов. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что орден Храма смог выжить в этом пустынном районе Арджилла в Средние века, сначала скрываясь, потом смешиваясь мало-помалу с масонскими гильдиями и древними кланами, чтобы возродиться в XVIII в. под прикрытием «строгих» ритуалов.

К несчастью, Хунд ничего больше не говорит об этой новой форме франкмасонства, в которую, как он утверждал, был посвящен, и таким образом предоставляет своим современникам право считать его шарлатаном и обвинять его в том, что история его посвящения, «неизвестные старшие» и обязательство распространять новый «строгий» ритуал — сплошной вымысел. На это Хунд ничего не может ответить, если только его «старшие» не покинули его по необъяснимым причинам, несмотря на их обещание снова войти с ним в контакт для дальнейших инструкций, и до конца своей жизни он будет заявлять о своей невинности, утверждая, что его покровители действительно существовали, прежде чем им окончательно исчезнуть.

Невинность, на которую претендовал Хунд, кажется нам вполне достоверной. В самом деле, он был несчастной жертвой даже не предательства, а стечения обстоятельств, не зависящих ни от чьей воли. В 1742 г., в год его посвящения, якобиты действительно представляли собой на континенте некоторую политическую силу. Но в 1746 г. умер Рэдклифф и многие из его сторонников, другие же были либо в тюрьме, либо в изгнании, иногда так далеко, как далека Северная Америка. Можно было сказать, что дело якобитов проиграно... Если «неизвестные старшие» Хунда не выполнили своих обязательств, то это произошло не по доброй воле, а под давлением политических событий, которые были сильнее их.

Другое доказательство подтверждает не только заявления Хунда, но и «документы Общины». Речь идет о списке великих магистров ордена Храма, которые он получил в собственные руки от своих анонимных собеседников. За единственным исключением в орфографии одного имени, этот список во всех пунктах идентичен списку из «Секретных досье». А мы уже видели, что этот последний был точен настолько, насколько могла позволить лишь конфиденциальная документация, использованная при его составлении, и которая была недоступна несведущей публике. Хунд завладел этим списком в эпоху, когда какое-то количество документов — грамот, прокламаций — имеющихся сегодня в нашем распоряжении, находилось под замком в Ватикане, и получить их было невозможно. По нашему мнению, он вовсе не придумал вмешательство «неизвестных старших», а те, несомненно, знали об ордене Храма много такого, что официально было секретным.

Несмотря на выдвинутые против него обвинения, Хунд не остался в совершенном одиночестве. После провала дела якобитов он нашел нового покровителя и друга в лице германского императора Священной Римской империи Франциска, герцога Лотарингского. Франциск, женившийся в 1735 г. на Марии-Терезии Австрийской, связав таким образом дома Габсбургов и Лотарингов, стал родоначальником новой великой династии. Не будем забывать в связи с этим, что имя его брата Карла тоже фигурирует в списке великих магистров Сиона и следует сразу же после Чарльза Рэдклиффа.

Итак, Франциск Лотарингский был первым европейским принцем, ставшим франкмасоном и не скрывавшим этого. Он был посвящен в Хаге, бывшим бастионом эзотеризма со времен Тридцатилетней войны, а председательствовал на церемонии Жан Дезагюлье. Немного времени спустя, новоиспеченный франкмасон надолго отправляется в Англию, где становится членом на вид вполне невинной организации «Джентльмене Клуб оф Спэлдинг», которую уже посещали Ньютон, Рамсей, Рэдклифф и Александер Поуп...

В последующие годы двор Франциска Лотарингского в Вене определился как столица европейского масонства и интенсивной эзотерической деятельности, сам герцог занимался алхимией в своей лаборатории в императорском дворце в Хофбурге. Наконец, когда умер последний Медичи, он стал великим герцогом Тосканским, и перед его ловкостью в

покровительстве флорентийским франкмасонам рухнули все усилия Инквизиции. Через него Чарльз Рэдклифф, основатель первой масонской ложи на континенте, передал долговременное наследие.

Сравнивая его с известнейшими политическими и культурными деятелями, хочется задать вопрос: с какой стати Шарль Нодье был избран великим магистром Сиона? Писатель довольно скромной значимости, хотя и не лишенный известного шарма, не слишком красноречивый эссеист, не слишком упорный любитель, он вписывается в традицию Гофмана или Эдгара По, не создав по-настоящему своей школы. Но так как в свое время он считался литературным деятелем первого плана, мы увидим, что он войдет в описываемые нами события, по крайней мере, очень неожиданными окольными путями.

В 1824 г. Нодье, будучи уже знаменитым, был назначен главным библиотекарем Арсенала, где собраны все средневековые рукописи, особенно те, которые имеют отношение к оккультным наукам, а именно: тексты, написанные алхимиком Никола Фламельем, одним из первых великих магистров Сиона. Но библиотека Арсенала тоже ревниво охраняет среди своих сокровищ и коллекции кардинала Ришелье, и многие работы по магии и герметической науке, по кабалистической мысли.

Французская революция ограбила все библиотеки и монастыри, какие только смогла. Книги и рукописи были собраны в Париже и присоединены к тем, что Наполеон тысячами возвратил из Ватикана с четкой целью создать великую библиотеку — мечта, которую он долго лелеял. Для этого в Риме он систематически занимался конфискацией всех документов, касающихся ордена Храма, из которых затем только немногие возвратились в папскую резиденцию. Именно этот огромный, прибывший из центра и с различных окраин Франции материал был доверен Шарлю Нодье.

В его работе ему ассистировали двое сотрудников — Элифас Леви и Жан-Батист Питуа (литературный псевдоним — Поль Кристиан), которые вместе с ним захотят возобновить интерес публики к эзотеризму и принять заметное участие в возрождении оккультных наук, которым будет отмечен XIX в. Работа Питуа «История и практика магии» становится Библией студентов, привлеченных этими вопросами. Совсем недавно переизданная в Англии, она и сегодня остается основным трудом в этой области.

Хотя Нодье и был очень занят на своем официальном посту в Арсенале, он, тем не менее, продолжает писать. Одно из его последних произведений, монументальная работа во многих томах, богато иллюстрированная, посвящена главным городам Франции. И большое место отведено эпохе Меровингов — поразительный факт в век, когда этому мрачному периоду Истории уделяется так мало интереса. Длинные параграфы отданы тамплиерам, а Жизору — достаточно большая статья, рассказывающая подробно о рубке вяза. Библиотекарь и писатель, Шарль Нодье в то же время создает в Арсенале блестящий салон, который быстро становится одним из центров парижской литературной жизни. Ему, замечательному оратору, как старшему и более мудрому, все курят фимиам, и он становится любимцем целого поколения молодых писателей. Среди них находится и его ученик и друг Виктор Гюго, будущий вожак новой школы, призванный, согласно «документам Общины», сменить его на посту великого магистра Сиона. Но это не единственная выдающаяся личность кружка. Его окружают и другие, и впоследствии они станут гораздо более знаменитыми, чем их мэтр; речь идет о Франсуа-Рене де Шатобриане, который отправился в паломничество в Рим на могилу Пуссена и возведет надгробный памятник, на котором будет воспроизведена его картина «Пастухи Аркадии»; о Бальзаке, о Делакруа, о Дюма-отце, о Ламартине, о Мюссе, о Теофиле Готье, о Жераре де Нервале и Альфреде де Виньи — все без исключения, подобно поэтам и художникам Возрождения, увлеченные эзотерической мыслью и, в частности, герметической. И все они в равной степени введут в свои произведения мотивы, темы, сноски или намеки на легенды Ренн-ле-Шато. Мимоходом заметим, что в «Путешествии в Ренн-ле-Бэн», вышедшем в 1832 г., мы уже найдем историю о легендарном сокровище, связанном с Бланшфором и с Ренн-ле-Шато; его автор, Огюст де Лабуисс-Рошфор, опубликовал и другую работу — «Любовники — посвящается Элеоноре», титульный лист которой без всяких объяснений украшен следующей надписью: «t in Arcadia ego»...

Короче говоря, если литературная и эзотерическая деятельность Нодье должным образом

вписывается в наше исследование, другой аспект его личности — его постоянная принадлежность к различным тайным обществам — поражает еще сильнее. Действительно, известно, что с 1790 г., в возрасте десяти лет, он входит в группу филадельфийцев и что в 1793 г. он основывает другой кружок, может быть, связанный с предыдущим, который принимает самых непримиримых врагов Наполеона. В библиотеке Безансона находится неизвестное эссе, написанное близким другом Нодье, которое было прочитано перед новым кружком, носящим прежнее название филадельфийцев, основанном в 1797 г. Это эссе называется «Пастух Аркадии, или Первые звуки сельской флейты».

Наконец, в 1802 г. в Париже Нодье публично признается в своей принадлежности к тайному обществу, которое он описал как «библейское и пифагорское», и в 1815 г. публикует анонимно весьма любопытную «Историю тайных военных обществ», довольно двусмысленную где неясны границы, разделяющие действительность и фантастику. Аллегии современных исторических событий, философия и практическая деятельность тайных ассоциаций, быть может, ответственных за падение Наполеона, так ловко переплетены между собой, что невозможно отличить правду от вымысла. В то время тайных обществ было множество, заявляет он там, в частности, добавляя, что одно из них превосходило все остальное, а именно: общество филадельфийцев. Связанный клятвой, он «может сообщить их социальное наименование, но только тем, кому это исключительно предназначено» Здесь явный намек на Сион, особенно в нижеследующем довольно неясном отрывке предполагаемой речи, возможно, произнесенной во время собрания филадельфийцев одним заговорщиком, заклятым врагом Наполеона: "Он слишком молод, чтобы связывать себя с вами клятвой Ганнибала; но вспомните, что я назвал его Элиасеном и что я завещаю ему охрану храма и алтаря, если я умру прежде, чем увижу, как падет с узурпированного трона последний из угнетателей Иерусалима...".

Итак, когда Нодье опубликовал эту «Историю тайных обществ», отношение к нему резко изменилось. Теперь этим слишком многочисленным подпольным организациям вменялись в вину и вихрь революций, витавший тогда над Европой, и атмосфера страха и смущения, распространившаяся по всему континенту. Им также приписывались малейшие проявления насилия или беспорядка, ничтожнейшие необъяснимые события, наконец, их обвиняли в тайных диверсиях против государственных институтов, верований и даже основ нации. За этим последовала охота на ведьм и суровые кары, которые, будучи часто несправедливыми, в свою очередь способствовали умножению подрывных действий и скрытой оппозиции. Часто происходящие из чистого воображения, они поддерживали у публики настоящий психоз, который, таким образом, придавал им такое значение, от которого они были так далеки в действительности.

В реальности, достигшей размеров мифа, или в мифе, за которым надо было видеть могущественную реальность, тайные общества сыграли свою первостепенную роль в истории Франции XIX в. Во всяком случае, что касается Шарля Нодье, то он занимает в ней важнейшее место.

Вновь возникший во многом благодаря Шарлю Нодье интерес к эзотеризму продержится до конца XIX в. и достигнет своей наивысшей точки в течение последних его лет в Париже. Когда в 1891 г. Беранже Соньер находит в своей церкви в Ренн-ле-Шато таинственные свитки, Клод Дебюсси, согласно списку «Секретных досье», сменил Виктора Гюго на посту великого магистра Сиона.

Дебюсси, как нам кажется, познакомился с Виктором Гюго через поэта Поля Верлена, многие стихи которого он позже положит на музыку. Он, конечно, был членом символистских кружков, неодинаковых по своему качеству, которые тогда дополняли парижскую культурную жизнь, и когда аббат Соньер приезжает в Сен-Сюльпис, чтобы представить найденные им пергаментные свитки своему начальству, он встречается с Дебюсси через Эмиля Оффе и Эмму Кальве. В этих же кружках состоят также Стефан Малларме (его «Послеполуденный отдых фавна» будет положен на музыку Клодом Дебюсси), Морис Метерлинк, чья «меровингская» драма «Пеллеас и Мелизанда» заботами музыканта станет знаменитой оперой, и Виллье де Лиль-Адан, автор «Акселя», «розенкрейцерского» произведения и библии всего символистского движения. Дебюсси напишет либретто и для него, но в 1918 г. смерть помешает ему его закончить. Наконец, не забудем упомянуть знаменитые «вторники» Стефана Малларме,

на которых регулярно бывали среди прочих Оскар Уайльд, В. Б. Йеатс, Стефан Джордж, Поль Валери, Молодой Андре Жид и Марсель Пруст.

Но если все эти кружки имели под различными названиями определенный эзотерический аспект, то со своей стороны, Клод Дебюсси посещает и другие, где он сталкивается с величайшими личностями-деятелями оккультных наук. Это такие имена, как Станислас де Гуайта, близкий друг Эммы Кальве и основатель кабалистического ордена Розы и Креста, сатанист Жюль Буа, второй друг Эммы Кальве, и Мазерс, который создал знаменитое в то время английское тайное общество «Орден Золотой Зари», и известный всем доктор Жерар Анкосс, написавший под псевдонимом «Папюс» работы о гадании на картах. Папюс сам член многих тайных эзотерических обществ, он также друг и доверенное лицо Николая и Александры, царя и царицы России, и в числе его приближенных был библиотекарь из Каркассона Жюль Дуанель. Оба они взяли на себя обязанности епископов лангедокской Неокатарской Церкви, и Дуанель объявляет себя сверх того гностическим епископом Мирпуа, который включает в себя приход Монсежур, и Але, включающего приход Ренн-ле-Шато.

Как говорят, Церковь Дуанеля была освещена неким епископом Востока у жены лорда Джеймса Синклера в Париже. Являясь одной из многочисленных и безобидных сект, известных в Париже в конце века, эта Церковь, тем не менее, вызовет живое волнение в официальных кругах, провоцируя даже отправку в Ватикан специального досье на «возникновение катарских тенденций», за которым последовал недвусмысленный приговор Святого Отца, обличающего учреждение Дуанеля как новое проявление древней альбигойской ереси.

Не забывая об этом, Дуанель продолжает свою деятельность в округе Соньера. Мы приблизились к 1890 г., когда кюре Ренн-ле-Шато начинает афишировать свое богатство. И вполне возможно, что оба этих человека были представлены друг другу либо в Париже Дебюсси и Эммой Кальве, либо аббатом Анри Буде, другом Соньера и членом Общества Искусства и Науки Каркассона.

В это же самое время из Святой Земли возвращается некий путешественник и присоединяется к группе своих друзей по оккультным наукам. Это Жозефен Пеладан, ученик Папюса и Клода Дебюсси, которым он объявляет великую новость: да, речь идет ни о чем ином, как о могиле Христа, которую он нашел совсем не на традиционном месте Гроба Господня, а под мечетью Омар, старинной частью чужой территории, отданной ранее тамплиерам. Необыкновенное, величайшее открытие, восторгается его автор. В другое время «оно потрясло бы католический мир до самого основания». Но как и по каким критериям была идентифицирована могила Иисуса, и чем ее существование было способно до такой степени поколебать католические догматы? Будет ли связано это открытие с главным разоблачением, касающимся дальнейшей жизни всемогущего Ватикана? Ни путешественник, ни его друзья не соизволили объясниться по этому поводу, а Пеладан, являясь добрым католиком, не давая никаких подробностей, много раз обращает внимание своего окружения на смертность Иисуса.

Между тем, Пеладан основывает новый «католический орден Розы и Креста, Храма и Грааля», которому удастся ускользнуть от запрета папы, и в то же время он обнаруживает настоящую страсть к искусству. Артист, заявляет Пеладан, должен быть рыцарем в доспехах, целиком вовлеченным в символические поиски Святого Грааля; и он самолично, не колеблясь, пускается в этот эстетический крестовый поход, организуя ежегодные публичные выставки, которые будут названы «Салонами Розы и Креста». Их цель — разрушить любую реалистическую форму, чтобы дать расцвести латинскому вкусу, и создать школу совершенного идеалистического искусства. В перспективе некоторые темы будут систематически отстраняться, например, прозаическая, историческая, патриотическая и военная живопись, картины современной жизни и все пейзажи, «за исключением написанных в манере Пуссена»...

От живописи Пеладан распространяет свои эстетические законы на музыку и театр и ставит оригинальные спектакли на сюжеты об Орфее, Аргонавтах, путешествии за Золотым Руном, о «Тайне розенкрейцеров» и «Тайне Грааля» — все это под эгидой и покровительством Клода Дебюсси.

Эту блестящую артистическую школу посещает также Морис Баррес. Молодым человеком он был уже членом кружка розенкрейцеров, близкого к Виктору Гюго, и в 1912 г. он

опубликовал свой «Вдохновенный холм», который позже стали рассматривать как едва прикрытую аллегорию Беранже Соньера и Ренн-ле-Шато, ибо между романом и действительностью существовали аналогии, превосходящие стадию простых совпадений. Однако, Баррес не помещает действие своего произведения ни в Ренн-ле-Шато, ни в другое какое-то место Лангедока; «Вдохновенный холм», возвышающийся над деревней, находится в Лотарингии, а эта деревня — бывший центр паломничества ордена Сиона...

Насколько легко мы нашли у Рэдклиффа и Нодье связи с нашим расследованием, настолько случай с Жаном Кокто, жизнь которого явно не имела ничего общего с тайными обществами, представлялся более сложным.

Родившийся в зажиточной и влиятельной семье, очень одаренный, Кокто быстро покидает свой дом, чтобы в очень молодом еще возрасте войти в Парижские артистические и литературные круги, жизнь которых была ключом. В двадцать лет среди его друзей были Пруст, Жид и Баррес, а также Жан Гюго, правнук поэта, в компании с которым он вступает на путь оккультизма и спиритуализма. Бесспорную эзотерическую окраску имеет не только сама личность Кокто,

но и его творчество, и его эстетика в целом, и, начиная с 1912 г., газеты часто будут намекать на Дебюсси, для которого он в 1926 г. делает декорации «Пеллеаса и Мелизанды», явно заботясь о том, чтобы навсегда связать свое имя с именем музыканта.

Повороты его жизни, некоторые аспекты которой можно подвергнуть критике, тем не менее, не могут уменьшить его блестящий поэтический дар; человека, являвшегося близким другом самых великих умов того времени. Любитель почестей, славы и дружбы с сильными мира сего, он, впрочем, не слишком далек от Жака Маритэна или Андре Мальро. Равнодушный к политике, он все же обличит правительство Виши и провозгласит себя, кажется, сторонником Сопротивления. Награжденный орденом Почетного Легиона в 1949 г., в 1958 г. он будет приглашен братом генерала де Голля произнести приветственное слово Франции, что он выполнит явно с большим удовольствием.

Большая часть жизни Кокто будет посвящена посещению католических роаялистских кругов и некоторых старых парижских аристократов, обрисованных Марселем Прустом. Впрочем, в его католицизме, далеком от ортодоксальности, будет всегда больше от эстетического поиска, чем собственно религиозных убеждений, даже если в конце своей жизни (эхо Беранже Соньера?) он очень любил украшать церкви и часовни, хотя в данном случае набожность вовсе не была его слабой стороной. Впрочем, он никогда не будет этого скрывать, доказательством чему следующее размышление без всяких намеков: «Меня принимают за религиозного художника, потому что я украшаю часовни... Что за странная мания навешивать всегда на человека ярлыки!» Короче говоря, также по примеру Соньера, он вводит в свою живопись некоторые любопытные детали, — любопытные и внушающие определенные мысли, как это можно видеть в церкви Богоматери Французской в Лондоне. Воздвигнутая в 1865 г., сильно пострадавшая от бомбежек 1940 г., она была реставрирована и заново украшена после войны командой художников, приехавших из всех уголков Франции, и в 1960 г., за три года до смерти, входивший в нее Кокто написал в церкви Распятие. Правда, совершенно особенное распятие: под сенью черного солнца, с фигурой в правом нижнем углу, личность которой невозможно установить, мрачной и зеленоватой, и римский солдат со щитом в руке; очень стилизованная птица, напоминающая египетского Гора. Среди плачущих женщин и центурионов, играющих в кости, можно заметить еще двух современных персонажей, просто неуместных; один из них — автопортрет Кокто, решительно повернувшегося спиной к кресту... Но самый странный вид этой фрески, без всякого сомнения, состоит в следующем: видна только нижняя часть креста до колен! Поэтому совершенно невозможно различить кто на нем распят. И еще одна поразительная деталь: под ногами неизвестной жертвы, укрепленная на кресте, цветет гигантская роза — без всяких колебаний ее можно расценить как напоминание об эмблеме розенкрейцеров, — мотив для католической церкви, по меньшей мере, странный!..

«Секретные досье», которые дают список предполагаемых великих магистров Сиона, датированы 1956 г. Кокто умер в 1963 г., и никакая новая информация не позволяет нам узнать имя его преемника. Но вернемся к поэту, который, как мы увидим, сам себя подвергает допросу.

Согласно «документам Общины», орден Сиона и орден Храма, как мы знаем, имели одного и того же великого магистра вплоть до рубки вяза в 1188 г., а потом, начиная с этого времени, у Сиона был свой собственный «навигатор», и первым стал Жан (Иоанн) де Жизор.

Но эти же самые документы извещают нас о том, что функции великого магистра обязательно были связаны с именем Жан (Иоанн) или Жанна (Иоанна), ведь, в самом деле, там есть четыре женщины, удостоенные этого титула, и эта последовательность вызывает в памяти понятие эзотерического папства, основанное на личности Иоанна, против и, быть может, в оппозиции папству экзотерическому, основывающемуся на личности Петра.

Но о каком Иоанне идет речь? Об Иоанне Крестителе? Об Иоанне Евангелисте, «любимом ученике» из четвертого Евангелия? Или же возможен третий Иоанн — Богослов, предполагаемый автор Апокалипсиса?.. Во всяком случае, речь определенно идет об одном из них, и хотелось бы знать, кто был Иоанном Первым, раз Жан де Жизор в 1188 г. принял имя Иоанна II.

Фигурирующий в списке великих магистров Сиона Жан Кокто, будучи Иоанном XXIII, властвует над судьбами ордена в 1959 г., когда умирает папа Пий XII. В Риме был тут же избран новый папа; им стал кардинал Венеции Анджело Ронкалли, но потрясение было всеобщим, когда узнали, что новый папа, глава Церкви, выбрал имя Иоанна XXIII. Реакция христиан вполне объяснима. Во-первых, имя «Иоанн» обесчещено с начала XV в., когда его носил антипапа; затем, уже имелся один Иоанн XXIII, бывший епископ Але, где в XIX в. Дуанель был гностическим епископом. Почему же в этих обстоятельствах кардинал Ронкалли выбрал это имя?

В 1976 г. в Италии вышла странная книга, которая тут же была переведена на французский язык. Это «Пророчества папы Иоанна XXIII», сборник мрачных пророческих поэм в прозе, которые сочинил глава Церкви, умерший тринадцатью годами ранее, в 1963 г., в том же году, что и Жан Кокто... Да, эти пророчества очень герметические, не поддающиеся никакой интерпретации, настолько они бессвязные, до такой степени, что можно задать себе вопрос: а действительно ли их написал папа римский? И однако, предисловие утверждает, что их автор был тайным членом ордена Розы и Креста со времени его назначения папским нунцием в Турции в 1935 г.

Эту, надо сказать, трудноприемлемую гипотезу, кроме того, невозможно проверить. Тем не менее, с какой стати изобретать подобную вещь и почему бы ей не содержать хоть чуточку правды?

Зная, кроме всего прочего, что в 1188 г. Сионская Община добавила к своему названию новое — «Истинных Розы и Креста», — вполне разумно предположить, что кардинал Ронкалли в самом деле принадлежал к обществу Розы и Креста и что если речь шла о Сионской Общине, став папой, он мог добровольно и с символической целью выбрать имя своего великого магистра? Так, Иоанн XXIII возглавлял одновременно тайный орден и христианскую Церковь...

Это одновременное царствование двух Иоаннов XXIII, над Сионом и над Римом, не кажется нам простой игрой совпадений; также, по нашему мнению, не может быть придуманным список из «документов Общины», обрывающийся на Иоанне XXIII в ту эпоху, когда один Иоанн XXIII уже занимал трон св. Петра. В самом деле, не будем забывать, что этот список был отдан в Национальную библиотеку в 1956 г., за три года до избрания нового папы римского. Кроме того, остается еще один поразительный момент. В XII в. ирландский монах по имени Малахий составил сборник пророчеств, близких к пророчествам Нострадамуса, которые, кажется, очень высоко почитаются многими католиками, среди которых и нынешний папа Иоанн-Павел II! В этих пророчествах автор перечислил пап, которые займут трон св. Петра в последующих годах, давая каждому из них собственное определение. Рядом с именем Иоанна XXIII вписаны слова: «Пастор и Навигатор» — как мы знаем, официальные титулы великого магистра Сиона.

Каковой бы ни была истина, скрытая за этими любопытными совпадениями, которые, быть может, и не являются таковыми, Иоанн XXIII, более, чем другие папы смог заставить развиваться римскую католическую Церковь, жестко противостоявшую требованиям XX в., благодаря реформам II Ватиканского Собора. Более того, он в то же время пересмотрел

позицию Церкви по отношению к франкмасонству, поставив точку двум векам непримиримости и признав за католиками право быть масонами. Наконец, в июне 1960 г. Иоанн XXIII лично опубликовал письмо на тему «драгоценной крови Христовой», которую он определил совершенно по-новому. Иисус, уточнялось в письме, страдал как человек, и искупление человечества осуществилось благодаря его крови. В контексте этого письма человеческая страсть Иисуса и кровь, отданная за спасение людей, имеют большее значение, чем воскресение или даже конкретные подробности распятия.

Не стоит и говорить, что этот текст имел значительные последствия, способные, как говорили в то время, исказить самые основы христианской веры. Если на самом деле спасение человечества полностью основывается единственно на крови, пролитой ради него Христом, то какое же значение придавать тогда его смерти и воскресению?

7. ЗАГОВОР ЧЕРЕЗ ВЕКА

Теперь, после углубленного изучения, мы знаем, что вероятный список великих магистров Сиона дает нам некоторую уверенность. Действительно, многие события, запутанные и трудные для расследования априори, составляют заговор, сотканный решительной и ловкой рукой. Что же касается самих великих магистров, то мы теперь знаем, что, бесспорно, на разных уровнях у них есть точки соприкосновения: связь на уровне генеалогий, представленных в «документах Общины», в частности, в том, что касается Лотарингского дома, принадлежность к одному или многим тайным обществам, отсутствие ортодоксальности в религиозных убеждениях (теоретически — католических), более или менее проявленная склонность к эзотерической мысли, наконец, тесный контакт каждого великого магистра со своим предшественником и со своим преемником.

Но достаточно ли одних этих констатаций? Они ведь вовсе не доказывают, что Сионская Община, чье существование в Средние Века было подтверждено, продолжала жить в течение последующих столетий; они также не доказывают, что личности, фигурирующие в списке великих магистров, действительно занимали этот пост. Можно даже сказать, что некоторым они не всегда кажутся достоверными в силу предполагаемого возраста в момент посвящения в высшую степень. Допустим, что какой-нибудь Эдуар де Бар был назначен великим магистром в пятилетнем возрасте, или Рене Анжуйский — в восемь лет в силу принципов наследова-

ния, но это вовсе не случай Роберта Флудда или Шарля Нодье, ставших великими магистрами в двадцать один год, ни Дебюсси — великого магистра в двадцать три года, которые, будучи такими юными, не успели ни пройти через степени франкмасонства, ни дать доказательства своей пригодности в соответствующих областях. Надо ли предполагать, что речь идет только о подставных лицах, быть может, не знающих даже о чисто символическом титуле, который им пожаловали?

Эти умозрительные рассуждения при настоящем состоянии нашего расследования кажутся нам преждевременными, и, следовательно, нам надо искать в другом месте, а не только в этом списке окончательные доказательства существования ордена Сиона и его задачи, выполняемой в тени. Итак, перенесем наш перспективный выбор на Лотарингский дом и на некоторые семьи, упомянутые в «документах Общины» — это богатое поле деятельности.

Так как Община действовала только подпольно, мы не должны ждать упоминаний о ней под ее собственным именем. Если она продолжала существовать после Средних Веков, то она, конечно, была вынуждена скрывать свое истинное лицо, например, за личностью Ормуса, принятой в свое время. Кроме того, будучи далекой от того, чтобы заниматься лишь политикой и навязывать эту деятельность своим членам, ставя их под подозрение или привлекая к ним внимание, она, вероятно, должна была показать свою величайшую гибкость, гибкость на протяжении девяти веков, которая заставляла ее постоянно обновляться, приспосабливаться к каждой эпохе, склоняясь перед ее законами, — короче, изменить свою видимость, свою деятельность и свои цели в соответствии с требованиями эпохи. В порядке идеи, но вовсе не желая устанавливать ни малейшей параллели с мафией, хочется все же спросить: а не удалось ли этой последней в своей сфере сохранить скрытым свое лицо на протяжении веков, развиваясь в соответствии с требованиями конкретной ситуации?

В период между 1306 и 1480 гг., как сообщают нам «документы Общины», у ордена Сиона было девять командорств; в 1481 г., после смерти Рене Анжуйского цифра увеличилась до двадцати семи. Самые важные располагались в Бурже, Жизоре, Жарнаке, Мон-Сен-Мишеле, Монревале, Париже, Ле Пюи, Солеме и Стенэ; кроме того, лаконично добавляют «Секретные досье», существовал еще «ковчег, прозванный БетАния» (дом Анны), расположенный в Ренн-ле-Шато". Если об этой таинственной цитате мы больше ничего не знаем, то, возможно, не лишне было бы напомнить, что когда Соньер построил свою роскошную виллу в Ренн-ле-Шато, он назвал ее «вилла Бетания»...

Командорство в Жизоре, согласно все тем же «документам», в 1306 г. было расположено на Венской улице (рю де Вьенн). Отсюда оно сообщалось подземным переходом с местным кладбищем и склепом св. Катерины, под крепостью. Считается, что именно в этот склеп или в прилегающую подземную часовню в XVI в. был положен архив ордена Сиона, помещавшийся в тридцати сундуках.

Во время фашистской оккупации, в 1944 г. из Берлина прибыла военная миссия, чтобы вести в Жизоре раскопки под крепостью. Но высадка союзников помешала началу работ. Некоторое время спустя местный житель Роже Ломуа в свою очередь решил там покопаться, и в 1946 г. он объявил мэру Жизора о находке — подземной часовне, в которой стояли девятнадцать каменных саркофагов и тридцать металлических сундуков. Кроме разрешения на продолжение работ Ломуа просил, чтобы о его открытии было заявлено публично. Но волокита — или чья-то злая воля? — оказались таковы, что он снова смог взяться за раскопки только в 1962 г. Однако публике о них не было сообщено ничего, а развернулись они под покровительством Андре Мальро, бывшим тогда министром культуры. Но, если Ломуа быстро нашел свой ход в часовню, то сундуки исчезли... и, несмотря на шумную кампанию, развернутую по этому поводу в прессе, след их так и не был обнаружен. От этого открытия, странно походившего на сон, остались лишь два намека на подземный склеп св. Катерины, фигурирующей в двух манускриптах 1375 и 1696 гг....

Во всяком случае, благодаря им, рассказ Ломуа стал выглядеть правдоподобным, также как и легенда, согласно которой часовня служила хранилищем архивов ордена Сиона. Что касается нас, то мы беремся доказать, что Сионская Община продолжала существовать, по крайней мере, на протяжении трех веков после Крестовых походов и уничтожения ордена Храма.

Действительно, с начала XIV в. до начала XVI в. некоторые документы, касающиеся Орлеана и обители св. Самсона, базы Сиона, ссылаются на некий орден. Например, они упоминают о гневе папы и короля Франции, вызванном членами Сионской Общины в Орлеане в начале XVI в., которые «нарушили свой устав» и «отказались от совместной жизни». В конце XVI в. всплыли и другие обвинения на их счет: их упрекали в несоблюдении устава, в предпочтении жить отдельно от всех, а не вместе, в том, что они предавались распутству, что жили они часто за пределами обители св. Самсона и что они не восстанавливали ее стен, серьезно пострадавших в 1562 г. По тем же источникам, власти обители потеряли терпение и в 1619 г. выгнали Сионскую Общину и подарили здание иезуитам.

Начиная с этого времени, никакого намека на Общину нигде не находили, но крайней мере, под этим названием, и доказательства, которые мы только что привели, не могут быть окончательными. Кроме того, они практически ничего не сообщают о деятельности Сиона, его целях или влиянии, довольствуясь лишь простым намеком на какое-то монашеское братство, более или менее тайное, и, в конечном счете, представляющем только относительный интерес. Действительно, что общего могло иметь это сборище дерзких и недисциплинированных личностей из обители св. Самсона с членами знаменитого братства, управляемого самыми блестящими людьми в истории Запада? Согласно «документам Общины», Сион был важной, мощной, влиятельной организацией, породившей орден Храма и занимавшийся самой высокой политикой; обитатели же св. Самсона ничего похожего в памяти не вызывали...

Может быть, обитель св. Самсона в Орлеане была тогда лишь изолированным и второстепенным местом действий Сиона? Но так как в списке самых важных командорств в «Секретных досье» никаких осязательных следов мы не нашли, мы были вынуждены искать их в другом месте.

В течение всего XVI в. и на протяжении целых трех поколений Лотарингский дом и его младшая ветвь — дом де Гизов — пытались сбросить династию Валуа и завладеть французским тронem. Много раз эти попытки проваливались, но понадобилось всего тридцать лет, чтобы род Валуа окончательно угас сам по себе.

Карл, кардинал Лотарингский, и его брат Франциск, герцог де Гиз, были близки к успеху в период между 1550 и 1560 гг.; оба они были союзниками Шарля де Монпансье, коннетабля Бурбонского, названного «Секретным досье» великим магистром Сиона до 1527 г. Они также были связаны с семьей герцогов Мантуанских, и Фердинанд де Гонзаг, великий магистр с 1527 по 1575 г., оказывал им помощь и поддержку во всех заговорах против французского трона. Что касается герцога де Гиза, то он женился на Анне д'Эст, герцогине де Жизор.

История описывает кардинала Лотарингского и герцога де Гиза как редкой непримиримости католиков, фанатиков, доходивших до жестокости. Однако, эта репутация, по крайней мере, в области религии кажется нам несколько преувеличенной, так как, по нашему мнению, эти последние скорее вели себя как ловкие оппортунисты, улещая одновременно и католиков, и протестантов. Впрочем, не кардинал ли Лотарингский на совете Тридцати в 1562 г. сделал попытку децентрализации папской власти, дав больше самостоятельности местным епископам и доведя церковную иерархию до состояния, в каком она была в эпоху Меровингов?

Как бы то ни было, в 1563 г. Франциска де Гиза, без пяти минут короля, убивают, и его брат последовал за ним двенадцать лет спустя, в 1575 г. Однако борьба с царствующими принцами еще не окончилась, и в 1584 г. новый герцог де Гиз и новый кардинал Лотарингский вновь начинают осаду трона Валуа, в чем им помогает Луи де Гонзаг, герцог Неверский, великий магистр Сиона на протяжении уже девяти лет. Заметим мимоходом, что знаком сбора заговорщиков был Лотарингский крест, бывшая эмблема Рене Анжуйского ...

Этот конфликт длился до самого конца XVI в., когда род Валуа окончательно исчез. Но дом де Гизов, сильно пострадав от этого соперничества, больше не имел претендента на трон, который теперь был в пределах досягаемости.

Помогали ли взбунтовавшимся династиям какое-нибудь тайное общество или орден? Мы этого не знаем, но, во всяком случае, ясно, что международная сеть эмиссаров, послов, шпионов и агентов всех видов, даже убийц, состояла у них, на жалованье, ибо тогда это была весьма распространенная практика. Среди них назовем и Нострадамуса, который, вероятно, работал на Франсуа де Гиза и кардинала Лотарингского.

Если верить некоторым историкам и «документам Общины», Нострадамус, впрочем, не довольствовался только тем, что тайно поставлял своим покровителям ценные сведения о деятельности и планах их противников. Будучи официальным астрологом французского двора, он следовал за королем во время всех его перемещений и, таким образом, знал многое, касающееся личностей, с которыми сталкивался: их уязвимые места, их слабости и странности. Поэтому можно думать, что он вполне был в состоянии манипулировать Валуа в психологическом плане и, следовательно, отдать их в руки их врагов. Так как он знал все гороскопы, жизнь всех придворных, то есть все «закулисные» дела, «изнанку» двора, то ему не составляло особого труда установить, а потом сообщить своим хозяевам подходящий момент для исчезновения, убийства, отравления... Поэтому, по большей части, пророчества Нострадамуса вовсе не были пророчествами, а были, скорее, зашифрованными посланиями, закодированными инструкциями, тайной программой действий, предназначенной для узкого круга посвященных.

Это, конечно, только гипотеза, но, тем не менее, уже можно заранее сказать, что определенные его так называемые пророчества явно относились к прошлому: к рыцарям Храма, к династии Меровингов, к Лотарингскому дому, к бывшему графству Разес близ Ренн-ле-Шато и — в многочисленных четверостишиях — к приходу «великого монарха», который прибудет из Лангедока...

И еще одна подробность из жизни Нострадамуса непосредственно заинтересовала нас. Как сообщают некоторые историки и народная легенда, прежде чем начать свою карьеру пророка, он действительно долгое время прожил в Лотарингии — что-то вроде испытательного срока, период экзаменов, после которых он был «посвящен в важную тайну». Говорят также, что он имел доступ к одной очень старой работе по эзотеризму, которая стала основой всего

последующего творчества. Эта работа была передана ему в месте, которое нам знакомо: речь идет об аббатстве Орваль, отданном в дар приемной матерью Годфруа Бульонского, и где, возможно, родилась Сионская Община. Во всяком случае, еще в течение двух веков Орваль будет связываться с именем Нострадамуса, до Французской революции и Наполеона, потому что именно в это время будут изданы знаменитые пророчества и астрологические произведения.

Теперь просим вашего разрешения перенестись в 20-е годы XVII столетия. Трон Франции занимает Людовик XIII, но настоящая власть в руках единственного человека, отвечающего в то время за политику страны — министра короля, его серого преосвященства, кардинала де Ришелье. Его называли «Макиавелли своего времени», великим умом королевства, но этого мало, ибо, по нашему мнению, он был еще более значительной личностью.

Итак, в то время, как во Франции кардинал устанавливал мир и стабильность, остальная Европа и, в частности, Германия продолжали барахтаться в потрясениях Тридцатилетней войны. Эта война, по происхождению не религиозная, быстро стала таковой, и католические силы Испании и Австрии противостояли в кровавых распрях протестантским армиям Швеции и маленьких немецких княжеств. Среди последних фигурировало Рейнское воеводство, чей электор Фридрих V, как мы видели, находился в изгнании в Хаге со своей женой Елизаветой Стюарт; поддерживало Фридриха и его союзников розенкрейцерское движение в Англии и на континенте.

В 1633 г. кардинал Ришелье высказался за смелую политику. Он бросил Францию в Тридцатилетнюю войну, но с той стороны, с которой никто ее не ожидал, предпочтя своим кардинальским убеждениям некоторые соображения политического порядка, имеющие в его глазах большее значение. Так, он мечтал установить поскорее французское превосходство в Европе, уменьшить постоянно тяготевшую над Францией австрийско-испанскую угрозу и уничтожить испанское владычество, прочно утвердившееся в течение веков на древних меровингских землях Нидерландов и части Лотарингии.

Европа присутствовала при парадоксальной ситуации, когда католический кардинал католической страны послал свои католические войска сражаться на стороне протестантов против других католиков. Ни один историк никогда не допустил и мысли, что Ришелье мог быть розенкрейцером, но разве действовал бы он иначе, чтобы засвидетельствовать свои убеждения или, по крайней мере, привлечь к себе благосклонность ордена Розы и Креста?

В тот же самый момент Лотарингский дом в лице Гастона Орлеанского, юного брата Людовика XIII, продолжал претендовать на французский трон. Гастон всего лишь женился на сестре герцога Лотарингского, но если бы он добился трона, то ее тщеславный род наконец получил бы шанс вершить судьбы Франции в следующем поколении, через его наследника. Такой перспективы, во всяком случае, было достаточно, чтобы мобилизовать силы Карла, герцога де Гиза. Воспитанный молодым Робертом Флуддом, он женился на Генриетте-Катерине де Жуайез, владелице Куизы и Арка, где находится могила, идентичная изображенной на картине «Пастухи Аркадии» Никола Пуссена...

План низложить Людовика в пользу Гастона снова провалился, и французский король остался на троне. Судьба, казалось, напрасно пыталась помочь герцогу Орлеанскому: король и королева долго не имели детей, но в 1638 г., после двадцати трех лет бесплодия, Анна Австрийская родила сына и тем самым положила конец всякой надежде на перемены. Конечно, удивление было огромным, а также большим было сомнение по поводу законного происхождения новорожденного. Молва и некоторые историки того времени и более позднего не преминули приписать отцовство кардиналу Ришелье или же его протеже и преемнику кардиналу Мазарини — гипотеза, не лишенная основания, если счесть возможным тайный брак последнего с Анной Австрийской после смерти короля.

Так, в силу происшедших событий, растаяли мечты Гастона Орлеанского и Лотарингского дома. Но когда в 1642 г. умер Ришелье, не пренебрегли ничем, чтобы избавиться от Мазарини и удалить от трона юного Людовика XIV. Будучи вначале просто народным бунтом, Фронда, настоящая гражданская война, продлилась десять лет. Кто же сгруппировался вокруг Гастона Орлеанского, который был ее зачинщиком? Знакомые нам личности: Фредерик-Морис де ла Тур д'Овернь, герцог Бульонский, виконт Тюреннский, герцог де Лонгвиль, внук Луи де

Гонзага, герцога Неверского, великого магистра Сиона пятьдесят лет тому назад... Что касается столицы этих «фрондеров», то ею стал не больше, не меньше, как старинный город Стенэ в Арденнах.

«Документы Общины» упоминают, что в середине XVII в. Сионская Община пыталась низложить Мазарини. Но это окончилось провалом, так как по окончании Фронды Людовик XIV взшел на трон, а кардинал после недолгого изгнания вновь заступил на пост первого министра и занимал его вплоть до своей смерти в 1660 г. Зная, что Сион был настроен враждебно по отношению к Мазарини, и зная семьи, вовлеченные во Фронду — те самые, из генеалогий «Секретных досье», — мы можем вполне обоснованно связать одно с другим и увидеть в членах Общины поджигателей этой гражданской войны.

«Документы Общины» приводят также некоторые фамилии, связанные с орденом и давшие ему нескольких великих магистров, фигурировавшие в первых рядах оппозиции Мазарини: Гонзаг, Невер, Гиз, Лонгвиль, Бульонский... Именно здесь, по крайней мере, именно в этой эпохе следует искать и найти след Сионской Общины и кого-нибудь из ее членов.

Но ведь не только эти люди были вовлечены в бунт. Были и другие, проявившие себя не только во время Фронды, но и в течение долгого времени после нее. Так, члены Общества Святой Евхаристии, о котором упоминают «документы Общины», признавали в нем общество, явно происходящее от Общины, либо саму Общину, действующую под другой личиной, потому что сходство ее с Сионом как в плане структуры, организации, деятельности, так и в плане методов, было безусловным.

Что же это было за Общество Святой Евхаристии, тайное общество, вполне реальное, существование которого было признано в XVIII в., название которого с тех пор повторяют многие историки и деятельности которого было посвящено столько исследований?

Общество Святой Евхаристии было основано в период между 1627 и 1629 г. знатным сеньором из окружения Гастона Орлеанского. Однако никто и ничего не знает о том, кто и когда руководил им, ибо оно тщательно охраняло, как охраняет и сегодня, свое инкогнито; нам известны только некоторые из его посредников, низшие члены иерархии, нечто вроде подставных лиц, действующих по указанию свыше. Назовем среди них брата герцогини де Лонгвиль, брата суперинтенданта финансов Людовика XIV Шарля Фуке, наконец, дядю философа Фенелона, которого спустя полвека обнаружат состоящим во франкмасонстве, рядом с шевалье Рамсеем. Вокруг Общества вращались также такие известные личности, как св. Вэнсан де Поль, епископ Але Никола Павийон и Жан-Жак Олье, основатель семинарии Сен-Сюльпис, возможного центра деятельности ассоциации.

В своей организации и деятельности Общество напоминало орден Храма, предвосхищая франкмасонство. Из Сен-Сюльпис оно управляло сетью провинциальных ответвлений и капитулов, члены которых должны были повиноваться, не пытаясь понимать или спорить, даже не обязательно будучи согласными, и никогда не зная тех, кто отдавал приказания. Единая глава и невидимое сердце — так можно определить Общество Святой Евхаристии. Да, это было бьющееся сердце, и билось оно в ритме «тайны», которая была его «смыслом жизни» и самой жизнью. Некоторые рассказы того времени явно делают ссылки на Тайну, которая является душой Общества, и одно из его положений предусматривает: «Путеводная звезда, определяющая дух Общества, которая для него очень важна, есть Тайна». Каковы же были функции Общества?

Новички, еще не посвященные, должны были много раз в завуалированной форме давать понять, что оно посвятило себя делу милосердия в регионах, опустошенных религиозными войнами, например, в Пикардии, Шампани и Лотарингии. Но теперь неизвестно, не было ли это дело милосердия лишь хитроумной вывеской, имеющей мало общего с истинным смыслом существования святого дома. Фактически этот смысл существования был двойным: сначала практиковать нечто вроде религиозного шпионажа, затем проникнуть на самые высокие посты в стране, включая, естественно, посты поближе к трону.

Общество Святой Евхаристии, кажется, особенно преуспело в продвижении к этой цели. Так, Вэнсан де Поль, член Королевского совета Совести, стал исповедником Людовика XIII и личным советником Людовика XIV; дошло до того, что его враждебность к Мазарини вынудила его уйти со своего поста. Что касается королевы-матери Анны Австрийской, то она была лишь

игрушкой в руках Общества, которому на некоторое время, правда, удастся повернуть ее против своего первого министра. Впрочем, всемогущая организация не ограничивалась одним тронном, и, можно сказать, что в середине XVII в. она раскинула свои сети по всей Франции через посредство аристократии, Парламента, правосудия и полиции, доказательством чему служит то, что эти институты не один раз открыто выражали свое недоверие королю.

Однако никто ни тогда, ни теперь, еще не дал точного, всеми принятого определения Общества Святой Евхаристии, потому что военная ультракатолическая организация, бастион ортодоксальности и нетерпимости — это все очень туманно. Кроме того, вступив в XVII в., почему в католической стране подобная организация упорно действовала в тайне от всех? Впрочем, что означал тогда термин «еретик»? Протестантов или янсенистов? В действительности же, ни тех, ни других, раз огромное количество их находилось среди членов Общества...

Если Общество было действительно католическим, разве оно не должно было поддерживать Мазарини, защитника интересов Церкви? Напротив, оно открыто противостояло ему до такой степени, что первый министр не прекращал попыток низвергнуть его в небытие. Иезуиты тоже относились к нему враждебно, также как и некоторые другие католические власти, обвинявшие его в ереси — в том, против чего, собственно, боролось, как оно само утверждало, Общество Святой Евхаристии... так, что в 1651 г. епископ Тулузский собирался разоблачить нечестивую деятельность и «в высшей степени неправильный» вид церемонии принятия — отзвук обвинений, выдвинутых ранее против тамплиеров. Но Общество, которому угрожало отлучение от Церкви, отреагировало с неожиданной силой и весьма странной неосторожностью, которой невозможно было ожидать от этих набожных католиков.

Вспомним теперь, что Общество Святой Евхаристии было основано в разгар эпохи розенкрейцеровского психоза. «Невидимое братство» было повсюду, отвечало за все, было предметом страха и наихудших поучений, объектом преследований и упорных поисков; и однако, орден Розы и Креста оставался невидимым. Нигде в этой католической Франции никому не удавалось отыскать ни одного его члена, как будто это была лишь фикция, продукт народного воображения.

Значит, орден Розы и Креста — призрак?.. Поищем тогда выход в другом месте. А если орден, имеющий какой-то свой интерес обосноваться во Франции, предпочел скрыться за спиной другой организации? Какая замечательная вывеска, какая обманчивая маска это Общество, официальной целью которого была как раз охота на розенкрейцеров! Так, может быть, под respectable вывеской Общества Святой Евхаристии эти последние смогли спокойно следовать к своей цели и вербовать сторонников своего дела, притворяясь их самыми коварными врагами?

Общество Святой Евхаристии сопротивлялось Мазарини и Людовику XIV до 1660 г., когда менее чем за год до смерти своего первого министра король официально объявил о ликвидации организации. Однако, в течение последующих пяти лет ничего не изменилось, так как Общество решило сначала игнорировать королевский эдикт; затем в 1665 г. оно просто объявило о своем намерении продолжать существовать в своем «настоящем виде». Весь его архив был собран и целиком укрыт в надежном месте в Париже, которое так никогда и не было найдено, но которое, по всей видимости, было обителью Сен-Сюльпис. Таким образом, спустя два века эти архивы вполне могли быть доступны некоему аббату по имени Эмиль Оффе.

Тем не менее, кое-кто считает, что Общество продолжало свирепствовать, только под другим обликом, до конца следующего века — настоящий вызов абсолютизму Людовика XIV — и даже гораздо дольше, до первых лет XX в.

Мы не будем высказывать своего мнения по этому поводу, скажем только, что оно, безусловно, пережило свое предполагаемое исчезновение в 1665 г. В 1667 г. Мольер, верный сторонник Людовика XIV, атаковал Общество некоторыми намеками в своем «Тартюфе», что навлекло на него ничем не замаскированные репрессии, и, несмотря на то, что он пользовался покровительством короля, представление его пьесы было запрещено в течение двух лет. Со своей стороны, Общество Святой Евхаристии имело своих собственных писателей — Ларошфуко, бывшего очень активным во время Фронды, и даже, говорят, Лафонтена, чьи невинные и очаровательные басни являлись открытой критикой королевской власти.

Действительно, Людовик XIV не питал особого расположения к баснописцу и — вспомним это — был против приема его во Французскую Академию; теперь назовем его покровителей: герцоги де Гизы и Бульонские, виконт Тюреннский и вдова Гастона Орлеанского — небезыңтересные для нас личности...

Теперь мы коротко перечислим все, что мы знаем об Обществе Святой Евхаристии:

Итак, речь идет о тайном обществе, большая часть истории которого совершенно официальна. Оно подчеркнуто католическое, но не менее открыто замешано в деятельность отнюдь не католическую. Оно тесно связано с некоторыми влиятельными аристократическими фамилиями, которые были очень активны во время Фронды и чьи генеалогии фигурируют в «документах Общины». У него имеются связи с обителью Сен-Сюльпис, и, хотя оно действовало всегда тайком, было все же очень влиятельно. Наконец, оно очень враждебно относилось к кардиналу Мазарини.

Мы находим здесь все основные признаки Сионской Общины, как они нам представлены «Секретными досье». Почти совершенно совпадают действия обеих организаций, и если орден Сиона продолжал свою деятельность в течение XVII в., то, не слишком рискуя ошибиться, можно идентифицировать его с Обществом Святой Евхаристии или с теми, кто действовал за его спиной.

Как утверждают «документы Общины», враждебность Сиона по отношению к Мазарини спровоцировала с его стороны суровые репрессии. Одной из его главных жертв стала семья Плантар, потомок Дагоберта II и меровингского рода. Действительно, в 1548 г. Жан де Плантар женился на Мари де Сен-Клер, создав таким образом новую связь между собственной семейной ветвью и родом Сен-Клер де Жизор, в то время, когда его семья обосновалась близ Невера, в замке Барбария, призванном стать ее официальной резиденцией в течение следующего века. Но 11 июля 1659 г. Мазарини приказал разрушить замок, и Плантары потеряли все свое состояние.

Но ни один труд, ни одна биография Мазарини, надо это подчеркнуть, не подтверждают того, что высказано в «документах Общины»; мы также ничего не найдем во время наших изучения семьи Плантар, проживающей в Нивернэ, ни следов замка Барбария. Однако, нет никаких сомнений в том, что Мазарини страстно желал иметь герцогство Неверское и его провинцию, чего он, в конце концов, добился, подписав контракт от 11 июля 1659 г., в день предполагаемого разрушения замка.

Забываясь о том, чтобы продвинуть наши исследования дальше, мы будем продолжать собирать воедино обрывки доказательств, разбросанные там и сям, недостаточные для того, чтобы все объяснить, но, тем не менее, свидетельствующие о бесспорной достоверности «документов Общины», в доказательство чему — упоминание о замке Барбария в списке владений и ленов Нивернэ, датированным 1506 г., и грамота 1575 г., намекающая на деревушку в местности, названную «Плантары».

Что касается самого замка Барбария, то его существование окончательно подтверждается наличием следующих фактов: в 1874 — 1875 гг. члены Общества Литературы, Наук и Искусств Невера предпринимают раскопки на месте руин. Проект весьма рискованный, так как камни, превратившиеся из-за огня в стекло, и буйная растительность между ними делают всякую идентификацию практически невозможной. Но в конце концов остатки стены и замка извлечены на свет божий. Сомнений больше нет: это замок Барбария, сегодня это известно, и ошибка исключается. Дополнительное уточнение: прежде чем эти места были разрушены, они состояли из маленького укрепленного городка и замка, отстоявшего совсем немного от бывшей деревушки Плантары.

Итак, существование замка, разрушенного пожаром, бесспорно подтверждается. Что же касается деревушки Плантары, то нет никакого сомнения в том, что она принадлежала семье, носящей то же имя. Но любопытно, что ни один документ не содержит ни даты, когда сгорел замок, ни имени организатора пожара. Если ответственность за это нес Мазарини, то, несомненно, он очень потрудился, чтобы стереть малейший след своего поступка и дошел даже до того, что систематически вычеркивал замок Барбария с карт и из истории Нивернэ. Во имя какой побудительной причины он действовал и какой ужасный секрет был связан с этой таинственной местностью?

Фрондеры и Общество Святой Евхаристии не были единственными врагами Мазарини.

Среди них был и всемогущий Никола Фуке, суперинтендант финансов Людовика XIV начиная с 1653 г. Человек большого таланта, умный и тщеславный, он станет впоследствии самой богатой и самой влиятельной персоной в королевстве, его истинным монархом, как люди его называли про себя... Его политические мечтания соответствовали его тщеславию, примером чему — приписываемая ему идея сделать Бретань независимым герцогством и стать там хозяином.

Мать Фуке была известным членом Общества Святой Евхаристии, также как и один из его братьев — Шарль, епископ Нарбонский в Лангедоке. Что касается его младшего брата Луи, то он тоже был священником, и в 1656 г. Никола по неизвестным причинам отправляет его в Рим, откуда, как мы помним, он присылает ему загадочное письмо, процитированное нами в первой главе, повествующее о беседе с Пуссенем о тайне, которую даже «короли с большим трудом смогли бы вытянуть из него». Со своей стороны, художник больше не будет болтать и не сделает никому никаких признаний по этому поводу, буквально соответствуя девизу своей личной печати: «Tenet confidentiam» (хранит тайну).

Итак, в 1661 г. Людовик XIV велит арестовать своего суперинтенданта финансов, обвинив его в том, что он перепутал свои личные интересы с управлением общественными финансами, и, что еще более серьезно, в том, что он готовил бунт против короля. Следовательно, на все его богатства был наложен секвестр, его документы и переписка переданы королю, который лично и тщательно их изучил.

Начинается процесс; он длится четыре года и приводит в движение всю Францию — писателей, памфлетистов, двор и провинцию. Самый молодой брат обвиняемого, Луи, умер, но его мать и Шарль мобилизуют Общество Святой Евхаристии, к которому принадлежит один из судей, собирающихся вести процесс. Респектабельный дом тут же бросается в битву вместе со сторонниками Никола Фуке, стараясь повернуть общественное мнение в пользу обвиняемого, ожидающего в тюрьме приговора. Кара, потребованная для него Людовиком XIV, столь же необычна, сколь примечательна: смерть, ни больше, ни меньше. Двор отказывается и, доказывая храбро свою независимость, голосует за пожизненное изгнание. Но король, не желая менять свое решение, заменяет упрямых судей другими, более соответствующими его желаниям.

В конце концов голоса в пользу изгнания взяли верх над королевской волей, и в 1665 г. Людовик XIV смягчает наказание, заменяя его пожизненным заключением. Суперинтендант спасен, но приговорен к строжайшей изоляции в крепости Пьемонта с очень вредными для здоровья условиями. Он не имеет права ни гулять, ни принимать гостей, ему не дают ни чернил, ни бумаги; что касается его лакеев и тюремщиков, то они постоянно сменяются, и, как говорили, малейшее внимание к заключенному было чревато галерами или виселицей.

В этом же самом 1665 г., когда Фуке был заключен в Пиньероль, в Риме умирает Пуссен, и Людовик XIV через своих агентов пытается добыть его картину «Пастухи Аркадии». Но когда двадцать лет спустя король наконец завладел ею, он стал ревниво охранять ее от посторонних взглядов в своей новой резиденции в Версале, не давая никому любоваться ею, и запер ее в своих личных апартаментах, соглашаясь показать ее лишь в исключительных случаях малому числу своих приближенных.

Несчастливая судьба Фуке, каковы бы ни были причины ее и результат, не должны были коснуться его детей. Несколько десятилетий спустя его внук, маркиз де Бель-Иль, станет одной из величайших личностей в королевстве, и когда в 1718 г. он уступит королю замечательно укрепленный остров, которому он был обязан своим именем, в обмен он получит земли очень нас интересующие... Одно из этих владений было Лонгвиль, и нам не надо возвращаться вновь к этому имени; другое было Жизор, которое дало внуку Фуке титул графа, потом в 1742 г. — герцога де Жизора, а через шесть лет, в 1748 г., получило статус «первого герцогства».

Как раз в нескольких километрах от Жизора находится маленький городок Лезандели, где в 1594 г. родился Никола Пуссен. Но очень скоро он устраивается в Риме, откуда будет приезжать только в редких случаях, как, например, после 1640 г., когда его вызвал кардинал Ришелье для выполнения важной миссии.

Хотя художник мало занимался политикой и не покидал своего убежища в Риме, он был тесно связан с Фрондой. Доказательством этому служит его переписка, открывающая многочисленные дружеские узы с участниками движения против Мазарини и неожиданную

фамильярность с некоторыми «фрондерами», убеждения которых он, как кажется, разделяет.

Так как мы уже встретились с «подземной рекой» Алфиос, которая из Аркадии течет к ногам Рене Анжуйского, займемся теперь надписью, неотделимой от аркадийских пастухов Пуссена: «t in Arcadia ego» — «И вот я в Аркадии».

Эта загадочная фраза в первый раз появляется на одном из предыдущих его живописных полотен. Надгробие, увенчанное черепом, не является простым надгробием, а вделано в скалу; на первом плане — водяное божество с бородой, задумчиво созерцающее землю: это бог Алфиоса, который, безусловно, вершит судьбу подземной реки... Это произведение датируется 1630-1635 гг., то есть приблизительно на пять-десять лет раньше знаменитой версии «Пастухов Аркадии».

Слова «И вот я в Аркадии» появляются в Истории между 1618 и 1623 гг. вместе с картиной Джованни Франческо Гверчино, которая, возможно, вдохновила Пуссена в его творчестве. Два пастуха, выходящие из леса, подходят к поляне и надгробию, на котором очень отчетливо видна знаменитая надпись и большой череп, положенный на камень. Если неизвестно символическое значение этой картины, то известно, что Гверчино был очень сведущ в области эзотеризма; кажется даже, что ему был близок язык тайных обществ, ибо некоторые его произведения посвящены специфическим масонским темам. Напомним, что ложи начали быстро распространяться в Англии и в Шотландии на двадцать лет раньше, и такая картина, как «Воскресение Учителя», написанная почти за сто лет до того, как эта легенда вошла в масонскую традицию, явно относится к масонской легенде о Хираме Абиффе, архитекторе и строителе Храма Соломона.

Но вернемся к словам «И вот я в Аркадии». Согласно «документам Общины», они стали официальным девизом семьи Плантар, по крайней мере, с XII в. (когда Жан де Плантар женился на Идуане де Жизор), и уже в 1210 г. они были процитированы неким Робером, аббатом из Мон-Сен-Мишель.

Не имея доступа к архивам знаменитого аббатства, в настоящее время мы, к сожалению, не можем проверить это утверждение. Тем не менее, год 1210 кажется нам ошибкой. Во-первых, в 1210 г. не существует аббата из Мон-Сен-Мишель по имени Робер; затем, если и существует некий Робер де Ториньи, аббат этих мест, то даты, касающиеся его деятельности, располагаются между 1154 и 1186 гг. — время, когда он был замечен, благодаря своим работам и коллекциям, относящимся к девизам, гербам и эмблемам знатных фамилий Христианского мира.

Каково бы ни было происхождение этих таинственных слов, они явно обладали для Гверчино и Пуссена смыслом, происходящим отнюдь не из области поэзии. По нашему мнению, они должны были скорее всего соответствовать символу или знаку, предназначенному нескольким посвященным — возможно, это был эквивалент какого-нибудь масонского «пароля», скрывающего реальность, запрещенную для профанов. Впрочем, именно в этих словах определяется в «документах Общины» самый характер символического искусства:

«Аллегорические произведения имеют то преимущество, что достаточно одного слова, чтобы прояснить отношения, недоступные толпе; они отданы всем, но их значение адресовано элите. Отправитель и адресат понимают друг друга поверх толпы. Непонятный успех некоторых произведений идет от этого достоинства аллегии, которая является более, чем просто модой — способом эзотерического выражения».

Итак, если эти строчки в их контексте применимы к творчеству Никола Пуссена, то не могут ли они также хорошо подойти и Леонардо да Винчи, и Боттичелли или другим гениям Ренессанса, а также — почему бы и нет? — Нодье, Виктору Гюго, Дебюсси, Жану Кокто и их друзьям?

Ранее мы установили существование важных связей между предполагаемыми великими магистрами Сиона XVII и XVIII вв. и европейским франкмасонством. Это последнее независимо от Сиона представляет в некоторых аспектах очень интересные отношения для нашего исследования.

Так, это многочисленные намеки на семью Синклер — шотландскую ветвь нормандских Сен-Клер де Жизоров. Их земли в Рослине находились всего в нескольких километрах от бывшей резиденции рыцарей Храма в Шотландии, и часовня этой местности, построенная

между 1446 и 1486 гг. слыла приобщенной к франкмасонству и к ордену Розы и Креста. Сверх того, грамота, датированная 1601 г., признает Синклеров «наследными великими магистрами шотландского масонства». Это первый известный специфический масонский документ, и, согласно некоторым другим, этот титул был пожалован семье Синклер Яковом II, который царствовал в ту же эпоху, что и Рене Анжуйский, то есть между 1437 и 1460 гг.

Но другой кусок головоломки, еще более таинственный, появляется в Англии, в Стэффордшире, другом важном очаге масонства, между началом и серединой XVII в.

Когда великий магистр Сиона Чарльз Рэдклифф сбежал в 1714 г. из Ньюгейтской тюрьмы, он получил помощь, как мы помним, от своего кузена, графа Личфилда. В конце века род Личфилдов угас, имя и титул исчезли и были выкуплены в начале XIX в. потомками семьи Энсон, которые, в свою очередь, стали графами Личфилдами.

Семья Энсон владела с 1697 и владеет до сих пор замком Шугборо Холл в Стэффордшире, который раньше был епископством. После смерти его владельца в 1762 г. в Парламенте имела место церемония, во время которой была прочитана длинная элегическая поэма. И какова же была одна из строф поэмы, описывающая пасторальную сцену «в счастливых долинах Аркадии»? Вне всякого сомнения, это явный намек на Пуссена, и последний стих ее вызывает в памяти «перст разума, указывающий на надгробие», привлекающий внимание к словам «И вот я в Аркадии»...

Заканчивая, упомянем о том, что в парке Шугборо Холла находится величественный барельеф из мрамора, выполненный по заказу семьи Энсон между 1761 и 1767 гг. Что же на нем изображено? Репродукция «Пастухов Аркадии» Пуссена, все детали которой перевернуты и представляют собой как бы зеркальное отражение. Внизу можно прочесть выгравированную на мраморе следующую надпись:

O. U. O. S. V. A. V. V. D. M.

Но эти загадочные буквы так и не были никогда удовлетворительным образом расшифрованы.

В 1738 г. папа Клемент XII выпускает буллу, разоблачающую и отлучающую от Церкви всех франкмасонов — «врагов Римской Церкви»; это решение труднообъяснимо, особенно в эпоху, когда большое число франкмасонов, как, например, якобиты, были ревностными католиками. Но, может быть, папа беспокоился о неких связях, существующих между молодым франкмасонством и антиклерикальными розенкрейцерами XVII в.

Документ, опубликованный впервые в 1962 г., освещает эти обвинения по-новому. Действительно, речь идет о письме того же папы Клемента XII, адресованном неизвестному человеку, в котором он категорически заявляет, что масонская мысль основана на ереси, и эта ересь — которую мы в ходе нашего расследования неоднократно встречали — состоит в отрицании божественности Иисуса. За франкмасонством, продолжает папа, стоят ответственные умы, вожаки: те самые, спровоцировавшие лютеранскую реформу.

Разумно ли все это? — можно подумать при внимательном прочтении письма. Отметим все же, прежде чем выносить суждение, что папа не говорит необдуманно, ссылаясь на неясные течения мысли и на непонятные традиции. Нет! Он ясно намекает на группу хорошо организованных индивидуумов, на секту, орден или тайное общество, на протяжении многих лет старательно подрывающее основы огромного здания, на котором покоится весь христианский мир.

Конец XVIII в. увидел беспорядочное распространение самых разношерстных масонских систем. Среди них на важном месте фигурировал «Восточный ритуал Мемфиса», где в первый раз (для нас, по крайней мере) появилось имя Ормуса, принятое Сионской Общиной между 1188 и 1307 гг.; Ормус, как мы видели, был египетским мудрецом и, согласно этому ритуалу, заботился о том, чтобы примирить языческие и христианские таинства, он был предполагаемым основателем ордена Розы и Креста около 46 г. н. э.

В это же самое время масонские ритуалы умножали намеки на «скалу Сион» — ту самую скалу, которая, согласно «документам Общины», делала «королевскую традицию», установленную Годфруа Бульонским, равной другим древним династиям Европы.

Напомним, что с нашей стороны, мы хотели с самого начала видеть в этой «скале Сион» гору Сион, «высокий холм», расположенный на юге Иерусалима, где Годфруа построил

аббатство, предназначенное будущему ордену. Но в Массонском контексте, и учитывая его отношение к Иерусалимскому Храму, эта скала принимает совсем другое значение, ибо она фактически соответствует некоторым специфическим местам из Библии. Скала становится там отброшенным камнем, которым несправедливо пренебрегли при строительстве Храма и который должен был занять свое место в здании в качестве основания. Так, псалом 118 объявляет: «Камень, отброшенный строителями, сам стал во главу угла».

Со своей стороны, Новый Завет делает многочисленные намеки на этот же камень. Действительно, у Матфея XXI, 42 мы читаем слова Иисуса: «Неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла...», которым созвучны еще более двусмысленным образом слова Павла в его «Послании к римлянам» (IX, 33): «Вот полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится».

В «Деяниях Апостолов» (IV, II) скала Сион явно является аллегорией, относящейся к самому Иисусу: «...именем Иисуса Христа Назорея... им поставлен он перед вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла...» — метафора, без колебаний взятая Павлом в его «Послании к ефесеям» (II, 20): «...быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем».

Но всю свою символическую ценность эта скала принимает в первом послании св. Петра (11, 3-8): «...ибо вы вкусили, что благ Господь. Приступая к нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. Ибо сказано в Писании: вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится. Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна, о который они претыкаются, не покоряясь слову, на что они и оставлены».

Сразу же за этим отрывком следует стих, значение которого должно предстать нам лишь позже. Петр намекает там на королевский род, духовных и светских наставников, род королей — священников:

«Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел...»
Что можно заключить из этих сбивающих с толку текстов о скале Сион, краеугольном камне Храма, который так глубоко лежит в тайной традиции франкмасонства? Что думать о явной идентификации этого камня с самим Иисусом? Как толковать эту «королевскую традицию» основанную на скале Сион или на Иисусе собственной персоной, ставшую таким образом равной царствующим в Европе династиям во времена Крестовых походов?..

В 1833 г. пост министра народного образования занимал Жан-Батист Питуа. бывший сотрудник Шарля Нодье в Библиотеке Арсенала; в этом же году министр начинает осуществлять честолюбивый замысел: опубликование всех доселе неопубликованных документов, относящихся к истории Франции. Были также сформированы два комитета, в состав которых вошли Виктор Гюго, Мишле и большой специалист по крестовым походам Эмманюэль Рей.

Среди работ, опубликованных вскоре под эгидой министерства народного образования, был монументальный труд «Процесс над тамплиерами» Мишле — исчерпывающее собрание всех отчетов Инквизиции и протоколы процессов над рыцарями Храма. Со своей стороны, барон Рей выпускает несколько работ о крестовых походах и франкском королевстве в Иерусалиме, в которых в первый раз мы нашли оригинальные грамоты, касающиеся Сионской Общины, и при чтении которых мы с удивлением констатировали, что некоторые места, процитированные Реем, почти слово в слово совпадают с соответствующими местами «документов Общины».

Наконец, в 1875 г. барон основывает Общество Латинского Востока. Оно обосновалось в Женеве, афишируя честолюбивые археологические проекты, и имело свой собственный «Журнал Латинского Востока», который и сегодня широко используется историками и который также опубликовал многие грамоты Сионской Общины.

Исследования, которыми занялся Рей, были характерны для новой формы исторической

эрудиции, появившейся тогда в Европе, а особенно в Германии, и сильно углубило кризис, который вызвало среди верующих распространение учения Дарвина и агностицизма, составляющих серьезную угрозу для Церкви.

Как известно, до сих пор исторический поиск основывался на неточном и спорном фундаменте — легенды, устные предания, личные воспоминания, субъективные, главным образом, справки, — которые могли быть совершенно по-разному истолкованы. Но в XIX в. немцы ввели в свою методiku работы строгость и тщательную технику, которые сегодня стали обычным делом в этой области: критический анализ, расследование и систематическое использование имеющегося в наличии материала, хронологический поиск, проверка ссылок. Может быть, немецкие писатели немного заблудились в их приверженности к точности, но надо признать, что они также создали бесспорную основу для дальнейших поисков, которой обязаны многие важнейшие археологические открытия, как, например, находка месторасположения Трои Генрихом Шлиманом.

Эти методы быстро нашли свое применение, причем с равной строгостью, и в изучении Библии. И Церковь, основой которой было безусловное принятие догм, также быстро осознала, что ее великая «Книга» слабо сопротивлялась этим новым методам работы. В самом деле, в своем очень спорном произведении «Жизнь Иисуса» Ренан применил немецкую методологию к Новому Завету, и результаты получились для Рима неудобные.

Именно против этой новой опасности, на защиту Церкви встало Модернистское Католическое движение, предполагая создать по немецкой методике поколение еkkлезиастов, способных защитить буквальную истинность Писания с такой же прямоотой, что и их собратья в исторических дисциплинах.

К несчастью, этот план потерпел крах, ибо новое оружие, попав в руки юных церковников, чтобы помочь защитить Библию, послужило тому, что повернуло их против нее и уничтожили дело, которое им доверили, так как критический анализ Писания открыл им множество противоречий и элементов, несовместимых с католическими догмами. Не перенеся удара, модернисты в конце века отказались от роли «войска избранных» и перешли в разряд еретиков. Это была самая серьезная угроза, которую знала Церковь со времен Мартина Лютера; это был кризис, который мог привести католиков на грань раскола.

Очагом же деятельности модернистов, как и Общества Святой Евхаристии, снова стало аббатство Сен-Сюльпис в Париже, а одним из ее главных представителей — директор семинарии 1852-1884 гг. Но из Сен-Сюльпис движение быстро распространилось по всей Франции, а затем по Италии и Испании. В их руках Библия теряла свой бесспорный авторитет, который она всегда олицетворяла, и была пересмотрена в специфическом контексте эпохи. Но это еще не все. Модернисты действительно отказывались от централизации церковной власти, а особенно от совсем недавней доктрины о непогрешимости папы, которую они осудили, как противоречащую новым тенденциям. Таким образом, они очень быстро перетянули на свою сторону часть Церкви и многих писателей, среди которых были Роже Мартен дю Гар во Франции и Мигель де Унамуно в Испании.

Ответ Церкви не заставил себя долго ждать. Действуя со всей суровостью, она обвинила модернистов во франкмасонстве, там — вешая, здесь — отлучая, и многие труды были под запретом. Потом, в 1903 г., папа Лев XIII учредил Папскую Библейскую Комиссию для контроля за всеми работами, касающимися Писания, а в 1907 г. Пий X категорически осудил модернистов, и три года спустя Церковь, наконец, потребовала, чтобы ее деятели принесли клятву полного отречения от подобной формы мысли.

Однако, движение дожило до 1914 г., когда первая мировая война отвела от него внимание общественности. Что же касается его авторов, то они вовсе не исчезли. Под видимостью профессора, в Бретани, коварный аббат Тюрмель опубликовал серию модернистских произведений под четырнадцатью различными псевдонимами, каждое из которых по очереди было запрещено, а личность автора была установлена лишь в 1929 г.; в том же году его отлучили от Церкви.

В то же самое время модернизм распространился в Англии, где его с восторгом приняли члены англиканской Церкви по примеру Уильямса Темпла, будущего епископа Кентерберийского, который не замедлил объявить, что подобное идейное движение рисковало

перевернуть с ног на голову самые основы человеческой культуры. И, конечно, не случайно среди сторонников Темпла мы находим Кэнона А.Л.Лиллея, друга пастора, чье поразительное письмо говорило о «формальном доказательстве» того, что Иисус не умер на кресте...

Как мы знаем, Лиллей некоторое время работал в Париже и там познакомился с Эмилем Оффе, знаменосцем модернизма, эрудитом, сведущим в истории, языках и символизме. Однако, Оффе вышел не из Сен-Сюльпис, а из семинарии Сиона в Лотарингии: «Вдохновенный холм»...

Одно из самых красноречивых доказательств существования и деятельности Сионской Общины датируется концом XIX в. Это свидетельство хорошо известно, но его часто оспаривают, потому что оно вызывает множество мучительных воспоминаний. Сыграв на самом деле важную роль в недавних событиях, оно еще и сегодня вызывает крайне бурную реакцию, которую большинство писателей предпочитает избегать, умалчивая о нем. Реакция вполне понятная, и относится она к человеческому страданию, но, надо также сказать, что этот документ был плохо использован и неправильно истолкован.

Все более или менее знают, какую роль сыграл Распутин при дворе Николая и Александры, государей Всея Руси. Но что, как правило, неизвестно, так это то, что задолго до него в императорском окружении существовали влиятельные и даже могущественные эзотерические кружки. Один из них был создан между 1890 и 1900 гг. вокруг некоего «господина Филиппа» и его ментора, хорошо известного при дворе в Санкт-Петербурге. Этот последний, с которым мы уже встречались, был не кто иной, как Папюс, французский эзотерист, товарищ Жюля Дуанеля, создателя Неокатарской Церкви в Лангедоке, друг Пеладана (который считал, что нашел могилу Иисуса), Эммы Кальве и Клода Дебюсси. Одним словом, возрождение французского оккультизма, пришедшееся на конец прошлого века, далеко, как мы видим, вышло за пределы Франции и дошло до Петербурга, войдя в окружение царя и царицы.

В России у Папюса и у господина Филиппа были друзья, но было и немало врагов. Например, великая княгиня Елизавета была явной противницей этого эзотерического кружка и старалась поставить как можно ближе к трону своих собственных фаворитов, среди которых фигурировал некий малосимпатичный человек, известный в дальнейшем под псевдонимом Сергей Нилус.

Около 1903 г. этот Нилус представил царю весьма сомнительный документ, предлагавший доказательства опасного заговора. Без сомнения, в обмен на эту информацию он ожидал благодарность своего государя. Но он просчитался. Царь попросту заявил, что документ был фальшивкой, уничтожил все экземпляры и изгнал Нилуса из своего двора.

Однако, копия текста избежала уничтожения и сразу же была опубликована в газете, не вызвав, впрочем, ни малейшего интереса. В 1905 г. ее снова опубликовали как приложение к труду философа и мистика Владимира Соловьева, и она начала привлекать внимание, а в последующие годы стала позором всего XX в.

Что же это был за документ? Маленькая брошюрка, содержащая нечто вроде общественной и политической программы, самое распространенное название которой — оно немного отличалось в каждом издании — «Протоколы Сионских мудрецов». Говорили, что происходили они из специфических еврейских источников, и многие антисемиты считали его неопровержимым доказательством широкого «международного заговора». В 1919 г. «Протоколы» раздавали белогвардейцам, которые в течение следующих двух лет уничтожили около шестидесяти тысяч евреев, которых они считали виновниками революции 1917 г. Потом они стали распространяться, благодаря заботам Альфреда Розенберга, проповедника расистских теорий национал-социалистической партии Германии. Так, Гитлер в своей книге «Майн кампф» широко использовал содержание «Протоколов», чтобы оправдать свой собственный фанатизм, ни разу не подвергнув сомнению их подлинность. Он не был одинок. В Англии «Морнинг Пост» немедленно опубликовала их, и даже «Таймс» в 1921 г. уделила им самое серьезное внимание, прежде чем признать затем свою ошибку. Сегодня мы знаем, какой чудовищный обман этот документ, но он еще в ходу в Латинской Америке, в Испании и даже в Англии в целях пропаганды антисемитизма...

«Протоколы Сионских мудрецов» представляют собой как бы программу всемирного господства группы людей, призванных установить новый порядок, их порядок, как верховных

деспотов. Все средства хороши, чтобы добиться цели: возмущение, анархия, свержение режимов, быстрое развитие франкмасонства, других параллельных организаций, абсолютный контроль над общественными, политическими и экономическими институтами западного мира. Целые нации будут реорганизованы согласно плану небывалого размаха...

Для современного догадливого читателя эти «Протоколы» могут показаться похожими иногда на романы о Джеймсе Бонде или напомнить цели фиктивной организации «СПЕКТР», с которой он воюет. Однако, не будем забывать, что, когда они появились, знаменитый герой еще не родился, и тогда сразу же было решено, что они были плодом международного еврейского конгресса, прошедшего в 1897 г. в Базеле. Мы знаем, что это ошибочная гипотеза, ведь первые экземпляры «Протоколов» были составлены на французском языке, а никаких французских делегатов на конгрессе в Базеле не было. Добавим, что как минимум один экземпляр был в ходу с 1884 г., то есть за тринадцать лет до конгресса, и что он появился в руках одного из членов масонской ложи, к которой принадлежал сам Папюс, и великим магистром которой он стал. (В этой же самой ложе в первый раз было провозглашено предание об Ормусе, легендарном египетском мудреце, основателе ордена Розы и Креста).

Что нам сегодня точно известно, так это то, что «Протоколы Сионских мудрецов» были вдохновлены по большей части сатирическим произведением, сочиненным и опубликованным в 1864 г. в Женеве. Направленное против Наполеона III, оно было написано неким Морисом Жоли, которого сразу же посадили в тюрьму. Был ли Жоли розенкрейцером? Говорят, что был. Во всяком случае, он был связан с Виктором Гюго, который был членом ордена и мог только разделять его ненависть к Наполеону.

Если можно утверждать, что «Протоколы» родились не на конгрессе в Базеле в 1897 г., то к какому времени отнести их возникновение?

Хотя сейчас есть тенденция считать их абсолютно фиктивными и придуманными антисемитами с единственной целью дискредитировать евреев, сама работа не свидетельствует в пользу этой гипотезы. Действительно, она содержит некоторое число загадочных ссылок, в которых нет ничего еврейского, до такой степени, что они не могут ни в коем случае быть чистым вымыслом. В самом деле, как бы ни был глуп какой-нибудь антисемит, он никак не смог бы сфабриковать подобные аргументы против евреев, потому что не нашлось бы ни одного более или менее здравомыслящего человека, чтобы поверить в подлинность этих документов.

Приведем лишь один пример, процитируем заключительные слова «Протоколов»: «Подписано представителями Сиона, посвященными 33 степени». Каков здесь смысл? Почему наш фальсификатор обвиняет нескольких евреев, а именно «посвященных 33 степени», а, как следует по логике вещей, не всех делегатов международного еврейского конгресса?

Объяснение простое. Эти «посвященные 33 степени» не имеют ничего общего ни с еврейством, ни с другим международным еврейским заговором по той простой причине, что они находятся в подчинении у масонства и приверженцами «строгаго повиновения», известного еще со времен Хунда, как мы уже видели.

Но в «Протоколах» есть и другие несообразности, например, повторяющиеся намеки на пришествие «масонского царства» или «монарха из рода Сиона», предназначенного им управлять, и этот монарх должен происходить из той же династии, что и царь Давид, быть «истинным папой» и «патриархом международной Церкви». Некоторые потомки рода Давидова, — странно заключает текст, — подготовят королей и их наследников... Только Царь и еще трое, которые поручатся за него, будут знать, что случится..."

Реальные они или сфабрикованные, но на самом деле эти документы вряд ли являются выражением еврейской мысли. С библейских времен ни один король не фигурировал в еврейских преданиях, и даже ни о каком принципе королевской власти не могло быть и речи, ибо это было лишено всякого смысла, как в 1897 г., так и сегодня, и никакой автор этой фальшивки не мог этого не знать.

По нашему мнению, эти намеки имеют скорее христианский отзвук, чем еврейский, ибо единственным «Царем Иудейским», признанным за два последних тысячелетия, был Иисус Христос собственной персоной. Если верить Евангелиям, то не принадлежит ли Иисус к той же династии, что и царь Давид?

Впрочем, зачем понадобилось фабриковать документ и вменить ему в вину еврейский заговор, придавая ему столь явную христианскую окраску? Для чего вводить папский контекст, такой специфически христианский? Наконец, зачем говорить о «международной Церкви», а не о международной синагоге или храме? А в особенности к чему этот таинственный намек на царя и «трех, которые поручатся за него», имеющий оттенок не иудаизма или христианства, а тайных обществ под эгидой какого-нибудь Валентина Андреа или Шарля Нодье? Короче говоря, если «Протоколы Сионских мудрецов» действительно произведение антисемитов, то трудно придумать что-либо более невежественное, более неинформированное, более нелепое.

Напрашивается множество выводов в пользу этих умозаключений и наших исследований:

1) Существует оригинальный текст, который лег в основу официальной версии «Протоколов». Этот текст не апокрифический, но совершенно подлинный. Он не раскрывает ни еврейскую мысль, ни «международный еврейский заговор», но скорее масонскую организацию или подобное ей тайное общество, включающее в свое название слово «Сион».

2) Оригинальный текст, на котором основана официальная версия «Протоколов», в своем выражении не является ни насильственным, ни провокационным. Это программа, в которой упоминается о более обширной власти, экспансии франкмасонства, предполагающей установление общественного, политического и экономического контроля. Эта программа может также прилагаться как к тайным обществам эпохи Возрождения, так и к Обществу Святой Евхаристии или же организациям Андреа или Нодье.

3) Оригинальный текст, на котором основывается официальная версия «Протоколов», попал в руки Сергея Нилуса. Этот последний сначала не хотел использовать его против евреев; напротив, он принес его царю с намерением дискредитировать эзотерическое движение при дворе, организованное Папюсом, господином Филиппом и другими посвященными. Но прежде он изменил язык, чтобы сделать документ более пылким, и, таким образом, лучше убедить царя. Когда Нилус покинул двор, изгнанный государем, он оставил текст в его новом состоянии. Таким образом, «Протоколы» потерпели неудачу в первоначальной цели скомпрометировать эзотерический кружок при дворе; но зато они послужили антисемитскому движению, ибо, если главной мишенью Нилуса были Папюс и господин Филипп, то нужно признать, что и евреи стали ею.

4) Официальная версия «Протоколов Сионских мудрецов», не будучи совершенно апокрифической, скорее всего, как мы думаем, является переделанным текстом. Но за этими изменениями, как на палимпсесте или в некоторых отрывках Библии, можно найти следы оригинального текста. Ссылки на некоего царя, на папу, на международную Церковь или на Сион, вероятно, не слишком пригодились Нилусу; следовательно, он не сам их придумал, но раз они там были, а он был настолько несведущ, то у него не было никаких причин их уничтожить. Короче, если эти следы ничего не значили в еврейском контексте, то они возвращают себе смысл в контексте тайных обществ.

Впрочем, мы увидим, что они, главным образом, относятся к Сионской Общине.

В дальнейшем наши поиски осуществлялись во всех направлениях, и некоторые догадки начали проясняться, но «документы Общины» продолжали занимать в них основное место, причем все в той же форме маленьких брошюр, сданных в Национальную библиотеку, или более значительных работ, появляющихся регулярно в книжных магазинах.

Некоторые из этих произведений рассматривали события, относящиеся к концу XIX в., а именно: к Беранже Соньеру. Так, согласно одному «в достаточной степени подтвержденному документами» рассказу, священник не «случайно» нашел пергаментные свитки, спрятанные в его церкви; наоборот, они были переданы ему эмиссарами Сионской Общины, явившихся к нему с визитом в Ренн-ле-Шато и, по крайней мере, до конца 1916 г. они явно обращались с ним, как с их доверенным лицом, когда он вдруг страшно с ними поссорился, уточняет автор.

Если эта деталь точна, то она, бесспорно, по-новому освещает смерть священника в январе следующего года. Действительно, за десять дней до этого он себя прекрасно чувствовал, а затем мы теряемся в загадках по поводу заказа на гроб, который он сделал 12 января через свою служанку и доверенное лицо Мари Денарно. Кстати, один из «документов Общины», самый недавний и более обстоятельный, кажется, подтверждает эту версию. Согласно этому документу, Соньер был всего лишь пешкой, и его роль в тайне Ренн-ле-Шато была значительно

раздута. Настоящим ответственным за эти события, происшедшие в маленькой деревушке, был его друг Анри Буде, кюре соседней коммуны Ренн-ле-Бэн.

Как мы видим, этот документ дает другое возможное объяснение тайне. Действительно, все свое богатство Соньер получил от Буде — в общей сложности 13 миллионов франков за период с 1887 по 1915 г.; он также был его советником в различной его деятельности, в работах по благоустройству деревни, в строительстве виллы Бетания и башни Магдала. Наконец, это он проверял реставрацию церкви Ренн-ле-Шато и был настоящим автором странной дороги из крестов, иллюстрированной версии или видимого выражения непонятной работы его сочинения.

Следуя все той же публикации Общины, Соньер не знал главного значения тайны, роль хранителя которой он исполнял вплоть до марта 1915 г., когда Буде, чувствуя приближение смерти, открыл ему ее. В подобном случае Мари Денарно могла быть агентом Буде; ведь инструкции свои кюре передавал Соньеру через служанку, и лично ей он отдавал все деньги или, по крайней мере, большую их часть, ибо, как мы узнали, между 1885 и 1901 гг. он, кроме того, заплатил епископу Каркассона 7655250 старых франков. А этот последний, как мы помним, отправил за свой счет Соньера в Париж с документами, и, если придерживаться этой версии, то кажется, что епископ был прежде всего помощником Буде, что при той системе церковной иерархии должно было создать ситуацию по меньшей мере необычную...

Что касается самого аббата Буде, то здесь возникает много вопросов. На кого он работал? Чьим интересам служил? Откуда у него была власть заставлять работать и молчать старшего по званию коллегу? Откуда шло финансирование, позволявшее ему предаваться такой расточительности?.. Ответа на эти вопросы нет, по крайней мере, четкого ответа; но существует один, неявный, и все тот же — Сионская Община.

Другая недавняя работа, черпающая информацию также из источников, закрытых для широкой публики, кажется, тоже склоняется в пользу этой гипотезы; речь идет о «Сокровищах золотого треугольника», опубликованных в 1979 г. Жан-Люком Шомеем.

По мнению последнего, многие вовлеченные в тайну Ренн-ле-Шато церковные деятели — Соньер, Буде, Оффе, его дядя из Сен-Сюльпис, епископ Каркассона и, возможно, другие — все принадлежали к франкмасонству «Шотландского ритуала». А оно, уточняет автор, во многих пунктах отходило от ортодоксального франкмасонства. «Христианское, герметическое и аристократическое», оно состояло не единственно из атеистов и свободомыслящих, но скорее наоборот, оно было глубоко религиозным и принимало всю социальную и политическую иерархию, божественный порядок и стоящее за всем этим существование великого космического начала. Наконец — в данном случае — очень значительный элемент — высшие степени этого франкмасонства соответствовали низшим степеням Сионской Общины.

Но, как мы уже знаем, это положение, несмотря на декларации Рима, не было несовместимым с верованиями католиков, якобитов XVIII в. или французских священников XIX в. Впрочем, и те, и другие, пройдя через папское осуждение, не перестали считать себя христианами, даже больше, чем сам глава Церкви, который упорствовал в отрицании достоинства их веры.

Итак, оставаясь относительно уклончивым, Жан-Люк Шомей также намекает, что незадолго до 1914 г. ассоциация, к которой принадлежали Буде и Соньер, слилась с другим тайным обществом. Не здесь ли следует искать объяснение любопытным намекам, касающимся некоего монарха, содержащимся в «Протоколах Сионских мудрецов», особенно если, как далее уточняет Жан-Люк Шомей, Сионская Община сама управляла всем, скрываясь за другой организацией?

Следовательно, нам надо было более серьезно изучить «Усадьбу Золотой Долины» ("Усадьба Валь д'Ор) — перестановка слогов в названии Орваль (Val d'Or — золотая долина). Это оккультное с политической окраской общество было основано около 1873 г.; оно имеет множество точек соприкосновения с другими своими собратьями по эпохе: понятие геометрических точек и священных мест, мистических истин, присущих всем великим мифологическим темам, интерес к происхождению человека, рас, языков и к символам, как в теософии — таковы основные элементы традиции «Усадьбы Золотой Долины», одновременно христианские, связывающие понятия священного сердца с дохристианскими символами, и, по

примеру легендарного Ормуса, старающиеся примирить языческие и христианские таинства, придавая особое значение идеям друидов, навеянное частично Пифагором.

Кроме этих тем, уже слегка набросанных в своих трудах Анри Буде, «Усадьба Золотой Долины» имела свой собственный идеал, обрисованный Жан-Люком Шомеем в весьма туманных терминах — «эзотерическая геополитика» и «мировой этнархический порядок». Скажем в двух словах, что «Усадьба» мечтала создать в Европе XIX в. новую Священную Римскую империю, светское государство, где все народы будут собраны вместе и объединены больше общими духовными основами, чем экономическими, социальными или политическими. «Священное», «римское» и «имперское», но, может быть, не такое, как обычно представляется из этих слов, это идеальное государство осуществит одну старинную мечту человечества — пришествие Царства небесного на Землю, зеркало и отражение космического порядка, всеобщей гармонии и ее иерархии. Таким образом, будет выполнено наконец давнее обещание герметической традиции: «Внизу как наверху»; мечта менее утопическая в глазах Жан-Люка Шомея, чем об этом можно думать априори, и вполне представляемая в условиях конца европейского XIX в.

«...Теократия, в глазах которой нации станут провинциями, их правители — проконсулами на службе оккультного мирового правительства, состоящего из „элиты“. Для Европы это царство „Великого Царя“ означает двойную гегемонию папства и империи, Ватикана и Габсбургов, которые являются его правой рукой...».

Если прочитать то, что написано между строк, то не следует ли из этого заключить, что Габсбурги становятся синонимом Лотарингского дома, и что понятие «Великого Царя» подтверждает не только пророчества Нострадамуса, но и актуализируют монархистскую идею, намеченную в «Протоколах»?

Параллельно осуществлению этого грандиозного проекта, «Усадьба Золотой Долины» провозглашает необходимость важных изменений в общественных установках. Ватикан больше не будет похож на тот, что пребывает в данное время в Риме, но будет совсем другим; что касается Габсбургов, то по примеру древнеегипетских фараонов или Мессии, ожидаемого еврейями на заре христианской эры, они станут династией царей-священников.

Но Жан-Люк Шомей не уточняет, в какой степени Габсбурги будут лично замешаны в этот тайный и честолюбивый план, ведь визит эрцгерцога в Ренн-ле-Шато не мог не быть причастным к его развертыванию. Впрочем, надо признать, что они в конце концов не сыграли в нем никакой роли, ибо первая мировая война резко оборвала их мечты, сбросив представителей Лотарингского дома с престола.

Зато это финальное явление «Усадьбы Золотой Долины» — или Сионской Общины — по-новому осветило наши предыдущие открытия: «Протоколы Сионских Мудрецов», цели различных тайных обществ, вроде тех, которыми руководили Чарльз Рэдклифф или Нодье, политические стремления Лотарингского дома — все это нашло здесь ясное значение.

Но как обстояло дело с практической реализацией плана, и в силу каких принципов Габсбурги предлагали себя в качестве династии царей-священников? Даже принимая то, что им было дано всенародное одобрение, каким образом их права оказались бы приоритетными по отношению к французскому правительству или русской, немецкой или английской династиям? И в особенности как бы они завоевали всеобщую поддержку, необходимую для того, чтобы их план удался?

Мы снова зашли в тупик, утонули в гипотезах и оказались перед нелепыми выводами. Наверное, мы плохо истолковали глубокую мысль «Усадьбы Золотой Долины»; быть может, мы переоценили беспочвенные замыслы...

Наилучшим выходом было покинуть тупик, чтобы ступить на другую, более близкую нам дорогу и поискать следы существования Сионской Общины в наши дни. Так мы сможем найти более действенное подтверждение ее существования. Да, члены ее, ее следы во второй половине XX в. продолжали следовать программе во всех отношениях схожей с той, которой следовало общество «Усадьба Золотой Долины» каких-нибудь сто лет назад.

8. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

«25 июня 1956 г. Регистрация в супрефектуре Сен-Жюльен-ан-Женева. Сионская Община. Цель: Обучение и взаимопомощь ее членов. Местонахождение: Су-Кассан, Аннемас (Верхняя Савойя)».

Эти несколько строчек, появившиеся в «Журналь оффисьель» от 20 июля 1956 г. дали нам доказательство того, что Сионская Община благополучно дожила до наших дней, что она в ладах с законом, обязывающим заявлять о себе всякое общество, и что она даже не давала себе труда скрывать свое существование. По крайней мере, внешне, ибо действительность была совсем иной; к приведенному адресу не прилагалось никаких телефонных номеров, да и сам адрес, весьма неясный, не позволял определить ни улицу, ни дом, ни контору... Сама супрефектура не смогла нам ни в чем помочь, не смогла дать никаких дополнительных сведений, а адрес ничего не значил. Равнодушие или сообщничество? В самом деле, как полиция могла принять такую фантастическую регистрацию? Но в таком случае, в какую сторону нам повернуться, чтобы раздобыть более подробные уточнения?

Тогда нам пришла в голову идея попросить в супрефектуре Сен-Жюльена экземпляр «Устава» Общины, который был ей дан.

Этот тоже очень неясный документ, несмотря на его двадцать одну статью, не давал ни одного точного сведения ни о целях ордена, ни о его роли, ни о его ресурсах, ни о наборе его членов. Зато обыкновенные, на первый взгляд, некоторые детали озадачили нас. Так, один из параграфов оговаривал: «Принятие в члены осуществляется без внимания к языковым, расовым, социально-классовым различиям и независимо от любой политической идеологии», а чуть ниже другой: «Ассоциация открыта для всех католиков, достигших 21 года». Итак, мы стояли лицом к лицу с явно католической организацией. Но разве наши исследования не показали нам много раз, что великие магистры Сиона, будучи далеки от того, чтобы освободиться от католической ортодоксальности, были скорее приверженцами герметической тенденции, если не откровенно еретической? Смущающее противоречие... или же, наоборот, подтверждение религиозного обязательства, необходимого для принятия в члены, но легко нарушаемое впоследствии, относящееся только к вопросу принципа, как в случае с орденом Храма и Обществом Святой Евхаристии, которые также, по примеру Сиона, требовали от каждого своего члена полного «отрешения от личности, чтобы посвятить себя служению высоконравственному апостольству»?

Являясь синонимом абсолютного повиновения, превосходящего все соображения духовного или временного порядка, это отрешение прекрасно совпадало с изложенными принципами. Подзаголовком названия Сионской Общины было «С.І.Р.С.У.І.Т.» (Chevalerie d'Institution et Regles Catholiques d'Union Independante et Traditionaliste) — аббревиатура полного названия организации:

«Учреждение Рыцарства и Католического Устава Независимого и Традиционалистского Союза». Это же слово было использовано как заголовок периодического бюллетеня, изданного ассоциацией для своих членов.

Кроме того, благодаря одному документу из «Секретных досье», появившемуся около 1956 г., мы знаем, что в то время Сион насчитывал 1093 человека, распределенных по семи степеням, следуя традиционному пирамидальному принципу. На вершине пирамиды находился великий магистр или «навигатор», затем шли три «принца — ноахита Богоматери», за которыми на нижней ступени следовали девять «крестоносцев Святого Иоанна». Как мы видим, число посвященных каждой последующей степени было в три раза больше числа посвященных предыдущей, а великий магистр и его двенадцать непосредственных подчиненных — намек на Иисуса и его двенадцать учеников — составляли «тринадцать розенкрейцеров».

Но в Уставе, датированном маем 1956 г., который был перед нами, указывался 9841 член — цифра, иллюстрирующая удивительно быстрое развитие ордена, члены которого распределялись по девяти ступеням, а не по семи; впрочем, эти семь так и остались, просто к ним прибавились две новые, введенные в основу структуры, окружающие Ковчег «Кутія» широкой сетью новициатов. Великий магистр носит также титул «навигатора», как и в предыдущем документе, но трое «принцев — ноахитов Богоматери» стали «сенешалями», а девять «крестоносцев Святого Иоанна» — «коннетаблями». Впрочем, вот параграфы XI и XII Устава с загадочной терминологией, посвященные им:

"Генеральная ассамблея состоит из всех членов ассоциации. Она включает 729 провинций, 27 командорств и ковчег, названный «Купа».

Каждое из этих командорств, также как и Ковчег, насчитывает 40 членов. Каждая провинция — 13 членов.

Члены разделены на два штата: Легион, которому поручено апостольство, Фаланга — охранительница Традиции.

Члены составляют иерархию из девяти степеней. Иерархия из девяти степеней включает:

а) в 729 провинциях

1. Новициаты: 6561 член

2. Крестоносцы: 2187 членов

б) в 27 командорствах

3. Витязи: 729 членов

4. Всадники: 243 члена

5. Рыцари: 81 член

6. Командоры: 27 членов

в) в ковчеге «Курга»

7. Коннетабли: 9 членов

8. Сенешали: 3 члена

9. Навигатор: 1 член". Как было нужно по закону, во главе Устава был поименно назван «совет». Он состоял из четырех членов, трое из которых были нам неизвестны (но не были ли эти имена псевдонимами?), а именно: президент Андре Бономм, родившийся 7 декабря 1934 г., вице-президент Жан Делеваль, родившийся 7 марта 1931 г., и казначей Арман Дефаго, родившийся 11 декабря 1928 г. Зато мы уже встречали четвертого — это был Пьер Плантар, родившийся 18 марта 1920 г. Согласно документу, он занимал должность секретаря. Но, как мы узнали еще, он был также официальным «генеральным секретарем отдела документации», а это означало, безусловно, наличие других должностей.

Вскоре после 1970 г. Сионская Община стала предметом обсуждения в прессе и в определенных кругах французской общественности. Так, 13 февраля 1973 г. «Миди Либр» публикует большую статью, касающуюся Сиона, Соньера и Ренн-ле-Шато, внушая мысль о том, что Община может являть собой потомков рода Меровингов в XX в., и что среди них находится истинный претендент на французский трон — Алэн Поэр.

Если Алэн Поэр не очень известен за рубежом, то он очень популярен во Франции, где уже два раза он был временно исполняющим обязанности Президента Республики: сразу же после отставки генерала де Голля с 28 апреля по 19 июня 1969 г. и после смерти Жоржа Помпиду со 2 апреля по 27 мая 1974 г. Известно также, что он был награжден медалью Сопrotивления и военным крестом 1939 — 1945 гг. и что, когда «Миди Либр» опубликовала свою статью, т. е. в 1973 г., он уже был президентом Сената.

Насколько нам известно, Алэн Поэр никогда не давал никаких комментариев по поводу своих предполагаемых связей с Сионской Общиной или с потомками Меровингской династии. Однако в генеалогиях «документов Общины» упоминается некий Арно, граф Поэр, чья жена происходила из семьи Плантар (834 или 896 г.?), считавшийся прямым потомком Дагоберта II; его внук Алэн де Поэр стал в 937 г. герцогом Бретонским.

Следовательно, мы не знаем, известно ли современному Алэну Поэру о Сионской Общине, но, во всяком случае, ясно, что сама Община считает его бесспорным представителем рода Меровингов.

Теперь мы постоянно задавали себе вопрос: каковы были обоснования и цели тех, кто, капля за каплей, если можно так выразиться, дистиллирует документ за документом, информацию за информацией такой замечательный, неистощимый, касающийся нашего дела материал, который к тому же все продолжал появляться?

Мы уверены, что здесь не могло быть и речи о мистификации, иначе она бы длилась уже слишком долго и потребовала бы слишком много средств и воображения. Речь также не идет о какой-то серии работ, ловко опубликованных с целью получения выгоды вокруг волнующей

умы тайны, которая заставляет трепетать публику, как если бы это была тайна Бермудского треугольника. Нет! И не о коммерческой афере идет речь, ибо появление «документов Общины» не мотивируется деньгами. Чтобы в этом убедиться, достаточно констатировать очень малое количество, сдержанность и довольно кустарный способ производства соответствующих брошюр. Что же тогда? Мы оказались лицом к лицу с неким подобием произведения искусства, чьи исторические основы не вызывают сомнения, серьезность и качество сведений достойны самых высоких похвал и чей метод, как бы делающий вас причастным к тайне, играя на любопытстве публики, является просто замечательной находкой.

В этом методе нет ничего произвольного, напротив, в нем все строго подчинено логике. Кажется, что вся информация исходит из единого и секретного источника, и каждый фрагмент, каким бы малым он ни был, придает предыдущему дополнительный смысл и несколько видоизменяет его; неожиданное свидетельство постоянно возбуждает нетерпение и интерес читателя и в один момент успокаивает его любопытство. Да, это так. Возможно, что «документы Общины» увидели свет, благодаря соответствующим образом разработанному порядку и тщательно подготовленному плану: сначала привлечь внимание публики к определенным фактам, затем установить их достоверность, потом создать психологический климат, способный держать ее в напряжении и подготовить к получению дальнейшей информации. Так, таинственные организаторы этой странной операции, кажется, шаг за шагом готовили объявление о каком-то инсценированном открытии, которое в нужный момент будет выдано для удовлетворения заботливо поддерживаемого в возбуждении любопытства. Мы думаем, это открытие касается меровингской династии, ее выживания и продолжения до сегодняшнего дня и подпольного королевства. Разве не нашли мы в «Шаривари» написанное пером одного из членов Сионской Общины следующее заявление: «Без Меровингов не существовала бы Сионская Община, а без Сионской Общины меровингская династия угасла бы»? Связь между орденом и династией частично подтверждается в продолжении статьи:

"Король одновременно является пастухом и пастырем. Иногда он спешно отправляет какого-нибудь блестящего посла к своему вассалу, своей правой руке, чье счастье подвергается смертельной опасности. Это Рене Анжуйский, коннетабль Бурбонский, Никола Фуке, кардинал де Рец и многие другие, за чьими блестящими удачами следовали необъяснимые несчастья, ибо эти эмиссары ужасны и уязвимы. Посвященных в тайну можно либо превознести, либо свалить. Это также Жиль де Рэ, Леонардо да Винчи, Джузеппе Бальзамо или герцоги Неверские, де Гонзаги, чей путь окутан магическим благоуханием, где страдание смешано с ладаном — благоухание Магдалины.

Если король Карл VII при входе Жанны д'Арк в залу его замка Шинон прячется в толпе придворных, он делает это не для того, чтобы пошутить — в чем была бы соль подобной шутки? — но потому что он уже знает, что она — посланница и что перед ней он такой же придворный, как и все остальные. Тайна, которую она открывает ему в этих стенах, заключена всего в нескольких словах:

«Любезный сеньор, я прибыла к вам от короля». Намеки в этом тексте небезынтересны. Прежде всего, король — «потерянный король», возможно, из рода Меровингов — продолжает царствовать только в силу своей личности. Затем следует еще более удивительный намек: находящиеся у власти сознают о его существовании, знают его, уважают и боятся. Наконец, великий магистр Сионской Общины или другой член ордена служит посланником от «потерянного короля» к его представителям, а его посланники вполне могут быть взаимозаменяемыми.

В 1966 г. появилась любопытная переписка, касающаяся смерти Лео Шидлофа, который, как мы помним, под псевдонимом Анри Лобино был предполагаемым автором генеалогий, фигурирующих среди «документов Общины».

Первое письмо, опубликованное в «Женевском католическом еженедельнике», датировано 22 октября и подписано неким Лионелем Бюрю, членом «Женевской христианской молодежи». Объявив о кончине Шидлофа в Вене 17 октября в возрасте восьмидесяти лет, автор яростно восстает против обвинений, брошенных Римом в адрес покойного; этот же последний был автором «замечательного исследования», опубликованного в 1956 г. — генеалогического древа меровингских королей и дела Ренн-ле-Шато.

Ватикан, продолжает Лионель Бюрю, имел полное и тайное досье на этого человека и его деятельность, но никогда не осмеливался на него нападать. Впрочем, после его смерти медленно, но неуклонно возрастала пропаганда в пользу Меровингов. Например, эмблема, которую выбрала для себя нефтяная фирма Антар (это уже 1966 г.), представляющая короля-Меровинга с обручем и лилией в руках, выполненная карикатурно, но все же вполне узнаваемо, — не навеяна ли она, быть может, неосознанным, но явным влиянием на умы? И разве французские церковные круги не действовали в том же направлении, что и Рим? Короче, заключает Лионель Бюрю, используя термины франкмасонства и катаров, Анри Лобино был «великим путешественником и великим искателем», человеком «добрым и лояльным», и он останется символом совершенного мастера, которого уважают и почитают".

Действительно, любопытный язык! (*maitre* — «мастер» и «магистр» (фр.)). Но еще более любопытны обвинения «Римского католического бюллетеня» против Шидлофа, процитированные Бюрю: «Просоветский, общеизвестный франкмасон, готовивший во Франции народную монархию». Эти слова вызвали гнев Бюрю и, как нам кажется, являются противоречивыми в той мере, в какой просоветские симпатии совершенно не вяжутся с наступлением монархии. Автор «Римского бюллетеня», впрочем, не колеблясь, идет еще дальше, причем самым нелепым образом используя слова, которые широко цитирует Бюрю:

«Потомки Меровингов всегда стояли в начале ересей, начиная с арианства, катаров и тамплиеров и кончая франкмасонством. На родине протестантства в июле 1659 г. Мазарини приказал разрушить замок Барбария, построенный в XII в. Этот дом в течение веков выпускал только тайных подстрекателей против Церкви».

Так как Лионель Бюрю не указал точно, в каком номере «Римского католического бюллетеня» он нашел это заявление, нам, к сожалению, было невозможно проверить его подлинность. Тем не менее, то, что вытекает из него, имеет в наших глазах исключительную важность, ибо, если быть точным, оно представляет собой бесспорное свидетельство (из римско-католического источника) разрушения ньеврского замка Барбария. Может быть также, оно приоткрывает, хотя бы частично, смысл существования Сионской Общины и ее союзников: маневрировать, чтобы добиться власти именно с помощью постоянных конфликтов с Церковью. Конфликтов, которые в данном случае происходят не от случайностей, не от политики, не от обстоятельств, но от воли и определенного плана. Признаем, однако, что в данном случае мы найдем там наше давнее противоречие, касающееся, несомненно, католического отпечатка, носимого Сионской Общиной.

После публикации своего письма Лионеля Бюрю постигла смерть в автокатастрофе, в которой погибли еще шесть человек. Но раньше он получил ответ, очень удивительный, в виде нескольких страниц, имеющих надпись «для личного пользования» и подписанных неким С.Ру.

Осудив Бюрю за его легкомыслие и порывистость, с которыми он говорил о Лео Шидлофе, автор подтвердил и дополнил его высказывания. Действительно, Лео Шидлоф был сановником Великой Альпийской Ложи Швейцарии — масонской ложи, чьи следы имеются на некоторых «документах Общины» — и, добавляет Ру, он не скрывал своих «дружеских чувств к государствам Востока». Что же касается потомства Меровингов, Ру идет еще дальше Бюрю в этом отношении:

«Пусть не говорят сегодня, что Церковь не знала о династии из Разеса, но надо признаться, что и потомки, начиная с Дагоберта II, всегда были тайными деятелями против королевской власти во Франции и против Церкви, что они были создателями всех ересей. Возвращение к власти потомка Меровингов означало бы для Франции объявление народного государства — союзника СССР, и триумф франкмасонства повлек бы за собой исчезновение религиозной свободы».

И в заключение — еще несколько довольно неожиданных строк:

«Что касается вопроса о меровингской пропаганде во Франции, то все знают, что реклама нефтяной компании „Антар“, представляющая собой меровингского короля с лилией и обручем в руке, была современным и замаскированным призывом в пользу возвращения Меровингов к власти. Мы также задаем себе вопрос: что мог делать в Вене Лобино, незадолго до своей смерти, накануне больших перемен в Германии? Точно ли, что Лобино готовил в Австрии будущее соглашение об обмене с Францией, будущую базу франко-русского соглашения?».

Что хочет сказать Ру? Почему, по примеру «Римского католического бюллетеня», против которого выступил Бюрю, он устанавливает связь между такими противоположными понятиями, как советская гегемония и монархия, хотя бы и народная? Видеть в символе нефтяной компании хитрую форму пропаганды в пользу дела — признаем это — столь же темного, сколь и спорного, означает просто не доверять здравому смыслу, разве нет? И что означают его намеки на интересные «изменения» в Германии, Франции и Австрии, а также это таинственное франко-русское соглашение, которое, если поверить в это, всем известно?

В первом прочтении письмо Ру кажется бессвязным, мы это не оспариваем. Но после углубленного его изучения мы были вынуждены признать, что оно, напротив, имеет все характеристики нового и очень хитроумного «документа Общины». Цель его — уколоть любопытство, мистифицировать, внести смятение в умы, короче — подготовить читателя принять новое откровение. Станный, но уже проверенный способ, который красноречиво свидетельствует о значимости предстоящей информации. Если утверждения Ру точны, то наше расследование выйдет за узкие рамки изучения рыцарского ордена, чтобы подойти к гораздо более обширным границам высшей международной политики.

В 1977 г. появляется новый и очень значительный «документ Общины» в виде статьи из шести страниц, названной «Круг Улисса» и подписанной «Жан Делод». Кое-какие сведения уже устарели, но зато там была и совершенно неизвестная информация об ордене Сиона. Например, следующий параграф:

"В марте 1117 г. Бодуэн I был вынужден приступить к переговорам в Сен-Леонар-д'Акре и готовил учреждение ордена Храма по указанию Сионской Общины. В 1118 г. орден Храма был создан Гуго де Пейном. С 1118 по 1188 гг. Сионская Община и орден Храма имеют общего великого магистра. Начиная с 1188 г., Сионская община насчитывает двадцать семь великих магистров вплоть до сего дня. Последние из них:

Шарль Нодье с 1801 по 1844 г. Виктор Гюго с 1844 по 1885 г. Клод Дебюсси с 1885 по 1918 г. Жан Кокто с 1918 по 1963 г., и с 1963 г., без других уточнений, аббат Дюко-Бурже.

Каковы цели Сионской Общины? Об этом никому ничего не известно, если только она не является мощью, способной противостоять в будущем Ватикану. Монсеньер Лефевр — активный и значительный член Общины, вполне способный заявить:

«Сделайте меня папой, и я сделаю вас королем».

Надо подчеркнуть особо два сведения, и, во-первых, предполагаемое наследование монсеньера Лефевра Сионской Общине. Известно, что этот последний представляет собой самого консервативного приверженца римско-католической Церкви, и что по этому поводу он яростно и открыто противостоял папе Павлу VI. Два раза — в 1976 г. и в 1977 г. — ему грозили отлучением, и оба раза он продемонстрировал полнейшее равнодушие, если не сказать наглость, способную спровоцировать раскол внутри Церкви. Все удивлялись, что такой непримиримый католик может делить свои убеждения между движением и орденом, имеющим герметические, близкие к ереси тенденции. Остается только одно возможное объяснение: именно монсеньер Лефевр в XX в. является представителем этого франкмасонства XIX в., которое защищала «Усадьба Золотой Долины» — «христианского, герметического и аристократического» франкмасонства, более католического, по их мнению, чем сам папа.

Второй важный момент этого отрывка из «Круга Улисса» — идентификация великого магистра Сионской Общины наших дней, а именно: аббата Дюко-Бурже.

Франсуа Дюко-Бурже родился в 1897 г. и, вероятно, очень рано, еще будучи в семинарии Сен-Сюльпис, познакомился с многочисленными модернистами, среди которых был Эмиль Оффе, перед тем, как стать монастырским капелланом Мальтийского ордена. Награжденный медалью Сопротивления и военным крестом 1939-1945 гг., он сегодня признан большим литератором, членом Французской Академии, поэтом и биографом писателей-католиков, таких, например, как Поль Клодель и Франсуа Мориак.

По примеру монсеньера Лефевра, аббат Дюко-Бурже вошел в оппозицию папе Павлу VI; по примеру монсеньера Лефевра он объявляет себя «традиционалистом» и ярым врагом всякой литургической реформы, а также всякой попытки «модернизации» римско-католической Церкви. 22 мая 1976 г. ему запретили исповедовать и отпускать грехи, и он открыто бросает вызов приговору своих начальников, следуя примеру монсеньера Лефевра. Наконец, 22 февраля

1977 г. он высказывается в пользу католиков-традиционалистов, укрывшихся в церкви Сен-Никола-дю-Шардоннэ в Париже.

Если монсеньер Лефевр и аббат Дюко-Бурже в плане теологии находятся на краю правого крыла католической Церкви, то, вероятно, точно так же обстоит дело и в плане политики. Действительно, до второй мировой войны монсеньер Лефевр не скрывал своих симпатий к Французской Акции, крайне правому в то время движению, а позже общественность много говорила о том, что он довольно неловко поддерживал аргентинский военный режим, заявив впоследствии, что имел в виду Чили,

Со своей стороны, Франсуа Дюко-Бурже в это дело входил меньше, ибо его награды свидетельствуют о его бесспорном патриотизме во время войны, что вовсе не мешало ему демонстрировать свою симпатию к Муссолини и не скрывать надежды на то, что французы вскоре найдут «свой смысл в достойном поведении нового Наполеона»...

Сначала кажется невозможным, что монсеньер Лефевр и аббат Дюко-Бурже вошли в Сионскую Общину, и, по нашему мнению, кто-то старается их скомпрометировать с помощью тех же сил, с которыми они, как считалось, боролись. Но затем, уважая устав Сионской Общины и его определение — С.І.Р.С.У.І.Т. — нужно признать, что это учреждение, напротив, прекрасно подходит таким личностям, как монсеньер Лефевр и аббат Дюко-Бурже.

Впрочем, есть и другое возможное объяснение, хотя его трудно принять, не которое заслуживает того, чтобы учесть некоторые противоречия. В самом деле, почему бы этим двоим церковным деятелям, скрывающим свою личность, не быть чем-то вроде агентов-provokаторов, потрясающих знаменем традиционализма, чтобы вызвать волнение, посеять смущение в Церкви и спровоцировать раскол, начавшийся после правления папы Павла VI? Мы уже видели, что эту стратегию в недавнем прошлом использовали тайные общества, описанные Нольс, и порожденные «Протоколами Сионских Мудрецов», полностью вписываются в их линию. Впрочем, некоторые журналисты и церковные деятели не преминули намекнуть недавно, что монсеньером Лефевром на самом деле манипулировали другие люди, или же, что он работал на них.

Эта гипотеза, которую надо рассматривать осторожно, основывается, однако, на логических выводах. Действительно, как надо действовать ко отношению к папе Павлу VI, чтобы подтолкнуть его к большему либерализму? Приняв сторону либералов и таким образом укрепить папу в его консерватизме? Ничего подобного! Но, безусловно, публично заняв ультраконсервативную позицию, вынуждая этим папу высказаться в пользу либералов. По всей видимости, таким и было умозаключение монсеньера Лефевра и его сторонников; именно в этом направлении они и действовали и осуществили этот ловкий замысел, который представил папу либералом.

Является ли эта гипотеза абсолютно точной? Мы не можем этого утверждать. В чем мы, во всяком случае, уверены, так это в том, что монсеньер Лефевр, как и многие другие персонажи нашего расследования, знал какую-то важную тайну. Перед нами ситуация не совсем новая, но, тем не менее, могущая сама по себе быть началом доказательства. Действительно, в 1976 г. отлучение епископа кажется неизбежным; для папы Павла VI оно было бы единственно возможным выходом из-за постоянных вызовов и выпадов епископа. Но в последнюю минуту и против всяких ожиданий Ватикан полностью изменил свои взгляды. Почему?

Быть может, ответ находится в статье «Гардиан» от 30 августа 1976 г., согласно которой священники-сторонники монсеньера Лефевра в Англии подумали, что он обладал «всемогущим оружием, подходящим для ссоры, которая противопоставила его Ватикану».

Что же это было за секретное оружие, способное «потрясти весь мир» и до такой степени испугавшее Ватикан? Какой такой дамоклов меч, неизвестный профанам, был подвешен над головой главы Церкви? Никто этого не знает, но, во всяком случае, он оказался достаточно эффективным, чтобы еще раз спасти монсеньера Лефевра от кары Рима. И Жан Делод очень справедливо пишет по этому поводу: Марсель Лефевр, кажется, представляет «мощь, способную бросить вызов Ватикану» со всей ясностью.

Но кому он бросит — или уже бросил — этот последний вызов: «Сделайте меня папой, и я сделаю вас королем!».. Конвент 1981 года и Устав Кокто.

Вопросы, связанные с личностью аббата Дюко-Бурже, недавно прояснились, благодаря усилению рекламы, которым пользуется во Франции Сионская Община с конца 1980 г.

Действительно, в августе 1980 г. популярный еженедельник опубликовал статью, касающуюся тайны Ренн-ле-Шато и Сионской Общины, решительно присоединив к этим сюжетам монсеньера Лефевра и аббата Дюко-Бурже. Оба они только что побывали в одном из святых мест Сиона — деревне Сент-Коломб в Нивернэ, — которое до разрушения Мазарини замка Барбария принадлежало семейству Плантар.

Мы тут же решили встретиться с аббатом Дюко-Бурже. Любезный, но уклоняющийся от всякого конкретного вопроса, он начисто отрицал свою принадлежность к Сионской Общине, что он вскоре подтвердил публично в письме, опубликованном еженедельником, который напомнил всем дело Ренн-ле-Шато.

Пять месяцев спустя, 22 января 1981 г., в другом журнале появилась короткая статья, которую мы приводим ниже:

"Настоящее тайное общество, состоящее из 121 члена, Сионская Община, основанное Годфруа Бульонским в Иерусалиме в 1099 г., имело своими великими магистрами Леонардо да Винчи, Виктора Гюго, Жана Кокто. Этот орден только что собрал свой Конвент в Блуа 17 января 1981 г. (предыдущий Конвент собирался в 1956 г. в Париже).

Во время этого Конвента в Блуа Пьер Плантар де Сен-Клер был избран великим магистром ордена 83 голосами из 92 голосовавших в третьем туре выборов.

Избрание этого великого магистра отмечает решающий этап в эволюции концепций и умов в мире, ибо все члены Сионской Общины являются «серыми преосвященствами» в высших финансовых кругах и международных политических или философских обществах; сверх того, Пьер Плантар — прямой потомок меровингских королей от Дагоберта II. Его происхождение законным образом доказано пергаментными документами Бланки Кастильской, найденными аббатом Соньером в его церкви в Ренн-ле-Шато в 1891 г.

Эти документы, проданные племянницей священника в 1961 г. капитану Рональду Стэнсмору и сэру Томасу Фрэзеру, были положены в Ллойдс Банк Юроп Лимитед" в Лондоне".

Незадолго до появления этой статьи мы связались с Филиппом де Шеризе, имя которого встречалось в наших исследованиях так же часто, как и имя Пьера Плантара, и Шеризе категорически заявил нам, что аббат Дюко-Бурже не набрал достаточного количества голосов, чтобы стать великим магистром, и что он, впрочем, опроверг слухи о своей принадлежности к ордену. Шеризе прислал нам также «настоящий» устав — переведенный с латинского — Сионской Общины, исходящий из префектуры Сен-Жюльена, который у нас уже имелся, и опубликованный в 1973 г. одним французским журналом, признанный Жан-Люком Шомеем абсолютной фальшивкой.

Этот «подлинный» устав, наконец, должен был прояснить для нас неясную до сих пор позицию аббата Дюко-Бурже по отношению к Сионской Общине.

Датированный 5 июня 1956 г., этот текст был подписан Жаном Кокто. Если он и был делом рук замечательного фальсификатора, то нам он показался вполне достоверным и заставил нас считать таковым весь документ в целом, который мы считаем нужным воспроизвести здесь целиком, все двадцать две статьи:

"Ст. I — Между подписавшими настоящий Устав и теми, кто впоследствии будут приняты и дополняют нижеследующие условия, учрежден рыцарский орден, нравы и обычаи которого восходят к ордену, основанному Годфруа VI, призванным Набожным, герцогом Бульонским в Иерусалиме в 1099 г. и признанному в 1100 г.

Ст. II — Наименование ордена: «Sionis Prioratus» или «Сионская община».

Ст. III — Сионская Община имеет своей целью упрочение традиционалистского рыцарского ордена, просветительской деятельности и создание среди ее членов взаимопомощи, как моральной, так и материальной во всех обстоятельствах.

Ст. IV — Продолжительность деятельности Сионской Общины бесконечна.

Ст. V — Генеральный Секретарь, назначаемый Конвентом, выбирает представительные бюро. Сионская Община не является тайным обществом, все ее декреты, так же как и акты и назначения обнародуются на латинском языке.

Ст. VI — Сионская Община включает 121 члена; в этих пределах она открыта для всех совершеннолетних, признающих цели и принимающих обязанности, предусмотренные настоящим Уставом.

Ст. VII — Если один из членов ордена захочет выйти из него и он укажет с предоставлением документа одного из своих потомков, который станет его преемником, Конвент должен рассмотреть эту просьбу и, если это необходимо, позаботиться о воспитании, указанном ниже, для несовершеннолетнего члена.

Ст. VIII — Будущий член должен купить на свои собственные средства для прохождения первой степени белое одеяние со шнурком. Начиная с принятия его на первую ступень, член имеет право голоса. После принятия новый член должен принести клятву служения ордену при любых обстоятельствах, какие сложатся в его жизни, а также работать во имя МИРА и уважения к человеческой жизни.

Ст. IX — После принятия новый член должен сделать взнос в любом размере. Каждый год он должен сообщать в Генеральный Секретариат о добровольном взносе в пользу ордена, ценность которого будет установлена им самим.

Ст. X — Со времени своего принятия член должен предоставить метрику и образец своей подписи.

Ст. XI — Член Сионской Общины, против которого трибунал вынес приговор по общему праву, может быть временно лишен своих титулов и функций, а также членства в ордене.

Ст. XII — Генеральная ассамблея членов ордена называется Конвент. Никакое решение Конвента не может иметь силы, если число присутствовавших было меньше 81 человека. Голосование тайное и производится посредством использования белых и черных шаров. Любое предложение, набравшее менее 61 белого шара во время одного голосования, не может быть представлено вновь.

Ст. XIII — Конвент Сионской Общины единолично и большинством в 81 голос из 121 члена выносит решения о всяких изменениях в Уставе и правилах внутреннего распорядка.

Ст. XIV — Любое принятие в члены ордена решается «Советом тринадцати розенкрейцеров». Титулы и посты жалуются великим магистром Сионской Общины, Члены ордена принимаются на эти посты пожизненно. Их права полностью переходят к одному из его им самим указанных детей. Указанный ребенок может отказаться от своих прав, но он не может сделать это в пользу брата, сестры, родственника или другого лица. Он не может быть впоследствии восстановлен в правах в Сионской Общине.

Ст. XV — В двадцатисемидневный срок двое братьев должны будут войти в контакт с будущим членом и принять его согласие либо отказ. Если после восьмидесятиоднодневного срока, данного на раздумье, не последует согласия, то полноправным признается отказ, и место считается вакантным.

Ст. XVI — В силу права наследования, подтвержденного предыдущими статьями, пост и титул великого магистра Сионской Общины могут передаваться, следуя тем же прерогативам, его последователю. Если место вакантно, отсутствует прямой наследник, Конвент в восьмидесятиоднодневный срок приступает к выборам.

Ст. XVII — По всем декретам Конвент должен голосовать, и они становятся действительными, если на них стоит печать великого магистра. Генеральный секретарь назначается Конвентом на 3 года, и он может продолжать занимать этот пост и после истечения срока полномочий. Генеральный секретарь должен иметь степень командора, чтобы выполнять свои функции. Функции и посты исполняются добровольно.

Ст. XVIII — Иерархия Сионской Общины включает пять степеней:

1. Навигатор число: 1
2. Крестоносец число: 3
3. Командор число: 9
(Ковчег тринадцати розенкрейцеров)
4. Рыцарь число: 27

5. Всадник число: 81

(Девять командорств Храма)

Итого: 121 член.

Ст. XIX — Существуют 243 Свободных Братьев, прозванных Набожными или, начиная с 1681 г., названных Детьми Святого Винсента, которые не участвуют в голосовании, ни в Конвенте, но которым Сионская Община предоставляет определенные права и привилегии, в соответствии с декретом от 17 января 1681 г.

Ст. XX — Ресурсы Сионской Общины складываются из даров и взносов ее членов. Резерв, названный «достоянием Ордена», составляется Советом тринадцати розенкрейцеров; это сокровище может быть использовано только в случае абсолютной необходимости и серьезной опасности для Общины и ее членов.

Ст. XXI — Генеральный секретарь созывает Конвент в том случае, если Совет розенкрейцеров считает это полезным.

Ст. XXII — Отрицание принадлежности к Сионской Общине, объявленное публично или письменно, без причины и опасности для личности, влечет за собой исключение из членов, которое будет объявлено Конвентом.

Текст Устава в XXII-х статьях, соответствующий оригиналу, сообразован с изменениями Конвента 5 июня 1956 г.

Подпись великого магистра Жан Кокто".

Этот экземпляр Устава Сионской Общины во многих пунктах отличается, как мы видим, от того, который был послан нам супрефектурой Сен-Жюльена, с одной стороны, и с информацией, появившейся в «документах Общины», с другой. Первый, действительно, давал общее число членов 9 841 человек, а второй — 1 093 человека. Тот, который мы сейчас держим в руках, дает цифру 364, среди которых имеются 243 «Дитя Св. Винсента». Кроме того, если «документы Общины» упоминают иерархию в семь ступеней, а устав Сен-Жюльена — в девять, то этот дает только пять, с названиями, отличными от названий в предыдущих документах.

Что же означали эти противоречия? Быть может, внутри Сиона имело место что-то вроде раскола, начиная, приблизительно с 1956 г., когда в Национальной библиотеке начали появляться «документы Общины»? Это как раз то, что утверждал Филипп де Шеризе в недавней статье: на самом деле, между 1956 и 1957 гг. произошел раскол, угрожавший принять размеры полного разрыва, отмеченного рубкой вяза в 1188 г., происшедший между Сионом и орденом Храма. Раскола удалось избежать, продолжает Ф. де Шеризе, благодаря дипломатии П. Плантара, который воззвал к лучшим чувствам бунтарей. Потом был Конвент 17 января 1981 г., и орден, кажется, вновь обрел свою сплоченность.

Итак, если аббат Дюко-Бурже и был великим магистром Сионской Общины, то, во всяком случае, было ясно, что теперь он им уже не являлся. Впрочем, Ф. де Шеризе сообщил нам, что он никогда им и не был, так как не набрал необходимого количества голосов. Не был ли он избран теми, кто вступил на путь раскола? И, если эта гипотеза верна, подходила к нему или нет XXII статья Устава? Это неизвестно, но зато можно утверждать, что сегодня он не имеет никакой связи с Сионской Общиной, даже если она и была в прошлом.

Эти выводы, проясняющие необычную ситуацию с аббатом Дюко-Бурже, объясняют также принцип отбора великих магистров Общины. Действительно, теперь мы знаем, почему некоторым из них было всего пять или восемь лет, и как этот титул присуждался в пределах и за пределами одного точно определенного рода и его генеалогической сетки. В принципе, титул являлся наследуемым, передаваемым из века в век членам различных семей меровингской крови. Но если никто его не требует или отказывается от него, его предлагают, согласно уставу, человеку со стороны. Так, Леонардо да Винчи и Ньютон, Виктор Гюго и Кокто без особых возражений могли фигурировать в списке великих магистров Сиона.

Среди имен более всех регулярно появляющихся в различных «документах Общины», имеется, как мы уже говорили, имя семьи Плантар, а особенно имя Пьера Плантара, явно связанного с тайной Соньера и Ренн-ле-Шато. Если верить генеалогиям «документов», Пьер Плантар де Сен-Клер является прямым потомком Дагоберта II и династии Меровингов; из тех же источников известно, что он также является бывшим владельцем замка Барбария.

Однако, не только это имя постоянно появляется по ходу наших расследований, но и разные обрывки сведений, датирующиеся последними двадцатью пятью годами, в конце концов приводят к нему. Так, в 1960 г. П.Плантар при Жераре де Седе упоминает о некоем «международном секрете», спрятанном в Жизоре, и в последующее десятилетие доставляет ему большую часть основных документов для двух его работ о Жизоре и Ренн-ле-Шато. Согласно недавним открытиям, дед П. Плантара был другом Беранже Соньера, а сам он в настоящее время владеет земельными участками поблизости от Ренн-ле-Шато и Ренн-ле-Бэн, к которым относится холм Бланшфор, также как и в Стенэ, в Арденнах, где располагается старинная церковь Св.Дагоберта. Наконец, Пьер Плантар, как мы видели на первой странице Устава Сионской Общины, имеет титул генерального секретаря ордена.

Интервью, взятое у П.Плантара в 1973 г., не сообщило нам, как и ожидалось, ничего нового. Добавим, что оно показалось нам очень туманным, полным намеков, и больше ставило вопросы, чем давало ответы, особенно по поводу Меровингов: «Отыщите корни знаменитых французских фамилий, — заявляет он, — и вы поймете, каким образом такая личность, как Анри де Монпеза, может в один прекрасный день стать королем». И еще: «Общество, к которому я принадлежу, очень древнее, я наследую другим, вот и все. Мы свято охраняем некоторые вещи от рекламы».

Слова, как мы видим; весьма туманные и не дающие почти никаких уточнений по поводу Сионской Общины и ее генерального секретаря. Другая статья, опубликованная вскоре, немного дополняет портрет Пьера Плантара, а написала ее его первая жена, Анна-Леа Илер, умершая в 1971 г.:

«Не надо забывать, — говорилось в ней, — что этот психолог был другом таких разных людей, как Израиль Монти, Габриэль Тарье д'Эгмон, один из тринадцати розенкрейцеров, Поль Лекур, философ Атлантика, г-н Леконт-Моншарвиль, делегат Агарты, аббат Оффе, служащий отдела документации Ватикана, Т. Море, директор консерватории в Бурже, и т.д. Вспомним также, что во время оккупации он был арестован, подвергнут пыткам в гестапо, что он был интернирован по политическим мотивам на долгие месяцы. Так как он был доктором наук, то он оценил достоинства тайных учений, в результате чего он был избран членом „honoris causa“ многочисленных тайных герметических обществ. Жизненный опыт и перенесенные испытания выковали личность этого мирного мистика, этого апостола свободы, этого аскета, идеалом которого было служение человечеству. Что же удивительного в том, что в подобных обстоятельствах он стал одним из негласных правителей, с которыми часто советуется сильные мира сего? Вспомним, наконец, что в 1947 г. его пригласило швейцарское правительство, и много лет он жил в Швейцарии, на озере Леман, где встречаются многие делегаты и миссионеры, съезжающиеся со всего мира».

Конечно, Анна Илер хотела нарисовать очень облагороженный портрет своего мужа. Однако, она не представляет его совершенно необыкновенным человеком, хотя его связи могут иногда показаться странными. Его неприятности с гестапо, во всяком случае, свидетельствуют в его пользу, так как он действительно с октября 1943 г. до конца 1944 г. был арестован за то, что в 1941 г. в Париже выпустил газету Сопротивления под названием «Победить!».

Впрочем, Пьер Плантар имел и других знакомых, кроме тех, кто назван мадам Илер, и некоторые из них были высокопоставленными личностями, например, Андре Мальро и генерал де Голль. В 1958 г. во время восстания в Алжире генерал, желая вернуться к власти, обращается к нему, который с помощью Андре Мальро тут же организует Комитеты Общественного Спасения, призванные сыграть главную роль в возвращении де Голля в Елисейский дворец. В письме от 29 июля 1958 г. этот последний поблагодарил Плантара за сотрудничество, а во втором, написанном пять дней спустя, попросил его распустить выполнившие свою миссию Комитеты, что Пьер Плантар тут же сделал через официальное коммюнике, переданное по радио и напечатанное в прессе.

Итак, наше расследование продвигалось, и нам не терпелось — нужно ли об этом говорить? — познакомиться с Пьером Плантаром. Но априори это было непросто, тем более, что мы действовали не от имени какой-либо официальной организации. К тому же, его невозможно было найти. И только весной 1979 г., когда мы начинали снимать второй фильм о Ренн-ле-Шато, нам предоставился счастливый случай — под прикрытием Би-Би-Си — войти с

ним в контакт как раз в тот момент, когда одна английская журналистка, проживающая во Франции, предложила нам свою помощь в поисках Сионской Общины через масонские ложи и оккультные парижские круги.

Нужно ли было ожидать, что она сразу же наткнулась на стену противоречий и мистификации? Тут ей предрекали более или менее быструю смерть, как и всем, кто слишком интересовался Сионом, там ей сообщали, что Община существовала в средние века, но теперь ее больше нет, в третьем же месте утверждали обратное.

Обескураженная наша знакомая обратилась к Жан-Люку Шомею, который уже брал интервью у Пьера Плантара и хорошо знал нашу тему, так как уже глубоко затронул ее. Он не был членом Общины, но ему легко было попасть на свидание с Плантаром, и раньше он соглашался дать нам кое-какие дополнительные сведения.

По его мнению, Сионская Община, несмотря на характерную для нее таинственность, не была в чистом виде тайным обществом; анонс, появившийся в «Журналь оффисель», был фальшивкой, исходящей от членов-"диссидентов", каковым, впрочем, был и предполагаемый устав, присланный из Сен-Жюльена — произведение тех самых авторов.

Но, утверждал Жан-Люк Шомей, Сион на самом деле строил честолюбивые планы на ближайшее будущее. Через несколько лет во французском правительстве произойдут крайне серьезные события, которые подготовят дорогу для народной монархии, управляемой человеком из рода Меровингов. Сион будет царствовать в тени, как он делал это в течение многих веков, но не с материалистической целью, а чтобы восстановить «истинные ценности», то есть ценности духовные и, может быть даже, эзотерические; во всяком случае, уточняет наш собеседник, дохристианские, несмотря на подчеркнута католические тенденции Устава — Но это еще не все, по его мнению, Франсуа Дюко Бурже действительно был великим магистром Сиона, и если мы удивлялись тому, что этот католик-традиционалист смог приспособиться к дохристианским ценностям, то не лучше ли было бы пойти к нему самому и прямо спросить об этом?

Ж.-Л. Шомей настойчиво говорит о древности Сионской Общины и о различии ее членов, цели которых состояли не только в том, чтобы восстановить династию Меровингов. Именно поэтому, настаивает он (и это очень любопытно), не все члены Сионской Общины являются евреями. Не естественно ли в этом случае предположить, что таковых было много, если не большинство? И не есть ли это новое противоречие? Потому что, если устав не выдвигает никаких точных требований по этому поводу, то как примирить внутри ордена его членов-евреев и великого магистра-католика, например, аббата Дюко-Бурже, крайнего традиционалиста, и его друга монсеньера Лефевра, известного своей почти антисемитской позицией?

Но это не единственный парадокс, открытый Ж.-Л. Шомеем, который говорил также и о неком «Лотарингском принце» из рода Меровингов, облеченном священной миссией. Просто поразительное заявление, ибо в настоящее время никакого лотарингского принца, ни даже личности, обладающей этим именем, не существует... Может, он будет жить инкогнито? Или же Ж.-Л. Шомей использовал слово «принц» в более широком смысле, означающем «потомок»? В таком случае, этим принцем мог бы быть Отто Габсбург, герцог Лотарингский.

Ответы Жан-Люка Шомея нашей знакомой журналистке поднимали опять множество вопросов, и она, обескураженная, закончила беседу. Теперь под эгидой Би-Би-Си должно было состояться свидание с Пьером Плантаром.

С первого же взгляда Пьер Плантар показался нам человеком учтивым и полным достоинства, непринужденным, скромным, любезным. Нас удивили его безграничная эрудиция и гибкость ума. Его реплики были очень остроумными, хлесткими, иногда колкими, но никогда — злыми. Глаза его светились снисходительностью и иронией, что не уменьшало его власти, которую он, казалось, испытывает на окружающих его людях. Однако, в нем угадывалось что-то аскетическое, суровое, происходившее, возможно, от простоты его поведения и от отсутствия показной роскоши. Он был одет элегантно, но в классическом стиле, и все в его облике дышало хорошим вкусом и умеренностью.

Во время этой беседы и в течение двух последующих Пьер Плантар дал нам ясно понять, что он ничего не расскажет ни о нынешней деятельности, ни о целях Сионской Общины, зато

он с готовностью ответил бы на вопросы; относящиеся к прошлому этого ордена. Он также отказался от всякого публичного заявления о будущем, хотя допустил, что будет трудно избежать какого-либо намека на него в ходе бесед. Кроме того, он объявил нам, что Сионская Община действительно владела исчезнувшим сокровищем иерусалимского Храма, похищенным римскими легионами Тита в 70 г. н.э., и что это достояние в нужный момент будет возвращено в Израиль. Но каким бы оно ни было — историческим, археологическим или политическим, — это сокровище являлось второстепенным. Настоящим же было сокровище «духовного порядка», и часть его заключалась в том, чтобы облегчить важные изменения, которые должны были произойти в общественном порядке.

В этих словах мы увидели отзвук высказываний Ж.-Л. Шомея: радикальное потрясение во Франции, но не революция, а изменения в установлениях, предшествующих возвращению монархии. И это не было насмешливым пророчеством, настаивал Пьер Плантар, но глубоким и окончательным убеждением, в которое он искренне верил.

Нам были известны основные темы этих заявлений, среди которых, однако, то тут, то там появлялись противоречия. Так, Пьер Плантар иногда употреблял местоимение «мы», явно говоря от имени Сионской Общины, но в иные моменты, казалось, он отъединялся от нее и говорил только сам за себя, ибо он был претендентом-Меровингом, потенциальным королем, а Сион был лишь поддержкой и союзником. Это были два разных голоса: один принадлежал Генеральному секретарю Сиона, другой — непризнанному королю, «царствующему, но не правящему», видящему в ордене нечто вроде консультанта по личным вопросам, и было трудно определить, где кончается один голос и начинается другой. Короче говоря, в этом наш собеседник явно желал остаться в тени.

Таким образом, после этих трех бесед мы не слишком продвинулись вперед, и, кроме Комитетов Общественного Спасения и писем генерала де Голля, мы больше ничего не знали ни о политическом могуществе Сиона, ни о случайной возможности или же наследственном праве его членов изменить правительство и общественный строй во Франции.

Мы не продвинулись и в поисках причин того, что меровингская династия более, чем другая королевская династия, должна быть признана всем миром. Например, требования

Стюартов, которые существуют и сегодня и все еще претендуют на английский трон, стоят на более прочной основе, чем требования меровингских потомков. И другие вакантные европейские короны имеют своих претендентов: еще живы члены династий Бурбонов, Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых; почему же им надо верить меньше, чем Меровингам, и в силу какого такого «абсолютного права наследования» эти последние будут иметь первенство?

Эти раздумья снова привели нас к мысли о том, что Сионская Община является сектой оригиналов, если не мистификаторов. Однако, необходимо было признать, что все наши поиски приводили к тому, что в прошлом орден обладал бесспорной властью и большим влиянием на политику других государств. Не было ли это достаточно серьезной гарантией? Конечно, еще и сегодня многие аспекты его деятельности оставались туманными и таинственными, как, например, полное бескорыстие в финансовом плане. Действительно, стоило Пьеру Плантару только захотеть, и, по примеру многочисленных сект и культов, он смог бы сделать себе из Сионской Общины весьма доходное предприятие, но это был абсолютно не тот случай. Большинство «документов Общины» не были предназначены для продажи, и сама Община не производила нового набора членов, как это обычно делала любая масонская ложа, — число ее членов было строго ограничено, и новички принимались только на вакантные места.

Такое отношение подчеркивало большое доверие ордена к самому себе и малую необходимость — финансового или другого порядка — для того, чтобы увеличиваться. Обладал ли он внутри себя специфическим качеством, достаточно значительным, чтобы повлечь за собой принятие в члены ордена таких людей, как Мальро, Жюэн или де Голль? И надо ли заключать из этого, что Мальро, Жюэн или де Голль тоже заботились о восстановлении меровингской династии на французском троне? Много раз мы задавали себе этот вопрос, и он всегда оставался без ответа...

Вернемся теперь назад, в 1973 г., когда появилась работа, подписанная швейцарским журналистом Матье Паоли, названная «Изнанка политической амбиции», в которой содержится

набросок расследования, проведенного автором по поводу Сионской Общины.

Как и мы, Матье Паоли вошел в контакт с представителем ордена, имя которого он не сообщает; но у него не было рекомендации от Би-Би-Си, а его собеседник, не имевший стати Пьера Плантара, оказался менее общительным. Но, с другой стороны, живущий на континенте М. Паоли имел больше возможностей, чем мы, для того, чтобы предпринять свои поиски и быстро отправиться туда, куда было нужно. Его работа содержала много новых и интересных сведений, и мы пожалели, что он не смог продолжить свои исследования во втором томе, ибо, не успев обнаружить его следов, мы узнали, что он только что был расстрелян израильским правительством за то, как нам сказали, что он продал арабам его секреты.

Расследование его имело много общего с нашим: он тоже познакомился с дочерью Шидлофа в Лондоне и узнал, что тот не имел никаких связей с тайными обществами, франкмасонством и генеалогиями Меровингов; как и мы, он связался с Великой Альпийской Ложей и получил лишь двусмысленные ответы, а канцлер ее дошел даже до того, что стал отрицать существование Лобино. и даже Шидлофа, равно как и некоторых работ, имеющих на титульном листе аббревиатуру названия их ложи, тогда как некоторые считали, что видели их на своем месте в его собственной библиотеке!

«Одно из двух, — заключает Матье Паоли, — зная об особенном характере работ Анри Лобино, Великая Альпийская Ложа, которая запрещает себе всякую политическую деятельность как за пределами Швейцарии, так и внутри страны, не хочет, чтобы все узнали о том, что она косвенно замешана в это дело; или же некоторое движение пользуется именем Великой Ложы, чтобы замаскировать свою деятельность».

Но самое потрясающее открытие Матье Паоли сделал в библиотеке Версаля — четыре номера «Сиркюи». Если название это было таким же, что и название журнала Сионской Общины («С.I.P.C.U.I.T.» — произносится «сиркюи», что означает «окружность, кольцо»), с именем Пьера Плантара на первой странице, то этот «Сиркюи» объявлял себя «Периодическим изданием по вопросам культуры Федерации Французских Сил, 116, улица Пьер-Жуэ, Онэ-су-Буа (Сена-и-Уаза), телефон: 929-72-49». Какое отношение он имел к «Сиркюи», упомянутому в уставе Сионской Общины?

Никто и никогда этого не узнает, потому что, как стало известно М. Паоли, по указанному адресу никогда не существовало никакого издательства, а номер телефона оказался фальшивым. И эта «Федерация Французских Сил», по всей вероятности, тоже была выдумкой. Единственный позитивный и удивительный момент этого напрасного поиска: местопребывание Комитетов Общественного Спасения тоже было в Онэ... Существовала ли связь между Федерацией и Комитетами? М. Паоли думал, что да, так как № 2 «Сиркюи» упоминал о письме генерала де Голля, благодарившего Пьера Плантара за его услуги; а эти услуги, как мы видели, состояли в создании Комитетов Общественного Спасения, которыми он и управлял по просьбе генерала.

Все четыре номера «Сиркюи» были посвящены эзотеризму, и статьи в них были подписаны Пьером Плантаром или его псевдонимом «Шуген», его женой и другими, хорошо известными нашему расследованию именами. Кроме того, сюжеты некоторых статей казались совершенно несовместимыми с сюжетами остальных, например, статья о тайнах виноградарства, а именно: о прививках. Но, может быть, надо было видеть в этом аллегорию, в которой виноград и виноградарство символизируют генеалогические древа и династические браки?

В своей работе Паоли упоминает также о яростном национализме авторов журнала. «Существуют ли еще люди, способные думать о ФРАНЦИИ, как во время оккупации, когда патриоты и члены Сопротивления абсолютно не волновались о политической принадлежности их товарищей по борьбе?» — спрашивает себя некий Адриан Севретт. И далее: «Прежде всего мы — французы, мы являемся той силой, которая борется на всех фронтах, чтобы построить новую и здоровую Францию...».

Следуя подробному плану правительства, предназначенному вернуть Франции ее блеск, возродить понятие провинции как «живого кусочка Франции, следа нашего прошлого, самой основы, которая сформировала нашу нацию... У нее есть свой фольклор, свои обычаи, свои памятники, часто свой местный диалект, который нам хотелось бы восстановить и слушать».

Безусловно, план выполнимый, если верить авторам «Сиркюи», и здесь, кажется, мало замешана политика, потому что он не хочет больше быть ни правым, ни левым, и не больше радикалом, чем реакционером; план, наполненный «прочным здравым смыслом», подчеркивал Матье Паоли. Однако нигде не было сделано определенного намека на основу его действия, на реставрацию народной монархии, управляемой Меровингом, — хорошо усвоенный и просматривающийся во многих номерах журнала принцип.

«С одной стороны, у нас есть скрытое потомство Меровингов, — комментирует М. Паоли, дойдя до этого пункта своего расследования, — а с другой стороны — тайное движение, Сионская Община, цель которой — позволить реставрировать народную монархию и меровингскую династию... Речь идет о том, чтобы узнать, удовольствуется ли это движение эзотерико-политическими спекуляциями (невысказанная цель которых — сделать много денег, используя чистосердечие и наивность мира) или же это движение будет действовать дальше». Поставив, как и мы уже много раз это делали, основной вопрос о действенности Сионской Общины, Матье Паоли поднимает другой вопрос, особенно серьезный:

«Конечно, Сионская Община располагает могущественными связями. Действительно, создание любой ассоциации подвергается предварительному исследованию этого вопроса министром внутренних дел; так же дело обстоит с созданием журнала или издательства. Эти же люди публикуют под псевдонимами и с фальшивыми адресами несуществующих издательств работы далеко не коммерческого характера, как в Швейцарии, так и во Франции. Одно из двух: либо чиновники не выполняют должным образом свою работу, либо...». Матье Паоли присоединился здесь к нашим собственным мыслям, а именно: к раздумьям о фантастическом адресе, фигурирующем на уставе Сен-Жюльена. Как мы видим, он не уточняет другого исхода альтернативы, но явно намекает на то, что официальные власти, как и многие высокопоставленные лица, все на разных уровнях связаны с Сионом. А Сион снова возвращает себе через них свое лицо — великой и могущественной организации.

В конце своего исследования об Общине Матье Паоли казался, наконец, удовлетворенным: он нашел «меровингскую» мотивацию, дающую полный смысл целям и самому существованию общества. Но такой перспективой он сам был потрясен. Какой интерес, спрашивал он себя, в действительности представляла сегодня реставрация этой династии, ведь прошла тысяча лет после ее свержения?! Будет ли отличаться современный меровингский режим от любого другого современного общественного строя? И если да, то почему? И в чем? Что такого отличительного предлагали потомки Дагоберта II? Если их требования законны, не являются ли они несвоевременными? Но с другой стороны, почему же тогда они возбуждали и сегодня еще возбуждают столько интереса и понимания среди тех, кому хватает и денег, и ума, и здравого смысла, и занятий?

Именно в этом и состояла наша проблема. Мы тоже готовы были признать права меровингского рода; но имели ли они значение теперь, в наше время? Была ли законность их прав достаточно аргументирована? И почему все же в конце XX в. монархия, будет ли она законной или нет, принесет то одобрение, которым, казалось, пользовались Меровинги?

Тем не менее, мы не должны обольщаться и слишком легко верить, что мы не были игрушками в руках химер. Нет! Каждый этап наших поисков показывал нам, что мы имеем дело с важной организацией, прекрасно построенной, составленной из величайших умов нашего века. И эти люди, повторим это, всерьез принимали реставрацию меровингской династии спустя тысячу лет, чтобы поставить ее над своими политическими, социальными и религиозными разногласиями.

С одной стороны — нонсенс, с другой — глубокая логика. Мы металась меж двух огней, не находя выхода. Может быть, мы где-нибудь свернули не на ту дорогу? Или же какой-то элемент проблемы от нас ускользнул? Законные наследственные права действительно были единственным аргументом, который предъявляют потомки Меровингов? Может быть и нет, и какая-то особая характеристика с важнейшими последствиями фундаментально отличала их от других династий. Значит, эта королевская кровь была отмечена печатью исключительности, о которой никто не подозревал?..

9. КОРОЛИ С ДЛИННЫМИ ВОЛОСАМИ

Загадка меровингской династии еще более туманна, чем тайна катаров и рыцарей Храма — настолько тесно переплетаются здесь действительность и вымысел. Так, несмотря на наши усилия, чтобы отделить настоящее от фальшивого, достоверность от легенды, мы оставались окутанными непроницаемым облаком тайны.

Происходящий от сикамбров, германского племени, более известного под именем франков, меровингский род властвовал в течение V и VI вв. на обширных территориях, ставших затем Францией и Германией. Не будем забывать, что эта эпоха была также эпохой короля Артура и послужила фоном для большого романтического цикла о Граале. Без сомнения, эти годы, самые темные из того времени, которое неправильно назвали «мрачным Средневековьем», в наших глазах гораздо менее мрачны, чем были сознательно затемнены.

Образование и культура, как мы знаем, были в то время монополией католической Церкви, и информация, относящаяся к этому периоду, которая у нас имеется, исходит из ее, Церкви, источников, остальное же исчезло или было уничтожено. Иногда, к счастью, несмотря на молчание или незнание, которые слишком долго окружали эту эпоху, несмотря на покрывало, заботливой рукой брошенное на их тайну, какая-нибудь деталь могла просочиться и дойти до нас. Слово, дата внезапно выступали из тени, и, благодаря им, можно было восстановить увлекательную реальность, так отличающуюся от того, что нам преподала официальная История.

Происхождение меровингской династии сопряжено с многочисленными загадками, и первая из них касается непосредственно природы этой расы,

В самом деле, понятие династии обычно вызывает в памяти семью или «дом», царствующий на том месте, откуда исчезли, либо были изгнаны, либо низложены предшественники. Так, война Алой и Белой Розы в Англии была отмечена сменой династий; затем, сто лет спустя, Тюдоры исчезли, и Стюарты взошли на трон, в свою очередь через посредство Оранского и Ганноверского домов.

Ничего подобного не было в истории Меровингов — ни узурпации, ни грубости, ни угасания предшествующей династии. Кажется, что они всегда правили Францией и всегда были признаны законными ее королями. До того дня, когда один из них, которого судьба отметила особым знаком, дал свое имя династии.

Историческая действительность, касающаяся этого Меровея (Меровеха или Меровеуса) совершенно скрыта легендой. Это почти сверхъестественный персонаж, принадлежащий великим классическим мифам, даже его имя свидетельствует о его чудесном происхождении, ибо в нем находят отзвук французские слова «мать» и «море».

По мнению главного франкского летописца и согласно последующей легенде, Мервей был рожден от двух отцов. Действительно, рассказывают, что, будучи уже беременной, его мать, жена короля Клодио, пошла купаться в море; там ее соблазнило и похитило таинственное морское существо — «зверь Нептунов, на Квинотавра похожий», тоже мифологическое животное. Возможно, это существо сделало королеву беременной второй раз, и когда родился Мервей, в его жилах текли две разные крови: кровь франкского короля и кровь таинственного морского чудовища.

Распространенная легенда времен античности и последующих европейских традиций, — скажете вы. Конечно, но, как и все легенды, она далека от того, чтобы полностью быть вымышленной, а является символической и за своей чудесной видимостью скрывает конкретную историческую действительность. В случае с Мервеем эта аллегория означает передачу ему матерью иностранной крови или же смешением династических родов, следствием чего явилось то, что франки оказались связанными с другим племенем, пришедшим, возможно, «из-за моря». С течением лет и с развитием легенд оно, непонятно почему, превратилось в морское существо.

Итак, Мервей родился, облеченный самой необыкновенной властью, и с этого дня, какой бы ни была историческая действительность, основанная на легенде, меровингская династия оказалась окружена аурой магии и сверхъестественного, которые никогда ее не покинут.

Если верить преданиям, меровингские короли, по примеру их знаменитого современника Мерлина, были приверженцами оккультных наук и любых форм эзотеризма. Впрочем, их часто

называли королями-"колдунами" или «чудотворцами», ибо они обладали, как говорит опять же легенда, чудесной силой исцелять только наложением рук, и кисти, свисающие по бокам их одеяний, обладали такими же целительными свойствами. У них также был дар ясновидения и экстрасенсорного общения с животными и силами окружающей их природы, и рассказывали, что на шее они носили магическое ожерелье. Наконец, их объявляли обладателями таинственной формулы, которая защищала их и гарантировала долголетие — дар, который, однако, не подтверждается Историей. На их теле имелось родимое пятно, которое свидетельствовало об их священном происхождении и позволяло немедленно их узнать: красное пятно в виде креста было расположено либо на сердце — любопытное предвосхищение герба тамплиеров, — либо между лопатками.

Меровингов называли также «королями с длинными волосами». По примеру знаменитого Самсона из Ветхого Завета, они на самом деле отказывались стричь волосы, в которых помещалась вся их «доблесть» — сущность и секрет их сверхъестественных способностей. Причины этих верований нам неизвестны, но, кажется, что их принимали очень всерьез, по крайней мере, до 754 г., когда Хильдсрика III низложили и заключили в тюрьму и по категорическому приказу папы ему остригли волосы.

Какими бы обыкновенными они ни казались, основываются эти легенды все же на конкретных и бесспорных явлениях действительности, а именно: на тех, что касаются особого положения, которое занимали Меровинги при жизни. На самом деле их считали не королями в современном смысле этого слова, а скорее королями-священниками, земным олицетворением всемогущества Божия, каковыми до них были фараоны Древнего Египта. Они не царствовали милостью Божией, но были живыми ее представителями, воплощением — качеством, обычно признаваемое только за Иисусом Христом. Их ритуалы больше походили на священнические, чем на королевские. Так, были обнаружены тела некоторых меровингских монархов, носящие на черепах ритуальные надрезы, подобные тем, какие можно видеть на черепах древних великих буддийских священников Тибета; эти надрезы позволяли душе покидать тело в момент смерти и входить в контакт с божественным миром. Не следует ли в связи с этим и тонзуру священников отнести к этой древней меровингской практике?

В 1653 г. в Арденнах была найдена меровингская могила, имеющая большое значение; это было захоронение Хильдерики I, сына Меровея, отца Хлодвига — самого знаменитого представителя династии. В могиле находилось оружие, сокровища, различные драгоценности и значки, которые обычно находят в королевских захоронениях. Но в этом имелись также предметы, относящиеся больше к области магии и колдовства, чем к королевской власти: отрезанная лошадиная голова, голова быка, сделанная из золота, и хрустальный шар.

Одним из священных символов Меровингов была пчела, и таких пчелок из золота в могиле Хильдерики было около трехсот; все содержимое могилы было передано Леопольду-Вильгельму Габсбургскому, военному правителю австрийских Нидерландов и брату императора Фердинанда III. Однако все эти сокровища позже вернутся во Францию, и со времени коронации в 1804 г. Наполеон сделал пчел главным украшением своего парадного облачения.

Но это не единственное проявление императорского интереса к королям, которые задолго до него занимали трон Франции. По его приказу аббат Пишон очень серьезно занялся генеалогическими поисками, чтобы узнать, выжил ли род Меровингов после падения династии. Именно эти заказанные Наполеоном документы впоследствии будут широко использованы в генеалогиях «документов Общины».

Итак, между нами и исторической действительностью, чей непроницаемый экран мы старались исследовать, вставал фантастический мир, достойный той эпохи, когда по всей Европе рождались великие циклы мифов и легенд.

На самом деле, об истинном происхождении Меровингов известно очень мало. Сами они считали себя потомками Ноя, который в их глазах еще больше, чем сам Моисей, был источником мудрости — понятие, которое вновь возникнет через какую-нибудь тысячу лет в европейском франкмасонстве. Так как они еще претендовали на то, чтобы их считали потомками жителей древней Трои, современные историки начали искать их след в античной Греции, а в особенности в регионе, называемом ранее Аркадией. Как говорят эти историки,

предки меровингских королей на самом деле имели связи с аркадийским королевским домом и в самом начале христианской эры дошли до Дуная, потом перешли Рейн и обосновались на территории современной Западной Германии.

Троянские или аркадийские корни — это все детали, но они вовсе не противоречат друг другу. Во всяком случае, Гомер считал, что в осаде Трои принимали участие многие аркадийцы; и древнегреческие историки тоже сообщали о каком-то племени, пришедшем из Аркадии. Мимоходом отметим, что в этих местах медведь раньше считался священным животным и был предметом таинственного культа и ритуальных жертв. Название «Аркадия», впрочем, происходит от «аркадес», что значит «медвежий народ», и древние аркадийцы утверждали, что являются потомками Аркаса, божества земли, имя которого переводится как «медведь». Наконец, из греческой мифологии мы узнаем, что Аркас был сыном нимфы Каллисто, очень похожей на охотницу Артемиду. Сегодня Каллисто знакома нам по очертаниям созвездия Большой Медведицы, а Аркас — Малой Медведицы.

Подобное же положение занимал медведь и у сикамбров-франков, предков Меровингов. Как и древние аркадийцы, они поклонялись ему в виде Артемиды, или, точнее, ее галльской сестры Ардуины, божества Арденн, культ которой существовал задолго до средних веков. Одним из главных центров таинств Ардуины был Люневиль, расположенный недалеко от двух местностей, которые нам уже знакомы: это Стенэ и Орваль, где до 1304 г. католическая Церковь обнародовала приказы, запрещающие культ языческой богини.

Особые тотемические и магические силы, признаваемые за медведем в этих меровингских Арденнах, вполне объясняют то, что имя «Урсус» («Ursus») — «медведь» по-латински — было дано «документами Общины» всей королевской династии. Но самый поразительный факт — это то, что по-галльски слово «медведь» произносится «арт» («arth»), откуда и происходит имя «Артур» («Arthur»). Но так как мы не можем долго следовать по этой дороге и отклоняться от нашей темы, то ограничимся пока констатацией того, что знаменитый король Артур был современником Меровингов и также принадлежал к тому же мистическому циклу о медведе.

В начале V в. нашествие гуннов на Европу повлекло за собой широко развернувшуюся миграцию. Именно в эту эпоху сикамбры перешли Рейн, вошли в Галлию и обосновались на территории современной Бельгии и на севере Франции в районе Арденн. Сто лет спустя эта область стала называться королевством Австразия, в центре которого находилась современная Лотарингия.

Не стоит думать, что сикамбры вошли в Галлию подобно орде варваров. Их появление не было отмечено никакой суматохой, никакими жестокостями, как это часто бывало. Напротив, они наилучшим образом слились с местным населением. В течение веков язычники — но не дикари — поддерживали с римлянами прекрасные отношения, зная и применяя у себя их права, обычаи и принципы управления, и некоторые из них добивались званий офицеров императорской армии, а в некоторых случаях становились даже римскими консулами: Поэтому в данном случае ни о каком нашествии не может быть и речи, здесь имела место мирная ассимиляция. И когда в конце V в. рухнула Римская империя, совершенно естественно, что сикамбры заняли вакантное место, не прибегая к насилию, но уважая древние обычаи. Таким образом, общественный строй государства первых Меровингов мало отличался от Римской империи, и управление Галлией просто перешло в другие руки.

Имя «Меровей» носят две исторические личности, и поэтому трудно определить точно, который из двух родился от легендарного морского чудовища. Действительно, известно, что один Меродей, вождь племени сикамбров, жил в 417 г., сражался вместе с римлянами и умер в 438 г., говорят даже, что он посетил Рим, где произвел сенсацию, проезжая верхом на коне по загроможденным улочкам столицы империи с развевающимися на ветру длинными волосами.

Потом, в 448 г., сын первого Меродея, носящий то же имя, был провозглашен в Турнэ королем франков и царствовал в течение последующих десяти лет до самой своей смерти. Первый монарх объединившегося франкского народа и, в силу своего знаменитого двойного рождения — или в силу некоей действительности, которую он символизировал, — он дал свое имя династии, которую основал.

При его наследниках франкское королевство продолжает процветать, но не в примитивном и варварском смысле этого

слова, как можно себе вообразить, а напротив — это была цивилизация, сравнимая в некоторых аспектах с Византией, и уровень ее развития был гораздо выше, чем во Франции, спустя каких-нибудь пятьсот лет, во время правления последних монархов Средневековья. Так, король Хильдерик I не только построил в Париже и Суассоне великолепные амфитеатры в римском стиле; он был также прекрасным поэтом, гордившимся своими талантами, и несравненным оратором, особенно когда произносил речи, обращенные к церковным властям, доказывающие гибкость его мысли, владение диалектикой и глубокое знание самых различных тем, что ставило его наравне с его собеседниками.

Конечно, подчиненные меровингским законам франки выказывали иногда некоторую грубость, но никогда не демонстрировали особого расположения или вкуса к войне, как викинги, гунны или вестготы. Главной их деятельностью были сельское хозяйство и торговля в Средиземноморье, но высоким уровнем отличались и их ремесла, как свидетельствуют различные и многочисленные экспонаты, выставленные в европейских музеях.

Наконец, меровингские короли обладали сказочными богатствами, особенно золотом, которое делалось в большом количестве в виде золотых монет на королевских фабриках, одна из которых была расположена на месте современного города Сьон в Швейцарии. Многочисленные образцы этих монет существуют и в наши дни: на них вычеканен равноконечный крест, тот самый, который возьмет себе во время крестовых походов франкское королевство в Иерусалиме.

Как мы видели, окруженные нимбом из тайны, легенд, магии и сверхъестественного, что сопутствовало им на протяжении всей их жизни, меровингские короли совершенно не походили на других правителей той эпохи. Если их жизнь, нравы, экономическая система были в некоторых деталях похожи на жизнь, нравы и экономику их европейских современников, то их династия и королевская власть носили очень специфический характер.

Мужские потомки меровингского рода не были «священными» королями, но начинали считаться таковыми с двенадцатилетнего возраста; этот день рождения не был отмечен никакой публичной церемонией, ни коронацией, ни помазанием на царство — просто начиная с этого дня они, как будто подчиняясь некоему священному праву, брали на себя бремя власти. Но так как король был верховным правителем королевства, никто не заставлял его — да от него это и не требовалось — входить в практические детали своего дела; его роль больше состояла прежде всего в том, чтобы «быть», чем «делать», царствовать не управляя, короче, воплощать в себе символ, быть ритуальной фигурой и королем-священником одновременно. Управление и хозяйственная деятельность предназначались для человека, не принадлежавшего к королевской династии, своего рода канцлеру, называемому майордомом — такая структура меровингского режима несколько напоминает некоторые современные конституционные монархии.

Подобно Патриархам из Ветхого Завета, даже после того, как они обратились в христианство, меровингские правители были полигамными и содержали роскошные гаремы. Даже когда аристократия, уступив нажиму Церкви, решила принять строгую моногамию, монархи отказались следовать этому, а Церковь, что очень любопытно, не протестуя, согласилась закрыть глаза на эту привилегию, о чем один английский историк, удивляясь, написал следующими словами:

«Почему полигамия была молчаливо одобрена франками? Быть может, мы имеем здесь дело с древним обычаем королевской семьи, семьи такого ранга, что уже никакой, даже самый выгодный династический брак не сможет еще более облагородить ее кровь, и она не может быть осквернена кровью рабыни... Родится ли королева в королевской династии или от куртизанки — это не имело значения... В его собственной крови находилась эта сила рода, и все, кто принадлежал к нему, разделяли ее...». Другие, подразумевавшие то же самое, спрашивали себя:

«А может, Меровинги — это германская династия Heerkonige, выходцы из древней королевской династии времен великого переселения народов?»

Но сколько королевских семей в мире обладало такими привилегиями и почему Меровинги имели на это больше прав, чем другие? Каким образом их кровь наделяла их такими исключительными правами? Это были вопросы без ответов, и мы терялись в догадках...

Самым знаменитым из всех меровингских королей был внук Меровея, Хлодвиг I, который

царствовал с 481 по 511 г. Все французские школьники знают это имя, ибо благодаря ему Франция приняла христианство, и римско-католическая Церковь завоевала в Западной Европе главенство, которое продлилось не меньше, чем тысячу лет.

Итак, в 496 г. католическая Церковь оказалась в ненадежном положении, и ее существованию, хрупкому с самого начала века, угрожала очень серьезная опасность. Римский епископ провозгласил себя папой между 384 и 399 гг., но его официальный статус, идентичный статусам других епископов того времени, совершенно не походил на современное папство. Не будучи духовным руководителем и верховным властителем христианского мира, он, в конце концов, представлял собой просто одну из многочисленных и противоречивых форм христианства, безнадежно борющегося, чтобы выжить, несмотря на конфликты, расколы и оппозиции теологического порядка. Действительно, римская Церковь обладала едва ли не большей властью, чем Церковь кельтская, с которой первая пребывала в постоянном разногласии; она была окружена не большей значительностью, чем какая-нибудь еретическая секта, вроде арианства, которое, например, отрицало божественность Иисуса, настаивая на его человеческой природе. Впрочем, заметим, кстати, что в конце V в. епископства в Западной Европе были в различной степени вовлечены в эту форму арианства.

В той мере, в какой римская Церковь хотела выжить и утвердить свой авторитет, она нуждалась в могущественной поддержке. И если христианство хотело развиваться по единственному пути римской доктрины, ему надо было распространять эту доктрину, внедрять, если это было необходимо, навязывать ее с помощью светских сил, достаточно надежных и эффективных, чтобы победить, вытеснить и окончательно задушить все соперничающие с ней верования. Церковь начала искать эту поддержку, эту силу и нашла ее, вполне естественно, у Хлодвига.

В 486 г. Хлодвиг в большой степени увеличил владения Меровингов и, благодаря победам над враждебными ему племенами, присоединил к Арденнам прилегающие к ним многочисленные мелкие государства и княжества. Теперь такие важные города, как Труа, Реймс и Амьен, входили во франкское королевство, и Хлодвиг, конечно, не замедлил бы стать одним из самых могущественных монархов в Западной Европе.

Его обращение и крещение играют, безусловно, в нашем расследовании одну из главных ролей. Все подробности в свое время были описаны в знаменитом рассказе «Житие святого Ремигия», но, к несчастью, за исключением некоторых страниц, рукопись была уничтожена спустя двести пятьдесят лет. С какой целью и ради какого таинственного замысла? По всей видимости, это было сделано умышленно, и только несколько фрагментов еще свидетельствуют о том, какой огромный интерес представляло ее содержание.

Согласно преданиям, внезапное и неожиданное обращение Хлодвига было делом рук его жены Хродехильды, ревностной католички, которая, как кажется, не успокоилась до тех пор, пока не увидела, как ее муж принял ее веру, благодаря помощи ее исповедника Ремигия — упорство, за которое она позже была канонизирована. Но за этим преданием стоит конкретная историческая действительность. В самом деле, когда Хлодвиг обратился в римскую веру, чтобы стать первым королем-католиком франков, то он завоевал гораздо больше, нежели простое уважение своей супруги, и царство более существенное, чем небесное.

Известно, что в 496 г. между ним и св. Ремигием произошло несколько тайных встреч, после которых немедленно последовало надлежащим образом оформленное согласие между франкским королем и римской Церковью. Для Рима это была беспрецедентная политическая победа, которая обеспечивала выживание его Церкви и устанавливала ее высшую духовную власть над всей Западной Европой. Наконец-то она стала равной Константинополю — блестящей и далекой родине греческого православия; теперь она может дать волю своим мечтам о владычестве и найти неотвратимое средство положить конец различным существовавшим тогда формам ереси. Инструментом этой духовной гегемонии, мечом из плоти и крови католической Церкви, ее светской рукой, осязаемым проявлением ее власти впредь должен был стать Хлодвиг, благодаря которому все надежды были, наконец, дозволены.

Что, в свою очередь, выигрывал король франков? Что касается его, то он получал титул «Нового Константина» («Novus Konstantinus»), а также — разрешение править объединенной империей, «священной римской империей», предназначенной заменить империю Константина,

незадолго до того разрушенную вандалами и вестготами.

Как считают некоторые современные историки, еще задолго до своего крещения Хлодвиг предусмотрел возможность сделать эту древнюю римскую империю наследственным владением Меровингов. Как бы то ни было, теперь он становится чем-то вроде императора Западной Европы, патриархом германских государств на Западе, царствуя, но не управляя, над всеми народами и королями.

Этот пакт, подписанный Хлодвигом и римской Церковью, оказался чреват тяжелыми последствиями для христианского мира VI в. и последующих веков. Действительно, крещение короля франков знаменовало рождение новой римской империи, христианской империи, основанной на самой церкви и управляемой королями-Меровингами. Теперь между духовной властью и светским государством существовала нерасторжимая связь, ибо одно приносило клятву верности другому, и оба были связаны друг с другом навсегда. Договор был скреплен церемонией — крещением Хлодвига св. Ремигием, который произнес на латыни знаменитые слова:

«*Mitis depone colla, Sicamber, adora quod incendisti, incendi quod adorasti*».

(«Покорно склони выю, сикамбр, почитай то, что сжигал, сожги то, что почитал»).

Вспомним, ибо это часто забывают, что это крещение никоим образом не было коронацией. В самом деле. Церковь и не должна была объявлять Хлодвига королем, так как он уже был им, и ей ничего больше не оставалось, как признать его таковым. Таким образом, она официально связывала себя не с одним Хлодвигом, а с его последователями, не с отдельной личностью, а с династией. В этом смысле пакт по всем пунктам походил на связь Бога из Ветхого Завета с царем Давидом. Конечно, его можно было изменить — как в случае с Соломоном, — но его нельзя было ни отменить, ни порвать, ни предать. Этого Меровинги никогда не должны были забывать.

До конца своей жизни Хлодвиг старался свято исполнять надежды и честолюбивые замыслы, питаемые Римом на его счет. С сознанием и энергичностью, достойными восхищения, он силой оружия насаждал веру — предмет его договора; будучи официально одобренным и духовно поддерживаемым Церковью, он на юге и на востоке расширил границы своего королевства, которое занимало теперь большую часть Франции и значительную часть Германии.

Самыми коварными из его соперников были исповедующие арианство вестготы, чья империя простиралась от Северных Пиренеев до Тулузы; Хлодвиг начал против них ужасные штурмы и окончательно победил их в 507 г. в битве при Вуйе. После этого Тулуза и Аквитания не замедлили пасть перед ним, как, впрочем, и все остальные вражеские земли, чьи правители еще до прихода франкских войск сложили оружие. От Тулузы вестготы отступили к Каркассону, затем, будучи изгнанными из этой цитадели, они основали свою столицу и последний бастион в Разесе, в графстве Редэ, который сегодня зовется деревней Реин-ле-Шато.

После смерти Хлодвига в 511 г. созданная им империя была, согласно меровингскому обычаю, разделена среди четырех его сыновей. И в течение более ста лет меровингская династия царствовала в многочисленных разрозненных королевствах. Но так как они большую часть времени вели войны и больше запутывались в вопросах наследования, то с годами их права стали давать повод ко все возрастающим беспорядкам. Власть, так хорошо централизованная Хлодвигом, все больше и больше ослаблялась и медленно приходила в упадок. Всякого рода смуты, интриги, похищения и убийства и плюс к этому хронический беспорядок мало-помалу докатились до самых отдаленных уголков франкского королевства.

Однако в самом центре этого хаоса родилась и быстро росла новая верховная власть, образец силы и равновесия, которые обеспечивали не официальные правители, а майордомы, о которых мы говорили выше. В силу сложившихся обстоятельств, эти последние действительно умножали свою власть и даже внесли большой вклад в падение монархии.

Лишенные власти, безвольные последние Меровинги стали знаменитыми «королями-бездельниками» — таким презрительным прозвищем клеймила этих слабых и снисходительных монархов История; они были изнеженными, и ими легко манипулировали алчные и подлые советники, правившие вместо них.

Но давайте не будем относиться к ним слишком сурово. Если на самом деле анархия в

меровингском королевстве толкала к трону юных принцев, которые самым жалким образом уступали давлению своего окружения, то другие, более зрелые, представлялись настоящими правителями. Именно таков был случай Дагоберта II, жизнь которого с самого начала похожа на одну из многочисленных средневековых легенд или на волшебную сказку. Однако описанные события действительно имели место.

Дагоберт II родился в 651 г., он был наследником королевства Австразия, но когда спустя пять лет умер его отец, их майордом Гримоальд похитил мальчика, чтобы помешать ему взойти на трон. Напрасно повсюду искали ребенка, и нетрудно было убедить двор в его смерти. Ссылаясь на волю покойного монарха, Гримоальд тут же предложил выбрать новым королем его собственного сына. Хитрость удалась, причем не только с вельможами, но и с матерью Дагоберта, которая отдала всю власть в руки честолюбивого майордома.

Однако настоящий наследник трона не умер. В действительности, Гримоальд не захотел его убивать, а отдал его епископу города Пуатье, который, в свою очередь, не желая совершать преступления, отправил его в Ирландию. Так, свое детство Дагоберт провел в монастыре Слана близ Дублина, где он получил лучшее образование, чем ему могли дать во Франции. Между прочим, легенда рассказывает, что в Ирландии он отправился ко двору Верховного Короля Тары и познакомился с тремя принцами из Нортумбрии, воспитанными также сланскими монахами. В 666 г. он женится на кельтской принцессе Матильде; затем покидает Ирландию, едет в Англию и устраивается в Йорке, в королевстве Нортумбрия, где подружился с епископом Уилфридом, который стал его советником.

В то время между кельтской и римской Церковью существовал раскол: первая отказывалась признавать авторитет второй. Уилфрид, заботившийся о единстве и пытавшийся привести заблудших овец к материнской груди, уже успел добиться в этом некоторого успеха на совете в Уитби в 664 г., и, может быть, в этих условиях его дружба и интерес к юному Дагоберту не имел никакой задней мысли. В то время союз Меровингов с Римом, установленный полтора века назад Хлодвигом, несколько ослаб, и Уилфрид, верный сторонник Рима, считал своим долгом помочь ему укрепить его первенство в Англии и на континенте: в ближайшем будущем Дагоберт мог вернуться во франкское королевство и потребовать себе трон Австразии; будучи у себя дома, он также мог согласиться взять в руки меч, чтобы оказать поддержку Церкви. То есть епископ был настолько мудр, что уже сейчас хотел обеспечить для себя его лояльность.

В 670 г. принцесса Матильда, жена Дагоберта, умерла, дав жизнь их третьей дочери, и Уилфрид, не теряя времени, подыскал некоронованному монарху другую жену. Если в первый раз в женитьбе Дагоберта играли роль мотивы династического порядка, то во второй раз они были еще сильнее, ибо он женился на Гизеле из Редэ, дочери Беры II, графа Редэ, и внучке Тулки, короля вестготов...

По этому поводу напрашивается много размышлений, на первый взгляд, очевидных и не лишенных интереса. Во-первых, королевская кровь вестготов с тех пор должна была смешаться с кровью Меровингов; затем, благодаря этой связи, которая устанавливала границы государства в Арденнах и Пиренеях, зарождался образ той Франции, которую мы знаем сегодня. Наконец, и что особенно важно, эта связь помещала вестготов, исповедовавших арианство, в сферу деятельности римской Церкви.

Итак, в 671 г. Дагоберт женился на Гизеле, возвратившись на континент. Судя по рассказам современников, свадьба состоялась в Редэ-Ренн-ле-Шато, — в резиденции юной принцессы Разесской, и в церкви св. Магдалины, на месте которой спустя много веков должна была подняться церковь Беранже Соньера. У Дагоберта уже было три дочери от первого брака, но не было наследника, и вот вторая жена родила ему еще двух дочерей, а затем, в 676 г., сына, Сигиберта IV, — в это время Дагоберт уже снова был королем.

В течение трех лет после свадьбы Дагоберт, казалось, ждал в Ренн-ле-Шато своего часа, наблюдая издали за своими северными владениями до 674 г., когда представился благоприятный случай. При помощи матери и советников он отправился в Австразию, потребовал королевский венец и был официально провозглашен королем. Уилфрид, епископ Йоркский, бесспорно, сыграл большую роль в этом событии, а также и другой персонаж, которому История уделила мало внимания — святой Аматус, епископ Сьонский из Швейцарии.

Сев на трон, Дагоберт не стал королем-бездельником, но, напротив, показал себя достойным наследником Хлодвига. Быстро освоившись, он укрепил свою власть, положил конец анархии в королевстве и затем положил все силы на то, чтобы установить в нем порядок. Он правил жестко и подчинил себе бунтующую знать, достаточно сильную в экономическом и военном плане, чтобы сопротивляться трону. Наконец, говорят, что он собрал в Ренн-ле-Шато бесценные сокровища, предназначенные для завоевания Аквитании, которая ускользнула от опеки Меровингов около сорока лет тому назад и стала независимым государством.

Но если Уилфрид Йоркский ждал от нового короля Австразии, что тот станет защитником Церкви, то он был жестоко разочарован в его поведении, ибо Дагоберт не сделал в этом направлении ничего. Напротив, он, казалось, даже попытался затормозить все попытки римской экспансии внутри своего королевства, явно провоцируя ярость церковных властей, не лишнюю, впрочем, основания. На этот счет существует письмо французского прелата, горько жалующегося Уилфриду на налоги, которые поднял Дагоберт, «презрев Церкви Божии и их епископов».

Но у короля были и другие причины для того, чтобы поссориться с римскими властями. В силу своего брака с Гизелой де Редэ, вестготской принцессой, Дагоберт действительно получил значительные земельные владения на территории современного Лангедока, и его не могло не затронуть арианское влияние, существующее в этой стране даже в королевской семье: теоретически вестготы были верны католической Церкви, но их верноподданнические чувства в действительности были очень гипотетическими и второстепенными по отношению к глубоким религиозным тенденциям своего рода.

В 679 г., после трех лет царствования, Дагоберт уже успел нажить себе значительное число врагов, как светских, так и религиозных. Во-первых, это была знать, попытки которой обрести независимость он энергично обуздал; во-вторых, Церковь, экспансии которой он явно препятствовал. Что же касается франкских правителей в соседних государствах, то они одновременно опасались и завидовали сильному и централизованному режиму, в который кое-кто предусмотрительно поместил своих агентов. Среди них фигурировал собственной персоной майордом Пепин д'Эрсталь, тайно связанный с врагами короля, и, в случае необходимости, он был сторонником убийства и предательства. Как и многие последние меровингские короли, Дагоберт имел две столицы, главнейшая из которых находилась в Стенэ, на границе с Арден-нами. А перед королевским дворцом в Стенэ простирался густой лес, считающийся священным с незапамятных времен и называющийся Веврским лесом. 23 декабря 679 г. Дагоберт отправился туда на охоту. Неизвестно, было ли это ритуальной церемонией, но в последующих рассказах явно слышится мощное эхо легенд, которые ходили в то время по Галлии от Рейна до Бретани, посвященных убийству Зигфрида из «Песни о Нибелунгах».

Падая от усталости, около полудня король лег около ручья, под деревом, и заснул. Во время сна один из его слуг — как говорят, это был его крестник — украдкой подобрался к нему и убил его ударом копья в глаз. Очевидно, он действовал по приказу майордома, и, совершив свое злодеяние, он вернулся в Стенэ с намерением уничтожить также всю королевскую семью. Неизвестно, удался ли ему этот черный замысел, но официально царствование Дагоберта и его прямых потомков потонуло в крови и насилии. Впрочем, римская Церковь ни в коей мере не скорбела об этом. Даже наоборот, она решительно и недвусмысленно одобрила убийство, как об этом свидетельствует письмо французского прелата, пытающегося оправдать царевубийство в глазах Уилфрида Йоркского.

Тем не менее, тело убитого короля претерпело множество перемен. Его немедленно похоронили в королевской часовне св. Ремигия, а в 872 г. Карл II (Лысый) эксгумировал его — почти два века спустя, — чтобы перевезти в другую церковь, которая с тех пор стала церковью св. Дагоберта, ибо покойного короля канонизировали в том же самом 872 г., 10 сентября, в Дузи, но не папой, которому это исключительное право было дано только в 1159 г., а архиепископским консилиумом.

Причины этой канонизации остаются неясными. В некоторых источниках проскальзывает, что останки бывшего короля предохраняли Стенэ и окрестности во время нашествия викингов. Но почему эти останки обладали такой силой? Церковные власти всегда хранили на этот счет осторожное молчание, просто принимая то, что днем Дагоберта, ставшим предметом

настоящего народного культа, был объявлен день его смерти, 23 декабря. По каким именно причинам? Это они затруднялись сказать.

Быть может, они чувствовали, что у них по отношению к Дагоберту нечиста совесть, и сочли нужным канонизацией искупить свою вину. Но стоило ли заходить так далеко и почему надо было ждать двести лет?

Однако, последующие века не сохранили ни уважения, ни почтения по отношению к Стенэ, к церкви св. Дагоберта и, возможно, к его останкам. Действительно, лишь в 1069 г. герцог Лотарингский, дед Годфруа Бульонского, уделил особое внимание церкви, отдав ее под покровительство близлежащего аббатства в Горзе...

В конце концов, во время Французской Революции церковь была разрушена, а останки святого разбросаны, как и многие другие. Но череп с ритуальным надрезом, как у древних меровингских королей, до сих пор существует и находится в монастыре в Монсе, единственный из останков короля, избежавший уничтожения. Но в середине XIX в. появился очень любопытный документ в форме поэмы-литании, состоящий из двадцати одного стиха, названной «De sancto Dagoberto martyre prose» («Рассказ о святом мученике Дагоберте»). Что же в ней говорилось? То, что Дагоберт был умерщвлен по «совершенно особой» причине... И что еще более странно, этот текст, восходящий к Средним Векам, или даже к более древним временам, был найден в аббатстве Орваль...

Дагоберт, как принято сейчас считать, вовсе не был последним монархом из рода Меровингов. Хотя его ветвь этой семьи угасла, династия все же осталась на троне. Официально, по крайней мере, ибо в течение еще трех четвертей века будут говорить только о «королях-бездельниках»; многие из них были возведены на трон очень юными и были неспособны проявить свою власть, которой они еще не могли обладать.

К тому же, предполагаемая чистая меровингская «раса» исчезла вместе с Дагобертом, а последние короли этого рода происходили не от Хлодвига и Меровея, а от младших ветвей. Убийство Дагоберта явилось концом династии, так как смерть Хильдерика III в 754 г. имела относительное значение, ведь настоящая «раса» с 679 г. более не существовала.

Власть, находившаяся в руках майордомов с давних времен, возвратилась к ним окончательно и официально. После смерти Пепина д'Эристаля, убийцы последнего прямого потомка Меровея, над франками должен был царствовать его сын, знаменитый Карл Мартел.

Карл Мартел справедливо назван блестящей личностью в истории Франции. Это он остановил нашествие сарацин на Пуатье в 732 г. и, следовательно, заслужил имя «защитника Веры и Христианского мира», которое носит до сего дня.

Отметим, что, играя главную роль во дворце, он никогда не завладевал тронном, хотя тот был у него под рукой, и, казалось, что он всегда относился к нему с суеверным страхом, как будто речь шла о специально меровингской прерогативе.

Он умер в 741 г.; его сын, спустя десять лет, отказался от подобного отношения к трону. Под именем Пепина Короткого, майордома короля Хильдерика III, он действительно без колебаний завладел тронном с помощью и поддержкой Церкви. Кто должен быть королем? — предварительно спросили у папы Захарии его послы. Тот, кто по-настоящему правит, или тот, кого поддерживают, но не имеющий королевской власти? Папа, необдуманно предав пакт, заключенный между Хлодвигом и Церковью, высказался в пользу майордома. Так, в силу разрешения верховной власти, Пепин получил титул короля франков. Он низложил Хильдерика III, запер его в монастыре и, либо для того, чтобы унижить его, либо для того, чтобы лишить его «магической власти», наголо остриг его священные волосы. Хильдерик только на четыре года пережил свое несчастье, но Пепин, теперь бесспорный король, мог впредь спокойно править в королевстве.

За год до этого появился важный документ, призывающий изменить ход всей истории Запада. Он назывался «Дарственная Константина», и если сегодня все знают, что это была фальшивка, грубо сфабрикованная папской канцелярией, то тогда он имел значительное влияние.

Этой «дарственной», датированной предполагаемым годом обращения Константина в христианство, то есть 312 г., император передавал в дар епископу Римскому, а следовательно, Церкви всю полноту своих прав и все свое достояние. Новый факт мировой Истории: он

официально признал главу римской Церкви «викарием Христовым» и отдал ему статус императора. Но, уточнял документ, епископ Римский великодушно возвратил Константину его императорские права, и последний пользовался ими в качестве сделанного ему одолжения, со святым позволением и с благословения главы Церкви.

Мы видим, что этот документ имел тяжелые последствия, ибо он доверял епископу Римскому верховную власть, как духовную, так и временную, над всем Христианским миром. Впредь папа и император в одном лице, глава католической Церкви мог на этом основании по своему усмотрению распоряжаться императорской короной и передавать свои полномочия кому заблагорассудится. Иными словами, во имя Христа он обладал неоспоримым правом назначать и низлагать королей. Именно из этой «дарственной Константина» впоследствии вытекали prerogative Ватикана, разрешающие ему вмешиваться в дела века.

Веря в этот акт и не теряя времени. Церковь поспешила укрепить позиции свою и Пепина Короткого, учредив церемонию, предназначенную для посвящения нового «узурпатора». Так рождалось «коронование», и на коронации Пепина присутствовали епископы самого высокого ранга. Эта церемония, в данном случае коронация, надо уточнить, состояла не в том, чтобы признать короля, ни также в том, чтобы подписать с ним соглашение, а просто-напросто в том, чтобы его создать.

Ритуал миропомазания, следовательно, оказался измененным. Если раньше речь шла о простой церемонии признания, о ратификации, то теперь он принимал новое значение. Миропомазание приобретало право превосходства над кровью и, в силу самой своей роли, могло ее сделать священной; это было более, чем символический жест — это был, собственно говоря, акт, который даровал владыке божественную милость. Что касается папы, на которого возлагалась ответственность за совершение его, то он становился верховным посредником между Богом и королями. Короче говоря, ритуалом миропомазания Церковь присваивала право «назначать» королей. Кровь была теперь подчинена елее, а монарх — папе.

Будучи коронованным в Понтионе в 754 г., Пепин Короткий открыл собой династию Каролингов, имя которой пошло от Карла Мартела, а не, как принято думать, от Карла Великого, Carolus Magnus. Этот последний, в свою очередь, был провозглашен великим римским императором в 800 г., но, в силу пакта, подписанного с Хлодвигом три века тому назад, этот титул, в принципе, должен был принадлежать исключительно представителю меровингской династии. Со своей стороны, Рим становится центром империи, охватывающей всю Западную Европу, который разрешает или не разрешает царствовать королям.

Как мы видели, в 496 г. Церковь навсегда связала себя с родом Меровингов. Санкционируя убийство Дагоберта, учреждая церемонию коронации и сажая Пепина на франкский трон, она тайно предавала пакт. Более того, коронацией Карла Великого она публично и окончательно подтверждала свое предательство. По примеру одного современного историка, можно справедливо спросить, каково истинное значение миропомазания. Может быть, оно имело целью компенсировать своими собственными достоинствами магическую власть исчезнувшего рода с длинными волосами? Не должно ли оно было скорее искупить скандальный разрыв клятвы в верности, подписанной ранее Хлодвигом и Церковью?

Если не неизвестна точно природа символа, который в глазах Рима основывался на таинстве миропомазания, то он, во всяком случае, оказался недостаточным для того, чтобы узурпаторы-Каролинги спокойно почтили на лаврах; действительно, все они пытались подтвердить законность своих прав, открыто женись на меровингских принцессах, и Карл Великий тоже не был исключением из этого правила.

Очень хотелось бы, кстати, знать, какие мысли волновали будущего императора во время церемонии коронации. Чувствовал ли он себя узурпатором, то есть виновным, или же победителем? Сознал ли он, несмотря на елей, что Церковь совершила предательство по отношению к роду, на место которого он заступал?

Может быть, он испытывал все эти чувства одновременно, а также чувствовал некоторое удивление от неожиданной инсценировки, заботливо подготовленной папой без его ведома. Ибо — и это известно — Карл Великий был вызван в Рим, и там его уговорили пойти послушать мессу, во время которой глава Церкви возложил ему на голову королевский венец, и публика устроила восторженную овацию Карлу, Августу, божественному венценосцу,

императору римлян, Великому, защитнику мира... Но, скажем еще раз, никто не знает, как новый император истолковал это событие, хотя, если верить высказываниям одного историка того времени, Карл никогда не согласился бы войти в тот день в церковь, несмотря на большой религиозный праздник, если бы знал заранее, что его там ожидало.

Но какова бы в конце концов ни была реальная ответственность, взятая на себя Карлом во время его коронования, пакт, подписанный Хлодвигом и Церковью, был постыдным образом предан, и это предательство продолжает постоянно, вот уже более одиннадцати веков, беспокоить Сионскую Общину. Впрочем, к подобному заключению приходит и Матье Паоли:

"Для них¹ единственной настоящей знатью является знать либо вестготского, либо меровингского происхождения. Каролинги и все остальные лишь узурпаторы. В самом деле, они были только королевскими чиновниками, которым было поручено управлять землями и которые, передав сначала друг другу эти земли в наследство, просто-напросто захватили власть. Короновав в 800 г. Карла Великого, Церковь совершила клятвопреступление, ибо она заключила ранее союз с Меровингами во время крещения Хлодвига, союз, который сделал Францию старшей дочерью Церкви".

Меровингская династия, начавшая угасать в 679 г. после убийства Дагоберта II, окончательно исчезла с мировой исторической сцены со смертью Хильдерика III в 754 г. По крайней мере, это официальная версия, ибо, согласно «документам Общины», меровингский род не угас, а продолжался до наших дней через Сигиберта IV, сына Дагоберта от второй жены, Гизелы де Редэ.

Итак, Сигиберт существовал и был наследником Дагоберта II, в этом нет и тени сомнения. Но ни один источник, кроме «документов Общины», не упоминает о том, что с ним случилось. Был ли он убит одновременно со своим отцом и другими членами королевской семьи? Один из летописцев того времени предполагает такую ситуацию, тогда как в другом рассказе — по нашему мнению, требующем доказательств — он умирает на охоте от несчастного случая за год или два до убийства своего отца. Но эта последняя гипотеза не кажется серьезной, потому что охотнику тогда было едва три года.

Ничего не известно из конкретной действительности, кроме «документов», ни о смерти, ни о возможном выживании Сигиберта. Эта личность исчезла во мраке времени, и никто, кажется, даже не заинтересовался ею. Только Сионская Община, как мы видим, явно имеет какую-то секретную информацию на этот счет, и она либо была очень незначительной, либо была сознательно уничтожена впоследствии.

Стоит ли удивляться тому, что о судьбе Сигиберта в Истории ничего не говорится, если все официальные документы, касающиеся его отца, Дагоберта II, стали доступны лишь в XVII в.? Как будто Средние Века систематически пытались вычеркнуть его из прошлого Франции, вплоть до того, что вообще отрицали его существование... Сегодня Дагоберт фигурирует во всех энциклопедиях, но до 1646 г. нигде не могли отыскать его следов, и королевские генеалогические древа, из которых было стерто его имя, не замечали его между Дагобертом I и Дагобертом III, одним из последних меровингских королей, умершем в 715 г. Более того, надо было дожидаться 1655 г., чтобы вновь увидеть это имя в официальном списке королей Франции. Вот почему окружающее его молчание нас совсем не удивляет, и мы также не будем удивлены, если узнаем, что все имевшиеся об этом сведения были сознательно уничтожены. Тогда встает такой вопрос: почему Дагоберт II был исключен из истории? И что пытаются скрыть, отрицая существование этого человека?

Прежде всего, очень возможно, что отрицается существование его наследников, ибо если Дагоберта никогда не было, то, естественно, не было и Сигиберта. Но — еще раз — почему тогда до XVII в. надо было отрицать присутствие Сигиберта в истории Франции? Не является ли это доказательством того, что, благополучно выжив, он представлял опасность из-за своего потомства?

Здесь имелась какая-то тайна. Чей был интерес и какова причина не сообщать никому о том, что Сигиберт пережил убийство королевской семьи Меровингов в 679 г.? Могут ответить:

¹ членов Сионской Общины

это было выгодно Церкви и новой династии франкских правителей в течение всего IX в. и во время крестовых походов. Но потом? Почему еще при Людовике XIV, когда на французском троне сменилось три династии и протестанты сломали католическое господство? Причина была в другом. Не следовало ли искать ее в функции самой меровингской крови, но не из-за ее «магической силы», а в том, что она оказывала сопротивление всем превратностям времени?

Все те же «документы Общины» сообщают нам, что после смерти своего отца Сигиберт IV был спасен своей сестрой и тайно переправлен на Юг, во владения его матери, вестготской принцессы Гизелы де Редэ. Он прибыл в Лангедок в 681 г., чтобы вскоре наследовать своему дяде и стать герцогом Разеса и графом де Редэ, приняв в качестве уменьшительного имя «Плант-Ар», намек на «пылкий побег» меровингского древа («plant-Ard» и «Plantard» произносится одинаково — «плантар»; plantard — побег, черенок (фр.)). Вот так под этим именем и с этим титулом, унаследованным от своего дяди с материнской стороны, он продолжит род, одна из ветвей которого спустя двести лет породит Бернара Плантавелью, отца будущего герцога Аквитанского.

Ни один историк не подтвердил и не оспорил эти существующие в официальной Истории письменные источники. Но сознательное исключение Дагоберта II из истории Франции, повторяем, может свидетельствовать только в пользу существования его сына, ибо, отрицая отца, сознательно исключают сына и его потомков.

Кроме того, грамота Villas Capitanarias, названная впоследствии «Villas Trapas», от 718 г. намекает на основание монастыря св. Мартина Альбьерского в нескольких километрах от Ренн-ле-Шато «Сигибертом, графом де Редэ, и его женой Магдалой». Но кроме этого текста, ни в одном документе не упоминаются названия Редэ и Разес в течение всего этого века, а когда они были процитированы вновь, то появились они в крайне интересном контексте.

Но вернемся снова в эти места. Итак, в 742 г. на юге Франции существовало независимое государство; одни считали его автономным княжеством, другие — настоящим королевством. О нем известно мало, официально его признали только Карл Великий и его последователи, а также халиф Багдадский и мусульманский мир; Церковь же — скрепя сердце и только после того, как конфисковала часть его. Как бы то ни было, Разес и Ренн-ле-Шато продолжали жить до конца IX в.

Приблизительно между 759 и 768 гг. правитель его был провозглашен королем и, несмотря на намеренное молчание Рима, был признан таковым Каролингами, чьим вассалом он стал. Во многих рассказах на него намекают под именем Теодориха или Тьерри, которого сегодня считают потомком Меровингов. Он был младшим сыном Сигиберта V, брата Беры III. В 790 г. его сын, Гиллем де Желлон, обладал титулом графа Разесского и был крестным отцом Гиллемона (Вильгельма или Гийома), своего кузена.

Впрочем, Гиллем де Желлон был одной из самых видных личностей своей эпохи, и здесь, как и в случае с Карлом Великим или Годфруа Бульонским, легенда, кажется, не отказывает себе в лукавом удовольствии завуалировать историческую действительность. До крестовых походов ему были посвящены шесть длинных эпических поэм, шесть «Песней о действиях», подобных знаменитой «Песне о Роланде»; Данте с восторгом вспоминает о нем в своей «Божественной комедии», а в начале XIII в. он был уже главным героем «Виллехальма» («Willehalm»), незаконченного романа Вольфрама фон Эшенбаха. Самым значительным романом этого немецкого поэта, посвященным тайнам Грааля, является «Парцифаль», и автор, как мы уже видели, поместил замок и род Граалей в Пиренеи, как раз туда, где в начале IX в. находились владения Гиллема де Желлона...

Гиллем был близко связан с Карлом Великим. Его сестра вышла замуж за одного из сыновей императора Священной Римской империи, и он сам был одним из главных его союзников в бесконечных войнах с маврами против государства Каролингов. В 803 г., то есть вскоре после коронации Карла Великого, Гиллем овладел Барселоной и простер свои владения далеко за Пиренеями, и в знак благодарности император поспешил утвердить его особый статус — владельца всех этих территорий, на что указывают многочисленные свидетельства.

Но во многих очень серьезно составленных генеалогиях семьи и потомков Гиллема де Желлона, к несчастью, не уточняется, кто были его предки, за исключением его отца Теодориха, который нам уже известен. Но раз уж его происхождение окутано тайной,

ограничимся тем, что отметим среди его потомков Бернара Плантавелю, будущего основателя герцогства Аквитанского, который, как мы уже видели, фигурирует в «документах Общины» как потомок Сигиберта IV. Другая грамота — *Vicus lectum* — от 813 г., рассказывающая об основании монастыря св. Марии Алетской Берой IV, графом де Редэ, и его женой Ромеллой, а также детьми, Ар-гилой и Ротаудой, подтверждает все, о чем говорится в «документах Общины».

Ужасно соблазнительно было бы использовать генеалогии «документов Общины», чтобы заполнить белые пятна Истории и просто признать предками Гиллема де Желлона Дагоберта II, Сигиберта IV, Сигиберта V и весь древний меровингский род, свергнутый майордомами, а также и названную «документами» ветвь Планта-Аров, или Плантааров.

К сожалению, нам пришлось отказаться от этого легкого пути, ибо, на наш взгляд, сведения являются не слишком точными, чтобы мы позволили себе свести в одну династию Плантааров, потомков Сигиберта IV и Гиллема де Желлона. Может быть, это и была одна ветвь рода, но, может быть также, что две ветви скрестились только на Бернаре Плантавелю, принадлежавшим к обеим династиям.

Не менее верно и то, что, не соответствуя во многих пунктах друг другу очень точно, генеалогии, относящиеся к семье Гиллема де Желлона, в общем, подтверждают генеалогии «документов Общины». Тогда, так как не имелось противоречащих аргументов, мы решили принять последнюю гипотезу: Сигиберт, пережив убийство своего отца, Дагоберта II, обеспечил выживание и продолжение меровингского рода под именем Плантаар и с титулом графов де Редэ.

В 886 г. «пылкий побег меровингской лозы» стал могучим деревом с многочисленными и сложными ответвлениями. Бернар Плантавелю и герцоги Аквитанские представляли одно из них; другое же, по словам «документов Общины», было представлено внуком Сигиберта IV, Сигибертом VI, более известного под именем «принц Урсус». Между 877 и 879 гг., уточняют также «документы», «принц Урсус» официально стал «королем Урсусом», затем, чтобы возратить себе свое законное наследство, организовал восстание против Людовика II Французского с помощью Бернара Овернского и маркиза де Готи, сеньоров своих друзей.

Но если История подтверждает, что восстание действительно имело место в это время, и намекает на двух сеньоров-союзников, то она не называет поджигателем бунта Сигиберта VI, довольствуясь тем, что много раз упоминает некоего «принца Урсуса», участвовавшего в любопытной церемонии, имевшей место в Ниме, в ходе которой пятьсот церковнослужителей пели *Te Deum*. (Вероятно, здесь идет речь о коронации, на которую, может быть, и намекают «документы Общины», когда упоминают официальное провозглашение королем Урсуса между 877 и 879 гг.).

Опять складывается впечатление, что «документы» пользуются секретными сведениями, дополняющими официальную Историю и заполняющими белые пятна. Благодаря им, мы узнаем, что таинственный «принц Урсус» на самом деле — потомок короля Дагоберта II через Сигиберта IV, и тогда восстание обретает совсем другое значение: это попытка меровингской династии, лишенной своих прав, вернуть наследство, пожалованное ей Римом пактом, подписанным ею и Хлодвигом, а затем преданным.

Но, зная из «документов Общины» и различных других источников, что восстание должно было провалиться, ибо принц Урсус и его союзники в 881 г. были разбиты при Пуатье, семья Плантаар, таким образом, теряла все свои владения на юге Франции, но сохраняла почетные титулы графов де Редэ и герцогов Разесских. Что касается принца Урсуса, то он умер в Бретани, с герцогским домом которой через династические браки была связана его семья. Так, в конце IX в. кровь Меровингов потекла в жилах герцогов Бретонских и Аквитанских.

В течение следующих лет часть семьи, членом которой был Алэн, будущий герцог Бретонский, нашла убежище в Англии и основала там ветвь рода, названную «Планта»; согласно некоторым источникам, Алэн и его семья убежали от викингов. «Документы Общины» упоминают одного из членов этой английской ветви. Беру VI, прозванного «зодчим» за то, что он занимался «искусством зодчества» в стране, где он и его потомки нашли убежище у короля Ательстана. Таким образом, этот загадочный намек не лишен интереса, раз мы знаем, что происхождение британского франкмасонства, согласно самим масонским источникам,

действительно восходит к царствованию Ательстана. Если не принимать во внимание права на французский престол, имелась ли у меровингской крови связь также и с франкмасонством?

Средневековые изобилуют мифами, богатству и поэтичности которых может позавидовать греческая или римская мифология. Часть этой мифологии имеет отношение к персонажам вполне реальным, например, к Артуру, Роланду, Карлу Великому или Родриго Диасу де Вивару — знаменитому Сиду; но другая ее часть покоится на явно более хрупкой основе, например, на легендах о Граале.

Среди самых популярных фигур Средневековья надо отметить Лоэнгрин, «Рыцаря с лебедем», и одноименный роман, где сказочные темы Грааля сталкиваются без конца с подлинными историческими персонажами. Не эта ли смесь фантастики и реальности, единственная в своем роде, и сегодня обеспечивает новый успех произведениям Вагнера?

Согласно этим средневековым легендам, Лоэнгрин, потомок таинственной «семьи Грааль» и называемый иногда Гелиосом по причине своих уз с Солнцем, в поэме Вольфрама фон Эшенбаха действительно является сыном Парцифалья, «рыцаря Грааля». Однажды в священном храме или замке Грааля, в Мунсальвеше, Лоэнгрин слышит колокол часовни, который звонит сам, без всякой посторонней помощи: кто-то зовет его, это сигнал. Действительно, к нему взывает о помощи дама, пребывающая в отчаянии — герцогиня Брабантская для одних, герцогиня Бульонская для других, и Лоэнгрин устремляется к ней в лодке, запряженной лебедями. Победив преследователей прекрасной герцогини, он женится на ней, но в день своей свадьбы он требует от нее клятву: не расспрашивать его никогда ни о его происхождении, ни о его прошлом.

В течение семи лет эта женщина будет повиноваться желанию своего господина, но однажды, подстрекаемая любопытством и ревнивыми соперниками, она поддается искушению. После того, как она задает роковой вопрос, Лоэнгрин тотчас покидает ее, садится в свою лодку, запряженную лебедями, и исчезает в лучах заходящего солнца. Однако, он оставляет ей сына, который, согласно рассказам, станет то ли отцом, то ли дедом Годфруа Бульонского.

Сегодня мы плохо представляем себе ту широту популярности, которая окружала ореолом судьбу Годфруа Бульонского в его время и вплоть до XVII в. Действительно, сегодня при словах «крестовые походы» в памяти всплывает скорее Ричард Львиное Сердце, король Джон, Людовик Святой и Фридрих Барбаросса, но никто из них не пользовался в свое время таким необыкновенным почитанием, как Годфруа Бульонский. Организатор Первого крестового похода, Годфруа был для души народа верховным рыцарем, замечательным героем, благодаря которому Иерусалим был вырван из рук неверных, а вместе с ним была отвоевана могила Иисуса Христа. Короче, тот, кто сумел объединить в одном порыве восторга и великодушия самые высшие ценности рыцарства и христианского рвения, состоял из плоти и крови, то есть существовал на самом деле.

Теперь понятно, почему Годфруа Бульонский стал предметом культа, который сохранялся еще долго после его смерти. А от культа до мифа всего один шаг, и в случае с Годфруа этот шаг был легко сделан. Вольфрам фон Эшенбах и многие другие средневековые романисты увидят в нем потомка таинственной семьи Грааль; другие — блестящего представителя легендарного рода, и все эти гипотезы тем более понятны, что они находят свои истоки лишь в таинственной игре света и теней.

«Документы Общины» представляют нам — в который раз! — наиболее правдоподобную из генеалогий Годфруа Бульонского, и, скажем так: быть может, первую такую правдоподобную. В дальнейшем мы будем ее проверять, и она окажется точной; ничто ей не противоречит, все ее подтверждает, и, кроме того, она разрешает множество исторических загадок.

Согласно этой генеалогии, Годфруа происходил из семьи Плантар со стороны своей прабабки, вышедшей в 1009 г. замуж за Гуго де Плантара. Следовательно, в жилах Годфруа текла меровингская кровь, он был прямым потомком Дагоберта II, Сигиберта IV и других «потерянных королей» этого рода. В течение четырех столетий эта королевская кровь питала многочисленные и перемешанные между собой генеалогические деревья, а затем в один прекрасный день метод, аналогичный прививке винограда, позволил появиться на свет исключительному плоду — Годфруа Бульонскому, герцогу Лотарингскому. И именно здесь, в

Лотарингском доме, меровингская кровь нашла себе новое потомство.

Это открытие по-новому освещает крестовые походы, и впредь можно видеть в них совсем другое, нежели череду битв исключительно ради того, чтобы отвоевать у сарацин Гроб Господень.

В этих обстоятельствах Годфруа Бульонский в его собственных глазах и в глазах его сторонников действительно был большим, чем просто герцог Лотарингский; он был законным королем, уполномоченным претендентом из династии, низложение которой произошло с убийством Дагоберта II в 679 г. Но, несмотря ни на что, он оставался королем без королевства, а на троне Франции династия Капетингов устроилась слишком хорошо, чтобы ее оттуда прогнали.

Что же должен был сделать король без владений, если не найти или не создать королевство? А какое королевство выбрать, если не самое драгоценное из всех — Палестину, Святую Землю, по которой ходил сам Иисус? Владыка такого королевства, не будет ли он равен другим владыкам Европы? Царствуя в самых священных местах на земле, не возьмет ли он справедливый реванш над Церковью, той Церковью, которая четыреста лет тому назад предала его предков?

Итак, некоторые кусочки головоломки, наконец, начинали раскладываться по местам, и если Годфруа Бульонский действительно принадлежал к меровингскому роду, то множество элементов, не имеющих видимой связи, занимали теперь логичное место в едином целом. Таким образом, было оправдано значение, придаваемое таким разным деталям нашего исследования, как меровингская династия и крестовые походы, Дагоберт II и Годфруа Бульонский, Ренн-ле-Шато, рыцари Храма, Лотарингский дом и Сионская Община. Таким образом, мы могли проследить меровингский род до настоящего времени и Алэна Поэра, Анри де Монпеза, а также до супруга королевы Дании, не забывая, естественно, Пьера Плantara де Сен-Клера и Отто Габсбурга, герцога Лотарингского и короля Иерусалима.

Да, конечно... Но на главный вопрос по-прежнему ответ не найден. Почему Меровинги? Почему на протяжении веков эта вечная вездесущность, стабильная, действенная, убедительная, несмотря на свой ореол тайны? Каким сказочным знаком, какой невидимой печатью, ускользавшей все время от нашего взора, был отмечен этот род?

10. ИЗГНАННОЕ ПЛЕМЯ

Теперь мы были убеждены, что главное в нашем расследовании заключалось в крови Меровингов, в тайне, неотделимой от этого рода. Эта кровь, чье происхождение не имеет себе равных, была отмечена знаком, который не существовал больше нигде и который нам надо было открыть как можно быстрее. Только тогда, не раньше, наша загадка будет в целом решена.

Мы перечитали самые важные из «документов Общины», а особенно тщательно — «Секретные досье», и это помогло нам прежде всего проверить некоторые детали, затем объяснить другие и сориентироваться в направлении наших дальнейших поисков. Но увы, нигде больше не появлялось ни малейшего указания, способного прояснить таинственную специфичность меровингского рода. Мы подошли к перекрестку, к критической точке нашего расследования; смысл некоторых из этих документов еще полностью от нас ускользал, и нам снова приходилось возвращаться назад, но уже по проложенным тропинкам, чтобы постараться разглядеть то, что мы могли упустить.

Как мы уже видели, Меровинги считали, что происходят из древней Трои; но согласно «документам Общины», их происхождение надо искать еще раньше, а именно: в эпоху Ветхого Завета.

Большое число записей, сопровождающих «Секретные досье», в самом деле, намекали на одно из двенадцати племен Израиля, на племя Вениамина, а в одной из записей прямо цитируются три отрывка из Библии: Второзаконие XXXIII, Книга Иисуса XVIII и Книга Судей XX и XXI.

В первом тексте Моисей, благословив каждого из патриархов двенадцати племен, говорит о Вениамине такими словами: «Возлюбленный Господом обитает у него безопасно, Бог покровительствует ему всякий день, и он покоится между раменами Его» (XXXIII, 12). Что же

означали эти слова? Не хотел ли Моисей сказать, что Вениамин и его потомки были избраны Богом и отмечены особым знаком? И этот знак «между раменами (плечами) его» не вызывает ли в памяти легендарное родимое пятно Меролинггов — красный крест, расположенный на том же самом месте?

Быть может, пристрастие к параллелям толкает нас слишком далеко, но это не единственная связь между патриархами Ветхого Завета и нашими поисками. Как сообщает Роберт Грейвс, действительно, 23 декабря был священным днем для племени Вениамина; а мы помним, что 23 декабря было выбрано для праздника св. Дагоберта. Но продолжим. Среди трех кланов, образующих племя Вениамина, был клан Ахирама — могущего быть отождествленным с Хирамом, строителем Храма Соломонова — и центральной фигуры масонской традиции. Верный ученик Хирама — вспомним это — звался Бенони, а Бенони было именем, которым Вениамина-ребенка назвала его мать Рахиль перед смертью.

Вторая ссылка «Секретных досье» на Библию — это отрывок из Книги Иисуса, и он еще более значителен. Это рассказ о прибытии народа Моисеева в Землю Обетованную и распределение ее по различным племенам. Территория, доставшаяся Вениамину, включала будущий святой город Иерусалим; так, в стихе 28, в конце его, перечислены земли, которые ему были отданы: «... Цела, Елеф и Иевус, иначе Иерусалим, Гивеаф и Кириаф: четырнадцать городов с их селами. Вот удел сынов Вениаминовых, по племенам их». Так, прежде чем стать столицей Давида и Соломона, Иерусалим по полному праву принадлежал Вениамину и его потомкам.

Теперь посмотрим на третий отрывок из Библии, из глав XX и XXI книги Судей Израилевых, которая относится к сложной последовательности событий: на левита, пересекавшего территорию Вениамина, было совершено нападение, а его сожительницу изнасиловали почитатели Велиала, варианта шумерской богини-матери, вавилонской Иштар и финикийской Астарты. Левит тотчас же собирает правителей Израиля и требует мести: злоумышленники из племени Вениамина должны быть преданы суду. Но Вениамин отказывается, предпочитая защитить «сынов Велиала», и затем следует кровавая битва между виновным племенем и одиннадцатью другими коленами Израиля; последние даже клянутся никогда не давать своих дочерей в жены членам враждебного племени; затем бой кончается, большая часть племени Вениамина истреблена, и победоносный Израиль (слишком поздно) раскаивается в своем решении:

«Поклялись Израильтяне в Массифе, говоря: никто из нас не отдаст дочери своей сынам Вениамина в замужество. И пришел народ в дом Божий, и сидели там до вечера пред Богом, и подняли громкий вопль, и сильно плакали, и сказали: Господи, Боже Израилев! для чего случилось это в Израиле, что не стало теперь у Израиля одного колена?» (XXI, 1-3). И снова, чуть дальше:

«И сжалились сыны Израилевы над Вениамином, братом своим, и сказали: ныне отсечено одно колено от Израиля. Как поступить нам с оставшимися из них касательно жен, когда мы поклялись Господом не давать им жен из дочерей наших?» (XXI, 6-7). В стихе 15 еще раз встает та же дилемма:

«Народ же сожалел о Вениамине, что Господь не сохранил целости колен Израилевых. И сказали старейшины общества: что нам делать с оставшимися касательно жен, ибо истреблены женщины у Вениамина? И сказали: наследственная земля пусть останется уцелевшим сынам Вениамина, чтобы не исчезло колено от Израиля; но мы не можем дать им жен из дочерей наших. Ибо сыны Израилевы поклялись, говоря: проклят, кто даст жену Вениамину!» (XXI, 15-18).

Исчезло ли колено Вениамина? Нет, ибо старейшины нашли выход. Уцелевшие идут на праздник Господень в Силоам. Они прячутся в винограднике и, когда девушки Силоама выходят танцевать, нападают на них, похищают их и женятся.

Почему же «Секретные досье» привлекают внимание к этому отрывку? Не потому ли, что колено Вениамина — одно из главных, и что оно быстро оправляется от удара, вновь обретая свой численный состав и свой престиж, и что именно они (первая книга Самуила) дадут Израилю его первого царя, Саула?

Однако битва в защиту верных Велиалу отметила поворот в судьбе сынов Вениамина, и

многие из них, если не все, должны были отправиться в изгнание. Впрочем, по этому поводу в «Секретных досье» имеется заметка, написанная заглавными буквами. Вот она:

«ОДНАЖДЫ ПОТОМКИ ВЕНИАМИНА ПОКИНУЛИ СВОЮ СТРАНУ, НЕКОТОРЫЕ ОСТАЛИСЬ; СПУСТЯ ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ГОДФРУА IV СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ ИЕРУСАЛИМА И ОСНОВЫВАЕТ ОРДЕН СИОНА».

Следовало ли заключить из этого, что между этими рассеянными во времени элементами — Вениамином, Годфруа, Сионом — действительно существовала некая связь?

Да, это так, и мы констатируем это, собрав воедино некоторые разрозненные фрагменты «Секретных досье», призванные стать очень связным целым.

Итак, сыны Вениамина отправились в изгнание, которое, как считается, привело их в Грецию, в центр Пелопоннеса, в Аркадию, где они породнились с королевской семьей. Продолжение известно: в начале христианской эры они эмигрировали на Дунай и Рейн, слились с тевтонскими племенами и породили франков-сикамбров, прямых предков Меровингов.

По «документам Общины» и с учетом аркадийского эпизода, Меровинги, следовательно, были прямыми выходцами из колена Вениаминова. Иными словами, их потомки, Плантары или герцоги Лотарингские, имели семитское происхождение; а так как Иерусалим был отдан Вениамину, то Годфруа Бульонский, отправляясь в Святую Землю, требовал всего-навсего свое законное наследство. Вспомним — что самое главное, и мы это уже отмечали, — что из всех европейских принцев, собравшихся в первый крестовый поход, Годфруа был единственным, кто отказался от всего своего состояния, словно у него было намерение не возвращаться больше во Францию.

Ничто, однако, ясно не подтверждало происхождения меровингского рода «от Вениамина», ведь «документы Общины» ссылались на слишком далекое и слишком темное время, чтобы они служили в этом смысле формальным доказательством. Тем не менее, эта гипотеза не имела ничего нового или оригинального. Не существовала ли она уже в очень многословной форме в творчестве Марселя Пруста и в более недавнем творчестве писателя Жана д'Ормессона, где прослеживалась мысль о том, что некоторые знатные французские семьи имеют еврейское происхождение? Вспомним и позицию Роже Пейрефитта, который в 1965 г. вызвал скандал среди своих современников и заставил много говорить о себе, ибо он поддерживал ту же теорию, но не только по отношению к большей части европейской аристократии, но и применительно ко всем французам вообще.

Несомненно, что гипотеза эта ненадежная, но правдоподобная, как правдоподобна и миграция, приписываемая племени Вениамина в «документах Общины». Они взяли в руки оружие, чтобы защищать верных Велиалу, этому подобию богини-матери, которой часто придавали вид теленка или быка, которую они почитали, и, быть может, культ золотого тельца, упоминаемый в Исходе, и одна из самых знаменитых картин Пуссена отражает смутное воспоминание о специфическом ритуале, присущем только сынам Вениамина.

Продолжая сражаться с одиннадцатью другими коленами Израиля, сыны Вениамина выбрали, путь изгнания на запад и к финикийскому берегу, где у моряков были большие и прочные корабли. Почитавшие тот же культ богини-матери, «Царицы Небес», называемой в их стране Астартой, эти последние не могли отказать в помощи беглецам.

Вот так колено Вениаминово покинуло Палестину и убежало в Грецию, и можно было надеяться отыскать его следы где-нибудь еще. Они действительно имеются в греческой мифологии, если верить легенде о сыне короля Белоса, Данае, привезшему в Элладу пятьдесят своих дочерей, которые ввели в Аркадии культ богини-матери. Как считает Роберт Грейвс, миф о Данае описывает прибытие на Пелопонес «племени из Палестины», и историк ведет к тому, что король Белос был на самом деле Ваалом, или Белом, или, может быть, Велиалом из Ветхого Завета — интересное уточнение, ибо известно, что один из кланов племени Вениамина звался кланом Белы.

Так культ богини-матери распространился по всей Аркадии, а затем и по всей Греции, чтобы позже слиться с культом Деметры, потом — Дианы и Артемиды. Под именем Ардуины Артемида становится богиней Арденн, а ведь именно из Арденн франки-сикамбры войдут в

Галлию. Тотемом Артемиды был медведь — Каллисто, мать Аркаса — медвежонка, покровителя Аркадии; и Каллисто, перенесенная на небеса Артемидой, стала созвездием Большой Медведицы. Именно поэтому слово «Урсус», часто применяемое к Меровингам, не может считаться простым совпадением.

Заметим также, что и в другом месте греческой мифологии имеются намеки на изгнание евреев из Палестины в Аркадию. В античной древности, например, этот район находится под надзором всемогущего государства Спарты, которая попросту аннексировала большую часть местной культуры, и легендарного аркадийца Лицеоса можно отождествить с Ликургом, систематизатором спартанских законов. Достигнув зрелого возраста, спартанцы, как позже и Меровинги, придавали своим длинным волосам магическое значение, указывающее не только на физическую силу, но и принимающее значение священного символа. Наконец, две книги Маккавея устанавливают прямую связь между евреями и спартанцами. Сначала во второй главе говорится о евреях, «отправившихся в Лакедемонию в надежде найти там убежище, учитывая то, что у них с местным населением общее происхождение», затем в предыдущей главе говорится: «Из рассказа о спартанцах и евреях стало ясно, что они братья и происходят из рода Авраамова».

Таким образом, хоть и не имеется действительно бесспорных доказательств, возможность еврейской миграции в Аркадию ни в коем случае не может быть совершенно исключена. Тем более, что есть и другой аргумент в ее пользу: семитское влияние на франкскую культуру, что не нужно доказывать, так как этим уже широко занимается археология.

Семитские и финикийские торговые пути пересекали юг Франции, от Бордо до Марселя и Нарбонна, и поднимались вверх по Роне. Начиная с VII в. до н. э. вдоль французского Средиземноморья имелись финикийские торговые конторы, а в Тулузе и Каркассоне при раскопках обнаружили многочисленные предметы, доказывающие семитское влияние. Не стоит сверх меры удивляться этому, ведь финикийские цари Тира в IX в. до н. э. вступили в союз с царями Израиля и Иудеи, и результатом были тесные и вполне естественные контакты между народами.

Наконец, в 70 г. н. э. разграбление Иерусалима и разрушение Храма повлекло за собой массовый исход евреев из Святой Земли. Не будем забывать, что, например, в Помпеях, погребенных навечно под лавой Везувия в 79 г., имелась весьма значительная еврейская община, и что в то же самое время южные города Галлии, такие, как Арль, Люнель, Нарбонн, служили убежищем детям Израиля, изгнанным с родной земли. Иммиграция еврейского народа в Европу, а особенно в Галлию, конечно, началась задолго до падения Иерусалима. Между 106 и 48 гг. до н. э. Рим действительно имел свою еврейскую колонию, как позже Кельн на берегах Рейна. Некоторые римские легионы имели рабов-евреев, которые вместе со своими хозяевами проходили через всю Европу, и большая их часть наконец обрела свободу и группировалась в общины.

Бесполезно искать иные причины, по которым во Франции часто названия городов и деревень имеют бесспорно еврейское происхождение, и это случается чаще всего в самом центре древнего меровингского королевства. Например, в нескольких километрах от Стенэ на опушке Веврского леса, где был убит Дагоберт II, находится деревня Баалон, а между Стенэ и Орвалем — город Авиот. Что касается горы Сион в Лотарингии — «вдохновенного холма», — то она вначале называлась Семита. Дойдя в нашем расследовании до этого места, мы уже не могли отрицать того, что этот набор маленьких деталей, даже самых минимальных, в конце концов подтверждал правоту «документов Общины» и делал их еще более правдоподобными. Во всяком случае, мы должны были признать, что, по всей вероятности, Меровинги и их знатные потомки имели семитское происхождение.

Но что же дальше?.. Это открытие, не будучи в конечном счете ни для кого секретным, было ли оно главным? Неужели мы прошли столькими путями и столько раз сворачивали на новые дороги, чтобы прийти единственно к подобному выводу? Неужели этой истории об изгнанном племени было достаточно, чтобы оправдать непрерывность меровингской династии, Сионскую Общину, Ньютона и Винчи, деятельность герцогских домов де Гизов и Лотарингских, Общество Святой Евхаристии, тайны, касающиеся «Шотландского ритуала» и все то, что мы так терпеливо открывали и анализировали в первой части настоящей работы?

Одним словом, неужели факт происхождения от колена Вениаминова действительно представляет такой интерес для нашего века?

Кроме того, если наше расследование касалось таким образом еврейской действительности, то почему в ней оказывались вкрапленными столько специфических христианских элементов? С какой стати был подписан пакт между Хлодвигом и римской Церковью, или зачем надо было завоевывать Иерусалим? Какую в точности роль сыграли здесь многочисленные церковники и прелаты, впутанные в эту загадку? Что скрывала двусмысленность катарской религии и рыцарей Храма, Общества Святой Евхаристии или «герметического, аристократического и христианского» франкмасонства?

Наконец, последнее замечание: наше исследование разворачивалось под знаком христианства, а не Ветхого Завета. Еврейское происхождение меровингского рода, таким образом, мало отражалось на нем, и эта история с племенем Вениамина имела на него очень ограниченное воздействие, последствий которого было не более, чем какого-нибудь другого отклонения от темы.

Но, тем не менее, мы были глубоко убеждены, что эта история скрывала в себе нечто гораздо более значительное. Увлекаемые вполне естественным любопытством, мы удалились от правильного пути. Но в какой момент? Где-то какая-то деталь ускользнула от нас, но какая именно?..

11. СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Да, одна деталь от нас ускользнула. Мы выбрали ошибочное направление, мы не уделили достаточного внимания одному факту, быть может, незначительному на первый взгляд, но имеющему серьезные последствия. Однако, мы были убеждены, что не пренебрегли ни одной датой, ни одним историческим событием, прямо или косвенно связанным с нашим расследованием. Мы сознавали, что очень тщательно следовали всем фактам, но, возможно, песчинку, на которую мы не обратили внимания, следовало искать не на этом уровне, а в другом месте, в сферах, лежащих ниже официальной Истории, неизвестных ей и, однако, неотделимых от нее, спрятанных в самом сердце тайной истории мира.

Так, с самого начала наших поисков мы встречались, сталкивались и расходились с темой, которая возвращалась через определенные промежутки времени, но очень ненавязчиво, чтобы не привлекать нашего внимания. Это тема Святого Грааля.

Святой Грааль... Предполагаемое сокровище катаров, сохраненное мужественными рыцарями Храма, воспетое знаменитыми романами, родившимися при дворе графов Шампанских, которые сами были тесно связаны с основанием ордена Храма... Грааль, облеченный той же таинственной властью, как и обладатели головы, которой поклонялись тамплиеры во время церемоний; слывающий источником всякого богатства и плодородия на земле.

Мы снова встретились с ним в более близкое к нам время — в конце XIX в. — в оккультных кружках Жозефена Пеладана и Клода Дебюсси. И снова, углубляясь во Время, мы замечали, что Грааль опять притягивает лишь к себе одному безграничную и фантастическую тень чудесного цикла средневековых романов, носящего его имя; безусловно, это цикл легенд, но он носит отпечаток реальности: Годфруа Бульонский стал сыном Лоэнгринга, рыцаря с лебедем, а отцом Лоэнгринга был Парцифаль, или Персеваль — в разных странах это имя произносили по-разному. Наконец, мы обнаружили Грааль на юге Франции, в землях, принадлежавших средневековому принцу Гиллему де Желлону, другу Карла Великого, а также под пером Вольфрама фон Эшенбаха, который объявляет своего героя потомком одного очень таинственного семейства...

Были ли эти регулярные появления в наших поисках случайными или же, напротив, они являлись выражением одной из их основных составляющих? Каковым бы он ни был, этот Грааль, но был ли он связан с загадкой Ренн-ле-Шато? Но тогда чем же именно он был? Существовал ли он на самом деле или же это была всего лишь химера, мечта, порожденная ненасытным воображением Средних Веков, вскормленных мистикой? Или он был использован как символ какой-то более или менее конкретной истины, которую трудно было определить и

очертить ее границы?

Все это были захватывающие вопросы и радужные перспективы, которые, к несчастью, грозили увлечь нас слишком далеко в сферы обманчивых умозрительных рассуждений. Но, по крайней мере, мы могли, может быть, хоть на несколько мгновений остановиться на романах, посвященных этой легенде, многочисленных романах, сложных по своей сути, поднимающих множество вопросов.

По одним источникам, Грааль был кубком, которым пользовались Иисус и его ученики во время тайной вечери; по другим — он был чашей, в которую Иосиф из Аримафеи собрал кровь Иисуса, пригвожденного к кресту. Третьи считают, что он был и тем, и другим одновременно. Однако, нас насторожил один момент. Если Грааль существовал и был так тесно связан с личностью Иисуса, то почему в течение более чем тысячелетия о нем молчали? Почему ни малейшего следа его нет ни в фольклоре, ни в устных преданиях первых десяти веков нашей эры? Был ли он в течение всего этого времени если не утерян, то, по крайней мере, забыт или сознательно изъят из недр человеческого сознания?

Даже принимая то, что этот священный предмет, трудно-определяемый, но так близко касающийся христианской веры, мог исчезнуть таким образом, то как можно объяснить то, что он внезапно вновь появился на поверхности земли, а именно: в самый разгар эпохи крестовых походов, в тот самый момент, когда франкское королевство в Иерусалиме находилось в своем апогее, когда орден Храма был на гребне своей власти, а ересь катаров была наиболее сильна и грозна, чем когда-либо?

Цикл романов о Граале должен был помочь нам понять, было ли это случайным стечением обстоятельств или же, напротив, повторяющиеся появления этого таинственного мифа на нашем пути имели свой смысл.

Литературное происхождение ее, связанное с основным циклом смен времен года и с их вечным возвращением, является, главным образом, языческим. Несомненно, в начале его лежит некое подобие культа природы, вдохновленного прямо или косвенно тайнами, окружающими на Ближнем Востоке Таммуза, Аттиса, Адониса или Озириса. Со своей стороны, галльская и скандинавская мифологии изобилуют намеками на смерть, возрождение и возобновление, на этот постоянный цикл то бесплодной, то плодородной земли. В XIV в. это центральная тема английской поэмы «Сэр Ивэйн и зеленый рыцарь»; это также тема «Мабиногиона» — одного из самых выдающихся прозаических произведений галльского Средневековья, современного французским «артуровским» рассказам, но дополняющего более древние фольклорные темы. Мы находим там и таинственный «котел воскресения», куда в сумерках бросали мертвых воинов, чтобы утром на заре они вышли оттуда ожившими. Котел принадлежит великому Брану, который обладает также огромным блюдом, на котором без конца появляется пища, какую только пожелаешь — как раз одна из чудесных сил, приписываемых Граалю. Однако, в конце своей жизни Бран был обезглавлен, а его голова почиталась как талисман и была перевезена в Лондон, где за ней признали множество магических способностей, например, удобрять землю или даже отпугивать захватчиков...

Большинство из этих тем, как мы видим, вновь возникает в романах о Граале, и чары, приписываемые голове Брана, позже станут приписываться рыцарям Храма своим таинственным головам-талисманам.

Многие эрудиты прошлых веков и настоящего времени, в частности Джеймс Фрззер в своей «Золотой ветви», постарались определить языческие источники цикла романов о Граале. Но, как кажется, никто особенно не заинтересовался странной манерой, с которой между серединой и концом XII в. языческий миф изменился, чтобы выкристаллизироваться и прочно утвердиться в христианском мире через чашу, собравшую в себя кровь Христа. И поэтому нам кажется, что здесь в действительности идет речь о процессе более тонком, чем прививка христианских преданий на древо языческих легенд.

Во всяком случае, романов, построенных на основе темы Грааля, мистических воспоминаниях об Иисусе очень много, и их чудеса и феерии до сих пор поражают воображение и приводят в восторг. Действительно, начиная с 1188 г., когда произошел разрыв между орденом Храма и Сионской Общиной, фантастический фейерверк продолжается до того времени, которое можно расположить между 1291 г. (датой падения франкского государства в

Иерусалиме) и 1307 — 1314 гг. — период, в течение которого тамплиеры были уничтожены. Затем — полная тишина до 1407 г., когда в Англии за эту тему вновь берется Томас Мэлори в своем знаменитом произведении «Смерть Артура». С тех самых пор и до сегодняшнего дня Грааль не уходит из всех западных литератур и, наверное, из всех культур, ибо под разными обличьями он присутствует и в Англии, и во Франции, и в Италии, и в Испании, и в Германии, и в Норвегии... Дошло даже до того, что во время последней войны немцы, убежденные в его «материальном» существовании, решили приступить к археологическим раскопкам на юге Франции и постараться его найти.

Во времена Мэлори Грааль уже был чашей с тайной вечери, в которую Иосиф из Аримафеи собрал кровь Иисуса. По некоторым рассказам, Иосиф из Аримафеи увез ее в Англию, в Гластонбери; по другим — ее взяла с собой во Францию Магдалина, как свидетельствуют об этом легенды IV в., намекая на ее побег из Святой Земли и высадку на берег недалеко от Марселя, где до сих пор почитаются ее мощи. Позже средневековая литература будет изобиловать этими темами, видя в Магдалине женщину, которая привезла священный предмет. Наконец, в заключение вспомним интерес, проявленный Рене Анжуйским к этой чаше, которой, по его утверждениям, он обладал в XV в. Вернемся к Мэлори и отметим, что он отождествлял Грааль с кубком и на этой основе выстроил чисто рыцарский роман, из которого по большей части были исключены мистические и символические аспекты древних легенд.

Но самый древний роман, посвященный этой теме, датируется эпохой около 1188 г.; он называется «Персеваль или сказка о Граале» и был написан Кретьеном де Труа, трувером и клириком двора графов Шампанских.

О Кретьене известно мало, в основном то, что его поэтическая карьера началась при Марии Шампанской, королеве сверхблестящего двора, богатого молодыми дарованиями; именно ей он посвятил большую часть своих произведений, которые, впрочем, не затрагивали тему Грааля, например, «Ланселот, или Рыцарь Телеги» и «Ивэйн, или рыцарь со Львом».

Только в последнем его романе появляется еще довольно туманная тема поисков Грааля. И посвящен он не Марии Шампанской, а Филиппу Эльзасскому, графу Фландрскому, и в начале романа Кретьен уточняет, что написан он был специально для Филиппа, который первым рассказал ему эту легенду. Его героя зовут Персеваль, «сын Вдовы» — наименование, напомним, принадлежащее дуалистическим и гностическим ересям, обозначавшее кого-либо из пророков, либо самого Иисуса, и которое позже перейдет во франкмасонство.

Итак, покинув свою вдовую мать, Персеваль отправляется ко двору короля Артура. С ним приключается множество историй, и однажды ночью в замке короля-рыбака, который предоставляет ему кров, перед ним появляется Грааль. Однако, Кретьен не дает на этот счет никаких уточнений; мы узнаем только, что его приносит «очень красивая, стройная и нарядная» девушка, и что он «сделан из чистейшего золота» и украшен «разными камнями, самыми богатыми и драгоценными, какие только можно было найти под водой и на земле». А на следующий день Персеваль покинет замок, не задав вопроса о Граале, которого от него ждали, о его происхождении и смысле его существования, о том, «кто им пользуется» — двусмысленная формулировка, которую можно понимать буквально или аллегорически; этот вопрос должен был снять заклятие. Как бы там ни было, Персеваль продолжает свой путь и узнает, что он принадлежит к семейству Грааль, и что дядя его — тот самый король-рыбак, который обладает Святым Граалем.

Кретьен де Труа умер, не закончив своего романа. Таким образом, мы никогда не узнаем конца, если таковой и существовал. Кое-кто, однако, думает, что он сгорел во время пожара Труа в 1188 г., пожара, который совпал с весьма подозрительной смертью поэта.

Весь интерес, который представляет «Персеваль», заключается в том, что это было первое произведение, посвященное Граалю. Действительно, в течение всего следующего пятидесятилетия поэты будут приукрашивать и умножать интерпретации этой темы, родившейся однажды при дворе в Труа, и которая захватит всю Европу также быстро, как огонь сухую солому. Но если некоторые из этих вариантов, бесспорно, ведут свое происхождение от Кретьена, то другие, более поздние романы о Граале, будут черпать свои сюжеты в эпохе, предшествовавшей той, во время которой жил шампанский автор; одни выведут на сцену

короля Артура, другие — Иисуса.

Среди этих многочисленных поздних версий наше внимание привлекли три. Первая — это «Роман об истории о Святом Граале», написанный Робером де Вороном, клириком из Франш-Конте, между 1190 и 1199 гг. Благодаря этому новому рассказу, в котором автор старается выделить символическое значение мифа, этот последний становится специфическим христианским символом; пользуясь источниками, существовавшими до его предшественника, Робер де Борон в самом деле намекает на чисто христианский характер Грааля и на некую «великую книгу», секреты которой были ему открыты.

Произвел ли эту христианизацию Грааля поэт из Франш-Конте или же это сделал его предшественник? Очень многие принимают сейчас вторую гипотезу, и однако, первым точным определением Грааля мы, бесспорно, обязаны Роберу. Это, объясняет он, чаша с тайной вечери, которую затем Иосиф из Аримафеи наполнил кровью распятого Христа и которая тем самым приобрела магическую силу. После распятия члены семьи Иосифа стали ее хранителями, и в романах о Граале рассказывается об их приключениях и превратностях их судеб. Так, Галаад был сыном Иосифа из Аримафеи, а его зять Брон получил Грааль, увез его в Англию и сам стал королем-рыбаком. Как и в поэме Кретьена де Труа, так и в этой версии Персеваль является сыном «вдовы», но он также был внуком короля-рыбака, а не племянником.

Во всяком случае, в обоих романах Персеваль — член семьи Грааль, только по более прямой линии в повествовании Робера де Борона, который более точен в хронологии, чем Кретьен де Труа, ибо он помещает действие в Англию во времена Иосифа из Аримафеи, а не в неопределенное место «артуровского» времени, как шампанский автор.

В одно время с «Романом об истории о Святом Граале» появился — возможно, в Англии — другой роман, в прозе, — «Перлесваус», — посвященный именно поискам Персеваля. Но, в противовес убеждениям своей эпохи, его автор предпочел остаться неизвестным, и из этого можно заключить, что он принадлежал к монашескому или военному ордену, где этот род занятий считался непристойным. Впрочем, как считают некоторые специалисты по средневековой литературе, «Перлесваус» вполне мог быть произведением пера тамплиера. Действительно, рыцари Тевтонского ордена поддерживали и поощряли многих анонимных поэтов, и, несомненно, так же поступали тамплиеры, ведь некоторые фрагменты в романах обращают на себя внимание тем, с каким исключительным знанием дела описаны военная действительность, оружие, экипировка, маневры, стратегия и получаемые раны. Сомневаться не приходится: автор хорошо был знаком с полем битвы и сам имел военный опыт.

Как бы то ни было, но даже если роман и не был написан тамплиером, повсюду чувствуется тень рыцарей: замок, где находится не Грааль, а конклав «посвященных», церемония, на которой Персеваля приняли двое «мастеров», хлопающие в ладоши и окруженные тридцатью тремя другими мужчинами, «одетыми в белое и носящими на груди красный крест и кажущимися одного возраста»; наконец, утверждение одного из этих таинственных «мастеров» о том, что ему хорошо известен род Персеваля и что он лично видел Грааль — привилегия, коей удостоены были лишь немногие.

Как и предыдущие романы Кретьена де Труа и Робера де Борона, «Перлесваус» также настойчиво проводит линию рода, потомства: Персеваль много раз назван там «самым святым»; в другом месте он принадлежит «к роду Иосифа из Аримафеи», а дальше — «этот Иосиф был дядей его матери, бывшим воином Пилата в течение семи лет».

Однако, действие «Перлесвауса» происходит не в эпоху Иосифа из Аримафеи, а, как и у Кретьена, во времена короля Артура. Впрочем, хронология не всегда соблюдается точно, раз упоминаемая там Святая Земля вернулась вновь в руки неверных, тогда как в действительности это событие произошло лишь два века спустя после царствования короля Артура.

Кроме поля битвы анонимный автор «Перлесвауса», кажется, хорошо знает и магический мир заклинаний и обращений. Например, можно прочесть там — и это удивительно — многочисленные намеки на алхимическую работу, а именно: на двух мужей, «сделанных из меди, благодаря искусству нигромансии»; здесь явно присутствует отголосок некоторых тайн, окружавших тамплиеров; затем слова, обращенные к Персевалю, одного из «мастеров», одетых в белое, напоминающие о загадочной голове из ритуалов ордена: «Есть головы, сделанные из серебра, и головы, сделанные из свинца, и тела, которым эти головы принадлежали; я говорю

тебе, что ты должен вызвать сюда головы Короля и Королевы».

Безусловно, это намеки на магию, а также на ереси и язычество. И не только Персеваль обозначен таковым, как «сын вдовы», но все действие романа целиком разворачивается в атмосфере странных церемоний, неожиданных для христианского контекста: король принесен в жертву, его дети зажарены и съедены — преступление, в котором часто обвиняли тамплиеров, — над лесом поднят красный крест, чудесное белое животное на глазах у Персеваля раздирают в клочья собаки; затем на сцену выходят рыцарь и девушка, они несут золотую посуду и принимаются собирать в нее изуродованные куски мяса, прежде чем поцеловать крест и исчезнуть. Что касается Персеваля, то он преклоняет колена перед крестом, а затем, как и все остальные, в свою очередь целует его.

Это отношение к кресту сильно напоминает обвинения, выдвинутые против тамплиеров, записанные в различных протоколах процессов Инквизиции; но оно напоминает также дуализм катарской мысли, отрицающей крест, и еще гностическую философию; и та, и другая распространяются здесь и на сам Грааль. Ведь если для Кретьена де Труа Грааль лишь неопределенный предмет из золота и драгоценных камней, а для Робера де Борона — это чаша, в которую собрали кровь Христа, то в «Перлесваусе» он принимает совсем другие и очень любопытные размеры, заключая в себе идею тайны, относящуюся к Иисусу и приоткрытую лишь для небольшого числа людей. «Ты не должен раскрывать тайн Спасителя, — говорит священник Ивэйну, — и тех, кому они были доверены, и ты тоже должен скрывать их».

Так, когда Ивэйн, наконец, находит Грааль, то сначала «ему кажется, что в центре него он видит лик ребенка», потом «Грааль во плоти», а затем, как он думает, «коронованного Царя, пригвожденного к кресту». Далее, в ходе мессы, Грааль, наконец, появляется «в пяти разных образах, о которых никто не имеет права говорить, ибо секреты этого таинства не должны быть раскрыты, и говорить о них имеет право только тот, кому Бог доверит их. Король Артур видит пять различных превращений, и последнее из них — Потир (чаша)».

Итак, согласно анонимному автору «Перлесвауса», Грааль принимает различные формы, и эти превращения могут быть истолкованы по-разному. Их эзотерическое значение очевидно: Грааль — это чаша, кубок или потир; но если принять это как аллегория, то он символизирует потомство, или, быть может, тех, кто его составляет, или же еще представляет собой в некотором роде мистический опыт, одно из духовных открытий, каковые были известны катарам и разным дуалистическим сектам.

Из всех романов, посвященных Граалю, самым известным и наиболее типичным по жанру, бесспорно, остается «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, написанный между 1195 и 1216 гг. И тем не менее, Вольфрам, будучи по происхождению баварским рыцарем, родился, как нам казалось сначала, слишком далеко от мифа, чтобы смочь приняться за роман со знанием дела. Но вскоре мы изменили свое мнение.

Действительно, сразу же после прочтения первых страниц отдаешь себе отчет в том, что это единственная достоверная версия истории о Граале. В противовес другим, эта основана на информации из «первых рук» — от некоего Киота Провансальского, который, в свою очередь, получил ее от некоего Флегетаниса.

Вот цитата из текста Эшенбаха по этому поводу:

"Если бы кто-нибудь из вас еще недавно спросил меня об этом и рассердился по причине моего отказа ответить ему, открыть эти тайны, он заслужил бы серьезное порицание. По примеру Киота, мне надо было их еще скрывать... Но теперь о них нужно рассказать.

Киот, известный мастер, нашел в Толедо среди брошенных рукописей основу этой истории, написанную по-арабски. Ему сначала надо было научиться различать буквы: а, б, в (но он совсем не собирался посвящать себя черной магии)...

Один язычник по имени Флегетанис был очень уважаем за его ученость. Этот большой знаток природы происходил от Соломона; его родители принадлежали к одной израильской семье в очень давние времена, когда святое крещение еще не оберегало людей от адского огня. Это он написал историю Грааля. Флегетанис родился от отца-араба; он поклонялся тельцу...

Язычник Флегетанис умел предсказывать исчезновение каждой звезды и момент ее возвращения... Все земные события определяются движениями светил. Изучая созвездия, язычник Флегетанис открыл глубокие тайны, о которых он говорил с трепетом.

Он говорил, что существовал предмет, именуемый Граалем. Это имя он ясно прочитал по звездам. Войско ангелов положило его на землю. С тех пор о нем должны были заботиться люди, ставшие христианами, и такие же чистые, как ангелы. И охранять Грааль призывались только люди, имеющие высокие заслуги.

Киот, мудрый учитель, искал тогда в латинских книгах, где мог жить народ достаточно чистый и в достаточной мере склонный к жизни отрешенной, чтобы стать хранителем Грааля. Он читал хроники королевства Бретань, Франции, Ирландии и многих других стран, пока в Анжу он не нашел то, что искал. В очень правдивых книгах он прочел историю Мазадана. И он нашел продолжение его рода".

Четыре пункта из этого текста достойны того, чтобы их отметили: первый — это то, что история Грааля ассоциируется с семьей некоего Мазадана. Второй — важную роль играет здесь дом герцогов Анжуйских. Третий — то, что оригинальная версия, кажется, пришла через Пиренеи из мусульманской Испании, а точнее, из Толедо — важного центра иудейских и мусульманских эзотерических учений; наконец, последний пункт, но не последний по значимости, состоит в том, что приключения Грааля имеют еврейское происхождение. Это неожиданно, ведь если Грааль, как мы видели, это христианская тайна, то почему она была передана посвященными-евреями и почему еврейские писатели имели доступ к христианским текстам, неизвестным самим христианам?

Очевидно, что этот текст поднимает первый и серьезный вопрос: кто такие Киот и Флегетанис? По этому поводу велись многочисленные споры; одни считали, что это вымышленные персонажи, другие — что они действительно существовали. Что касается нас, то в пользу наших исследований о тамплиерах мы выбираем вторую гипотезу, по крайней мере, насчет Киота Провансальского. В самом деле, по нашему мнению, речь почти наверняка идет о Гиоте де Провэне, монахе и трубадуре, жившем в Провансе, который писал любовные песни, сатирические стихи, направленные против Церкви, и произведения во славу ордена Храма, одним из глашатаев которого он являлся. К тому же известно, что в 1184 г. по случаю праздника Троицы он отправляется в Майнц, где в этот день император Священной Римской Империи Фридрих Барбаросса посвящал своих сыновей в рыцари. На церемонии, конечно же, присутствовали поэты и трубадуры со всего Христианского мира, и среди них не мог не быть Вольфрам фон Эшенбах, рыцарь Священной Римской Империи. Человек большой культуры, он, по всей вероятности, встречался с поэтом Гиотом де Провэном, который был счастлив побеседовать с таким достойным собеседником и, несомненно, доверил ему в символической форме кое-какие секретные сведения о Граале...

Что касается Флегетаниса, то все заставляет нас верить, что если Киот Провансальский существовал в действительности, то и он тоже должен был существовать. В крайнем случае, всегда можно думать, что либо Эшенбах, либо Гиот, либо оба вместе придумали его со всеми его характерными чертами с вполне определенной целью.

В своей истории о Граале Вольфрам фон Эшенбах важное место отводит тамплиерам, ибо они являются хранителями Грааля и его семейства. Конечно, здесь вполне может идти речь о той свободе, которой в ту эпоху пользовались поэты, не слишком требовательные к хронологии, но не следует забывать о том, что и «Перлесваус» содержал много намеков на тамплиеров. Было бы очень удивительно, если бы автор «Перлесвауса» и автор «Парцифалья» были бы оба виноваты в одном и том же несоблюдении хронологии; зато более вероятно то, что, приобщая так явно орден Храма к тайнам Грааля, они оба пытались заставить нас что-то понять. Ведь если тамплиеры были представлены как хранители Грааля, то это значит, что он существовал не только во время короля Артура, но и в эпоху крестовых походов, когда были написаны романы. Следовательно, Грааль не принадлежал только прошлому. Он был также частью современной действительности, и именно это сообщение было общим для обоих романов.

Как мы видим, фон в поэме Эшенбаха имеет очень большое значение, и роль тамплиеров, так же как и личности Киота и Флегетаниса могли бы — по крайней мере, мы на это надеялись — прояснить тайну Грааля. Но, к сожалению, ничего полезного в тексте «Парцифалья» на этот счет мы не нашли: автор утверждает, описывает, но в конечном счете никогда ничего не объясняет, довольствуясь только тем, что настаивает на серьезности своего произведения,

являющегося неким подобием «посвященного документа» в сравнении с фантастической сказкой, придуманной Кретьеном де Труа. Тайны Грааля, напоминая он без экивоков, скрывают различные явления действительности, спрятанные за внешними проявлениями; нужно уметь читать между строк, ибо то, что там скрывается, может иметь серьезные последствия; но нужно также быть достойным этого, ибо Грааль открывается не всем. Это — тайна, и он должен оставаться тайной:

«... Ибо никто не может найти Грааль, не будучи так любим Небесами, что они сверху указывают на него, чтобы принять в свое окружение...». Его охраняют те, «на кого указал сам Бог»... Что же такое Грааль для Вольфрама фон Эшенбаха? Во-первых, и в особенности, это таинственный предмет, едва замеченный Кретьеном де Труа:

«... Она была одета в аравийские шелка. На зеленом бархате она несла такой величественный предмет, равного которому не нашлось бы даже в Раю, совершенную вещь, к которой нечего было прибавить и которая одновременно являлась корнем и цветком. Этот предмет называли Граалем. Не было на земле такой вещи, которую бы он не превосходил. Дама, которой сам Грааль поручил нести себя, звалась Репанс де Шой (Repance de Schoye — „Не знающая гнева“). Природа Грааля была такова, что тот, кто о нем заботился, должен был быть человеком совершенной чистоты и воздерживался от всякой вероломной мысли».

Затем он становится неким подобием рога изобилия, заключающем в себе все счастье и все радости мира:

"Сто пажей получили приказ явиться с почтением к Граалю и собирать хлеб, который они затем уносили, завернув в белые салфетки... Мне рассказали и я повторяю вам... что у Грааля сотрапезники находили все кушанья, какие они могли только пожелать, готовые совершенно к употреблению...

Но, скажут мне те, кто меня слушает, никогда на земле не было видано ничего подобного. Не нужно ни в чем сомневаться. Ибо Грааль — это цветок всякого счастья; он приносит на землю такую полноту благодетельных дел, что его заслуги были почти равны тем, каковые можно увидеть лишь в Царствии Небесном".

И здесь все еще речь идет о земном, материальном и без специфической власти предмете. Но позже Парцифаль услышит из уст своего дяди-отшельника совершенно иное определение Грааля, несущее в себе отзвук гностической мысли:

«Доблестные рыцари живут в замке Монсальваж, где охраняют Грааль. Это тамплиеры, которые часто уезжают в далекие края на поиски приключений. Каков бы ни был исход их битв, слава или унижение, они принимают его с открытым сердцем, как искупление их грехов... Все, чем они кормятся, приходит к ним от драгоценного камня, сущность которого — чистота... Его называют „lapis exillis“. Это благодаря камню Феникс сжигает себя и становится пеплом; это благодаря камню Феникс линяет, чтобы затем вновь появиться во всем своем блеске, прекрасным, как никогда. Нет такого больного, который перед этим камнем не получил бы гарантию избежать смерти в течение всей недели после того дня, когда он его увидел. Кто видит его, тот перестает стареть. Начиная с дня, когда камень появился перед ними, все мужчины и женщины принимают тот вид, какой они имели в расцвете своих сил... Этот камень дает человеку такую мощь, что его кости и плоть тут же находят вновь свою молодость. Он тоже называется Граалем». Итак Грааль стал камнем, и его интерпретации имели очень много более или менее достоверных толкований слов «lapsit exillis». Действительно, в нем можно увидеть «lapis ex caelis» («камень, пришедший с небес»), «lapsit ex cadis» («упавший с небес»), «lapis lapis ex caelus» («камень, упавший с небес»), и, наконец, «lapis elixir», знаменитый и сказочный философский камень алхимиков. В самом деле, весь этот отрывок, как и весь роман Эшенбаха в целом, кишит алхимическими символами, например, Феникс, хорошо известный как знак возрождения, и в средневековой иконографии — эмблема умершего и воскресшего Иисуса.

Камень... Иисус... Не в первый раз мы встречаем эту двойную аллегорическую фигуру. Петр — ученик, Петр — скала, на которой Иисус воздвиг свою Церковь. Наконец, камень — это сам Иисус, «камень, коим пренебрегли строители», отброшенный камень, основа Храма, скала Сион... И так как она была «основана на скале», королевская традиция, равная царствующим династиям Европы, появилась на свет с Годфруа Бульонским.

Однако, в дальнейшем камень заменяется распятием, затем появляется Магдалина за символом голубки:

«Сегодня страстная пятница; это день, когда можно увидеть голубку, плавно спускающуюся с неба; она несет маленькую белую просфору и кладет ее на камень... Каждую страстную пятницу приносит она священный предмет, который дает камню силу доставлять самые лучшие напитки и яства, аромат которых когда-либо распространялся в этом мире... Кроме того, камень достает для его хранителей различную дичь... это доход, который, благодаря своим тайным силам, Грааль доставляет рыцарственному братству».

Наконец, за этой таинственной и необыкновенной когортой следуют те, кого Грааль призывает к себе на службу:

«Что касается тех, кто призван предстать перед Граалем, я хочу сказать вам, как их узнать. На краю камня появляется таинственная надпись, которая называет имя и род тех, кто, будь то юноша или девушка, предназначены свершить это блаженное путешествие... Счастлива та мать, которая произвела на свет ребенка, коему судьбой назначено однажды послужить Граалю! Бедные и богатые радуются одинаково, когда им сообщают, что им надлежит послать детей своих в ряды святого воинства; с тех пор и навсегда они защищены от греховных мыслей, которые рождают стыд, и они получают на небесах чудесное вознаграждение...». Так как хранителями Грааля являются тамплиеры, соответственно, его владельцы являются членами особенного семейства с многочисленными ветвями, рассеянными по всему миру; некоторые из них даже не знают, кто они такие на самом деле. Одна из этих ветвей живет в замке Грааля, Мунсальвеше, в будущем — легендарной крепости катаров Монсальва, у которой была та же роковая судьба, что и у замка Монсегюр. Этот замок был населен загадочными личностями: хранительница и носительница Грааля Репанс де Шой и Анфортас, король-рыбак, как и у Кретьена де Труа — дядя Парцифалья, владетель этих мест, имеющий такую рану, что не может ни родить, ни умереть. И когда в конце поэмы проклятие будет снято, наследником замка Грааля станет Парцифаль.

Служители Грааля также должны быть посвящены в некую тайну; иногда их посылают в мир, чтобы действовать во имя его, а в будущем занять трон, ибо Грааль обладает властью создавать королей:

«Счастливую долю часто дарует рыцарям Грааль: они помогают другим, и им самим помогает судьба. Они принимают в свой замок молодых людей, красивых лицом и происходящих из знатного рода. Иногда какое-нибудь королевство оказывается без хозяина; если народ этого королевства подчиняется Богу и если он желает иметь короля, выбранного из войска Грааля, его желание выполняется. Нужно, чтобы народ почитал таким образом выбранного короля; ибо его защищает благословение Божье...». В другом месте, мы, кажется, понимаем, что в прошлом семейство Грааль навлекло на себя божественный гнев, и намек на «гнев Божий по отношению к ним» вызывает в памяти множество текстов, написанных в Средние Века о евреях. Он также вызывает в памяти таинственную работу, неотделимую от имени Никола Фламелья: «Священная Книга Авраама, Иудея, Принца, Священника, Левита, Астролога и Философа Еврейского племени, которое вследствие гнева Божьего было рассеяно среди галлов». Флегетанис, предполагаемый автор оригинального рассказа о Граале, был, если верить Эшенбаху, потомком Соломона. В таком случае, вполне может быть, что семейство Грааль имело еврейское происхождение.

Было ли оно проклято в прошлом или нет, во времена Парцифалья оно открыто наслаждается божественной милостью и очень большой властью. Однако, оно не должно приоткрывать свою личность: «Бог отправляет своих избранных тайно...».

Как правило, женщины могут раскрывать свое происхождение, но мужчинам это абсолютно запрещено, и они даже не должны разрешать ни одного вопроса на этот счет. Это важная деталь, так как Вольфрам фон Эшенбах возвращается к ней в конце своей поэмы:

«На Граале появилась надпись. Она гласила: если когда-либо Бог укажет на одного из тамплиеров, чтобы он стал царем другого народа, то этот рыцарь должен будет потребовать, чтобы никто не пытался узнать ни его имени, ни из какой семьи он происходит. Как только ему зададут подобный вопрос, он уйдет и не вернется».

Все это, естественно, приводит нас к Лоэнгрину, сыну Парцифалья, уехавшему от своих на

колеснице, запряженной лебедями, когда его жена спросила о его происхождении. Снова вопрос: какова же все-таки причина подобной секретности? Почему такая тайна вокруг семьи Грааль? Потому что она еврейского происхождения? Но разве это объяснение? Действительно, история Лознгринна может заставить думать так, ведь звали же иногда Лознгринна Гелиосом, но также Илией или Эли...

В романе Робера де Борона, так же как и в «Перлесваусе», Персеваль принадлежит к святому еврейскому роду Иосифа из Аримафеи; но, кажется, что для Вольфрама фон Эшенбаха эти детали второстепенны и гораздо менее важны, чем средства, использованные для того, чтобы показать себя достойным называться его потомком. Прежде всего, Персеваль должен подчиниться требованиям своего рода — требование, позволяющее оценить крайнюю значительность, придаваемую поэтом этой крови.

Ибо все внимание Вольфрама фон Эшенбаха уделяется этой семье, роду Грааль. Он придает ему особое значение. Он становится центральной темой «Парцифалья» и других его произведений, захватывая весь его интерес, все его заботы, и его хранители и их генеалогия в конце концов в его глазах имеют большее значение, чем доверенный им таинственный предмет.

Сначала не так уж и трудно набросать генеалогическое древо... Герой — племянник короля-рыбака Анфортаса, владельца замка Грааль, сам он является сыном Фримутеля и внуком Титуреля. Затем род запутывается. Он, возможно, восходит к некоему Лазильезу, быть может, Лазарю из Нового Завета, Брату Марты и Марии. Что касается родителей Лазильеза, предков семьи Грааль, то их зовут Мазадан и Терделашой — немецкий эквивалент французского выражения «*terre choisie*» (избранная земля). Зато происхождение Мазадана более неясно. Быть может, его имя происходит от «*Ahura Mazda*» Зороастры — дуалистического начала света, но его фонетика может также — и скорее всего — вызвать в памяти Мазаду — бастион еврейского сопротивления римскому завоеванию в 68 г. н.э.

К сожалению, имена членов семьи Грааль не могут сообщить нам ничего в плане историческом. Нам уже давно известен главный «ориентир» этого рода в лице Годфруа Бульонского, но о его предках, реальных или вымышленных, которые хранили свое происхождение в глубоком секрете, мы не знаем ничего. Как мы уже сказали, по Вольфраму фон Эшенбаху, Киот Провансальский нашел рассказ о Граале в архивах дома герцогов Анжуйских, и в жилах самого Парцифалья текла Анжуйская кровь. А Анжуйский дом, как мы помним, был тесно связан с тамплиерами и Святой Землей. Фульк Анжуйский станет тамплиером (частично, по крайней мере), затем, в 1131 г., женившись на легендарной Мелузине, племяннице Годфруа Бульонского, он станет королем Иерусалима. Наконец, согласно «документам Общины», владельцы Анжу — Плантагенеты — были связаны с меровингским родом, и их имя, возможно, было отзвуком имени «Плант-Ар» или Плантар.

Конечно, эти связи очень непрочны... но ими, тем не менее, нельзя пренебрегать, ведь Вольфрам фон Эшенбах помещает действие своей поэмы во Франции, а двор Артура, Камелот, в противовес некоторым будущим летописцам, в Нанте, на западной границе старого меровингского королевства в самом цвете его славы.

В одной из рукописей Кретьена де Труа Персеваль, напротив, заявляет, что родился в «Скаудоне» или «Синадоне», в горах; согласно Вольфраму фон Эшенбаху, герой явился из «Валейса». Очень соблазнительно было бы отождествить — и вскоре это было сделано — «Валейс» (Waleis) и Уэльс (Wales), страну гэльцев, а «Синадон» со Сноудоном. Но как объяснить тогда, что в различных романах о Граале персонажи курсируют между Валейсом и двором Артура в Нанте и другими областями Франции, не пересекая нигде никакого водного пространства и слыша повсюду один и тот же язык? Это пренебрежение со стороны многих авторов или просто ложный путь, ибо «Валейс» не соотносится с Уэльсом?

Не имеем ли мы дело с названием «Валуа» (Valois), регионом старой Франции на левом берегу Уазы? Но, в свою очередь, Валуа имеет, в основном, плоскую поверхность, несравнимую с описаниями Вольфрама, и поэтому на нем не следует серьезно настаивать. Тогда, после многочисленных поисков на ощупь, Валейс был помещен в горном районе, подходящем под все описания. Это Вале (Valais) в Швейцарии, на берегу озера Леман, к востоку от Женевы. Что касается Синадона, то это был Сидоненсис, древняя столица Вале, современное название которой звучит не иначе, как... Сьон.

Таким образом, следуя Вольфраму, можно установить, что двор Артура находился в Бретани, в районе Нанта, и что Парцифаль мог родиться в Швейцарии. Ну а семья Грааль? А замок?

Вольфрам фон Эшенбах ответил на оба вопроса в очень важном своем произведении, не законченном при жизни — «Младший Титурель», в которое он вносит множество уточнений по поводу генеалогии Грааля и размеров, материалов, конфигурации его замка, например, часовни, круглой, как часовня тамплиеров. А замок расположен в Пиренеях.

Наконец, одна из последних поэм Вольфрама, также незаконченная, «Виллехальм» («Willehalm»), посвящена Гиллему де Желлону, меровингскому главе маленького княжества близ Пиренеев. В ней он приобщен к семейству Грааль и, единственный из всех персонажей поэмы, может быть идентифицирован в историческом плане. И однако, Вольфрам фон Эшенбах в своих произведениях показывает себя удивительно точным. В данном случае, кажется, он ссылается на нескольких реальных индивидуумов, а не мифических или вымышленных, на семью, существовавшую в действительности и, что вполне естественно, собравшуюся вокруг Гиллема де Желлона. «Парцифаль» был признанием того, что автор кое-что скрывает, не будем это забывать. По нашему мнению, мы имеем дело не с простым романом, а с произведением «посвященческим», располагающим некоторыми тайнами, раскрыть которые должен суметь читатель.

Итак, для Вольфрама фон Эшенбаха, еще более, чем для анонимного автора «Перлесвауса», Грааль определяется как символ внутреннего опыта, состояния бытия и сознания, включая в себя поиск и превращение, озарение, мистическую связь. Здесь можно говорить о посвященческом действии и, перенеся его в гностический контекст, который ему, естественно, присущ, увидеть в нем специфическое выражение кабалистической мысли. Она же в ту эпоху, когда появились на свет романы о Граале, уже была широко распространена; в Толедо, где Киот Провансальский услышал историю о Граале, имелся знаменитый центр по ее изучению; имелись и другие центры в Жероне, Монпелье и в различных других городах юга Франции. Но еще один — и это крайне важная деталь — имелся в Труа, в 1070 г., во времена Годфруа Бульонского, и управлял им Раши, самый знаменитый средневековый кабалист.

Так как в пределах этой главы невозможно подробно рассказать содержание Кабалы, удовольствуемся тем, что определим ее связи с романами, посвященными Граалю.

Скажем лишь несколько слов, чтобы коротко напомнить, что Кабала — это специфическое еврейское эзотерическое и символическое толкование библейских текстов. Но на языке оккультизма этот термин стал синонимом метафизического действия, мистического опыта, в ходе которого сознание подвергается циклу испытаний и превращений, действия, которое можно найти также, например, в индийских религиях, буддизме и даосизме, и в некоторых формах йоги и дзена.

Кабалистический опыт включает серию ритуалов, которые поэтапно ведут посвященного к более высокому уровню сознания и знания. Эти этапы могут быть по-разному воспроизведены, но они скрывают одну и ту же единственную реальность. Так, «Тиферет» — степень этого посвященческого действия, когда индивидуум, покидая мир форм, проникает в мир абстракций, "возвышается над своим "я", выражаясь современным языком. Убивая свое "я", жертвуя им в какой-то степени, он превосходит свою собственную личность, чтобы возродиться в другом мире, в мире совершенных гармонии и единения; христианская адаптация кабалистической науки ассоциирует этот «Тиферет» с личностью Иисуса.

Во времена Средневековья многие специфические символы были связаны со степенью «Тиферет» кабалистического посвящения. Среди них фигурируют отшельник, проводник или старый мудрец, король, ребенок, принесенный в жертву бог, к которым позже добавятся усеченная пирамида, куб, красный крест. Бесплезно уточнять явные связи, существующие между этими аллегорическими знаками и романами о Граале; например, старый и мудрый отшельник, дядя Парцифалья, или Персеваля, и его духовный проводник; куб — возможный «камень» фон Эшенбаха; и особенно, как бы за различными проявлениями Грааля в «Перлесваусе» — последовательные этапы посвящения в степень «Тиферет».

Таким образом, можно видеть, что Грааль и Кабала сближаются в одном и том же индивидуальном действии, стремящемся к совершенству. Грааль, вначале являющийся

христианским символом, мало-помалу превратился в символ еврейский.

Итак, юный рыцарь в течение серии «испытаний на прочность» посвящается в тайну исключительной важности. Эта тайна находится под охраной ордена — рыцарского на первый взгляд, но также связанного с этой особенной семьей. То ли в результате брачного союза, то ли по праву наследования, то ли по обоим причинам одновременно, герой становится сеньором Грааля и его мира ...

Вот вкратце основная сюжетная линия романов о Граале, и снова мы должны констатировать значение, которое придается понятиям рода и наследства, потомства и генеалогии. Также удивительно видеть, что эти скорее абстрактные понятия сталкиваются и пересекаются с некоторыми историческими реалиями нашего расследования, например, с домом герцогов Анжуйских, с Гиллемом де Желлоном или, опять же, с Годфруа Бульонским. В этих условиях можем ли мы предположить, что Сионская Община или Ренн-ле-Шато тоже связаны с Граалем? Неужели мы, не подозревая об этом, идя по следам Персеваля, вели наши собственные поиски современного Грааля? К какому удивительному открытию мы приближались? Куда же, наконец, увлекал нас «Святой Грааль»?

Saint Graal... San Graal... разные названия одного и того же и единственного символа; выражение «Sangraal» или, как у Мэлори, «Sangreal» одинаково часто употреблялось в первых версиях романов, ему посвященных. Но, если правильно расчленил это слово, как оно не было расчленено в последующих версиях, мы получим уже не «San Graal», а «Sang Raal» или «Sang Real», что на современном языке означает ни что иное, как «Sang Royal» — «королевская кровь»...

Итак, мы снова вернулись к понятию потомства, королевского потомства, и Грааль, являясь кроме всего прочего, чашей, мог содержать в себе кровь, кровь какого-то рода. Но о чьей крови шла речь и о каком роде?..

В одно время с романами о Граале во Франции и в Германии конца XII в. и начала XIII в. появлялись другие и многочисленные произведения, ставшие такими же знаменитыми. Таковы «Тристан и Изольда» — шедевр великого эльзасского поэта Готфрида Страсбургского, «Эрек и Энида» Кретьена де Труа, или же куртуазные романы Хартмана фон Ауэ, которые, не будучи явно посвящены Граалю, развивались в одно и то же историко-мифическое время, ибо в разной степени в них затрагивается тема короля Артура. А Артур, как мы знаем, жил в конце V — в начале VI вв., то есть в расцвет меровингской эпохи, и был современником Хлодвига, который был тогда на вершине славы, разделяя с королевским родом одинаковое название «Урсус» — «Медведь», и вместе с ним, быть может, часть тех сил, которые ему приписывались.

Но эпоха Меровингов — фон романтических циклов, посвященных Артуру и Граалю, — послужила также декорацией к литературе, вдохновленной другими и самыми разными событиями, например, написанной во времена крестовых походов.

Это случай знаменитого немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах», в котором в XIX в. Вагнер черпал вдохновения для своей великой лирической тетралогии «Кольцо Нибелунга». Как всегда, мифы и легенды в ней сплетаются с Историей, но будет небезынтересным напомнить, что слово «Нибелунг» обозначало германское племя, жившее в конце эпохи Меровингов, и что некоторые имена «Песни о Нибелунгах» — Зигфрид, Брунхильда, Кримхильда или Зиглинда — подлинно меровингские. Также как и многочисленные эпизоды немецкой поэмы относятся к событиям, происходившим во времена Меровингов.

Все наводит на мысль о том, что эта эпоха обладала прямо-таки чарующим воздействием на воображение XII и XIII вв. Во-первых, поэтическая привлекательность бесчисленных великолепных легенд, хлынувших одновременно изо всех земель Европы, но также и привлекательность исторических подробностей, содержащихся в них. Таковы «Поиски Святого Грааля», написанные между 1215 и 1230 гг., события которых явно относились к тому, что происходило 454 г. спустя после воскресения Иисуса. Ведь если Иисус умер в 33 г. н.э., сага о Граале, следовательно, должна разворачиваться в 487 г., в самом начале меровингской эпопеи и за девять лет до крещения Хлодвига.

Кроме того, вспомним, что Вольфрам фон Эшенбах и все остальные романы о Граале вместе с ним располагали двор короля Артура в Нанте, а не в Англии, как мы довольно долго думали, и действие его поэмы разворачивается в пределах Галлии. Примем во внимание,

наконец, и то, что все средневековые предания рассказывали о том, что Магдалина привезла Грааль из Иерусалима в Марсель, город, который тоже расположен в Галлии.

Так, без всякого риска ошибиться, мы могли бы поместить события, поведенные романами о Граале, во времена Меровингов и в Галлию, на континенте, а не в Англии, как говорили многочисленные комментаторы этих романов. Быть может, уже тогда сам Грааль, был связан с королевской кровью меровингской династии, кровью, которую считали священной и наделенной магической и чудодейственной властью.

Быть может также, романы о Граале в символической или аллегорической форме рассказывали об определенных событиях меровингской эпохи, встреченных нами — а почему бы и нет? — в ходе нашего расследования. Например, эта очень древняя свадьба, после которой родилась легенда о двойном происхождении Меровея; или же история семьи Грааль, символизирующая тайное выживание меровингского потомства, королей, «потерянных» в горах и пещерах Разеса; или же их изгнание в Англию около конца IX — начала X вв.; или же эти тайные династические браки, благодаря которым меровингская лоза, как и древо Грааля, расцветет пышным цветом в Годфруа Бульонском или в Лотарингском доме. А «медведь» Артур был случайно нарисован в виде кельтского или галло-римского вождя, на самом же деле он был «Урсусом», а авторы романов о Граале завладели легендарным и героическим Артуром из хроник Джеффри де Монмауса, чтобы сделать его проводником некоего предания, совсем другого по смыслу и очень секретного... Тогда все могло принять новое значение, объясняющее, например, что тамплиеры, названные Сионской Общиной хранителями меровингского потомства, были объявлены хранителями Грааля и его семьи... Действительно, если семья Грааль и меровингское потомство совпадали во времени и пространстве, то не было ничего удивительного в том, что тамплиеры охраняли ее в эпоху, когда создавались посвященные Граалю романы, и в их присутствии, следовательно, не было ничего анахронического.

Соблазнительные гипотезы, в которых феерия легенд сплеталась с исторической действительностью, в которых потомство Грааля сольется в одну и ту же и единственную ветвь с потомством Меровея. Да, но...

Если действие романов о Граале разворачивалось в меровингскую эпоху, то они, как мы уже видели, были связаны с Иисусом, Иосифом из Аримафеи и Магдалиной. Даже очень тесно связаны, раз Робер де Борон видел в Галааде сына Иосифа из Аримафеи и раз «Поиски Святого Грааля» называли его, как и Иисуса, отпрыском царя Давида. Впрочем, для многих средневековых писателей имя Галаада было производным от Гилеада, мистического наименования Иисуса.

Если Грааль должен быть идентифицирован с меровингским родом, то как он связан с Иисусом? Как примирить две связи, отдаленные друг от друга четырьмя долгими столетиями и множеством различий? Какая нить может привязывать Грааль, с одной стороны, к эпохе Меровингов, а с другой — к приезду в Галлию Магдалины, привезшей с собой таинственный сосуд?

Если, как говорит предание, в этом сосуде находилась кровь распятого Христа, то почему и каким образом надо было приобщать ее к меровингской династии, именно в эпоху крестовых походов, в момент, когда она носила на голове венец королевства Иерусалимского, защищаемая орденом Храма и Сионской Общиной?

Кровь Иисуса и кровь Меровингов... На каком неизвестном уровне находится их связь? Явно очень удаленные одна от другой во времени, пространстве и историческом контексте, они где-то соединялись, сталкивались или совпадали. Пока мы на этот вопрос ответить не могли. Однако, кое-что общее между ними существовало. В этом мы были почти уверены...

Почему мы были первыми, кто произвел синтез этих отношений, так трудноустановимых, между личностями, датами и несчетным количеством фактов, принадлежащих то ли мифам, то ли реальности, то ли и тем, и другой? Различные элементы этого огромного целого существовали в течение столетий, они были более или менее хрупкими или явными, и всегда рассеянными по разным культурным и географическим областям, по никто, однако, насколько мы знаем, не догадался собрать их в связное целое. Почему вдруг такой прокол?

С начала XVIII в. западную культуру и знания, как известно всем, называют эпохой

Просвещения, отмеченной больше аналитическим духом, чем синтетическим. Это и есть причина того, что сегодня мы видим это безжалостное расслоение знаний по понятиям «отдельных дисциплин» и «узкой специализации» — это знак нашего времени, проявляющийся во всех областях — культурной или научной, школьной или университетской.

Литературная традиция следует тем же законам. Она разгорожена, что мы констатируем ежедневно, на строго отдельные сферы, на закрытые области, четко определенные «специалистами», «экспертами», склонными обрабатывать свою собственную территорию, бросая лишь подозрительный или презрительный взгляд на участок своего соседа. Межнаучный поиск для них не существует, эклектика тоже, и они совершенно сознательно отказываются от мысли поискать в другом месте, недостающую частичку знания...

Эта немного карикатурная, но удручающая картина явно применима и к нашим собственным поискам. Имея корни, уходящие в самые различные земли и в самые отдаленные эпохи, затрагивающие человеческие реальности, не имеющие никаких явных связей, общих культур и образов мыслей априори несовместимых, загадка, которую мы решили разьяснить, еще задолго до нас возбуждала любопытство многих, которые никогда не были объединены, но не вызвала углубленных и глобальных исследований.

Работы, посвященные изучению Грааля, многочисленны, серьезны и замечательны в своем разнообразии, и этот источник, кажется, еще не иссяк; также многочисленны, серьезны и увлекательны работы, посвященные тамплиерам и крестовым походам. Однако, в первом случае специалисты — не историки не думали о том, чтобы искать в эпопее крестоносцев возможные литературные последствия; во втором — историки, приверженные больше к событиям, описанным на бумаге, чем к устным преданиям, являющимся источником всех легенд, отбрасывали романы о Граале, мифы, сказки, символические интерпретации, обыкновенные плоды мечты и воображения, а следовательно, бесполезные для науки, называемой точной. Искать историческую правду в романах о Граале? Ересь!.. И, тем не менее, разве каких-нибудь сто лет тому назад Шлиман не нашел Трои, благодаря старательному изучению текстов Гомера?

Правда, несколько попыток все же было сделано, чтобы придать правдоподобие легендам, приписывающим тамплиерам роль мистических хранителей некоего неопределенного Грааля, но ни одно серьезное доказательство не привело к серьезным выводам. Тамплиеры были исторической реальностью, Грааль принадлежал к области фантастики, поэтому они были априори и надолго несовместимыми.

Подобное отношение XIX и XX вв., очень возможно, было таким же, как и во времена Средневековья. Действительно, плохо представляется специалист XII в., черпающий свои доказательства из многочисленных романов о Граале, так же как сегодня не известен ни один летописец меровингской эпохи, упомянувший легенды из «артуровского» цикла, которые, однако, могли бы быть ему чем-нибудь полезны.

Все эти размышления, впрочем, точно так же применимы к изучению Библии. Последующие века исследовали, разобрали, разложили на части, разрушили, а потом восстановили, определили тем или иным образом личность Иисуса в историческом контексте Нового Завета. Но никто никогда по этому поводу не вспомнил Грааль. Один принадлежал к истории религий и находился на Ближнем Востоке; другой, сочиненный в Западной Европе спустя более тысячи лет, вырос на фантастической поэзии. И поэтому не следовало объяснять одно другим.

Но почерпнутые случайно из различных культурных наследии многочисленные примеры могут, если в этом есть нужда, свидетельствовать об узости и ограниченности подобного интеллектуального отношения. Действительно, начиная с Гомера, упомянутого выше, с древних ирландских саг, запечатлевших в себе переход от матриархата к патриархату, и до «Войны и мира» — картины жизни России в наполеоновскую эпоху, — многочисленные произведения доказывают, что роман, как и История, может быть источником точных знаний. Никакой материал не должен быть отброшен априори, и в том, что касается поисков, нужно принимать все открытия, представлять все возможности, стараться хоть как-нибудь, даже если это явно невозможно, сопоставлять события, даты, личности и реальности всякого рода.

В особом случае, каковым является наше исследование, рамками которого была целая

западная цивилизация, а эпохой — тысячелетия, тем более не надо было колебаться прыгать из III-го в XII-й, а потом в XX-й век, или же искать связь, существующую между такими разными документами, как тексты Нового Завета, романы о Граале, меровингские хроники и сочинения франкмасонов. Таким образом, мы должны были открыть, что вторые проясняли первые, а в особенности — жизнь и личность Иисуса. Не правда ли, здесь присутствует относительно распространенный феномен считать, что современный документ иногда объясняет более древнюю действительность?

Пусть нас простят специалисты, но исторический факт сам по себе не является достаточным. Его корни уходят в глубокое прошлое, его ответвления простираются далеко во времени и в пространстве, причем проявляются иногда в неожиданных формах, например, в виде мифа или легенды. Осмелимся сравнить эти факты с камнями, брошенными в огромный океан Истории; они исчезают в глубине, и только движущиеся круги, расширяясь и перепутываясь на поверхности, отмечают место, куда эти камни упали.

С нашей стороны, мы посмотрели, как образуются и разглаживаются эти многочисленные круги на поверхности Истории; теперь надо было найти камень, покоящийся более двух тысячелетий в глубине вод...

Как мы знаем из средневековых легенд, Магдалина приехала в Галлию, привезла вместе с собой Святой Грааль или «королевскую кровь». Тесно связанный с образом Иисуса, этот Грааль, как кажется, был очень близко связан с неким потомством. Он вдохновил авторов многочисленных романов, действие которых было помещено в эпоху Меровингов, и написанных после Годфруа Бульонского, мнимого «отпрыска» семьи Грааль, но реального — меровингского рода, взошедшего на трон Иерусалима, не имея, однако, королевского титула.

Если бы речь шла о любой исторической личности, кроме Иисуса, то мы, без сомнения, не колеблясь и без обиняков сформулировали бы выводы, спровоцированные этими последовательными размышлениями. Но речь шла об Иисусе, и наше взрывоопасное заключение не преминуло бы накалить страсти. В этих условиях более мудрым было представить его как простую гипотезу. Вот она:

Магдалина, таинственная личность из Евангелия, была в действительности женой Иисуса. У них был ребенок или несколько детей, и после распятия Магдалина тайно добралась до Галлии, где, как ей было известно, она могла найти убежище в одной из еврейских общин, обосновавшихся на юге страны. Таким образом, прямое потомство Иисуса пустило свои корни в Галлии, ибо Магдалина привезла с собой этих детей или ребенка, и эта в высшей степени «королевская кровь» непрерывно продолжалась в потомстве в самой строгой тайне в течение почти четырехсот лет — нормальный промежуток времени для высокого рода. Последовали многочисленные династические браки с другими еврейскими семьями, а также с римлянами и вестготами. В V в. потомство Иисуса, слившись с франками, породило династию Меровингов.

Если все эти предположения, являющиеся, напомним, простыми гипотезами, оказались бы точными, то многие моменты нашего исследования получили бы свое объяснение: поклонение, предметом которого во времена крестовых походов была Магдалина, и исключительный статус, предоставленный меровингским королям; рождение легендарного Меровея, сына морского существа «из моря», может быть, символизированное, как и Иисус, мистической рыбой; пакт между римской Церковью и потомками Хлодвига, в действительности происходящими от Иисуса — идеальный договор для Церкви, возведенной на его имени; реабилитация Дагоберта II после его убийства, когда Церковь стала сообщницей не только цареубийства, но и некоей формы богоубийства; ярость, с которой пытались стереть имя Дагоберта со страниц Истории, а потом — ярость, с которой Каролинги пытались узаконить себя как императоров Священной Римской Империи, сливаясь с меровингской династией.

Потомство Иисуса, продолжающееся в Дагоберте, могло также объяснить и существование семьи Грааль, ее загадочное сияние и ореол тайны, короля-рыбака, большого и не могущего царствовать, Персеваля, наконец, как наследника замка Грааль. Одновременно это потомство объясняло мистическое происхождение Годфруа Бульонского, сына или внука Лознгринга, который, в свою очередь, был внуком или правнуком Персеваля, то есть членом семьи Грааль. А если Годфруа Бульонский происходил от Иисуса, то взятие им Иерусалима в 1099 г. было чем-то большим, нежели просто победа над неверными, оно принимало совсем

другое значение: вся эта война объяснялась тогда желанием отвоевать священное наследство.

Кроме того, многочисленные намеки на виноградарство, встреченные в ходе нашего исследования, — символ различных династических союзов, — тоже принимали смысл продолжения потомства Иисуса, часто отождествляемого, причем, даже им самим, с виноградной лозой. Эту гипотезу подтвердило бы и новое открытие: резная дверь, представляющая Иисуса в виде грозди винограда. А дверь эта находится в Швейцарии, в Сьоне...

Итак, как мы видим, наш сценарий не был лишен ни связности, ни интереса. Но, несмотря ни на что, мы угадывали в нем какую-то хрупкость, слабость в структуре, мешающую ему выразить себя со всей желательной нам силой. Мы чувствовали, что нашим доказательствам, чтобы им быть до конца убедительными, не хватало какого-то неопровержимого аргумента, который помог бы нам разрешить необъяснимые детали, сомнения, нерешенные вопросы. Только тогда мы смогли бы твердо и определенно остановиться на этой гипотезе и представить ее на всеобщее рассмотрение.

В этой перспективе нам теперь надо открыть и просмотреть Евангелие, тщательно изучить весь исторический контекст Нового Завета и писания первых отцов Церкви...

12. КОРОЛЬ-СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЦАРСТВОВАЛ

Сегодня, возможно, больше, чем когда-либо, наличествует тенденция говорить о христианстве, как о некоей сущности, абстрагируя его от различных форм, иногда очень непоследовательных, которые оно может принимать. У католиков и англиканцев, у православных и бесчисленных протестантских сект нашего времени христианство действительно предстает так часто под различными личинами, что, не входя в детали, трудно дать ему четкое определение. Мы скажем, что христиане, разделяющие одну и ту же веру в Иисуса, принимают — правда, на разных уровнях, более или менее буквально или символически, согласно их религии — слово Нового Завета по этому поводу, а особенно в том, что касается распятия и воскресения.

Например, в Новом Завете четыре Евангелия рассматриваются всеми христианами как определенный итог, источник всего того, что знают и во что верят с детства. На этом основании авторы этих писаний считаются тоже вне критики, а их соответствующие свидетельства — дополняющими друг друга и подтверждающими друг друга. В действительности же очень мало христиан знают, что Четвероевангелие не только различается в своих составных частях, но и что эти части иногда находятся в резком разногласии.

Что касается рождения и происхождения Иисуса, о котором, как полагают, все известно, то только двое евангелистов затрагивают эту тему, и оба говорят разное. По Матфею, Иисус был аристократом, происходившим от царя Давида через Соломона; у Луки — хотя он и принадлежал к колену Давидову, но происхождение имел менее блестящее. Эти две генеалогии сильно расходятся, тогда как Марк, со своей стороны, в очень туманных выражениях поддерживает легенду о «бедном плотнике».

Также у Луки при рождении Иисуса его посетили пастухи; у Матфея это были цари. У Луки семья Иисуса жила в Назарете, откуда направилась в Вифлеем для переписи населения, которую История рассматривает как гипотетическую; и родился он в убогой конюшне. У Матфея, напротив, родители Иисуса жили в Вифлееме, и он родился в доме. Уничтожение новорожденных младенцев в городе, предпринятое Иродом, по версии того же Матфея, вынудило их бежать в Египет, и только по возвращении они объявились в Назарете.

Каждая из этих деталей, за исключением, быть может, переписи, со всех сторон совершенно правдоподобна; но они категорически противоречат одна другой у разных авторов, а в подобных условиях невозможно совместить рассказ Матфея с рассказом Луки. Либо один из них неточен, либо оба, но все равно, мы вынуждены заключить, что Евангелия не являются неопровержимыми, раз они друг друга опровергают.

А противоречия продолжают продолжаться. По Иоанну, действительно, распятие совершилось накануне Пасхи, тогда как у Матфея, Луки и Марка оно произошло на следующей неделе после нее... Кроме того, личность Иисуса меняется от Евангелия к Евангелию, и иногда буквально во

всем. Агнец у Луки он у Матфея — всемогущий государь, «пришедший, чтобы принести не мир, но меч». Что касается последних слов Иисуса на кресте, они одинаковы у Марка и у Матфея: «Боже мой. Боже мой, для чего Ты меня оставил?»; но у Луки

Иисус восклицает: «Отец, в руки Твои предаю дух мой!», а у Иоанна он произносит всего одно слово: «Свершилось».

Вывод напрашивается сам собой. Евангелия представляют собой источник бесспорно серьезной информации, но надо суметь оценить их правильно. Не будем забывать, что это произведение не Бога, а рук человеческих, которые его подвергали цензуре, перечеркивали и часто переписывали по-своему. Вспомним, что Библия, впрочем, с самого начала была сборником относительно произвольных рассказов, из которого некоторые тексты были умышленно исключены. Известно, что в 367 г. епископ Афанасий Александрийский составил список заголовков, из которых должен был состоять Новый Завет, список, который ратифицировал Совет в 393 г., а потом Совет Карфагена — спустя четыре года. Так родилась книга, которую мы знаем сегодня, плод селекции, повторим это, произведение человеческое, а значит, не застрахованное от ошибок. Ибо по каким критериям эти конклавы церковников определили, что такой-то текст принадлежит Новому Завету, а такой-то с ним расходится?

Это еще не все. В 1958 г. профессор Мортон Смит из Колумбийского университета обнаружил в одном монастыре близ Иерусалима письмо, содержащее неизвестный фрагмент Евангелия от Марка. Это письмо было адресовано епископом Климентом Александрийским своему ученику Феодору после спора, произошедшего между последним и гностической сектой карпократьцев.

Порекомендовав ему хорошенько различать в этом деле «истину, которая кажется истинной в глазах человеческого мнения, и настоящую истину, которая является таковой, благодаря вере», Климент Александрийский подходит к предмету спора — Евангелию от Марка, — и плохому использованию его карпократьцами. Речь идет о тексте, написанном евангелистом на основе своих заметок и заметок Петра, предназначенных для тех, «кто находится на дороге совершенства» и «посвящается в великие тайны», но не предназначенных для того, чтобы быть обнародованными перед всеми христианами. Перед смертью Марк доверил свое «сочинение» александрийской Церкви, которая заботливо хранила его до того дня, когда один из ее членов, подталкиваемый «демоном-разрушителем», выдал один экземпляр Карпократу. Тот, поспешив добавить к «святым и безупречным» словам Марка скандальную ложь, придал им толкование, соответствующее кощунственному и богохульному содержанию его доктрины о плоти.

Такова история «тайного Евангелия» от Марка, признанная и рассказанная епископом Климентом Александрийским, который заключил письмо советом своему ученику никогда не соглашаться с карпократьцами в том, что этот текст был произведением Марка, ибо, уточняет он еще, «не все истины должны быть поведаны всем людям». Затем отец Церкви заканчивает свое письмо, цитируя один отрывок этого Евангелия, который не смогли разобрать гностические секты:

"Однако я не колеблясь отвечу на вопросы, которые ты задал, и опровергну всю ложь самими словами Евангелия. Так, после «И они пошли по дороге, которая ведет в Иерусалим» до «спустя три дня он воскреснет», тайное Евангелие говорит слово в слово:

"Они отправились в Вифанию, и там была женщина, брат которой умер. Она пришла к Иисусу, пала ниц перед ним и сказала: Сын Давида, сжался надо мною! Но ученики оттолкнули ее. Тогда, разгневавшись, Иисус пошел с ней в сад, где находилась могила, и тут же из нее раздался громкий крик. Иисус приблизился, снял лежащий на неб камень, вошел в могилу, протянул руку юноше и заставил его подняться. А юноша, взглянув на него, тут же возлюбил его и умолял взять его с собой. Они вышли из могилы и отправились в дом юноши; а тот был богат.

Спустя шесть дней Иисус сказал ему, что он должен делать, и вечером юноша пришел к нему, одетый лишь в белую простынь. В эту ночь они остались вместе, и Иисус поведал ему тайны Божественного царства. Затем он покинул его и удалился на другой берег Иордана".

Этого эпизода нет в Евангелии от Марка, но он хорошо известен: речь идет о воскрешении Лазаря, описанном в четвертом Евангелии, от Иоанна. Тексты очень схожи между

собой, кроме некоторых деталей, например, «громкого крика», раздавшегося из могилы перед тем, как Иисус откинул камень в сторону и приказал занимающему ее выйти. Марк оставляет возможность предполагать, что Лазарь не умер и что, следовательно, никакого чуда не было. Впрочем, эта история может, даже больше, чем рассказ Иоанна, навести на мысль о вероятных отношениях между человеком, закрытым в могиле, и тем, кто его «воскресил». Может быть даже карпократийцы, доктрина которых состояла в том, чтобы возвышаться над чувствами, доводя их до крайности, увидели в этом какой-то намек гомосексуального характера... Но, впрочем, профессор Смит вовсе не придерживался такого мнения, и он видит в этом эпизоде скорее заклинание из какого-то символического ритуала смерти и возрождения, многочисленные формы которого тогда существовали на Ближнем Востоке.

Так как воскрешение Лазаря не появляется ни в одном Евангелии, кроме Евангелия от Иоанна, можно сделать разумное заключение о том, что Феодор последовал совету Климента Александрийского и заставил рассказ об этом событии, написанный рукой Марка, исчезнуть.

Итак, одни детали из Евангелия от Марка исчезли, но, бесспорно, туда добавились другие. Так, оригинальная версия его книги заканчивалась распятием, положением во гроб и вскрытием опустевшей могилы, но без всякого упоминания о воскресении, ни о явлении его ученикам. А в настоящее время оно заканчивается по-другому, а именно: констатацией воскресения. И, повторим, речь идет о более позднем добавлении, датирующемся концом II в. и присоединенном к первоначальному тексту Марка.

Что является приемлемым и доказанным для Евангелия от Марка, очень возможно, является таковым и для других текстов Нового Завета, которые, со своей стороны, без сомнения, подверглись исправлениям, купюрам и добавлениям такого же порядка, которые могли только исказить первоначальное его значение.

Честное слово, как, рассматривая эти выводы объективно, в рамках нашего исследования мы можем считать Евангелия в целом непроверяемыми? Но, так как большая часть их действительно подлинна и является свидетельством из первых рук событий, происшедших две тысячи лет назад в Палестине, мы решили использовать их осторожно и осмотрительно, стараясь как можно более строго отделять вымысел от истины, вырывая ее из условных форм, в которые она, конечно, была запрятана. Но для этого сначала нужно было познакомиться с исторической действительностью Святой Земли в момент появления христианства, ибо Евангелия были лишь пустыми сосудами, плывущими вне времени по океану веков. Так же как и у многих других исторических документов — рукописей Мертвого моря, поэм Гомера или Вергилия и романов о Граале — их корни могут уходить лишь в точное место и в определенную эпоху. Очевидно, что они также являются отражением жизни народа, зеркалом цивилизации и целого комплекса специфических факторов.

Уже в I в. ситуация в Палестине отличалась нестабильностью и беспорядком, страна была во власти бесконечных внутренних баталий, перемежающихся с настоящими войнами, и ослаблена непрекращающимися сменами правящих династий, которые поддерживали почти постоянные волнения.

Еврейское государство попыталось объединиться во II в. до н.э., но оно оставалось хрупким, а в 63 г. до н.э. Святая Земля снова находилась в состоянии все возрастающей анархии, отданная на растерзание вожделям всех возможных захватчиков.

Захватчик появился за пятьдесят лет до рождения Иисуса в лице Помпея, и Палестина, таким образом, стала римской провинцией. Но Рим в то время был слишком занят своей собственной судьбой, чтобы по-настоящему взять на себя ответственность за судьбу своей новой и далекой колонии. И поэтому он доверил эту заботу потомкам царей, уполномоченным от его имени заставить уважать императорские указы на восточном побережье «Великого моря», царям, названным Иродами, которые были не евреями, а арабами. Первый из них, Антипатр, занимал трон Палестины с 63 г. до н.э. до своей смерти в 37 г. до н.э., и его сменил его сын Ирод Великий, который процарствовал до 4 г. н.э. Положение в святой Земле в то время было похоже на положение любой оккупированной страны, угнетенной суровым военным режимом, и жители, сохраняя свои обычаи и религии, должны были склониться перед законом победителя, ибо всемогущая римская власть была представлена армией, организация и действенность которой показала себя во многих странах.

Ситуация внезапно осложнилась в 6 г. н. э. в государстве, организованном из провинций и двух тетрархий: Галилеи, управляемой Иродом Антипасом, и Иудеи, духовного и светского центра Палестины, зависящей непосредственно от Рима и управляемой из Цезарей римским прокуратором. Начало нового римского режима в Иудеи было отмечено тремя тысячами случаев приговора к распятию, налогами и пытками, грабежами и осквернениями Храма, и многие жители предпочитали покончить с собой. Понтий Пилат, бывший прокуратором с 26 по 36 г., еще ухудшил положение. В противовес тому, что позволяли думать о нем Евангелия, это был жестокий и развращенный человек, который продолжил и усилил злоупотребления властью, начатое его предшественниками, и удивительно, что по этому поводу мы находим лишь слабую критику этого ига, которое, вероятно, было очень тяжелым, почти невыносимым.

Евреи в Святой Земле тогда были разделены на многочисленные секты. Среди главных назовем саддукеев, большинство которых происходило из состоятельного духовенства, консерваторов в области политики и религии, прекрасно приспособившихся к присутствию римлян; фарисеев, непримиримых формалистов, находившихся в пассивной оппозиции Риму, и, наконец, ессеев, суровых мистиков, которые пользовались значительным влиянием. Вместе с ними существовали и другие, менее важные секты, которые очень долго пришлось бы перечислять, такие, например, как назореи, к которым принадлежал Самсон за много веков до того, или же назореяне — этим словом, кажется, называли Иисуса и его учеников; в самом деле, греческая оригинальная версия Нового Завета намекала на «Иисуса Назореянина» — напомним, что этот эпитет тогда обозначал определенную еврейскую секту, а не жителя города Назарета.

Наше расследование особенно интересует одна из этих группировок. Речь идет о секте zelотов, основанной в 6 г., в год, когда Рим взял в свои руки прямой контроль над Иудеей, раввином-фарисеем Иудой Галилеянином. Эта группа, собственно говоря, была не сектой, а скорее националистической и революционной политической партией, составленной из фарисеев и ессеев, пришедших из самых разных сект, которые во времена Иисуса принимали большое участие в делах страны, одним из определяющих политических элементов которой они являлись. Подвижные и активные, они продолжали осуществлять свое влияние еще долго после распятия, и таким образом, столкновение оказалось неизбежным.

Действительно, в 66 г. разразился бунт, и вся Иудея поднялась против самовластия Рима. Отчаянная, мужественная и бесполезная попытка, за которую только один город — Цезарея — заплатил уничтожением двадцати тысяч евреев. Затем в течение четырех следующих лет римские легионы заняли Иерусалим, стерли город с лица земли, сожгли и разграбили Храм (в 70 г.), и единственный бастион сопротивления, который смог продержаться в течение трех лет, находился в горах, в крепости Масада, которую защищал потомок Иуды Галилеянина.

Бунт в Иудее повлек за собой первое массовое бегство евреев из Святой Земли, а второе произошло шестьдесят лет спустя, в 132 г., и последовало оно за новым бесплодным восстанием, которое спровоцировало изгнание всех евреев из Иудеи, декретированное в 135 г. императором Адрианом. Таким образом, отныне Иерусалим стал римской колонией под названием Элия Капитолина.

Как мы видим, жизнь Иисуса разворачивалась в особенно беспорядочное время, продолжавшееся сто сорок лет, то есть еще долго после его смерти. Она была отмечена неизбежными психологическими и культурными симптомами, присущими подобным ситуациям, а именно: положению ожидания и надежды на мессию, который вырвет свой народ из рук угнетателей. В этом смысле можно, забегая вперед, сказать, что применение этого определения исключительно к Иисусу было результатом неполного анализа фактов, как на историческом, так и на семантическом уровнях.

Впрочем, в то время с мессией не связывали никакого понятия о божественности, и современники Иисуса не преминули бы удивиться такой ассоциации мыслей. «Мессия» по-гречески будет «Христос»; как и в древнееврейском языке, это слово означает всего-навсего «помазанник Божий», и применялось оно чаще всего к монархам. Так, Давид, будучи священным царем, стал «мессией» или «христосом», как и все остальные еврейские ветхозаветные цари. Еще во времена римского владычества в Иудее верховный священник, назначаемый администрацией, также носил титул «Священника-Мессии» или «Священника-Христоса».

Для zelотов и для всей оппозиции Риму этот священник, по-видимому, был «лжемессией». Настоящий, ожидаемый Мессия был совсем другим; это был законный «потерянный царь», еще неизвестный потомок Давида, назначенный судьбой спасти свой народ от тирании Рима. Это ожидание достигнет размеров настоящего коллективного бреда при жизни Иисуса и не исчезнет с его смертью, и бунт 66-70 гг., конечно, был облегчен пропагандой и возбуждением, умышленно поддерживаемыми zelотами во имя будущего пришествия Мессии.

Причем, как мы видим, ждали именно Мессию-человека, являющегося царем и помазанником, а также, по мнению народа, политическим освободителем. Это тоже персонаж, в основном, чуждый будущей христианской идее «сына Божьего»; Короче говоря, по своему происхождению Иисус звался «Иисусом-Мессией», то есть по-гречески «Иисусом-Христом», и это название, чисто функциональное обозначение, деформировалось и стало именем собственным Иисуса Христа.

Грубые репрессии, которым подвергся еврейский народ в 66-70 гг. вследствие напрасной попытки восстать, положили конец messiанским надеждам. По крайней мере, такова была видимость, ибо они, приняв впоследствии религиозный облик, выкристаллизовались в Евангелиях, откуда они почерпнули новые силы.

Известно, что Евангелия писались не во времена Иисуса; по большей части они составлялись между 66-74 гг. и 132-135 гг., то есть между двумя периодами, когда Иудея пыталась реагировать на суровость римской власти. Но их источники явно имели более древнее происхождение: написанные, но исчезнувшие во время всеобщего шквала документы, и особенно устные предания. Эти последние передавались по рассказам вторых, третьих, четвертых лиц, то есть сильно искаженными в том или ином смысле, или же основанными лишь на личных воспоминаниях отдельных людей, знавших Иисуса, встречавших его или присутствовавших при распятии, которые, следовательно, обращались к своей памяти.

Написанное вскоре после 64 г. во время всего первого восстания Иудеи Евангелие от Марка считается самым ранним, за исключением последующего добавления, относящегося к воскресению. Уроженец Иерусалима, Марк, кажется, не был учеником Иисуса; зато вполне вероятно, что он был одним из товарищей св. Павла, ибо текст его, несомненно, несет на себе отпечаток идей последнего. Как мы видели из письма Климента Александрийского, этот текст был написан в Риме и, в основном, для греко-римской публики. Это важная деталь, ведь в тот момент, когда Марк писал свою книгу, Иудея находилась в состоянии быстро надвигавшегося восстания, и тысячи евреев уже были приговорены к распятию. Так что было бы неразумным, если Марк хотел найти слушателей среди римлян, представлять Иисуса политическим агитатором или врагом всемогущей тогда римской власти. Чтобы передать свое послание римлянам, он должен был игнорировать их ответственность за смерть Иисуса, оправдать местную власть и открыто перенести обвинение за некоторые еврейские круги. Ведь это отношение было принято затем другими евангелистами, как и всеми первыми христианами, ибо только при таком условии их сочинения, да и сама Церковь, новая и непрочная, могли иметь шанс выжить.

Евангелие от Луки датируют примерно 80-м годом. Произведение греческого врача было предназначено для культурной римской публики Цезарей, административной столицы Палестины, и он тоже следил за тем, чтобы не навлечь на себя враждебность римлян, неловко пытаясь определить виновных за смерть Иисуса. Что касается Матфея, который написал свой текст около 85 г., то он принял сторону Марка и Луки, предпочтя оправдать римскую власть. Написанное по-гречески и сильно проникнутое эллинистической мыслью, больше половины этого произведения вдохновлено Евангелием от Марка. По поводу Матфея заметим, что он был настоящим евреем, быть может, изгнанным из Палестины, и которого не надо путать с учеником Иисуса, носившим то же имя и жившим до него.

Наконец, что касается Евангелий от Марка, Луки и Матфея, напомним, что их называли «синоптическими» в силу характеризующего их сходства, подобия, которое можно заметить сразу, проводя параллельное сравнение колонок текста. Действительно, все три кажутся имеющими бесспорное общее происхождение, устное либо письменное, но в последнем случае — исчезнувшее со времен их редактирования.

Евангелие от Иоанна имеет другие источники и во всех пунктах отличается от трех предыдущих. О его авторе неизвестно ничего, и в самом произведении на это ничто не указывает, и только во II в. церковные предания назвали его Иоанном. Это четвертое и последнее Евангелие было написано, вероятно, сразу же после 100 г. в окрестностях греческого города Эфеса, и в нем содержатся характеристики, представляющие огромный интерес.

Этот текст гораздо более мистический, чем другие, он окрашен некоторым гностицизмом. Он не сообщает ничего о рождении Иисуса; синоптики настаивают на его деятельности в Галилее гораздо больше, чем на Событиях, происшедших на юге Палестины, а Иоанн мало рассказывает о начале общественной деятельности Иисуса, зато уделяет больше внимания его присутствию в Иудее, и особенно в Иерусалиме. В противовес Матфею, Марку и Луке его рассказ о распятии, кажется, основан на свидетельстве из первых рук, и, кроме того, он описывает некоторые события, не фигурирующие в первых трех Евангелиях: свадьба в Кане, беседа с Никодимом, появление Иосифа из Аримафеи, воскресение Лазаря (изъятое, как мы уже знаем, из текста Марка).

На основе этих констатации многие комментаторы склонны думать, что Евангелие от Иоанна, несмотря на его более позднее написание, быть может, является самым достоверным из четырех. В нем автор не только знает предания об Иисусе, на которые ссылаются синоптики, но он использует особые и неизвестные другим источники; во всяком случае, кажется, что он очень точно и лично знаком с ситуацией в Иерусалиме до бунта 66 г. «За последним Евангелием, — признает один из этих комментаторов, — стоят древние предания, независимые от других Евангелий»; и другой, ибо это не единственное мнение:

«Евангелие от Иоанна, несмотря на его более позднее написание и отличную от Марка хронологию, кажется основанным на более древних и, вероятно, более достоверных преданиях».

Мы тоже разделяем это мнение. Текст Иоанна, конечно, подвергся таким же изменениям, что и тексты его предшественников, но в последнем анализе он остается самым верным и самым близким к истине. И именно он даст нам доказательства, в которых мы нуждаемся, для того, чтобы подтвердить нашу гипотезу.

Будучи далекими от желания дискредитировать Евангелия, мы имеем только одно желание: подвергнуть их строжайшей критике с целью отделить истинное от ложного и постараться найти за оболочкой сказки следы исторической действительности, которая, безусловно, послужила ей основанием. В этом случае нам нужно было сначала поискать элементы, позволяющие сделать выводы о том, что Иисус был женат на женщине, названной «Магдаляной». Конечно, эти элементы проявляются не очень четко; мы должны были искать их между строк, за намеками и недоговоренностями, за теми или иными противоречивыми, ничего прямо не говорящими деталями; в безликом забвении и неких необъяснимых опущениях. Что же мы тогда откроем? Естественно, не формальные доказательства этого брачного союза, но, может быть, совокупность достаточно обоснованных обстоятельств, способных показать, что таковое событие вполне логично могло бы иметь место.

Сразу же мы оказались перед некоторым количеством вопросов, первый из которых, и самый важный, состоял в следующем:

Существует ли в Евангелиях свидетельство, говорящее в пользу возможной женитьбы Иисуса?

Нет, ни одного, и это очевидно, но также нет ни одного, говорящего о противном, и это очень удивительно, как это подчеркивал профессор Геза Вермеш из Оксфордского университета: «Евангелия хранят полное молчание по поводу семейного положения Иисуса... Речь идет о необычной в древнееврейском мире ситуации, которая заслуживает особого исследования». Ведь из Евангелий известно, что большое число его учеников, например, Петр, были женаты, и что, со своей стороны, Иисус не восхваляет целибат: «Разве вы не читали, что Создатель с самого начала создал мужчину и женщину?... Так пусть мужчина оставит отца и мать и прилепится к жене своей, и будут двое единой плотью», — объявляет он в XIX главе от Луки. Это, а также древняя еврейская традиция, согласно которой было не только обычным, но и обязательным избрать путь брачного союза, уже может заставить предположить, что Иисус, вероятно, тоже был женат. Впрочем, целибат в те времена сильно осуждался — один еврейский

писатель конца I в. даже приравнивает его к убийству — и за исключением некоторых есеевских общин было также обязательным для отца семейства найти жену своему сыну, как и обрезать его. Поэтому неженатый Иисус, обособливающийся таким образом от своих современников и нарушающий закон предков, не преминул бы привлечь к себе внимание, и Евангелия говорили бы об этом, как об особенности, достойной того, чтобы ее отметить. Но нигде нет вопроса о возможном безбрачии Иисуса, и это молчание само по себе, по нашему мнению, составляет достаточно серьезный признак того, что он был женат, коим не стоит пренебрегать. «Принимая во внимание культурное окружение той эпохи, — пишет также один современный теолог, — совершенно невероятно, чтобы Иисус не был женат задолго до начала своей общественной деятельности. Если бы он высказывался за безбрачие, то его речи наделали бы шуму и оставили бы свои следы в Евангелиях; но их молчание по этому поводу является достойным аргументом в пользу гипотезы о его браке. В еврейском контексте добровольное безбрачие было настолько необычным, что пробуждало всеобщее внимание и обсуждение всех».

Титул «равви», то есть раввин, часто применяемый к Иисусу в Евангелиях, усиливает это предположение. Взятый в самом широком смысле, это термин, очевидно, может означать лишь что-то вроде оратора, берущего слово от своего имени и для собственного удовольствия. Но высокий уровень образованности Иисуса, свидетельством чему является его диалог с врачами храма, наводит на мысль о том, что он был чем-то гораздо большим, чем просто оратор; вероятно, он практиковал высшую форму религиозного обучения, которая действительно давала ему право на официальный титул «равви». Но в таком случае и если, как считает некая традиция, Иисус действительно был «равви» в узком смысле слова, то брак его становится не только возможным, но безусловным, ибо еврейский закон определенным образом высказывается по этому поводу: «Неженатый человек не может претендовать на обучение других».

Впрочем, в четвертом Евангелии мы находим рассказ о свадьбе. Он нам знаком, ибо это «свадьба в Кане», но, тем не менее, он поднимает ряд определенных вопросов.

Эта сельская свадьба кажется всего лишь скромной местной церемонией, и новобрачные остаются безмянными. Однако, Иисус на нее «приглашен», и это очень любопытно, так как он еще не начал своей общественной деятельности; но еще более удивительно присутствие рядом с ним его матери, присутствие засвидетельствованное, но которое явно не имеет никакого смысла.

Помня рассказ о «свадьбе в Кане», некоторые на самом деле считают, что знают его настолько хорошо, что даже не стоит ему удивляться. И однако перечитаем его, глядя на него по-новому, и посмотрим на Марию. Она не довольствуется простым напоминанием сыну о том, что надо наполнить кувшины вином, она просит его об этом так, что она сама кажется хозяйкой этих мест: «И как недоставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что мне и тебе Жено? еще не пришел час мой». Но этот ответ не смутил Марию, которая обратилась тогда прямо к слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте», — просит она их. И слуги тотчас повинуются ей, словно они привыкли получать приказания от Иисуса и его матери.

А сам он, кажется, без особой спешки выполняет желание своей матери; здесь, в самом начале Евангелия от Иоанна, мы присутствуем при первом чуде — превращении воды в вино. Однако, до сих пор он еще ни разу не проявил своей необыкновенной силы, и Мария явно не должна была об этом знать. И даже если бы она о ней подозревала, для чего ей понадобилось устраивать демонстрацию в первый раз во время достаточно банальной церемонии? Ведь если верить евангелисту, то оба они всего лишь «приглашенные» на свадьбу, и не их забота следить за тем, как подаются кушанья, а их хозяину. Если только... если только в данном случае речь не идет о свадьбе самого Иисуса — тогда его вмешательство становится совершенно обоснованным...

Такое толкование фактов подтверждает последняя деталь. Сразу же после чуда «хозяин стола» — возможно, майордом или церемониймейстер, — попробовав новое вино, «зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе». Но ведь эти слова относятся явно к Иисусу, а у

Иоанна, подчеркнем, они обращены к «жениху»... Не следует ли из этого заключить, следуя логике, что тот и другой были одним и тем же лицом?

Если Иисус был женат, имеем ли мы средство установить по Евангелию личность его возможной супруги?

За исключением Марии, его матери, там фигурируют всего две женщины, как бы входящие в ближайшее окружение Иисуса. Первая — это Магдалина, или точнее Мария из Магдала, то есть из Магдалы Галилейской, прозванной также Магдалеянкой, двусмысленная роль которой кажется умышленно затемненной. Так, у Марка и Матфея она появляется под своим именем только в момент распятия, среди учеников Иисуса; но Лука упоминает о ней гораздо раньше, когда Иисус в начале своей деятельности проповедует еще в Галилее, откуда, как кажется, она уезжает, чтобы сопровождать его в Иудею, или, по крайней мере, довольно поспешно отправляется туда вслед за ним. Как же можно вообразить себе, что она не была замужем, если в то время невысказано было для незамужней женщины ездить одной по дорогам Палестины, и еще меньше — находясь в окружении «равви»? Затруднительная деталь, которая часто давала пищу для различных гипотез, и одна из них состоит в том, что Мария из Магдалы на самом деле была женой одного из учеников Иисуса; но в этом случае ее особенные отношения с учителем и их интимность не преминули бы вызвать подозрения и" быть может, даже обвинения в супружеской неверности...

Несмотря на поверие, навязанное народными преданиями, Мария из Магдалы, сверх того, не фигурирует ни в одном из Евангелий в роли блудницы. Лука говорит о ней лишь в начале своей книги, как о женщине, из которой вышли «семь демонов», позволяя таким образом предположить, что она была одержима и что Иисус применил к ней какой-то способ изгнания дьявола. Но эти слова могут также быть намеком на какое-нибудь обращение или ритуал посвящения. Известно, например, что культ Иштар, или Астарты, «богини-матери» и «царицы Небес» включал семь степеней посвящения, и не исключено, что до своей встречи с Иисусом Магдалеянка была одной из многочисленных последователей этого культа.

В главе, предшествующей намеку на Магдалеянку и на семь демонов. Лука упоминает еще об одной женщине, которая «омыла благовониями» ноги Иисуса. Со своей стороны, Марк приводит ту же историю, также не уточняя имени женщины. Ни тот, ни другой, во всяком случае, не отождествляют ее с Марией из Магдалы, но, тем не менее, Лука объявляет, что речь идет о «грешнице». Не один раз было высказано мнение, что семь изгнанных демонов символизируют грехи Магдалеянки, которая, следовательно, в свою очередь, становилась грешницей; но и в этих условиях она не была той же самой женщиной с благовониями. Впрочем, если бы она участвовала в языческом культе, не стала ли бы она таким образом «грешницей» в глазах Луки и всех последующих поколений?

Но Магдалеянка была чем-то гораздо большим, чем блудницей из народных легенд. У нее на самом деле, как нам сообщает Лука, подругой была жена интенданта Ирода, и обе они вместе с другими подругами «помогали своим богатством» Иисусу и его ученикам. Следовательно, Магдалеянка, вероятно, была богатой, как и другая грешница, и Марк в своем Евангелии упоминает дорогую цену благовоний из народа, которыми были омыты ноги учителя.

Так почему же этот эпизод из жизни Иисуса имеет для нас такое значение? По нашему мнению, по причине того, что этот жест был не просто спонтанной реакцией импульсивной женщины, а мог принадлежать какому-нибудь специфическому ритуалу. Миропомазание — не будем об этом забывать — было действительно прерогативой царей и «законного мессии», чье имя означает «помазанник Божий». В силу этого помазания Иисус становился настоящим мессией, и женщина, посвящающая его в этот высший сан, облакалась в свою очередь одинаковой с ним значительностью.

Значительность очевидная, и она будет возрастать до самого окончания деятельности Иисуса, так как, согласно трем синоптическим Евангелиям, Магдалеянка пойдет во главе группы женщин, шествующих с ней через города и села, как Симон Петр — во главе учеников. Это она первой найдет опустевшую могилу на следующий день после казни, это ее выберет Иисус, чтобы «в первый день недели» поведать ей о своем воскресении. Итак, во всех Евангелиях Мария из Магдалы занимает привилегированное положение, и такое благосклонное

к ней отношение должно было вызвать ревность друзей или других учеников Иисуса. Впрочем, может быть, именно по этой причине последующие народные предания попытались очернить этот персонаж. Представляя ее блудницей, ей мстили за первое место, которое она занимала в жизни Иисуса, и за ее интимность с ним; предоставляя ей эту единственную во всех Евангелиях связь с духовным учителем, ее не преминули запачкать в глазах потомков. Что и произошло. Сегодня о ней думают как о проститутке, и во времена Средневековья дома, предназначенные для раскаявшихся грешниц, назывались «Магдалинскими приютами». К счастью, Евангелия свидетельствуют, как мало заслуживала она такой репутации, целиком построенной на зависти и сплетнях.

Каким бы двусмысленным ни был этот образ, Мария из Магдалы — не единственная предполагаемая жена для Иисуса; действительно, есть еще одна, представленная в четвертом Евангелии, зовущаяся Марией из Вифании, сестра Марфы и Лазаря — это трое близких друзей Иисуса, причем богатых, ибо у них имелся дом в окрестностях Иерусалима, достаточно большой, чтобы принять Иисуса со всеми учениками. Кроме того, известно, что при доме этом имелся склеп и большой сад — доказательство того, что семья Лазаря не нуждалась и, возможно, входила в число местных аристократов.

В четвертом Евангелии, когда Лазарь заболел, Иисус только что покинул Вифанию и вместе с учениками находился на берегу Иордана. Он узнает эту новость, но, тем не менее, остается у реки еще два дня, и только после этого он отправляется в Иудею. По его прибытии Лазарь уже лежит в гробу, и Марфа в слезах принимает учителя со словами:

«Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой!»

Этот рассказ интересен для нас, потому что в нем говорится о том, что Марфа, принимая Иисуса, была одна, а ее сестра Мария сидит в доме и выходит оттуда только по просьбе учителя. А тайное Евангелие от Марка, упоминаемое выше, высказывается на этот счет более определенно: она выходит из дома прежде, чем Иисус приказывает ей это, и ее тут же грубо отталкивают его ученики, и Иисус должен вмешаться, чтобы успокоить их.

Это отношение Марии, оставшейся в доме, в то время как ее сестра поспешно идет навстречу Иисусу, совершенно правдоподобно, ибо, согласно еврейскому обычаю «Шива», она соблюдает семидневный траур. Но почему она не присоединяется к Марфе в саду? Существует и этому очень простое, на наш взгляд, объяснение: действительно, по еврейским законам, женщинам в период «Шивы» запрещалось выходить из дома, и она могла подчиниться лишь приказу мужа, и в этом смысле поведение Иисуса и Марии из Вифании полностью совпадает с традиционным поведением еврейской супружеской пары.

Кроме того, Лука описывает следующий эпизод, подтверждающий гипотезу о возможном браке Иисуса с Марией из Вифании:

«В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, принимала его в доме своем; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую честь, которая не отнимется у нее.»

(Лука, X, 38-42)

По просьбе Марфы можно догадаться, что Иисус здесь пользуется определенной властью; но еще более важным является его ответ, который намекает на супружеские узы, и можно понять также, что Мария из Вифании, как и Мария из Магдалы, является пламенной последовательницей учителя.

Как мы видели, много есть причин для того, чтобы считать Магдалянку и женщину, омывшую ноги Иисуса, одним и тем же лицом. Но разве не могла быть ею Мария из Вифании, сестра Марфы и Лазаря? И следовательно, не имеем ли мы дело с одной и той же женщиной, появляющейся в Евангелиях в разных контекстах и в разных лицах? Во всяком случае, таково было мнение средневековой Церкви, и после нее, следуя некоторым народным преданиям, его

разделяли многочисленные комментаторы Библии.

Согласно Матфею, Марку и Иоанну, при распятии присутствовала Магдалеянка, а не Мария из Вифании. Однако, если последняя была верной ученицей, каковой она казалась, то ее отсутствие в этот ужасный момент — смерти учителя через распятие — не кажется ли непонятным, если не скандализующим? Или же она присутствовала, но под другим именем — Марии из Магдалы, о которой говорится в Евангелиях? Если одна и та же женщина представляет двух, то, гипотетически, конечно, все объясняется, и в таком случае, Мария из Вифании могла присутствовать при распятии.

Отождествленная с Марией из Вифании, Магдалеянка также могла быть женщиной, омывшей ноги Иисуса благовониями, и, наконец, как в четвертом Евангелии, Марией, сестрой Марфы и Лазаря, причем это подтверждается достаточно четко и два раза. Сначала в главе XI, 1-2:

«Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее. Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими».

И второй раз в следующей главе:

«За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира»

(Иоанн, XII, 1-3).

Из этих двух цитат видно, что Мария из Вифании и та, которая оmyвает его благовониями, бесспорно, являются одним лицом и, очень возможно, той же женщиной, что и Магдалеянка. Если Иисус был женат, то он, следуя логике, был женат на женщине, много раз появляющейся в Евангелиях под тремя именами и в трех различных ролях.

Если Мария из Магдалы и Мария из Вифании являются одной и той же женщиной, женой Иисуса, то Лазарь приходится ему шурином. Имеются ли в Евангелиях следы этой родственной связи?

Ни Лука, ни Матфей, ни Марк не упоминают о воскресении Лазаря, но мы уже знаем, что этот рассказ был изъят из первоначального текста Марка по совету Климента Александрийского. И только благодаря четвертому евангелисту, Иоанну, потомки узнали об этом событии из жизни Иисуса. Кажется, что Лазарь рассматривается как очень дорогой друг учителя, более близкий ему, чем его собственные ученики — независимо от воскресения, — и однако, что любопытно, он не принадлежит к узкому кругу его самых близких друзей.

В противовес ученикам, Лазарю тоже будет угрожать опасность, осведомляет нас Иоанн, когда знатные священнослужители решат избавиться от Иисуса и убить того вместе с ним. Помогал ли он учителю в его деятельности больше, чем сами его ученики, и совсем другим способом, не принадлежа к его близкому окружению, где о нем никогда не упоминается? И нужно ли видеть в угрозе ему возможную причину его отсутствия в день распятия, отсутствия, по меньшей мере, удивительного, для человека, вернувшегося к жизни, благодаря Иисусу?

Почему, наконец, эта смущающая деталь затем навсегда исчезла из Евангелий? Если только... Но сначала попробуем немного прояснить этот момент, восстанавливая факты:

Пробыв три месяца в Вифании, Иисус удаляется вместе с учениками на берег Иордана, куда посланник приносит ему весть о болезни Лазаря. Посланник не называет имени, он говорит только, как будто сообщает о хорошо известном человеке: «Господи, тот, которого Ты любишь, болен». И у Иисуса в этот момент интересная реакция: вместо того, чтобы поспешить к этому человеку, которого он «любит», чтобы помочь ему, он, кажется, напротив, принимает эту весть спокойно, если не сказать с некоторым безразличием. «Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий» (Иоанн, XI, 4). Что касается его

отношения, то оно смущает нас не меньше, ибо «он пробыл два дня на том месте, где находился», не беспокоясь явно о здоровье больного.

Наконец, он решает вернуться в Вифанию, объявляя своим ученикам:

«Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его».

В этот момент, уточняет Иоанн, Иисус говорит о смерти, и действительно, через несколько стихов он повторяет:

«Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдём к нему».

На что Фома, называемый «Близнец», отвечает, обращаясь к другим ученикам:

«Пойдем и мы умрем с ним»
(*Иоанн, XI, 16*).

Что означают эти слова? Если Лазарь умер, ученики, во всяком случае, не имеют коллективного желания также умереть! Как же объяснить эту неспешность, которую Иисус, кажется, проявляет, чтобы отправиться в Вифанию?

Профессор Мортон Смит считает, что перед нами действительно разворачивается действие одного из таинств посвящения, многочисленных в Палестине во времена Иисуса. Эти таинства включали в себя ряд символических ритуалов, среди которых фигурировали «смерть» и «воскресение», недолгое времяпрепровождение в могиле — прелюдия к возрождению; затем следовал ритуал, ставший сегодня крещением — символическое погружение в воду, потом бокал вина — символ крови пророка или мага, возглавляющего церемонию. Ученик делил с ним содержимое бокала в знак совершенного мистического союза, в котором и тот, и другой, учитель и посвященный, составляли отныне единое целое. В самом деле, здесь мы находим характерные черты христианского крещения, установленного св. Павлом, и «тайной вечери» Иисуса и его учеников.

Жизнь Иисуса, продолжает профессор Смит, напоминает, впрочем, очень близко жизнь многочисленных магов и знахарей, которые ходили тогда по дорогам и городам Ближнего Востока: тайные сборища, тихие беседы с чудом исцеленными, приказ ничего не разглашать и привычка говорить исключительно параболами и аллегориями постоянно отмечали их поступки.

Именно с этой стороны вполне возможно, что Лазарь во время пребывания Иисуса на берегах Иордана мог оказаться вовлеченным в посвященческий ритуал, конечным этапом которого было символическое воскресение после предварительного пребывания в гробу. Желание учеников принять участие в этом ритуале «умирая с ним» теперь понятно, как понятна и безмятежность Иисуса, узнавшего о предполагаемой смерти Лазаря. Правда, Марфа и Мария кажутся глубоко смущенными, либо плохо поняв, либо неправильно истолковав это событие. Во время посвящения мог иметь место какой-нибудь инцидент, если только речь не шла о ловкой инсценировке, известной лишь нескольким близким друзьям.

Посвящение, особенная дружба... Лазарь беседует с Иисусом гораздо больше, чем с другими учениками — это, конечно, исключительные узы; и ученики, ревновавшие, быть может, попытались присоединиться к нему во время таинственного ритуала. Но почему Лазарь является единственным его участником? Почему неизвестный никому до сих пор и единственный из его приближенных, он пользуется у учителя такой неслыханной милостью? Почему век спустя еретики-карпократийцы придали этому рассказу такое большое значение? Почему Климент Александрийский изъял его из Евангелия от Марка? Не потому ли, что Иисус «любил» Лазаря больше, чем кого-либо другого? Или из-за тесных родственных уз, которые подразумевались между ними? Или же по обеим причинам одновременно? Все равно, четвертое Евангелие точно высказывается на этот счет, ибо, когда Иисус возвращается в Вифанию и оплакивает или притворяется оплакивающим смерть своего друга, свидетели этой сцены

восклицают, подхватив слова посланника:

«Смотри, как Он любил его!»
(*Иоанн, XI, 36*).

Вспомним, что автор четвертого Евангелия, единственного, где фигурирует эпизод с воскрешением Лазаря, никогда не называет сам себя. Он говорит не об «Иоанне», но много раз о «любимом ученике», «о том, кого Иисус любил», позволяя таким образом думать, что он был избранным и пользовался ласковым отношением учителя. Это его, единственного, увидим мы выслушивающим откровения Иисуса во время последнего застолья:

"Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему:

Господи! Кто это? Иисус ответил: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту"

(*Иоанн, XIII, 23-28*).

Итак, кто мог быть этим «любимым учеником», на котором основаны все свидетельства четвертого Евангелия, если не Лазарь собственной персоной, «которого любил Иисус»? И возможно, что двое составляли одного человека, и тогда под именем «Иоанн» скрывался Лазарь? Во всяком случае, к такому выводу пришел Уильям Броунли, сведущий в вопросах изучения Библии и большой специалист по рукописям Мертвого моря. Для него не существует никаких сомнений: «Со всей ясностью из четвертого Евангелия вытекает, что любимый ученик — Лазарь из Вифании».

Для нас же на новом этапе наших заключений кое-какие несообразности находят свое объяснение. Сначала странное исчезновение Лазаря из Евангелических рассказов и его не менее озадачивающее отсутствие во время распятия. Если он — «любимый ученик», то он присутствует при смерти Иисуса, все тексты об этом упоминают, и это ему, своему шурина, поручает умирающий учитель свою мать:

«Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! Се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе»

(*Иоанн, XIX, 26-27*).

Эти последние слова цитаты кажутся нам особенно разоблачительными. Действительно, другие ученики покинули свои дома в Галилее и, таким образом, не имеют крыши над головой. Но Лазарь — Иоанн, известно, владел большим домом в Вифании, где Иисус имел обыкновение останавливаться.

С того момента, когда верховные священнослужители решили убить Лазаря, он, как мы это видели, уже не упоминается под своим именем. В самом деле, можно проследить за ним до самого конца четвертого Евангелия, скрывающимся под именем «любимого ученика». Доказательством тому последние стихи, предшествующие заключению, описывающие довольно любопытную ситуацию, заслуживающую того, чтобы мы на ней остановились. Иисус предсказал только что мученичество Петра, потом попросил его следовать за собой; тогда, обернувшись, «Петр видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечери, преклонившись к груди Его, сказал: Господи! Кто предаст тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! А он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?» (Иоанн, XXI, 20-24). Текст прозрачен в своей двусмысленности! Любимый ученик будет ждать возвращения Иисуса, не символического возвращения, вроде «второго пришествия», но реального момента, когда двое должны встретиться. Иисус, отправив других своих учеников бродить по свету, вернется к «тому, которого любит».

Итак, если «любимый ученик» — Лазарь, то этот сговор, это сообщничество его с учителем не беспрецедентно. За неделю до распятия, действительно, Иисус готовится торжественно вступить в Иерусалим; но, согласно пророчествам Ветхого Завета, он должен сесть верхом на осла (Захария, IX, 9-10). Значит, нужно добыть животное, и в Евангелии от Луки Иисус торопит двух учеников отправиться в Вифанию, где их ждет осел; им достаточно лишь сказать его владельцу:

«Он надобен Господу». И события разворачиваются именно так, как предсказывал Иисус: ученики находят и отвязывают осла, и каждый кричит о чуде. А что здесь такого необыкновенного? Нельзя ли скорее заключить из этого, что здесь имел место тщательно разработанный Иисусом и владельцем осла план, и этот человек, предоставляющий в нужный момент своего осла, возможно, похож на Лазаря?

Для Хуга Сконфилда это почти уверенность: без ведома других учеников, Иисус поверил Лазарю детали своего триумфального въезда в Иерусалим. Но такая организация предполагала наличие кружка близких людей и, если можно так выразиться, кумовьев — друзей или членов семьи, пользующихся полным доверием учителя и принятых в его планы. Для Хуга Сконфилда Лазарь, по всей очевидности, входил в эту группу, как, впрочем, считает в свою очередь и профессор Смит, настаивая на особом статусе, который имел этот последний со времени своего посвящения и символической смерти в Вифании. Поэтому, может быть, Вифания и была предназначена для таинств, возглавляемых Иисусом, и этим объясняется то, что это имя много раз встречается в ходе нашего расследования. Действительно, вспомним, что Сионская Община назвала Вифанией свой «ковчег» в Ренн-ле-Шато, и Соньер, явно по ее просьбе, назвал Вифанией² построенную им большую виллу.

Итак, в конце четвертого Евангелия в этих таинственных стихах мы видим это сообщничество Иисуса с «человеком из Вифании» на предмет осла. Согласно тексту, Иисус просит «любимого ученика» остаться на месте и подождать его возвращения. Не должны ли они вместе принять какие-то меры? И не касаются ли эти меры семьи Иисуса? В самом деле, в момент казни он доверил свою мать любимому ученику, и если у него были жена и дети, то надо было бы их тоже ему доверить, особенно, если этот ученик является его шурином.

Согласно преданиям, мать Иисуса умерла в изгнании, в Эфесе, где было написано четвертое Евангелие; но никто не знает, жила ли она до конца своих дней у ученика. Что касается Хуга Сконфилда, то он считает, что четвертое Евангелие было не написано в Эфесе, а лишь проверено, окончательно записано и издано греческими учениками Иоанна, возможно, по их инициативе.

Но если любимый ученик не уехал в Эфес, то что с ним случилось? Если, как мы верим, он и Лазарь были одним и тем же лицом, то на этот вопрос существует ответ, ибо предания вполне определенно высказываются на этот счет, как и некоторые писатели первых дней существования Церкви. Согласно им, Лазарь, Мария из Магдалы, Марфа, Иосиф из Аримафеи и некоторые другие люди сели на корабль и доплыли до Марселя. Оттуда Иосиф отправился в Англию, где основал Гластонберийскую церковь, но Лазарь и Магдалянка остались в Галлии. По тем же преданиям, она окончила свою жизнь в Провансе, в гроте Экса, прозывающемся с тех пор Сент-Бом, а он — в Марселе, где основал первое епископство, в то время как один из их спутников, Св. Максимиан, учредил епископство в Нарбонне.

Так, с полотна Истории стерлись Лазарь и «любимый ученик», смешавшись один с другим, привезя в Марсель вместе с Марией из Магдалы Святой Грааль, «королевскую кровь». И этот отъезд был подготовлен самим Иисусом и его любимым учеником. По крайней мере, если верить заключительным стихам четвертого Евангелия...

Если существовал брак Иисуса с Магдалянкой, то какую цель он преследовал? Иными словами, скрывал ли он династическое супружество или политические интересы? Короче говоря, заслужит ли потомство, вышедшее из этого союза, названия «королевского»?

Если верить Матфею, установившему с самого начала в своем Евангелии королевское происхождение Иисуса от царя Давида и от Соломона, то он действительно имеет законные

² «Вифания» по-французски произносится «Бетани» или «Бетанина» — «Bethanie», «Bethania»

права на трон Палестины; быть может даже, он был единственным легальным претендентом, и в этом случае надпись, помещенная на верхушке креста теряет свой саркастический аспект и означает по-настоящему «Царь Иудейский». Но тогда Иисус представлял серьезную опасность для Ирода и римлян, ибо он был священником-царем, способным объединить страну и весь еврейский народ.

Очень многие сегодня думают, что знаменитого «избиения невинных», устроенного Иродом, никогда не было, а если оно и имело место, то не достигало размеров, о каких повествуют Евангелия и более поздние народные предания. Однако этот трагический эпизод не был полностью выдуман: Ирод и правда опасался, что его свергнут с трона, его положение было непрочным и целиком зависело от воли римлян. Оно основывалось лишь на грубой власти его когорты, и подданные его ненавидели.

Но из-за этого малоуспокаивающего психологического контекста и слухов, касающихся духовного спасителя, которые ходили по всей Палестине, были ли события настолько тревожными, чтобы оправдать подобный акт? Если, тем не менее, Ирод был настолько напуган, то не следует ли скорее заключить, что угроза действительно носила конкретный политический характер и исходила от законного претендента на трон, уже, может быть, пользующегося значительной народной поддержкой? Следовательно, если «избиение невинных» вполне могло не иметь места, примем, что предания имели веские причины поддерживать его кажущуюся достоверность, ибо они опирались на оправданные страхи Ирода и, таким образом, на правдоподобную попытку его избавиться от опасного соперника.

Но если, исходя из всего вышеизложенного, Иисус принимает вид серьезного претендента на царскую корону, определение «бедный плотник из Назарета» больше не может быть применено к нему. Впрочем, не будем забывать о том, что в подтверждение этого факта в наличии имеются и другие. Действительно, с одной стороны, он вовсе не «из Назарета», а, как мы видели раньше, скорее «назорей» или «назорейнин», или даже «из Генисарета»; с другой — еще никто не доказал, что во времена Иисуса существовал город под названием Назарет. Он не фигурирует ни на одной карте и ни в одном документе римлян; он не упоминается в Талмуде и еще меньше того применяется к Иисусу в писаниях св. Павла, составленных еще до Евангелий. Наконец, и это особенно важно, он не появляется совсем в перечне городов Галилеи, составленном Иосифом Флавием, самым знаменитым историком того времени, который командовал римскими войсками в этой провинции. Он не появляется нигде по очень простой причине: этот город, как кажется, был основан только после восстания 68-74 гг. Таким образом, это название будет позже связано с именем Иисуса из-за семантической ошибки, случайной или умышленной, каких, к сожалению, много встречается в Новом Завете.

Как бы то ни было, но название «Назарет» вызывает меньше сомнений, чем определение «бедный плотник», ибо ни одно из Евангелий не представляет Иисуса таковым. Напротив, он явно очень образован и даже занимался изучением религиозных вопросов, что позволяло ему проповедовать как «равви». Конечно, у него есть друзья-бедняки, но есть и очень богатые, как, например, Иосиф из Аримафеи или Никодим; moreover, «свадьба в Кане» недвусмысленно выявляет уровень его социального положения.

Если вернуться к этой свадьбе, то она, определенно, была очень важным событием, не таким уж обыкновенным собранием, как мы сначала вообразили. Насчитывались сотни гостей, множество расторопных слуг, «распорядитель» — что-то вроде церемониймейстера — руководил всем пиршеством и, быть может, занимал в местном обществе не низкое положение. Наконец, в изобилии лилось вино, к пустым кувшинам прибавились еще шестьсот литров, превращенных Иисусом из воды. То есть, это был блестящий прием, где собралось избранное общество, и само присутствие Иисуса на нем, даже если предположить, что речь не идет о его собственной свадьбе, ясно указывало на его принадлежность к этой касте, чему доказательством хотя бы расторопность, проявленная по отношению к нему слугами.

Итак, если Иисус принадлежал к этому обществу и если он был женат на Магдалянке, возможно, что эта последняя занимала в нем подобное же положение, и ее связи при дворе Ирода подтверждают нашу догадку. Но, по нашему мнению, эта догадка может пойти еще дальше.

Действительно, в самом начале Иерусалим, святой город и столица Иудеи, принадлежал,

как мы уже видели, племени Вениамина; но этот последний, враждуя с другими коленами Израиля, должен был отправиться в изгнание, оставив на месте, как уточняют «документы Общины», некоторых своих членов, решивших не покидать свою родину. Позже св. Павел в XI главе «Послания к римлянам» заявит, что он сам — потомок колена Вениаминова.

Но, несмотря на конфликты с Израилем и жестокие потери, понесенные в ходе сражений, племя — и это мы тоже видели-дало ему первого царя, Саула, помазанного пророком Самуилом, и первую царскую династию. Затем Саул был низложен Давидом из колена Иуды, и Давид, устроив свою столицу в Иерусалиме, лишил потомков Вениамина их прав на трон и на законное наследство.

Иисус, согласно Новому Завету, принадлежавший к потомству Давида, был, таким образом, членом колена Иудина; то есть в глазах потомков Вениамина он мог бы предстать как узурпатор. Но все бы изменилось, если бы он женился на женщине из колена Вениаминова и этот союз двух вражеских династий имел бы серьезные политические последствия: Израиль получил бы царя-священника, Иерусалим возвратился бы к своим законным владельцам, народное единство было бы укреплено и права Иисуса на трон получили бы новое подтверждение.

Возвращаясь к Магдалеянке, то есть к Марии из Магдалы, скажем, что, если ничто не указывает в Новом Завете на то, к какому племени она принадлежала, то, согласно некоторым легендам, она происходила из царской династии, и, уточняют предания, именно к колону Вениаминову.

Эта совокупность фактов, как видно, сходится в одной точке, и каждое новое уточнение логически присоединяется к предыдущему. Поэтому теперь возможно стало подсмотреть намеченный заговор: так как законные права на трон имеет священник-царь из колена Давидова, Иисус заключил династический брак, представляющий бесспорный интерес для его политического будущего. Благодаря ему он будет в состоянии объединить свою страну, мобилизовать массы, прогнать угнетателей и восстановить во всей славе прежнюю монархию, как при Соломоне. Не этим ли оправдывается неоспоримое прозвание этого человека — «Царь Иудейский»?

Духовный вождь, поддерживаемый народом, без сомнения, может представлять угрозу правительству. Но женатый человек, имеющий законные права на трон и детей, продолжающих династию, еще более опасен. Сознали ли евангельские римляне эту опасность в лице Иисуса?

Известно, что Пилат, допрашивая Иисуса, много раз называет его «Царем Иудейским», и во время распятия на кресте была прибита деревянная табличка, на которой были написаны эти слова. Как утверждает профессор С. Дж. Ф. Брэндон из Манчестерского университета, эту надпись надо рассматривать самым серьезным образом, ибо она не могла быть прибита в насмешку, как это часто думают. Впрочем, о ней упоминают все четыре Евангелия, и в силу того, что она подразумевает в этот решающий момент в жизни Иисуса, она не могла быть придумана впоследствии.

В Евангелии от Марка, допросив Иисуса, Пилат, спрашивает у верховных священников: «Что же хотите, чтобы я сделал с тем, которого вы называете Царем Иудейским?» (Марк, XV, 12). Итак, некоторые евреи говорят об Иисусе, как о своем царе, и Пилат, со своей стороны, в Евангелиях не кажется противящимся этому. В его отношении не видно ни малейшего следа иронии или сарказма; как раз наоборот, по Иоанну, мы видим, что он допрашивает и выслушивает Иисуса самым серьезным образом, несмотря на протесты его окружения. Что же касается ответа Иисуса на вопрос: «Ты Царь Иудейский?», то он одинаков во всех четырех текстах: «Ты говоришь...», то есть: ты сам это сказал; это подразумевает, что Пилат признал его и его права на царский титул.

Важно отметить еще раз, что Евангелия были написаны во время после бунта 68-74 гг. — в период, когда Иудея перестала существовать как политическая и общественная реальность. Они были предназначены для греко-римской публики и в этой связи должны были соответствовать определенным требованиям, как мы это видели выше. Рим вел против евреев дорогостоящую войну, она увенчалась победой, и для авторов четырех книг было более разумным подогнать рассказ под требования момента. Так же было и для Иисуса; долгое время бывшее скрытым возбуждение в Иудее переросло в настоящее восстание, и лучше было бы

стереть с этого образа размеры политического бунтаря, неспособного благосклонно принимать существующую власть. Таким образом, элементарной осторожностью было свести до минимума ответственность римлян за суд и казнь Иисуса и представить их как можно более чуждыми этим событиям. Так, Пилат представлен терпимым, примирительным и не очень склонным высказаться за поспешную казнь. Тем не менее, несмотря на многочисленные свободы, взятые по необходимости по отношению к действительной Истории авторами Евангелий, может быть, можно определить истинную позицию Рима в этом эпизоде?

Согласно Евангелиям, Иисус сначала был приговорен синедрионом, или Советом Старейшин, который затем привел его к Пилату, заставляя прокурора выступить против него.

Действительно, у трех синоптиков Иисус был арестован и приговорен синедрионом в ночь накануне Пасхи, тогда как по еврейским законам синедриону было категорически запрещено собираться во время Пасхи. В Евангелиях арест и суд над Иисусом происходит ночью, в синедрионе, но еврейский закон равно запрещал собираться синедриону после наступления дня в частных домах или других местах за стеной Храма. Наконец, в Евангелиях синедрион не кажется облеченным властью выносить смертные приговоры, и именно по этой причине он отвел Иисуса к Пилату; синедрион же вполне мог приговаривать к побитию камнями. Если бы Совет Старейшин действительно хотел лишить Иисуса жизни, то он сам по себе приговорил бы его именно к этой казни, не имея при этом нужды спрашивать разрешения Пилата.

Много раз различные авторы евангельских рассказов пытаются переложить ответственность за эти события с римлян на евреев, а именно: эпизод с Пилатом, предлагающим толпе освободить одного узника на ее выбор, как это часто делалось по обычаю во время праздника Пасхи, говорят нам Марк и Матфей. Но на самом деле эта версия совершенно ошибочна, и многие ученые сегодня пришли к соглашению и признали, что римляне никогда не проводили такую политику. Предложение римского прокуратора — Иисус или Варрава? — есть чистая фикция, как чистой фикцией является его нежелание выносить смертный приговор Иисусу и его вынужденное подчинение пожеланию толпы. В действительности было совершенно немыслимым для представителя римских законов, а в особенности для такого жестокого человека, как Понтий Пилат, склониться перед капризом народа, и еще менее того — спрашивать его мнение. И мы повторяем, что цель этой басни состояла в том, чтобы освободить римлян от ответственности, переложить ее на евреев и сделать из Иисуса персонаж, способный понравиться будущим читателям четырех Евангелий.

Вполне возможно, что не все евреи были абсолютно невиновны во всем этом, и, кроме того, даже если они боялись угрозы этого царя-священника, претендующего на трон своих предков, то римская администрация не могла открыто применить репрессивные меры, способные вызвать огромное по своим масштабам восстание евреев. Следовательно, для нее гораздо более разумным было сделать так, чтобы этот человек был открыто предан своими же соотечественниками, и в этих целях она, возможно, использовала услуги саддукеев. Тем не менее, остается очевидным одно: Иисус был жертвой римской администрации, римского правосудия, римского приговора, грубости римских солдат и казни, приготовленной исключительно римлянами для врагов Рима. Иисус был распят не за «преступления» по отношению к евреям, а за его деятельность, которая угрожала римской империи.

До того, как быть казненным, Иисус смог родить ребенка, и, если ему удалось выжить, то еще одного или нескольких. Но имеется ли серьезное доказательство того, что он избежал смерти или того, что распятие было всего-навсего обманом?

Личность Иисуса, такая, какой она появляется в Евангелиях, делает распятие в некотором роде необъяснимой вещью. Действительно, нам говорят, что его главными врагами были влиятельные евреи из Иерусалима; но эти враги, которые не нуждались ни в какой согласии Рима, чтобы побить его камнями, прекрасно могли между собой решить уничтожить этого надоевшего им человека. Кроме того, Иисус, как говорят Евангелия, не вступив в конфликт с римской властью, нимало не нарушив ее законов, был, тем не менее, приговорен римлянами, согласно их эдиктам и процедурам. Еще более удивительно то, что назначенной ему карой было распятие — смерть, уготованная, как мы уже видели, тем, кто был виновен в преступлениях против империи. Следовательно, не можем ли мы заключить, что Иисус не был таким уж невинным в плане политическом, что и хотят сказать Евангелия, и что тем или иным образом

он спровоцировал гнев, но не евреев, а римлян?

Все равно, его смерть на кресте окружена противоречиями, и мы можем, забегая вперед, сказать, что это распятие, как его описывают Евангелия, вовсе не имело причин быть для Иисуса роковым.

В самом деле, римская практика распятия происходила технически очень точно разработанным способом. После приговора жертву бичевали, она теряла много крови и очень скоро приходила в состояние сильной слабости. Потом его руки либо привязывали ремнями, либо чаще прибивали гвоздями к тяжелой горизонтальной балке, ложившейся на шею и плечи. С этой ношей приговоренный направлялся к месту казни, где эту балку вместе с жертвой поднимали и прибивали к вертикальному столбу или колу.

Таким образом подвешенный за руки, распятый больше не мог дышать, если только его ноги не были также прибиты к кресту — тогда он мог на него опереться, чтобы приподнять грудь, освободить легкие и совершать слабые дыхательные движения. В таких условиях, и особенно, если казненный отличался хорошим здоровьем, у него был какой-то шанс прожить еще один или два дня, находясь, правда, в состоянии, близком к агонии. Так, некоторые казненные, у которых ноги имели хоть какую-то опору, продолжали жить на кресте в течение некоторого времени, прежде чем умереть от истощения, от жажды или, если гвозди были ржавыми, от заражения крови. Чтобы прекратить страдания и ускорить смерть, жертве иногда перебивали ноги или колени, как поспешили это сделать, согласно Евангелиям, палачи Иисуса. Это не было продиктовано садизмом, но, наоборот, жалостью, в данный момент это было «кубийством из милости», чтобы ускорить смерть; давление на грудь жертвы быстро становилось невыносимым и быстро влекло за собой полное удушье.

Сегодня все заставляет верить, что автор четвертого Евангелия был из них всех единственным очевидцем распятия. Как он утверждает, ступни Иисуса были прибиты к кресту, что позволяло ему кое-как дышать, и ноги не были перебиты. Теоретически он мог прожить еще достаточно долго; но едва его подняли на крест, спустя всего несколько часов, к нему приходит смерть, и сам Пилат в Евангелии от Марка (XV, 44) удивляется, что Христос так быстро умер.

Отчего же умер Иисус? Не от удара копьем, так как четвертое Евангелие уточняет (XIX, 33), что к этому моменту он уже был мертв. Тогда от истощения, от грубого обращения, которые он перенес? Возможно, но не обязательно, ибо все эти условия, вместе взятые, не влекли неизбежную смерть, по крайней мере, так быстро. Но кое-что еще кажется подозрительным. Почему, согласно тому же четвертому Евангелию, вот-вот собираясь перебить ему ноги, чтобы ускорить смерть — ведь он уже умирал, — этот способ был использован только тогда, когда смерть запаздывала?

В случае Иисуса эта последняя появляется, так сказать, в очень подходящий момент, как раз вовремя, чтобы помешать солдатам сломать ему кости, вовремя также, чтобы одно из слов Писания оказалось выполнено. По этому поводу, впрочем, многие комментаторы считают, что Иисус «запрограммировал» свою жизнь в соответствии с пророчествами Ветхого Завета, относящимися как раз к пришествию мессии. Именно по этой причине, например, Захария объявил ему, что он должен раздобыть себе осла в Вифании, чтобы торжественно вступить в Иерусалим, и этими же причинами, долженствуя совпасть с древними преданиями, объясняются и некоторые подробности распятия. Короче, эта предполагаемая смерть Иисуса, спасающегося в последний момент от очевидной кончины и позволяющая таким образом выполнить предсказания Ветхого Завета, по крайней мере, подозрительна. Неправдоподобная и слишком совершенная, она очень хорошо совпадает с приходом солдата, готового вмешаться, чтобы ускорить конец. В этих условиях не исключена позднейшая вставка в текст или исполнение плана, тщательно выработанного заранее, и все возможные предположения тяготеют больше ко второму выводу.

В четвертом Евангелии Иисус, поднятый на крест, жалуется на жажду, и кто-то тут же протягивает ему губку, смоченную в уксусе. И этот жест, переданный одинаково в других Евангелиях, в противовес прочно укоренившейся идее, не имел никакого злого умысла. Уксус, или «кислое вино», был кисловатым на вкус напитком, который считался возбуждающим, и часто его использовали раненые римские солдаты или рабы на галерах, слишком измученные,

чтобы продолжать свою работу.

Но что любопытно: в случае с Иисусом уксус производит совершенно обратный эффект. Едва Иисус его вдыхает, либо пробует на вкус, как произносит свои последние слова и «испускает дух». Такая реакция является физиологически необъяснимой, если только губка не была пропитана уксусом, а вместо него каким-нибудь наркотическим или снотворным составом, например, смесью опиума и белладонны, которую приготавливали тогда повсеместно на Ближнем Востоке... Но для чего Иисусу дали такой наркотик? Почему? Если только не для того, чтобы подчиниться требованию искусной военной хитрости и умертвить еще живую жертву? Таким образом Иисусу не только спасали жизнь, но и выполняли также, по крайней мере, видимо, пророчество Ветхого Завета.

Даже вне этого контекста другие аспекты распятия также требуют доказательств. Так, само место казни располагается на Голгофе, то есть в местности, название которой переводится как «череп», которую по традиции представляют голым холмом, напоминающим по форме череп, находящуюся на северо-западе Иерусалима. Но место распятия вовсе не похоже на таковое, ибо в четвертом Евангелии мы находим следующее описание: «На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен» (Иоанн, XIX, 41). То есть Иисус был казнен в саду, где имелся готовый гроб или склеп, или поблизости от этого места, а не в одном из публичных мест, предназначенных для казней, не на вершине голого холма. Согласно Матфею (XXVII, 60), могила и сад являлись собственностью Иосифа из Аримафеи, богатого человека и тайного ученика Иисуса.

Кроме того, народные предания описывают распятие как важное событие, на котором присутствовала целая толпа зрителей. И здесь мы видим полное противоречие: Евангелия дают различные версии. У Матфея, Марка и Луки при казни присутствовали многочисленные друзья Иисуса, среди которых было много женщин, и держались они «вдалеке», и это еще раз подтверждает, что казнь совершалась, если можно так выразиться, в интимной обстановке, на частной территории, возможно, в Гефсиманском саду. Если этот сад принадлежал одному из «тайных» учеников Иисуса, то его использование учителем до распятия становится вполне правдоподобным.

Нужно ли уточнять, что казнь, совершаемая в таких условиях и достаточно далеко от посторонних глаз, могла быть разработана по любому плану в качестве ожидаемого события, и у зрителей на самом деле не было возможности проверить личность казненного и еще менее того — был ли он действительно мертв.

Конечно, подобная мистификация должна была совершаться с согласия Понтия Пилата или влиятельного члена римской администрации. А такое сообщничество вполне могло иметь место, ибо Пилат был жестоким, коррумпированным тираном и, безусловно, склонным к подкупу. Почему же он колебался в выборе: обменять жизнь Иисуса на деньги или на его обещание не вмешиваться больше в государственную политику? Даже если не заходить так далеко, то все равно, бесспорно то, что он был сильно замешан в это дело, что он прекрасно знал о стремлении Иисуса к титулу «Царя Иудейского» и что он удивился или претворился удивленным столь быстрой смерти его, прежде чем согласиться — главная деталь — выдать тело Иисуса Иосифу из Аримафеи...

Согласно римским законам, тело распятого не имело права на погребение, и обычно вокруг крестов ставилась стража, чтобы помешать родственникам или друзьям похоронить его. Жертву оставляли на кресте на милость стихии и на съедение хищным птицам. Но Пилат, сознательно нарушая закон, позволяет Иосифу из Аримафеи снять тело. Не есть ли это явное доказательство его сообщничества, свидетельствующее еще о многом?

Действительно, в Евангелии от Марка Иосиф из Аримафеи просит у Пилата тело Иисуса. Тот, удивленный такой быстрой смертью, посылает центуриона проверить и, удовлетворенный, отдает тело Иосифу. Внешне все просто. В греческом же переводе того же Евангелия контекст гораздо более сложен, ибо, когда Иосиф просит тело, он употребляет слово «*soma*», которое применяется исключительно к живому телу, тогда как Пилат, согласившись на его просьбу, употребляет слово «*ртота*» означающее тело — труп, а это ясно предполагает, что в данном случае просьба Иосифа касается живого тела, а разрешение Пилата относится к мертвому, и этот последний, быть может, лишь притворяется, считая его таковым.

Римские законы, как мы уже говорили, отказывают в погребении распятым, и в этих условиях удивительно, что Иосиф получает разрешение располагать телом Иисуса. Но для чего он просил это разрешение? Имел ли он на него права? Или же он действовал как «тайный» ученик приговоренного, и этот единственный поступок уже являлся признанием? Если только Пилат не знал уже о его убеждениях, или другой фактор не оправдывал просьбу Иосифа из Аримафеи.

Об Иосифе из Аримафеи известно немного, только то, что он был членом синедриона. Совета Старейшин, управляющим еврейским сообществом Иерусалима под эгидой римлян, и обладал весьма значительным состоянием, в которое входил сад со склепом у городских ворот. Зато определенно известно то, что он пользовался достаточно большим влиянием, чтобы поддерживать прямые отношения с Пилатом.

Средневековые легенды идут еще дальше, ибо они приписывают Иосифу из Аримафеи охрану Святого Грааля и видят в Персевале одного из его потомков. Согласно более недавним источникам, кровные узы связывали его с Иисусом и его семьей — гипотеза, позволяющая по всей законности требовать тело своего родственника и тем более разрешающая Пилату, которого легко было подкупить, отдать ему тело.

Одним словом, Иосиф из Аримафеи, богатый и влиятельный член синедриона, на самом деле был родственником Иисуса, и в этом мы видим доказательство аристократического происхождения последнего. Во всяком случае, это родство объясняет его связь со Святым Граалем и «королевской кровью».

Мы уже пытались построить гипотезу относительно существования потомства Иисуса. Теперь мы придадим ей новые размеры и большую связность, благодаря объяснению, хотя бы и временному, некоторых решающих деталей.

Иисус, явный царь-священник, аристократ и законный претендент на трон Палестины, попытался вернуть себе свое законное наследство. Родом из Галилеи, глубоко враждебный навязанному римлянами режиму, он рассчитывал на то, что по всей стране, а особенно в Иерусалиме он найдет богатых и влиятельных сторонников; среди них фигурировал могущественный член синедриона, возможно, один из его родственников. Благодаря своей жене или ее семье царь-священник располагал также большим домом в Вифании, в окрестностях Иерусалима, где он находился накануне своего триумфального въезда в столицу. Именно в этот дом он приглашал своих учеников на ритуалы посвящения, как это было с его шурином.

Делая это, он мог только вызвать сильное оппозиционное движение со стороны римской администрации и некоторых традиционалистских еврейских кругов, например, саддукеев, которым удалось открыто противодействовать его планам, хотя они и не смогли его полностью нейтрализовать по причине поддержки, которой он пользовался в высоких сферах. По соглашению с коррумпированным римским прокуратором они решили устроить инсценировку распятия и провести ее в частном саду, на которой присутствовали бы лишь самые близкие люди, а толпа стояла бы на достаточно большом расстоянии. Таким вот образом произошла предполагаемая казнь, в результате которой был распят неизвестный, заняв на кресте место царя-священника и сделав вид, что он быстро умер. Затем под покровом сумерек «тело» унесли и положили в могилу, вырытую рядом, откуда оно «чудесным» образом исчезло спустя день или два...

Если мы допустим, что таков был точный сценарий, то что же тогда стало с Иисусом?

В той мере, в какой нам известна история его потомства, ни этот вопрос, ни ответ на него не представляют главного интереса. Впрочем, по поводу его конца были выдвинуты самые различные гипотезы; в индийских и мусульманских легендах он дожил до преклонного возраста, находясь где-то на востоке, чаще всего упоминается Кашмир, и, со своей стороны, некий австралиец довольно убедительно поведал о том, что Иисус умер в Масаде во время взятия крепости римлянами в 74 г.

Наконец, согласно письму, которое получили мы сами, документы, найденные Беранже Соньером в Ренн-ле-Шато, содержали «формальное» доказательство того, что Иисус еще жил в 45 г.; но где? Быть может, в Египте, в Александрии, где в то же самое время Ормус основал орден Розы и Креста, пытаясь примирить принципы христианства с древними дохристианскими

тайнствами? Или же в окрестностях Ренн-ле-Шато, где, как говорили, было спрятано мумифицированное тело Иисуса, — такая гипотеза объясняла бы зашифрованное послание из пергаментов Соньера: «ОН УМЕР ЗДЕСЬ»...?

По нашему мнению, шансов на то, что он сопровождал свою семью до Марселя, мало. Во-первых, из-за его плохого физического состояния; во-вторых, потому что его присутствие представляло бы ненужную опасность для его близких. Следовательно, ему было лучше остаться в Святой Земле и со своим братом, святым Иаковом, продолжить продвижение к своей цели.

Итак, мы вынуждены признать, что мы не можем сформулировать удовлетворительную гипотезу о том, что случилось с Иисусом после распятия, но, повторяем, в пределах нашего расследования эта деталь нам не кажется главной. Зато больший интерес, на наш взгляд, представляет судьба его шурина, жены и детей. Действительно, мы видели, что они, вместе покинув Святую Землю на корабле, высадились в Марселе. Обладательница бесценного сокровища, Мария из Магдалы, Магдалянка, взяла с собой во Францию «Санграаль», «королевскую кровь», священное будущее дома Давидова.

13. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ЦЕРКВИ

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что этот сценарий, по крайней мере, сильно далек от традиционного христианского учения. Но чем дальше шли мы по этому пути, тем больше это учение, измеряющееся веками, казалось нам результатом отбора, изыманий и переделок гораздо более обширных и разрозненных материалов. Иными словами, Новый Завет предлагал образ Иисуса и его эпохи измененным, согласно требованиям и интересам различных обществ и отдельных личностей, имевшим на разных уровнях определенную цель, которую надо было охранять. Поэтому они стерли смущающие или затрудняющие детали, как, например, «тайное» Евангелие от Марка, чтобы оставить лишь смесь из не слишком компрометирующих текстов, оправдывающих все возможные догадки.

Если Иисус был законным претендентом на трон, то, вероятно, в самом начале он добился поддержки высокопоставленных представителей народа — собственной семьи, членов местной аристократии и отдельных личностей из Иудеи и Иерусалима. Но этого, очевидно, было недостаточно, чтобы помочь ему осуществить его планы, главным из которых было овладение тронном. Он был вынужден искать более существенную поддержку в различных других слоях общества, и для этого он применил самое надежное средство, чтобы привлечь к себе сторонников — исполнение миссии. Не одну из современных, циничных и разрушительных миссий, а миссию благородную и великодушную, праведную и идеалистическую, которая, тем не менее, несмотря на ее большую оригинальность в плане религиозного содержания, имела своей основной целью принести как можно больше согласия. Иисус обратился сначала к угнетенным, страждущим и преследуемым, к огромной толпе униженных и несчастных, которая была особенно расположена воспринять слова успокоения и надежды.

Если современный читатель захотел бы на несколько мгновений пренебречь многочисленными предрассудками и идеями, которые все вместе затемняют наше суждение, то он нашел бы здесь механизм, необыкновенно похожий на тот, который сегодня мы встречаем повсюду — механизм, предназначенный для того, чтобы объединить отдельных индивидуумов во имя общего дела, чтобы сделать их инструментом, побеждающим господствующий деспотический режим. Этическая и политическая миссия Иисуса была, таким образом, прежде всего предназначена для страждущих и преследуемых, для угнетенных и несчастных, которые могли дать ему необходимую поддержку, а не к саддукеям, сотрудничающим с римлянами и не склонным поделиться своими богатствами или скомпрометировать свою благонадежность.

Миссия Иисуса, такая, какой ее передают Евангелия, не несла в себе ничего нового или исключительного, ибо в ней можно найти элементы фарисейской доктрины и, как это доказывают рукописи Мертвого моря, явные следы ессейской мысли. Но если его учение действительно не было оригинальным, то его способ передачи был таковым: Иисус на самом деле в высшей степени обладал даром исцелять и делать чудеса, говорить с толпой с помощью образных проповедей и заклинаний, доступных всем. Кроме того, в противовес его

предвестникам — ессеям, он не ограничивался заявлениями о пришествии мессии; он сам представлялся мессией, и доверие к нему, как и его авторитет, сильно возросли.

Несомненно то, что, когда он въезжал в Иерусалим, Иисус уже собрал вокруг себя значительное количество учеников. Но — и это необходимо уточнить — они делились на две разные категории, интересы которых совершенно отличались друг от друга. С одной стороны, маленькое ядро «посвященных» — его собственная семья, члены местной знати и влиятельные лица, спешившие увидеть своего кандидата на троне; с другой — толпа, маленькие люди, еще более спешащие увидеть выполненными обещания, содержащиеся в его миссии. Исключительно важно как следует отметить разницу между этими двумя группами, политические цели которых были одинаковыми, но мотивировки — абсолютно разными.

Поэтому единство, и так трудное для них, совсем перестало существовать после провала их общих планов. Объятое страхом, маленькое ядро его близких тут же поспешило спасти первым делом единственное сокровище, по-настоящему ценное для них, как и для любой знатной или королевской семьи — потомство, хотя бы и ценой изгнания. Что касается адептов миссии, равнодушных к судьбе рода, они лишь постарались передать и распространить его Слово.

Эта миссия, которой мы им обязаны, — христианство, такое, каким оно прошло через века, чтобы дойти до нас. Развитию и распространению его посвящено столько учений и трактатов, что не стоит затрагивать здесь этот сюжет. Скажем только, что со св. Павлом эта миссия выкристаллизовалась в свою окончательную форму и что на этой основе поднялось все теологическое здание христианской веры. Можно сказать, что в эпоху, когда были составлены Евангелия, основные принципы новой религии, возможно, уже были определены.

Эта религия, как мы уже видели, была, главным образом, предназначена для римской или романизированной аудитории и должна была представлять все события в выгодном свете, то есть сводить до минимума роль римлян в ущерб евреям. Но это не единственный элемент, свободно истолкованный по отношению к исторической действительности нарождающимся христианством. Действительно, римляне привыкли обожествлять своих лидеров, например, Цезаря, и нужно было сделать Иисуса богом, чтобы соперничать с ними на равных. Это и сделал св. Павел.

Но для того, чтобы обосноваться в Палестине, проникнуть и завоевать Сирию и Малую Азию, Грецию, Египет, Рим и Западную Европу, новая религия должна была повсюду быть принята народами и соразмеряться с их верованиями. Иными словами, власть, величие и чудеса нового бога должны были быть способными к конкуренции с теми богами, которых он хотел вытеснить. Короче, если Иисус желал внедриться в романизованном мире его эпохи, то ему нужно было представляться не мессией в старом смысле этого слова, не царем-священником, а настоящим богом во плоти. Как и ему подобные сириец, финикиец, египтянин и другие, он хотел пройти по подземному миру и через мрачную тьму Ада, чтобы выйти оттуда с весной, помолодевшим и торжествующим. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что понятие воскресения приобрело такое значение, и что Иисус должен был быть сравним с Таммузом, Адонисом, Аттисом, Озирисом и бесчисленной когортой умирающих и воскресающих богов, которые населяли в то время страны и сознания. Это было также основной причиной того, что была провозглашена доктрина о его рождении от девственницы, причина праздника Пасхи, праздника смерти и воскресения, которые совпадали с ритуальными праздниками весны и вечного обновления из других современных ему культов и таинств.

Но в той мере, в которой надо было продвигать миф о «боге», его земная семья, его политические и династические амбиции оказывались лишними, ибо, привязанные к эпохе и специфической личности, они стесняли его притязания на универсальность. Поэтому-то их систематически исключали из биографии Иисуса, также как и все намеки на zelотов и ессеев, потому что было бы очень затруднительно смешивать бога с грязными подробностями заговора, сверх того — обреченного на провал. Таким образом, в Евангелиях остались те тексты, которые нам известны сегодня, рассказы суровой, магической простоты, описывающие события, случайно происшедшие в Палестине в I в., занятой римлянами, но, в общем-то, в том вечном настоящем, свойственном любому мифу.

В то время как «миссия» начинала свой путь, семья и ученики Иисуса шли своим.

Обвинив Иродов в том, что они уничтожили вместе с архивами, касающимися знатных еврейских семей, все доказательства их прав на трон, они эмигрировали по всему миру в III в., рассказывает Юлий Африканий, и увезли с собой несколько документов, избежавших уничтожения в 66-74 гг.

Но эта семья могла быстро стать неудобной, даже опасной для мифа. Действительно, будучи свидетельницей исторической картины, которая служила ей основой, она рисковала подвергнуть этот миф сомнению, бросить на него тень недоверия, и, таким образом, серьезно скомпрометировать его будущее распространение. Поэтому очень скоро христианство постаралось стереть из своего прошлого все следы этой семьи, этого потомства и их честолюбивых намерений; оно также постаралось уничтожить по мере возможности саму семью. Этим объясняется ее молчание и ее существование в подполье, нетерпимость первых отцов Церкви к малейшему отклонению от ортодоксального пути, который они пытались навязать, и, быть может, один из корней антисемитизма. Признавая римлян невиновными, а виновными — евреев, «адепты миссии» и распространители мифа достигали двух целей: они приспособляли миссию к римской публике и компрометировали семью Иисуса, которая была еврейской. Спровоцированный таким образом антисемитизм, кроме того, послужил бы еще лучше их интересам, ибо, если семья нашла приют в еврейской общине империи, то, быть может, благодаря ловко поведенному народному движению, можно было добиться молчания стесняющих свидетелей.

Льстя таким образом римской аудитории, обожествляя Иисуса и используя евреев в качестве козлов отпущения, зародыши христианской ортодоксии имели все шансы, чтобы встретить благодатную почву, затем развиться и укрепиться в течение II в. Многие помогли этой эволюции, среди них на первом месте находится Иреней, епископ Лионский, около 180 г.

Еще более, чем первые отцы Церкви, Иреней внес большой вклад в то, чтобы придать юной христианской религии стабильную форму. Его объемистое «Опровержение фальшивой теологии, *Libros Adversus Haereses* (Книга против ересей)» с жаром осуждает и обвиняет все отклонения от ортодоксии, известные издавна еретические течения; их различию, их преступлениям и их заблуждениям он противопоставляет единство, истинность и превосходство христианской Церкви, единственной «достойной преданности», единственной, способной даровать спасение, и вне которой существуют только еретики, достойные самой худшей кары.

Теория гностиков была в глазах Иренея одной из самых злых форм отклонения, облаченных в христианскую доктрину. Основывающаяся на личном опыте и на личной связи с Богом, она сводила к минимуму роль священников и епископов и мешала образованию настоящего единения. Епископ Лионский стремился разрушить гностицизм, отвергая личное общение с Богом в пользу коллективной веры, ставшей бесспорной, благодаря установлению определенных и окончательных догм. Так родились теологическая система и совокупность основных принципов, составленных таким образом, что они не оставляли места личной инициативе. Ей Иреней противопоставлял единственную «католическую», то есть универсальную, Церковь, основанную, с одной стороны, на апостольских преданиях, а с другой — на Писании. Но раньше ему нужно было определить и раз и навсегда зафиксировать содержание написанного послания, которое впредь должно было послужить орудием. Таким образом. Новый Завет, пройдя через руки Иренея, и стал таким, каким мы его знаем сегодня.

Тем не менее, ереси не исчезли, как раз напротив; но, благодаря Иренею, христианство стало прочной доктриной с четкой структурой — условие, необходимое для того, чтобы оно выжило и имело успех. Поэтому было бы разумным считать, что епископ Лионский подготовил дорогу событиям, происшедшим сразу после царствования Константина: христианизация римской империи.

Роль Константина в истории и развитии христианства была предметом многочисленных и ошибочных толкований; особенное затруднение вызывает эпизод с его предполагаемой дарственной. Однако именно ему и не без основания приписывают решительную победу над «адептами миссии» Иисуса; но чтобы определить действительные обстоятельства, главенствовавшие в тот важнейший момент, нам надо отделить Историю от вымысла.

Согласно церковной традиции, Константин унаследовал от своего отца явную склонность

к христианству. В действительности этот вкус должен был быть связан очень тесно с вопросами интереса, ибо тогда христиан было много, а Константин нуждался в любой поддержке против Максанса, своего соперника, претендующего на императорский трон. В 312 г., победив Максанса на мосту Мильвиус, Константин остался единственным хозяином империи, но еще раньше произошел случай, который легенда оспаривает у истории. Во время молитвы, как говорят, Константин увидел на небе сияющий крест, окруженный девизом: «In hoc signovinces» — «С этим знаком победишь»; затем какой-то голос приказал ему поместить щиты и знамена солдат под защиту этой эмблемы. И тут же все украсили себя монограммой Христа, составленной из двух первых букв — "X" и "S" греческих — имени «Xpistos». Таким образом была одержана победа на мосту Мильвиус, представляемая в дальнейшем как чудесный триумф христианства над язычеством.

Такова, согласно народной легенде, роль Константина в обращении римской империи к новой религии. Но если в легенде это произошло исключительно благодаря ему, то историческая действительность — не стоит и уточнять — представляется совершенно иным образом и заслуживает того, чтобы ее тщательно проанализировали.

Во-первых, «обращение» Константина, раз уж укрепился этот термин, ни в коем случае не было христианским, но, бесспорно, было языческим. Будущему императору, возможно, действительно было видение около языческого храма, посвященного Аполлону Галльскому, то ли в Вогезах, то ли в окрестностях Отена. Как сообщает свидетель, сопровождавший Константина и его армию, видение представляло собой бога солнца, которому в некоторых культах поклонялись под именем «Sol Invictus» («Непобедимое Солнце»), и очень вероятно, что Константин как раз перед этим появлением был посвящен в одно из этих таинств, ибо когда римский сенат возвел триумфальную арку недалеко от Колизея в честь победы у моста Мильвиус, он снабдил памятник надписью: «instinctu divinitatis» — очень неопределенные слова, но явно показывающие, что победа была результатом «божественного вдохновения». А в проникнутом язычеством Риме ни Иисуса, ни кого-либо другого, кроме «Sol Invictus»'а, бога солнца, просто не могло быть.

Вопреки тому, во что слишком часто верят, Константин, кроме того, вовсе не признал христианство официальной религией римской империи. Действительно, во время его царствования никто не перестал поклоняться солнцу, да и он сам всю свою жизнь был верховным жрецом этого культа. Впрочем, это «Непобедимое Солнце» было повсюду: и на императорских знаменах, и на всех монетах, отчеканенных в королевстве. Образ Константина, трансформировавшийся в ревностного христианина, таким образом, противоречит истине, особенно если вспомнить, что крестился он лишь в 337 г., находясь на смертном одре, и был слишком слаб, чтобы оказать хоть малейшее сопротивление. Что касается монограммы, составленной из греческих букв "X" и "S", то невозможно облечь их в точное значение, так как похожая надпись была найдена на одном из надгробий в Помпеях, и сделана она была на два с половиной века раньше...

Культ «Sol Invictus»'а, пришедший из Сирии, был, впрочем, навязан своим подданным римскими императорами за сто лет до царствования Константина. Несмотря на некоторое сходство с культами Ваала и Астарты, это был, главным образом, монотеистический культ, ибо он отдавал солнцу все атрибуты других богов, признавая таким образом приоритет единственного божества универсального влияния. Кроме того, он сочетался с культом Митры, также бога солнца и олицетворения светила, почитаемого тогда во всей римской империи. Итак, для Константина, в высшей степени озабоченного политическим, религиозным или территориальным объединением, этот культ солнца, вечного победителя мрака, прекрасно подходил, и в той мере, в какой он превосходил все другие культы, замечательно служил его целям.

Таким образом, он довольно спокойно позволил христианскому монотеизму сначала проскользнуть, а потом вырасти и развиться в терпимую тень обожествленного светила, и это последнее сильно облегчало его внедрение, ибо первое взамен принимало некоторые его отношения к культу солнца, укоренившемуся уже давно на римской земле. Так, в 321 г. эдикт Константина приказал закрывать судебные палаты в день «поклонения солнцу», объявленный затем выходным днем. До этих пор днем, посвященным божественному культу, был иудейский

«шаббат», то есть суббота. Теперь его заменило воскресенье, и новая религия, гармонично соединенная с древней, еще немного отошла от своих иудейских корней. Также до IV в. день рождения Иисуса отмечался 6 января; в культе непобедимого солнца самым главным днем в году, праздником солнца, было 25 декабря, день, когда светило начинает свой восходящий путь к новому году на следующий день после зимнего солнцестояния, когда день начинает увеличиваться. Символизирующий рождение или возрождение, этот день, во всяком случае, впоследствии станет для христиан днем рождения Иисуса.

Наконец, так как существовало много общих точек соприкосновения обоих культов — Митры и «Непобедимого Солнца» — один и тот же бог, один и тот же день отдыха, один и тот же день рождения, 25 декабря, — такие же точки естественно должны были быть у христианства и культа Митры, ибо оба они акцентировали внимание на бессмертии души, Страшном Суде и воскресении мертвых.

Верный своим мечтам об объединении, Константин максимально уменьшил разницу между тремя религиями и сознательно предпочел не видеть между ними никаких противоречий. Так, он терпимо относился к обожествленному Иисусу, земному проявлению Непобедимого Солнца. Затем он одарил Рим монументальной христианской базиликой, приказав заодно возвести такую же монументальную статую богини-матери Кибелы и выгравировать гигантские изображения бога-солнца. Продиктованный эклектизмом жест императора, озабоченного гармоничным единством и миром в его королевстве... Вера у него была неотделима от политики, и в той мере, в какой она рождала сплоченность, любая вера для него заслуживала терпимости.

Собственно говоря, не будучи большим христианином-традиционалистом, Константин много сделал для объединения и единообразия христианской ортодоксии. В 325 г. он собирает в Никее первый Вселенский собор, который установил день Пасхи в литургическом календаре, определил власть епископов — зародыш будущего церковного всемогущества, и путем голосования установил, что Иисус был Богом, а не смертным пророком. Но, повторим, не набожность и не религиозные убеждения продиктовали такое его отношение. Если бы Иисус был Богом, то он прекрасно мог бы жить в согласии с солнцем, тоже богом, но если бы он был только смертным пророком, это согласие стало бы гораздо более труднодостижимым. Так христианская ортодоксия без колебаний поддалась слиянию с государственной религией в обмен на мудрую и полную поддержку римского императора.

В следующем после собора в Никее году Константин решает уничтожить и конфисковать все произведения, языческие либо «еретические», опасные для новой религии, затем он назначил Церкви и твердый доход и поселил епископа Римского в Латранском дворце. Наконец, в 331 г. организуя и финансируя изготовление новых экземпляров Библии, он оказывал этим христианской религии неоценимую услугу, единственную за всю его историю.

Действительно, в 303 г., за четверть века до вышеописанных событий, языческий император Диоклетиан приказал уничтожить как можно больше христианских сочинений. Доверив своим редакторам исправить это зло, Константин предоставлял стражам догмы удобный случай пересмотреть и исправить тексты, согласно их убеждениям или требованиям текущего момента, чем они благополучно воспользовались. На самом деле, очень возможно, что в это время и были произведены самые значительные изменения в Новом Завете; в это же время были уточнены и окончательно установились определения, касающиеся Иисуса, к которым в дальнейшем уже невозможно будет вернуться.

Нельзя недооценивать бесспорно важную роль Константина. Из пяти тысяч экземпляров еще существующих первых версий Нового Завета ни одна не датируется эпохой до IV в. Такой, каким мы знаем его сегодня, Новый Завет, таким образом, по большей части появился в течение этого века или же позже. Следовательно, его можно считать произведением стражей ортодоксии, «адептов миссии», преисполненных прежде всего сознанием высшего долга — охраны интересов.

Такая работа цензуры, практиковавшаяся в IV в. на древних христианских документах, исключала определенное количество текстов, не менее древних, не менее способных пролить свой собственный свет на историю и значение «миссии», не менее подлинных, наконец, чем официальные евангельские рассказы. Однако, их обозначили термином «апокрифы».

Среди них фигурирует Евангелие от Петра, один экземпляр которого, найденный в долине Верхнего Нила в 1886 г., уже упоминалось епископом Антиохии в 180 г. Согласно ему, Иосиф из Аримафеи был близким другом Понтия Пилата. И этот момент, если он точен, придает некоторое правдоподобие гипотезе об инсценированном распятии. Опять же согласно Петру, могила, в которой был погребен Иисус, находилась в месте называемом «садом Иосифа», и настоящие последние слова Иисуса на кресте были: «Власть моя, власть моя, отчего ты покинула меня?».

Другой «апокрифический» текст, не лишенный интереса, это Евангелие о детстве Иисуса Христа, которое датируется самое позднее II в. и, быть может, даже более ранней эпохой. Иисус описывается там как блестяще одаренный, но в высшей степени человеческий ребенок, даже слишком. Вспыльчивый и недисциплинированный, он был подвержен гневу и необдуманному использованию своей силы, ибо, утверждает Евангелие, иногда он мог сваливать на землю одной лишь силой взгляда любого, кто осмеливался ему сопротивляться!

Это последнее уточнение, конечно, можно считать явным преувеличением, но, во всяком случае, оно хорошо демонстрирует ореол сверхъестественности, который окружал его с самого детства.

Евангелия, описывающие детство Иисуса, рассказывают один любопытный эпизод. Во время обряда обрезания неизвестная старушка взяла крайнюю плоть ребенка, чтобы хранить ее в алебастровой шкатулке для нарда, и «это была та самая шкатулка, которую позже достала Мария-Грешница и использовала для того, чтобы пролить благовония на голову и ноги Господа ее Иисуса Христа».

Безусловно, здесь помазание, как, впрочем, и в официальных Евангелиях, превосходит свои собственные размеры и начинает все больше походить на некий ритуал. Но именно этот случай не является случайным событием; помазание, предусмотренное и подготовленное задолго до этого, предполагает наличие предварительного соглашения между Магдаляenkой и семьей Иисуса, соглашения, имевшего место задолго до того, как он в тридцатилетнем возрасте начал свою официальную деятельность. Даже если этот странный жест старушки был нормальным, родители Иисуса, конечно, не отдали бы его крайнюю плоть неизвестно кому, и сам факт того, что ее осмелились попросить, доказывает, что либо старая женщина была в близких отношениях с ними, либо она была важной особой в этих краях. К тому же, тот факт, что Магдаляenkа смогла позже иметь в своем владении эту странную реликвию или, по крайней мере, шкатулку, доказывает, что она также имела тесные связи со старушкой. И здесь события, кажется, разворачиваются на двух уровнях: один — оставшийся в тени и необъясненный, и который должен быть истолкован единственно в свете другого.

Некоторые отрывки апокрифических книг, а именно: те, что касаются определенных событий его юности, были явно неудобны для христиан той эпохи, какими, впрочем, они были и для современных христиан. Но, составленные также «адептами миссии» в контексте обожествления Иисуса, в конце концов, не содержат ничего действительно-компрометирующего эту миссию. Значит, нам надо было искать уточнения политической деятельности или династических амбиций Иисуса в другом месте.

Во времена Иисуса Святую Землю поделили между собой большое число различных еврейских групп, сект и группировок, религиозных и других. Евангелия же, со своей стороны, упоминают только о двух: о фарисеях и о саддукеях; первые, как мы видели, были врагами римской оккупации, вторые же, напротив, очень хорошо приспособились к присутствию римлян. Иисус же, не будучи в действительности фарисеем, был, бесспорно, отмечен их традицией.

Эта сдержанность евангелистов, по-видимому, может объяснить вполне понятная их забота об осторожности. Зато их абсолютное молчание по поводу zelотов, воинствующих и революционных националистов, плохо объяснимо, и даже римский читатель мог бы удивиться, не увидев в евангельских текстах и тени его злейших врагов. Существовала ли в этих условиях правдоподобная причина такого умолчания? Кажется, профессор Брэндон нашел ответ: Иисус, возможно, был тесно связан с zelотами, и Евангелия, чтобы избежать опасности скомпрометировать его, предпочли обойти этот сюжет и умолчать о нем окончательно.

Иисус, конечно, был распят как zelот, окруженный другими «lestai» — термин, которым

зелотов обозначали римляне. Впрочем, некоторые отрывки из Евангелий со своей стороны показывают его горячность и милитаристскую агрессивность, достойные зелотов. Не объявляет ли Иисус, что он принес не мир, но меч? Не приказывает ли он каждому обзавестись своим собственным мечом (Лука, XXII, 36)? И далее: после празднования Пасхи не считает ли он сам мечи в руках своих учеников (Лука, XXII, 38)? Наконец, до самого его ареста Симон Петр в четвертом Евангелии тоже вооружен, и такой его образ, надо признать, плохо соотносится с образом мирного спасителя, которого мы знаем, который принципиально не мог допустить, чтобы один из его любимых учеников рядом с ним потрясал мечом.

Но был ли Иисус зелотом? Вероятно, нет, но, без сомнения, он имел тесные связи с этим революционным движением. Варрава описан как *lestai*, Иаков, Иоанн и Симон Петр, по всей видимости, тоже пользовались симпатией среди зелотов и, быть может, сами являлись ими, судя по именам, под которыми они выведены в Евангелиях; Иуда Искариот, — впрочем, это известно, — есть искаженное «Иуда Сикарий», то есть «зелот»; в особенности этим термином обозначали элиту профессиональных убийц; наконец, ученик, известный под именем Симон в греческом переводе текста от Марка назван «*Kananaïos*» — эквивалент арамейского слова, означающего также «зелот». (Иногда встречается ошибочное выражение «Симон Ханаанея», но Лука не оставляет никаких сомнений на этот счет и говорит о Симоне Зелоте).

Итак, зелоты в Евангелиях отсутствуют. Но не они одни: отсутствуют также и ессеи. Так как они составляли секту такую же важную, как фарисеи и саддукеи, то немисливо, чтобы Иисус мог о них не знать; считается, что Иоанн Креститель сам был ессеем. Итак, мы вынуждены констатировать, что исключение их из Евангелий обусловлено теми же причинами, что и исключение зелотов: Иисус находился в тесном контакте с ними, все это знали, и в этих условиях было для евангелистов предпочтительнее хранить молчание и нигде о них не упоминать.

Известно, что с самого их возникновения около 150 г. до н. э. ессеи основали множество общин в Палестине и за ее пределами. Их чтение Ветхого Завета сопровождалось толкованием текстов больше аллегорически, чем буквально, и они имели тенденцию отбрасывать условный иудаизм в пользу некоей формы гностического дуализма, смешанного с идеями пифагорейцев и культом солнца. Очень искушенные в терапевтических науках, они были известны своими знахарскими талантами, аскетизмом, а также длинными белыми одеждами, которые они никогда не снимали.

Знаменитые рукописи, найденные в Кумране, считаются сегодня принадлежавшими ессеям, и действительно, одна из общин аскетов, располагавшаяся вблизи Мертвого моря, имела с ними очень много общего: одинаковые элементы дуалистической теологии, одинаковое значение, придаваемое приходу мессии, помазанника и потомка Давида, одинаковый календарь — сходный также с четвертым Евангелием, — устанавливающий на среду, а не на пятницу праздник Пасхи — то есть учение во многих аспектах идентичное. Этот последний момент показался нам очень важным, ибо он позволяет предположить, что Иисус знал членов Кумранской общины и что впоследствии их доктрина вдохновила его на выработку своей; быть может даже, как считает один из специалистов по рукописям Мертвого моря, их толкование Ветхого Завета послужило ему путеводителем в соответствии с их надеждами на мессию, как можно увидеть в текстах этого древнего союза.

Но не только в его учении и в его даре целителя мы встречаем следы есеевского влияния на личность и существование Иисуса.

Действительно, есеев было легко выделить из толпы по их белым одеждам, которые не в обиду будь сказано многочисленным современным режиссерам и художникам, вовсе не были широко распространены в Святой Земле. В «тайном» Евангелии от Марка белое одеяние было неотделимо от идеи ритуала, и если Иисус председательствовал на таинствах посвящения весь одетый в белое, в Вифании или в другом месте, то можно быть уверенными, что речь шла о церемонии есеевского характера. Впрочем, и в четырех официальных Евангелиях мы находим такое же понятие о белых одеждах, а именно: после распятия, когда тело Иисуса «чудесным образом» исчезло, могилу занимает некто в белом. Точно такая же характеристика и у Матфея (XXVIII, 3), где речь идет об ангеле, одеяние которого тоже «белое как снег», также и у Марка (XVI, 5): молодой человек, «одетый в белое». Что касается Луки (XXIV, 4), то он говорит о

«двух мужах в ослепительных одеждах», и четвертое Евангелие, в свою очередь, упоминает о «двух ангелах в белых одеждах». Два из этих четырех рассказов, кроме того, намекают не на сверхъестественных существ, а на смертных и неизвестных ученикам людей, по всей вероятности, ессеев. В Самом деле, можно предположить, что Иисус был снят с креста в состоянии крайней слабости, ему была необходима забота лекаря, и, следовательно, нужно было призвать одного из ессеев, таланты которых в этой области были признаны во всей Святой Земле. Даже если Иисус казался совсем умершим, само собой разумеется, что требовалось вмешательство одного из самых квалифицированных специалистов этого дела.

Согласно нашей гипотезе, фальшивое распятие было организовано при согласии Пилата, на земле, находящейся в частной собственности, некоторыми сторонниками Иисуса. Не «адептами миссии», а покровителями его потомства; его собственная семья, близкие друзья, члены его ближайшего окружения. Может быть, они имели связи с ессеями, может быть, они сами были ессеями, но все равно, они были единственными, кто знал об этой хитрости, о которой не знали все остальные сторонники Иисуса, «адепты миссии», представленные Симоном Петром.

Перенесенный в могилу, предоставленную Иосифом из Аримафеи, Иисус нуждался в медицинском уходе, что и объясняет присутствие одного или двоих ессеев. Также позже надо было поставить у могилы некое второстепенное лицо, обязанностью которого было успокоить «адептов миссии», объяснить отсутствие Иисуса его друзьям и предупредить обвинение в воровстве и осквернении могилы, которое эти последние не преминули бы бросить римлянам, не заботясь о том, что это может спровоцировать дипломатический инцидент.

Действительно ли сценарий разворачивался таким образом? Ничто этого не подтверждает, но одно остается определенным: это связь, существовавшая между Иисусом и зелотами с одной стороны и Иисусом и ессеями с другой, несмотря на заметные, если не сказать противоречивые, различия, по крайней мере, на первый взгляд, характеризующие две общины: первые, как мы уже видели, были агрессивными, придирчивыми, готовыми на любой акт насилия, чтобы защитить свои убеждения, а вторые — безмятежные пацифисты, отрешенные от всяких политических стычек. Однако, зелоты, будучи группой политических заговорщиков, а не религиозной сектой, насчитывали в своих рядах не только фарисеев, враждебных римлянам, но и много ессеев, способных доказать спой патриотизм, когда это было нужно.

Впрочем, связи между зелотами и ессеями явно проявляются в работах Иосифа, который рассказывает почти все, что сегодня известно о Палестине в I в. Родившийся в 37 г. в большой еврейской семье Иосиф бен Меттафий был назначен губернатором Галилеи в начале бунта 66 г., когда он принял командование войсками, противостоявшими римлянам. Но, захваченный вскоре в плен Веспасианом, он изменил своим убеждениям и стал ярким коллаборационистом, принял римское гражданство под именем Иосифа Флавия и бросил свою жену ради богатой римской наследницы. Затем он получил от императора различные щедрые дары, например, личные апартаменты в императорском дворце и земли, конфискованные у евреев. В 100 г., в год его смерти, появились первые из его многочисленных хроник. Его книга «Иудейская война», источник многих позднейших трактатов, предлагает нам подробный рассказ о восстании, происшедшем между 66 и 74 г., и о его гибельном конце, а также об обстоятельствах разрушения Иерусалима, разграбления Храма и, наконец, о падении в 74 г. крепости Масада, находившейся на юго-востоке от Мертвого моря.

Как и замок Монсегюр каких-нибудь тысячу двести лет спустя, Масада осталась в Истории как символ героизма, упорства и мученичества народа, служащего проигранному делу. Последний бастион сопротивления победившему врагу, эта крепость, как известно, долго переносила, не ослабевая, многочисленные штурмы римских военных машин; затем, когда ночью 15 апреля стало ясно, что враг готовится проникнуть в цитадель через брешь, девятьсот шестьдесят мужчин, женщин и детей, как и в Монсегюре, предпочли умереть вместе в крепости, убив себя таким образом, что утром римляне нашли лишь тела, испепеляемые остатками пламени.

Иосиф сопровождал римские войска на заре 16 апреля, и вместе с ними он проник на эту бойню в Масаде. Трое выживших — женщина и двое детей, спрятавшихся во время этой драмы в сточном желобе крепости, — рассказали ему об ужасных событиях этой ночи, когда некий

Елеазар (Лазарь?), командующий гарнизоном, употребил, по их мнению, все свое красноречие, всю силу своего убеждения, чтобы склонить бунтовщиков к признанию жестокой необходимости умереть всем вместе.

В своей хронике Иосиф Флавий передает нам увещания Елеазара такими, какими он услышал их из уст выживших, и эти слова представляют для нас большой интерес, ибо они констатируют защиту, организованную воинствующими зелотами; Иосиф употребляет термины «зелоты» и «сикарии». Но главный интерес этой речи состоит, по нашему мнению, в ее содержании, очень далеком от традиционной иудейской мысли и, несомненно, отмеченной ессейским и гностическим влиянием.

Жизнь, а не смерть рассматривается как «бедствие» для человека; настоящая свобода, духовная, а не плотская, достигается через разрушение презренной земной оболочки; божественная и истинная природа души противопоставляется смертному телу, тяжелому и неудобному; первая заключена во втором, но она вдыхает в него жизнь... Столько элементов, отражающих недвусмысленно дуалистическую доктрину двух непримиримых начал, управляющих миром! Будучи полностью ими вдохновлен, Елеазар, призывая к смерти осажденных в крепости Масада, сравнивает их с мужественными людьми, спешащими освободить свои души от их плотской оболочки, которой они совершенно не дорожат, и так желающими достичь вечной жизни, что они объявляют всем вокруг о своем неизбежном уходе.

Насколько нам известно, сегодня никто еще не подумал о том, чтобы прокомментировать эти слова; это удивляет и огорчает, ибо они поднимают множество вопросов. Действительно, никогда раньше ни один иудейский текст не делал подобного намека на душу, и еще менее на невидимую, бессмертную и нетленную природу ее. Такое понятие было совершенно чуждо иудейской традиции, так же как и понятие превосходства духа над материей, связи с Богом в смерти и осуждения жизни, являющейся делом рук дьявола. Все эти гностические и дуалистические темы имели другое таинственное происхождение, и в контексте истории Масады речь могла идти о происхождении только ессейском.

Однако, если считать по-крупному, то эти речи Елеазара могут быть с таким же основанием рассмотрены как христианские; не в том смысле, который это слово приобретет впоследствии, но в том, которое придавали ему первые ученики Иисуса, готовые, как мы помним из четвертого Евангелия, пойти и умереть вместе с Лазарем. Надо ли заключать из этого, что некоторые христиане могли также быть среди героических защитников цитадели, раз мы знаем, что в ходе этого восстания многие из них боролись против римлян с таким же пылом, как и сами иудеи? В подтверждение этого вывода добавим, что многие из «первых христиан» в действительности были зелотами, и это, таким образом, заставляет думать, что они участвовали в сопротивлении Масады.

Конечно, историк Иосиф Флавий не подразумевает ничего подобного, если только некоторые намеки не были позже изъяты из его текстов... Можно также с полным основанием удивляться, что палестинский историк, пишущий в I в., ни разу не упомянул об Иисусе, и только в последующих изданиях это имя появляется, но в форме так соответствующей уже хорошо структурированной в своих определениях ортодоксии, что вполне можно подумать, будто здесь идет речь о добавлениях, датирующихся эпохой Константина.

Зато один экземпляр «Иудейской войны» Иосифа Флавия, очень отличающийся от других, был найден в России. Записанный на старославянском языке, текст датируется примерно 1261 г., и автор перевода не кажется ортодоксальным иудеем, ибо он придерживается очень многочисленных «дохристианских» ссылок. В этой версии Иосифа Иисус описан как человек, политический революционер и особенно как «царь, который никогда не царствовал», имеющий «по образу назореев» черту посередине головы, уточняет текст.

Очень многие и долго опровергали подлинность этого «славянского Иосифа». Но мы с нашей стороны склонны скорее считать его настоящим и видеть в нем перевод одного или многих экземпляров произведения историка, избежавших уничтожения, приказанного Диоклетианом, а затем от ярости редакторов Константина. В самом деле, к этому выводу нас привели многие соображения. Какой интерес и кому изобретать «славянского Иосифа»? Его образ Иисуса-царя был бы с трудом принят еврейской публикой XIII в.; а образ Иисуса-человека до мозга костей не был бы принят христианами того времени. И наконец,

почему у Оригена, толкователя и теолога начала III в., существует явный намек на версию произведения Иосифа, где автор отбирает у Иисуса роль мессии? Мы считаем, что, вероятно, именно здесь надо искать настоящие корни славянского текста Иосифа Флавия.

Второе восстание против власти Рима, как мы уже знаем, произошло через 60 лет после первого, между 132 и 135 гг. По окончании его все евреи были изгнаны из Иерусалима, который стал римским городом. Но уже давно История не интересовалась более Святой Землей, и мы ничего не знаем о событиях, которые происходили там в течение последующих двух веков; без сомнения, они не слишком отличались, от «мрачного Средневековья», в которое была погружена вся Европа.

Если большое число верующих евреев и христиан, тем не менее, осталось в Палестине, вне Иерусалима, то большая часть их пересекла границы Святой Земли, унося с собой и рассеивая в своем окружении великие принципы своих доктрин. Еврейское население, рассеявшееся по всему миру, переживало вторую диаспору в своей истории, ибо уже за семь веков до описываемых событий они бежали из Иерусалима, попавшего в руки вавилонян. Что касается христианства, то оно тоже вышло на широкие дороги, которые должны были привести его в Малую Азию, в Грецию, в Рим, в Галлию, Англию и Северную Африку. К сожалению, в каком бы уголке цивилизованного мира ни появлялась община, там тут же пускала корни своя версия событий, происшедших около 33 г.; бесчисленные, обязательно отличающиеся друг от друга, эти рассказы, официально объявленные ересями, могли только множиться и развиваться повсюду в очень анархической манере, несмотря на совместные усилия Климента Александрийского, Иренея и им подобных.

Некоторые из этих «ересей», согласно общепринятому выражению, исходящие от очевидцев, заботливо поддерживались набожными и обращенными в ту или иную форму христианства евреями, другие основывались на легендах и слухах или же еще на различных верованиях того времени: египетских, греческих или относящихся к культу Митры. Но в любом случае все они представляли серьезную опасность для «адептов миссии» и для еще очень неустойчивой ортодоксии.

О них, однако, мало что известно, кроме более или менее ошибочных сведений, которые распространялись их врагами. Как сообщают последние, эти ереси тогда делились на два основных течения: тех, кто считал Иисуса Богом, без каких-либо человеческих качеств или почти без таковых, и тех, для кого он был всего лишь смертным пророком, немного похожим на такого, каким был Будда, или каким будет через полтысячелетия Магомет.

Среди самых первых ересиархов фигурирует Валентин, уроженец Александрии, который провел большую часть своей жизни (136-165) в Риме и считал Птолемея одним из своих сторонников. Претендуя на то, что он располагал кое-какими «секретными сведениями» об Иисусе, он отказывался подчиняться римской власти и иерархии, предпочитая им непосредственную связь с Богом, источник личного знания, доктрину, противоречащую уже действующей догме, и которая будет объектом самых яростных обвинений Иренея Лионского.

Назовем также Марциона, автора не менее серьезной ереси. Богатый судовладелец, ставший епископом, он прибыл в Рим около 140 г., но его учение навлекло на него отлучение от Церкви, последовавшее четыре года спустя. Действительно, он осмелился установить радикальное отличие «закона» от «любви», соответственно относящихся к Ветхому и Новому Заветам; мысли, которые частично обнаружатся спустя более, чем тысячелетие, в таком произведении, как «Перлесваус». Марцион также был первым писателем, который составил канонический список книг Библии, откуда он полностью исключил Ветхий Завет, считая его не соответствующим его идеалу. Впрочем, в ответ на это Иреней немедленно предложил другой, основу той Библии, которую мы читаем сегодня.

Третьим великим ересиархом той эпохи был Василид, философ Александрийской школы, который выражал свои убеждения между 120 и 130 гг. Зная древние Писания и христианские Евангелия так же хорошо, как и египетскую и эллинистическую мысль, он составил не менее двадцати четырех комментариев Евангелий, и, согласно Иренею, утверждал самую отвратительную из всех ересей, а именно: что распятие было обманом, Иисус не умер на кресте, ибо его место там занял Симон из Сирены.

Ясно, что подобные заявления могли удивлять людей, и однако они оказались весьма

стойкими, так как в VII в. Коран выдвинул такие же доводы, и в нем тоже Симон из Сирены был тем святым человеком, которого распяли вместо Иисуса. А ведь это та самая точка зрения, которую мы узнали, напомним, из таинственного письма англиканского священника, того, который заявлял, что имеет «формальное доказательство» этой подмены.

И именно в Египте, а особенно в Александрии, втором городе римской империи, месте встречи всех цивилизаций, горниле бесконечного разнообразия верований и учений, куда пришли верующие иудеи и христиане после двух восстаний в Иудее, появились на свет эти первые ереси. Также именно в Египте, следуя логике, мы должны были найти окончательное доказательство нашей гипотезы, в тех «Гностических Евангелиях» известных под названием «Рукописи Наг Хаммади».

В декабре 1945 г. один египетский крестьянин, копая землю неподалеку от деревни Наг Хаммади, что в Верхнем Египте, наткнулся на кувшин из красной глины, в котором лежали тринадцать пергаментных свитков, завернутые в кожу. Не подозревая о важности своего открытия, он сам и его семья использовали большую часть документов на домашние нужды, и это продолжалось до тех пор, пока, благодаря счастливому случаю, об их существовании не прослышали эксперты. Один из найденных текстов был продан за пределами Египта, противозаконно в чисто меркантильных целях; часть из них была приобретена фирмой «С. Дж. Юнд Фундейшн», и среди них находилось знаменитое Евангелие от Фомы.

В 1952 г. египетское правительство национализировало остаток коллекции Наг Хаммади, и, девять лет спустя, в 1961 г., под эгидой ассамблеи международных экспертов были осуществлены перепись и перевод всех рукописей. В 1972 г. было закончено первое фотографическое издание первого тома, а в 1977 г., наконец, появился первый английский перевод всей коллекции документов.

Состоит она из небольшого количества библейских текстов; каждый «кодекс» включает в себе множество трактатов ярко выраженного гностического характера, датирующихся, кажется, концом IV или началом V в. Это копии, оригиналы которых восходят к очень древней эпохе, ибо некоторые из них, Евангелие от Фомы, Евангелие Истины и Евангелие Египтян, упоминались еще первыми отцами Церкви — Климентом Александрийским, Ирнеем Лионским и Оригеном. Может быть даже, как считает кое-кто, большая их часть была составлена до 150 г., по крайней мере, один из текстов кажется более древним чем Четвероевангелие Нового Завета.

Рукописи Наг Хаммади составляют очень представительный ансамбль из всей первой христианской литературы, и в этом смысле они находятся в более выгодном положении, чем Евангелия. Написанные для египетской публики, они не были объектом переделок и не подвергались никаким изменениям. Прежде всего, они основываются на свидетельствах из первых рук, на рассказах, собранных евреями, бежавшими из Святой Земли и, вследствие этого, могущими иметь счастье знать Иисуса лично. Гарантирующие таким образом верность изложения конкретных исторических фактов, которую, со своей стороны, не могли предложить Евангелия, они, на наш взгляд, придают подлинность самым серьезным событиям.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что эти рукописи, не подходящие тюд догмы новой религии, определенные Римом, подняли яростную вражду в рядах «адептов миссии». Одна из них, например, не помеченная никакой датой, «Парафраз Сета» («Paraphrase de Seth»), констатирует те самые доводы, которые использовал еретик, Василид, заявлявший, что Иисус избежал смерти на кресте, благодаря ловкой подмене.

«Я умер только с виду, — говорит в этом тексте здравствующий Иисус, — это другой был на моем месте и выпил желчь и уксус. Они побили меня тростником, но крест на своих плечах нес другой, Симон. На другого надели терновый венец... А я лишь улыбался их неведению».

В текстах Наг Хаммади в ярком свете предстают и другие уточняющие детали, не существующие в официальных Евангелиях; таковы некоторые признаки разногласия между Петром и Магдалеянкой, будущее проявление раскола между «адептами миссии» и защитниками потомства Иисуса: «Сестра моя, — действительно читаем мы в Евангелии от Марии, — мы знаем, что Спаситель любил тебя больше, чем других женщин. Передай нам его слова, которые ты помнишь, которые ты слышала и которых мы не знаем». Но дальше ученик вопрошает, не скрывая на этот раз своего возмущения: «Должны ли мы все слушать ее?»

Действительно ли он предпочитал ее нам? Может ли быть, чтобы в наше отсутствие он говорил с женщиной, вместо того, чтобы открыто поговорить с нами?» — Я верю этому, — отвечает тогда Петру другой ученик, — ибо Спаситель знал ее лучше, чем кого-либо, и поэтому он любил ее больше, чем нас".

Впрочем, многочисленные отрывки Евангелия от Филиппа, кажется, проясняют нам причину этого несогласия между Петром и Марией из Магдалы, которое удивительно похоже на ревность. Во-первых, намек на свадебную комнату, в котором любой не преминет увидеть символический образ; но еще лучше эти определенно ясные строки: «Их было трое, идущих всегда вместе с Иисусом; его мать Мария, его сестра и Магдалянка, та, которую называли его подругой». Подруга? Или же это слово надо перевести как «супруга»? В самом деле, Филипп не оставляет на этот счет никаких сомнений, когда он недвусмысленно передает поведение Иисуса по отношению к ней:

«Подругой Спасителя была Мария из Магдалы. Христос любил ее больше, чем всех своих учеников, и часто целовал ее в губы. Другие ученики, — уточняет он, — обижались на это, не пытаясь даже скрыть свое неодобрение, и спрашивали Иисуса: Почему ты любишь ее больше, чем любого из нас? А Спаситель отвечал в свою очередь: Почему бы мне не любить ее больше, чем вас?»

Не лишены интереса и различные комментарии по этому поводу в Евангелии от Филиппа: — Нельзя отрицать плоть и любовь. Если вы боитесь их, вы станете их рабом, но если вы ими злоупотребляете, они поглотят вас и парализуют целиком. — И еще: — Велико таинство брака, ибо без него мир не существовал бы. Существование мира зависит от человека, а существование человека — от брака. — Наконец, далее: — «Есть Сын человека и есть сын Сына человека. Господь есть Сын человеческий, а сын Сына человеческого есть тот, кто создан через Сына человеческого».

14. ДИНАСТИЯ ГРААЛЬ

Так, благодаря рукописям Наг Хаммади, возможность существования прямого потомства от Иисуса становилась правдоподобной. Действительно, с какой стати сомневаться в свидетельстве, «гностическом», конечно, но не менее достоверном и не менее достойном веры в него, чем тексты Нового Завета? По какой причине нужно отбросить сразу такую версию, даже спорную, как подмена на кресте, несогласие между Петром и Магдалянкой, свадьба Иисуса и рождение «сына Сына человеческого»? Тем не менее, пусть все нас хорошо поймут. Еще раз повторим, что наш рассказ прежде всего основывается на историческом, а вовсе не на богословском уровне. Ибо История во времена Иисуса была такой же сложной, каковой она является и сегодня, и подвергается самым различным толкованиям.

Как мы предположили ранее, конфликт между Петром и Марией из Магдалы, упомянутый в рукописях Наг Хаммади, вполне вероятно, был отражением того, который противопоставил тогда «адептов миссии» потомству Иисуса. Первые, а не вторые должны были выйти из него победителями, и ход западной цивилизации оказался из-за этого измененным. Действительно, «слово» будет блистать и поставит отметку маслом на той части человечества, где, мало-помалу, монополия на чтение и обучение письму будет принадлежать им, не оставляя никаких следов семьи Иисуса и впоследствии — никакой возможности установить хотя бы малейшую связь между ней и меровингской династией.

Победа не была легкой для защитников миссии Иисуса, потому что ереси продолжали быстро распространяться и после II в., несмотря на все усилия, принимаемые Ирнеем в богословской области и Константином в области политической, чтобы упрочить юную ортодоксию.

Если все эти ереси немного отличались друг от друга в плане богословия, то у них было много общих главных факторов: гностические или отмеченные гностицизмом, они отрицали иерархизированную структуру Рима и проповедовали личный опыт вместо слепой веры. Дуалистические, они рассматривали добро и зло скорее как элементы бесконечного космического целого, а не под углом чисто земных этических понятий. Наконец, Иисус для них был смертным, родившимся по-человечески от человеческих родителей; быть может, он был

пророком, вдохновленным свыше, но не имеющим ничего божественного, который умер на кресте или избежал этой смерти. Ставя акцент на человеческой сущности Иисуса, они ссылались прежде всего на авторитет св. Павла, писавшего в послании к римлянам: «Иисус Христос, Господь наш, родился от семени Давидова по плоти».

Но самой серьезной ересью той эпохи, вероятно, было манихейство, смесь гностического христианства и элементов, заимствованных из культа зороастра и Митры. Она была делом рук Мани (или, по-гречески, Манеса), родившегося в Багдаде в 214 г. и введенного в очень молодом возрасте в секту персидских мистиков в белых одеждах, практикующих аскетизм, целибат и крещение. Свою собственную доктрину Мани начал проповедовать в 240 г. и, по примеру Иисуса, быстро стал знаменитым, благодаря своему искусству целителя и заклинателя злых духов. Говорили, что он родился от девственницы — необходимое тогда условие для получения признания божественности, — впрочем, его называли «новым Иисусом» или же еще Спасителем, Апостолом, Озарителем, Хозяином смерти, Лоцманом и Рулевым — два последних термина, как мы уже видели, означают также Навигатора, то есть великого магистра Сионской Общины...

По мнению многочисленных арабских историков, он написал некоторое количество работ, предназначенных прежде всего для того, чтобы раскрыть все то, на что Иисус лишь двусмысленно намекнул. Предшественниками последнего были Заратустра и Будда; все они получили одинаковое образование, идущее из одного источника и имеющее основой гностический дуализм, связанный с великими законами всемирной космологии. Фундамент его доктрины стоял также на суествовании двух противоположных Принципов добра и зла, света и тьмы — вечный конфликт, смыслом которого, очевидно, являлась человеческая душа.

Как позже катары, Мани верил в перевоплощение и в класс посвященных, избранных ввиду их привилегированного положения. Для него Иисус был «сыном Вдовы» (термин, как мы помним, используемый франкмасонами), существом по сути своей смертным, божественный облик которого был лишь символическим, и который не умер на кресте, потому что его заменил другой.

Посаженный в тюрьму по королевскому приказу в 276 г., Мани окончил свою жизнь трагически. Забитый до смерти, с содранной кожей и отрубленной головой, с искаленным телом (вероятно, чтобы помешать возможному воскресению), он был представлен публике. Тем не менее, влияние Мани пережило это мученичество, и его доктрина, «манихейство», как бы получила второе дыхание; оно распространилось по всему христианизированному миру с невообразимой быстротой, и напрасно его пытались уничтожить: оно противостояло всем атакам, а его влияние прошло в мыслях св. Августина довольно далеко в Средние Века. Центры манихеев, особенно хорошо укоренившихся в Испании и на юге Франции, установили в эпоху крестовых походов тесные связи с итальянскими и болгарскими манихеями, и сегодня известно, что катары произошли далеко не от болгарских богомилов, как долго считалось, а имели своими предками первых французских манихеев. Таким образом, война с альбигойцами была войной с манихейством, и, несмотря на усилия Рима, слово выжило и через века дошло до нас.

Такой же была и судьба арианства, которое серьезно угрожало христианской ортодоксии в течение всего ее первого тысячелетия. Появившийся на свет в Александрии около 256 г. и умерший в 335 г., Арий отрицал божественную природу Иисуса, признавая его единственно обыкновенным пророком; Бог, на самом деле, существо уникальное, верховное и всемогущее, не могло ни войти в плоть, ни страдать и еще менее того подвергнуться смерти и унижениям — теория, впрочем, имеющая кое-что общее с теориями некоторых иудаистских сект, например, эбионитов, многочисленных в Александрии и способных сильно повлиять на ее действие. Добавим, что этот образ Бога, который не скомпрометировал себя с земным миром, имел тогда большой успех на всем Западе, потому, вероятно, что он казался более соответствующим идеальному представлению о высшей божественности.

Собор в Никее осудил арианство в 325 г., и, однако, Константин, особенно на склоне своих дней, не скрывал своих симпатий к этой еретической доктрине. Так же было и с его сыном Констанцием, инициатором многочисленных соборов, результатом которых было изгнание для многих вождей православной Церкви. В 360 г. арианство было близко к тому, чтобы окончательно сместить римское христианство, прежде чем быть снова осужденным

официально в 381 г. Однако, влияние его не прекращало распространяться, и когда в V в. Меровинги пришли к власти, епископства христианского мира были либо вакантными, либо арианскими.

Готы, язычники, обращенные в арианство в IV в., считали себя его самыми яркими сторонниками; свевы, аланы, лангобарды, вандалы, бургунды и остготы тоже были арианами, как, впрочем, и вестготы, которые в 480 г. разграбили Рим и разрушили все христианские храмы. Если накануне пришествия Хлодвига первые Меровинги были готовы принять какую-нибудь религию, то это, конечно, было христианство Ария, которое исповедовали их ближайшие соседи — вестготы и бургунды.

Впоследствии христианство стало полновластным хозяином в Испании, в Пиренеях и на юге Галлии, где нашла себе убежище семья Иисуса. Следовательно, вполне уместно думать, что благодаря законам вестготов-ариан, ей нечего было бояться никаких преследований, и что она, наоборот, смогла бы породниться с местной знатью, прежде чем слиться с франками, чтобы породить Меровингов. Этому, впрочем, существует доказательство — некоторые семитские имена в вестготской королевской семье, например, Бера, отец второй жены Дагоберта II, имя, которое много раз возвращается в вестготско-меровингскую генеалогию, пошедшую от Дагоберта II и Сигиберта IV. Со своей стороны. Церковь также считала, что сын Дагоберта был обращен в арианство, — гипотеза вполне правдоподобная, ибо, несмотря на пакт, подписанный Римом и Хлодвигом, все Меровинги благосклонно относились к этой религии, а Хильперик, между прочим, никогда не пытался скрыть своего к ней отношения.

Если арианство не было враждебно иудаизму, то оно не было враждебно и исламу, который в VII в. пронесся словно метеор по небу религий. Как для первого, так и для второго, Иисус, упоминаемый в Коране более тридцати раз, был ни кем иным, как пророком, таким же, как Магомет, глашатай и посланник высшего Бога, но совершенно человеческое существо. Наконец, как Василид и Мани, Коран открыто заявляет, что Иисус не умер на кресте: «... Они не убили его и не распяли, но на их глазах его заменили двойником». И некоторые мусульманские комментаторы исламского текста добавляют, что Симон из Сирены занял его место на кресте; другие упоминают событие, пережитое Иисусом, который присутствовал в качестве зрителя при распятии другого, спрятавшись за выступом стены, — версия, совпадающая с той, что изложена в рукописях Наг Хаммади.

Не нужно уточнять, с какой силой и с каким убеждением, будь то ценой кровавых расправ, все вышеназванные ереси утверждали человеческую и смертную природу личности Иисуса. Но ни те, ни другие никогда не были в состоянии формально доказать свои утверждения. Кроме намеков, встречающихся в рукописях Наг Хаммади, ничто в действительности не могло в бесспорной манере показать возможность наличия прямого потомства Иисуса. Конечно, можно было бы, и не без причины, предположить также, что некоторые очень древние документы, архивы или генеалогии систематически уничтожались в ходе многочисленных расправ, учиняемых над теми, кто пренебрегал авторитетом Рима; даже насилие и ярость Церкви по отношению к ним, не подчеркивали ли они ее страх через посредство подобных «отклонений» увидеть, что на свет выходят некие неудобные для нее истины, прежде чем убедить и воссиять?..

Что касается нас, то у нас было все также не больше средств найти доказательство существования прямой связи Иисуса в I в. и Меровингами в IV в. — время, когда они появились в Истории. Следовательно, нам надо было снова искать в самом зачатке этой династии.

Но и тут, на первый взгляд, жатва не обещала быть обильной. Конечно, имело место рождение легендарного Меровея, двойное происхождение которого, безусловно, символизировало союз двух династий; но это «заморское чудовище», эта рыба, была ли она заключительным доказательством? Имеется еще пакт, подписанный Хлодвигом и римской Церковью, но где именно можно было найти конкретные следы? Что же касается предполагаемой священной и божественной крови Меровингов, можно ли действительно отождествлять ее с кровью Иисуса? Какая особенная, признанная связь существовала между этими двумя потомствами? Было ли известно только то, что иудеи тем или иным способом повлияли или отметили ход истории Меровингов, и не в этом ли направлении мы должны были

в первую очередь вести наши поиски?

Конечно, меровингские короли не были антисемитами. Они принимали под покровительство евреев, несмотря на протесты Рима, и, не колеблясь, роднились с ними. Более того, их сотрудничество с ними, их благожелательное к ним отношение не нужно доказывать, ибо евреи обладали большими земельными владениями, особенно на юге Галлии, где они держали рабов и слуг-христиан, и занимали высокое положение в королевском окружении, что прекрасно доказывает широту их внедрения. Это согласие — и это важно отметить — было, впрочем, единственным примером во всей Западной Европе до лютеранской реформы, но, как мы увидим далее, евреи и Меровинги имели определенное количество других общих особенностей, достаточных самих по себе, чтобы объяснить их связи.

Мы помним, что Меровинги не имели права стричь волосы из-за чудодейственной силы, которая им приписывалась. То же самое было и с назореями из Ветхого Завета. Самсон был назореем, и Иисус, возможно, тоже, как и его брат Иаков.

В королевской семье Меровингов и среди ее родни также встречается определенное число чисто еврейских имен. В 577 г. брат короля Хлотаря II был назван Самсоном; Мирон «Левит» — граф Безалу и епископ Жеронский; одного графа Руссильонского звали Соломоном, а еще один Соломон становится королем Бретани. Что же касается имени меровингского аббата Элизахара, то не является ли оно искаженным именем «Елезар», или «Лазарь»? Даже имя «Меровей» имеет ближневосточное происхождение.

Впрочем, благодаря многочисленным бракам Меровингов с вестготами, еврейские имена все больше распространяются, так что можно задать вопрос: не были ли вестготы евреями? Кроме того, замечено, что историки той эпохи равно используют названия «гот» и «еврей», особенно на юге Франции и на испанской границе, где располагались главные еврейские общины; этот регион, официально называемый Септиманией, часто, кроме того, назывался Готией, и эта путаница, поддерживаемая сознательно, для многих делала невозможным отличие между собственно евреями и готами, называемыми евреями. К счастью, некоторые из них открыто носили семитские имена, которые позволяли их идентифицировать, например, Бера, свекр Дагоберта, сестра которого вышла замуж за человека по имени Леви.

Но ни еврейские имена, носимые Меровингами и вестготами, ни их общая вера в магическую силу их волос не были достаточными, чтобы по-настоящему убедительно доказать эту реальную и бесспорную связь.

Зато некая деталь показалась нам в этих обстоятельствах очень интересной, и эта деталь касалась Саличеекого закона. Королевская династия Меровингов, вышедшая, как мы видели, из племени франков, сначала подчинялась тевтонским законам. Приспособив затем эти законы к своим новым нуждам, она узаконила и кодифицировала его по примеру римлян таким образом, что в конце V в. это право стало памятником франкского законодательства, известного под именем Саличеекого закона. Тем не менее, мы настаиваем на том факте, что этот Салический закон в своей основе был племенным тевтонским законом, то есть предшествующим появлению римского христианства в Западной Европе. В течение следующих веков оно, впрочем, оставалось официальным правом Священной Римской Империи, противостоящим церковным законам, провозглашаемым Римом, и было вплоть до лютеранской реформы причиной яростных нападок со стороны рыцарей и германского крестьянства по отношению к католической Церкви, которая открыто их игнорировала.

Целая глава Салического закона — сорок пятая, названная «De Migrantibus» (О переселенцах) — долго интриговала и интригует до сих пор специалистов по франкским текстам.

Как указывает название, глава содержит статьи и условия, разрешающие «кочевникам» оседать и получать гражданские права, но по единодушному мнению, ее источник не был салическим кодексом, а ее происхождение было совсем другим. Но каким же? Были выдвинуты различные гипотезы, и недавно открыли, что этот текст был прямой производной иудейского права, и что самое важное — одной из глав Талмуда. Так, Салический закон, по крайней мере частично, и это доказано, происходил из самой сердцевины традиционных иудейских законов, показывая этим, что Меровингам, авторам кодификации, не только были известны иудейские тексты, но что они имели к ним доступ.

Тем не менее, мы вынуждены были признать, что этого открытия, на том же основании, что и других, и каким бы интересным оно ни было, все равно не достаточно для доказательства существования потомства Иисуса на юге Галлии, которое затем породнилось с Меровингами. А так как эта эпоха не принесла нам никаких определенных доказательств, то нам нужно было снова искать в другом месте, быть может, в истории той династии, которая ей непосредственно пришла на смену.

Действительно, мы помним, что меровингский род, замещенный на троне Каролингами, не исчез окончательно, а выжил на юге Галлии, в независимом княжестве Разес, которое существовало уже сто пятьдесят лет под управлением знаменитого Гиллема де Желлона. И если, как мы уже видели, он был великим героем своего времени, а также героем эпопеи Вольфрама фон Эшенбаха «Виллехальм», то он был прежде всего членом семейства Грааль, и именно в его собственном окружении мы должны были найти, наконец, новые и определяющие элементы, отсутствующие в нашем повествовании.

Среди владений Гиллема де Желлона, расположенных на северо-востоке Испании, были Пиренеи и древний регион Септимании, ставший Разесом. Между VIII и IX вв. Разес был поделен на три графства: Каркассон, Нарбонн и Ренн. Вспомним, что княжество было населено многочисленными еврейскими колониями, которые в VI и VII вв. поддерживали самые сердечные отношения со своими вестготскими правителями, а те были тесно связаны с арианскими христианами, так что их равно называли «готами» и «евреями».

Однако с 711 г. положение евреев в Септимании начало серьезно ухудшаться. Дагоберт II был убит, а его потомки были вынуждены жить, скрываясь, в районе Разеса, вокруг Ренн-ле-Шато. Быть может, франкский трон был занят еще представителями боковых ветвей меровингской династии, но настоящая власть отныне была в руках майордомов, будущих Каролингов, которые, мало-помалу, создавали при поддержке Рима свою собственную династию. Некоторые вестготы, обращенные в католичество, начали преследовать евреев, которые тут же среагировали, открыв объятия маврам, новым хозяевам Испании.

Испанским евреям неплохо жилось при мусульманских законах, они занимали важные административные должности в таких городах, как Гренада, Толедо и особенно Кордова. Европейская торговля, получавшая живейшее одобрение, снова начала процветать, и живущие в гармоническом единстве иудейская и исламская мысль расцветали в атмосфере взаимного уважения и согласия.

В начале VIII в. мавры перешли через Пиренеи и проникли в Разес, где они были хозяевами приблизительно с 720 по 759 г., недалеко от Редэ (Ренн), где, скрываясь, жили внук и правнук Дагоберта II. Разес, ставший в то время самостоятельным мавританским княжеством, со своей собственной столицей — Нарбонном, зависимый от Кордовского эмирата, мог, таким образом, стать основным пунктом начала нашествия на север, а затем на франкские территории, простирающиеся до Лиона.

Но Карлу Мартеллу, майордому и деду Карла Великого, остановившему продвижение врага, к 738 г. удалось заставить мавров отступить до Нарбонна. Потом, напрасно попытавшись осадить город, прекрасно защищаемый маврами и евреями, он выместил злобу за неудачу на окрестностях столицы, которые он полностью опустошил.

Однако, в 752 г. его сын Пепин Короткий заключил множество союзов с местными сеньорами, и франки стали хозяевами Восточного и Северного Разеса. Только Нарбонн еще семь долгих лет сопротивлялся их осаде — настоящий клин, вбитый в грудь каролингской власти, который необходимо было срочно выбить. Пепин и его последователи, сознающие эту слабость, попытались всеми доступными им средствами оправдать и узаконить свои действия. Они вступили в союз с выжившими членами свергнутой королевской династии, затем, как мы видели, придали новое значение церемонии коронации, благодаря ритуалу помазания, прерогатива на совершение которого принадлежала лишь Церкви, делающей королей. Но, как считают некоторые историки, у этого ритуала имелся и другой аспект: франкская монархия была лишь ответом, если не продолжением иудейской монархии Ветхого Завета — крайне интересная мысль. Действительно, почему Пепин, узурпировавший меровингский трон, захотел оправдать себя и свою династию с помощью символа, заимствованного из библейских времен? Не потому ли, что до него смещенная династия использовала тот же символ?

Итак, Пепин Короткий оказался перед лицом двух основных проблем: с одной стороны — упорное сопротивление Нарбонна, а с другой — необходимость устраивать свое новое положение согласно с его библейскими предшественниками. И тогда он разрешает обе проблемы, сообщает профессор Артур Цукерман из Колумбийского университета, подписав в 759 г. договор с еврейским населением Нарбонна. Город признал его в какой-то мере последователем ветхозаветных царей и поддержал в борьбе с сарацинами; взамен франкский монарх даровал евреям Септимании землю и царя, отвечавшего их надеждам.

И в этом же самом году еврейское население Нарбонна резко повернулось против своих мусульманских союзников, уничтожило их и открыло ворота цитадели осаждавшим ее франкам. Спустя некоторое время евреи признали Пепина своим сюзереном, а он, в свою очередь, как и сообщал, основал в Септимании иудейское княжество, подчиняющееся только его власти, то есть практически самостоятельное. В Восточном и Северном Разесе был назначен король, который в романах назван Эмери или, согласно некоторым документам, Теодорих или Тьерри, по крайней мере, с тех пор, как он занял свое место среди франкской знати. А Тьерри, или Теодорих, был младшим сыном Сигиберта V и отцом Гиллема де Желлона, формально признанным Пепином и халифом Багдадским как «принадлежащим к царскому роду Давида».

О Теодорихе известно немного, и мнения на его счет очень расходятся. Большинство считает его потомком Меровингов а профессор Цукерман видит в нем уроженца Багдада, одного из багдадских «беженцев», потомков евреев, осевших в Вавилоне со времен плена. Если только, конечно, этот «беженец» из Багдада не имел ничего общего с Теодорихом и прибыл оттуда единственно, чтобы посвятить нового царя, а потом их перепутали, ведь, как говорит все тот же профессор Цукерман, «западные беженцы» имели кровь более чистую, чем восточные.

Кто же были эти «западные беженцы», если не Меровинги? И почему потомок меровингского рода был призван царем евреев, главой еврейской общины и членом царского дома Давида, как это было в случае с Теодорихом, если Меровинги, хотя бы частично, не были евреями? Разочарованные двойным предательством Церкви, освятившей убийство Дагоберта II и пришествие новой династии, не решили ли они сознательно отвернуться от Рима и связать себя вновь со своей древней верой, как это уже сделал Дагоберт II, женившись на Гизеле, дочери вестготского принца, носившего семитское имя Бера?

Как бы то ни было, став правителем еврейского королевства Разес, Теодорих, или Тьерри, доказал свою мудрость, женившись на Альде, сестре самого Пепина, тетке Карла Великого; в течение последующих лет он занимался только благосостоянием своей страны, увеличившейся за счет земель, дарованных Каролингами, и другими, принадлежащими Церкви, которые ему были пожалованы, несмотря на протесты папы Этьена III и его последователей.

Сыном Теодориха, ставшим в свою очередь, царем евреев, был Гиллем де Желлон, граф Барселонский, Тулузский, Овернский и Нарбоннский. Как и его отец, он был Меровингом, а также евреем, и к тому же царской крови, ибо его принадлежность к дому Давида была признана не только Каролингами и халифом, но и, несмотря на некоторую неуверенность, самим папой.

Еврейское происхождение Гиллема сегодня не оставляет никаких сомнений, несмотря на многочисленные попытки Истории заставить об этом забыть. Впрочем, ему был посвящен настоящий романтический цикл, где он фигурирует под именем Вильгельма, принца Оранского: он бегло говорит на древнееврейском и арабском языках, а его эмблема, идентичная эмблеме «беженцев» с востока — лев племени Иуды, который сам был предком дома Давида и, следовательно, Иисуса. Наконец, Гиллем, прозванный «кривоносый» или «крючконосый», даже во время военных действий всегда устраивался так, чтобы соблюдать субботу и иудейский праздник Святых Даров. По этому поводу Артур Цукерман справедливо замечает, что летописец, которому мы обязаны отчетом об осаде и падении Барселоны, по всем пунктам придерживается еврейского календаря: «Герцог Вильгельм Нарбоннский и Тулузский, — уточняет он, — командовал экспедицией, строго соблюдая основные законы иудейской религии. В этом ему была помощь и понимание короля Людовика».

Наконец, вспомним, что Гиллем де Желлон был, на том же основании, что и Роланд, одним из знаменитых «пэров» окружения Карла Великого. А когда в 813 г. последний короновал своего сына Людовика Благочестивого, то именно Гиллему выпала честь возложить

венец на голову нового короля, который сказал ему тогда: «Сеньор Вильгельм, мой род существует лишь благодаря твоему». Странные слова, обращенные к человеку, чье происхождение парадоксальным образом оставалось таким темным!..

Но Гиллем оставил потомству не только образ воина. Вскоре после 792 г. он основал в Желлоне академию, где собрал эрудитов, и создал знаменитую библиотеку, которая вскоре стала важным центром иудаистского учения. Впрочем, говорят, что Флегетанис, который знал, что Гиллем — израильтянин, происходящий от Соломона, который, согласно Вольфраму фон Эшенбаху, доверил Киоту Провансальскому тайну Святого Грааля, возможно, приезжал туда.

В 806 г. Гиллем оставил активную жизнь и удалился в свою академию, где он умер около 812 г. Ставший позже знаменитым монастырем Сен-Гилельм-ле-Дезер (Святого Вильгельма Пустынника), Желлон, известный центр иудейских учений, задолго до смерти своего основателя был одним из первых святых мест в Европе культа Магдалеянки.

Так, один за другим все факты становились на свои места: Иисус принадлежал к племени и к царскому дому Давида. Магдалеянка, как говорят, привезла в Галлию Грааль — Санграаль или Королевскую кровь, и в VIII в. на юге Франции имелся правитель из племени Иуды и из дома Давида, признанный иудейским царем. Этот царь также был Меровингом и, согласно поэме Вольфрама фон Эшенбаха, он и его семья были связаны со Святым Граалем.

Впоследствии годы постараются стереть из Истории все следы еврейского королевства Разес, и в этом смысле постоянная путаница, поддерживаемая более или менее сознательно между терминами «гот» и «еврей» очень знаменательна. Некоторые намеки, некоторые рассказы, тем не менее, выжили, как то письмо 1143 г., в котором Преподобный Петр, аббат Клунийский, жалуется Людовику VII Французскому о заявлении евреев Нарбонна, что среди них якобы живет король. В 1144 Теобальд, монах из Кембриджа, в свою очередь упоминает о «еврейских принцах и раввинах» которые живут в Испании и собираются в Нарбонне, где находится царский род". Наконец, в 1165-1166 гг. знаменитый путешественник и летописец Вениамин де Тулледа сообщает, что в Нарбонне живут «мудрецы, властители и принцы, во главе которых стоит... потомок дома Давида, как он назван в своем генеалогическом древе».

Но эта ветвь, обосновавшаяся в Нарбонне около XII в., не была единственной, представляющей потомков Давида. Действительно, генеалогические деревья растут, ширятся, подразделяются, листва и ветви умножаются, и в один прекрасный день дерево оказалось лесом. Некоторые потомки Теодориха и Гиллема де Желлона остались в Нарбонне, но другие уехали, чтобы обосновываться в других местах и умножаться там. Иногда у них были великие судьбы, как, например, у Лотарингского дома и у франкского королевства в Иерусалиме.

Потомков Гиллема де Желлона мы также находим среди первых герцогов Аквитанских, затем в герцогском доме Бретани. В X в. некто Гуго де Плантар, прозванный «длинноносый», потомок Дагоберта II и прямой ветви от Сигиберта IV, является отцом Евстафия, первого графа Булонского. Внуком Евстафия будет Годфруа Бульонский, герцог Лотарингский и завоеватель Иерусалима, а Годфруа, в свою очередь, даст жизнь династии «королевской традиции», основанной на «скале Сион» и равной династиям, царствующим в ту эпоху во Франции, Германии и Англии. Так, как мы уже сказали, если Меровинги действительно происходили от Иисуса, Годфруа, принадлежащий к меровингскому роду, вырвав Иерусалим из рук неверных, всего лишь отвоевал свое законное наследство.

В центре христианизированного мира Годфруа и Лотарингский дом, очевидно, тоже должны были быть католиками. Впрочем, это нужно было для того, чтобы выжить и их происхождение было признано. В самом деле, рассказывают, что в XVI в., когда Генрих Лотарингский, герцог де Гиз, вошел в город Жуенвиль, в Шампани, его ждал там восторженный прием, и что среди выкриков толпы можно было слышать пение «Hosannah filio David» («Осанна сыну Давидову»)...

Вероятно, это всего лишь ничего не значащий анекдот, но он, тем не менее, присутствует в современной истории Лотарингии, вышедшей в 1966 г. Предисловие к ней — произведение Отто Габсбургского, имеющего сегодня титул герцога Лотарингского и короля Иерусалимского.

15. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Предпринимая наше исследование, мы решили ни в коем случае не пытаться одобрить один вывод или отказаться от другого, к которым мы бы неизбежно пришли. К тому же, в наши намерения входило не подвергать сомнению или же только поколебать основные принципы христианства.

Мы уже сказали, но не будет лишним повторить еще раз, что нашей единственной целью было прояснить захватывающую тайну, дать ответы на некоторые вопросы, которые она поднимала, и, пользуясь этим же случаем, попытаться объяснить некоторые исторические загадки, которые увлекали многих до нас. На этом мы хотели закончить.

Но мы же первыми были удивлены размерами, какие приняло наше расследование и о которых мы даже не подозревали, и неожиданностью перспектив, которые внешне были абсолютно чуждыми нашей начальной теме, к которым она нас увела. Что касается заключения, к которому мы пришли почти помимо нашей воли, то оно представлялось удивительным, на первый взгляд неприемлемым, наконец, просто скандальным и, в силу совокупности этих причин, подверженным самым яростным опровержениям.

И снова, в конце нашей работы, мы должны вернуться к жизни Иисуса и к корням религии, которую он основал.

Еще раз повторим, что делаем мы это не с целью разрушить ее основы, а с целью проверить, прочно ли стоит на ногах результат нашего расследования. И последнее углубленное изучение всех комментариев Библии, которое мы предприняли, утвердили нас в нашем убеждении: Нет, ничто не может серьезно противоречить выводам, сделанным нами, следуя исторической логике; напротив, на наш взгляд, они с полным основанием могли считаться истинными.

Конечно, мы не могли и все еще не можем формально доказать их точность, и, исходя из этого, они остаются гипотезами. Но гипотезами вполне достоверными и связными, которые выгодно отличаются от других тем, что они отвечают на множество вопросов, составляя в то же время очень правдоподобное толкование — быть может, самое правдоподобное, — относящееся к событиям и людям, которые две тысячи лет назад оставили свой след в западном сознании, прежде чем в течение веков сформировать наши культуры и цивилизации.

Итак, если мы сами в настоящий момент не в силах найти формальные доказательства в пользу наших учреждений, нашей работы и наших поисков, по крайней мере, благодаря уточнениям некоторых членов Сионской Общины, мы полностью уверены в том, что она имеет в своем распоряжении неоспоримые детали, которые могли бы стать окончательным доказательством нашей гипотезы. К сожалению, мы не могли внести в этот сюжет больших уточнений, но, тем не менее, мы в состоянии выдвинуть следующее предположение:

Согласно нашей гипотезе, жена и дети Иисуса (родившиеся между 16-17 гг. и датой его смерти) покинули Святую Землю и нашли убежище на юге Франции, в еврейской общине, где они обрели относительный покой. Затем, в течение V в., их потомство породнилось с королевским родом франков и произвело на свет меровингскую династию. В 496 г. Церковь подписала договор с новой династией, об истинном происхождении которой она, возможно, была осведомлена. Так, Хлодвиг добился титула императора Священной Римской Империи и «нового Константина»; в действительности же, он не был «сделан» королем, он был признан таковым.

Церковь, став впоследствии соучастницей в убийстве Дагоберта II, во второй раз предала меровингскую династию, оказав поддержку Каролингам. Так как она была виновна в этом непростительном преступлении, то впредь единственным выходом для нее было все скрыть, ибо, выдав настоящее происхождение Меровингов, она серьезно скомпрометировала бы свое собственное положение.

Были испробованы все возможные попытки истребить потомство Иисуса, но тщетно, и оно, вопреки всему, выжило, пройдя через века. С одной стороны, через Каролингов, которые в какой-то мере постарались узаконить свою узурпаторскую роль, женись на меровингских принцессах, а с другой стороны, через сына Дагоберта II, Сигиберта, среди потомков которого были Гиллем де Желлон, хозяин иудейского царства в Разесе, затем Годфруа Бульонский. Наконец, со взятием Иерусалима в 1099 г. потомство Иисуса возвратило себе свое законное

наследство, то, которое принадлежало им еще в Ветхом Завете.

В эпоху крестовых походов, впрочем, истинное лицо Годфруа Бульонского, несомненно, не было ни для кого тайной, как того желала бы Церковь. Конечно, ничего не вышло наружу ощутимым образом, но слухи будут ходить везде, появятся легенды, среди которых будет и легенда о Лоэнгрине, мифическом предке Годфруа, романы о Граале, которые во всех уголках Европы будут являть собой высшее выражение этих преданий.

Если, еще раз повторим, наша гипотеза точная. Святой Грааль имел двойное значение. С одной стороны, это была кровь потомков Иисуса, «sang gaal», «sang real», или «sang royal» — «королевская кровь», верными хранителями которой были тамплиеры, прямо происходившие от Сионской Общины; с другой стороны, в буквальном смысле слова, он был чашей, сосудом, принявшим и сохранившим кровь Иисуса. Иными словами, в широком смысле Святой Грааль — это грудь Магдалеянки, затем сама Магдалеянка, культ которой, родившийся в начале Средних Веков, мало-помалу смешается с культом Девы Марии. Известно, например, что большое число знаменитых «черных девственниц», появившихся в первых веках христианской эры, представлявших мать и ее дитя, было образом не Марии, а Магдалеянки. К тому же, готические соборы, просторные и величественные каменные символы, посвященные Богоматери, в действительности были, как написано в «Красной змее», даром скорее супруге Иисуса, чем его матери.

Являясь кровью, чашей и грудью, Святой Грааль имел еще одно значение. В 70 г., во время великого восстания Иудеи, римские легионы Тита разграбили Иерусалимский храм, его сокровище отправилось в Пиренеи, и сегодня оно может оказаться спрятанным в одном из подземелий Рокко-Негро, охраняемое Сионской Общиной. Но, вероятно, Храм укрывал совсем другое, нежели золото и серебро. Действительно, известно, что в древнееврейском мире политика и религия были тесно связаны, и Мессия, царь-священник, обладал одновременно духовной и временной властью. Можно быть почти уверенными в том, что в Иерусалимском храме был спрятан официальный архив, касающийся израильского царского рода, свидетельства о рождениях или браках, различные бумаги, которые имеет любая большая семья. Документы, касающиеся Иисуса, «Царя Иудейского», по всей видимости, находились там, как, возможно, и его тело или его могила.

Впрочем, ничто не указывает на то, что Тит, предавшись грабежу, завладел чем-либо, относящимся лично к Иисусу, ведь все предметы или документы, касающиеся его, вполне могли быть уничтожены или спрятаны, когда пришли солдаты, имеющие в голове одну мысль: схватить кусок пожирнее и не заботиться об остальном. Совершенно естественно, что священники, видя, как вражеские легионы дефилируют меж священных стен, без сопротивления отдали им золото, серебро и драгоценности, предварительно укрыв, быть может, под самим Храмом, единственное бесценное для них сокровище — архивы, касающиеся законного царя Израиля, Мессии и его семьи.

Приблизительно в 1100 г., как мы уже видели, потомки Иисуса занимают важное положение в Европе и, благодаря Годфруа Бульонскому, в Палестине. Вероятно, они знали о своем происхождении, но все документы исчезли, и они не имели никакой возможности доказать свою принадлежность к царскому дому Израиля. Так как для их планов эти архивы были необходимы, они попытались добыть их любыми средствами, даже копались под стеной, окружающей Храм, в древних конюшнях Соломона. Они действительно сделали это, причем в большом секрете от рыцарей Храма. То есть, вполне вероятно, что эти последние были посланы в Святую Землю с целью найти или заполучить что-либо, и когда их миссия оказалось выполненной, они вернулись в Европу.

Что же случилось с открытием, сделанным ими в Иерусалиме? Это неизвестно, но зато, вне всяких сомнений, во времена Бертрана де Бланшфора, четвертого великого магистра ордена Храма, «что-то» было спрятано в окрестностях Ренн-ле-Бэн. В 1664 г. из Германии прибыла команда шахтеров, чтобы поискать там, предпринимая самые тщательные меры предосторожности, и раскрыть какую-то весьма важную тайну.

По этому поводу можно бесконечно выдвигать гипотезы. Шла ли речь о мумифицированном теле Иисуса? О документах, относящихся к его браку или рождению его детей? Или же еще о чем-то очень значительном для истории человечества? Этот документ или

эти документы, касались ли они Святого Грааля? Умышленно или случайно он или они попали затем в руки еретиков-катаров и стали ли они частью или целым сокровищем замка Монсегюр?..

Много раз мы в этой работе вспоминаем о «королевской традиции», переданной Годфруа Бульонским и Бодуэном Бульонским, традиции, основанной на «скале Сион», и на этом основании стоящей на одном уровне с самыми древними династиями Европы. И если, как утверждает Новый Завет, а за ним — франкмасоны, эта «скала Сион» представляет собой Иисуса, то это утверждение династического порядка обретает смысл и даже оказывается полностью подтверждено, и это меньше из того, что можно сказать!..

Обосновавшись на иерусалимском троне, меровингская династия больше не имела причин не одобрять намеков на ее происхождение, наоборот, она их даже поощряла. Таким образом объясняется появление цикла романов о Граале и глубокие его связи с рыцарями Храма. В этих условиях можно представить себе продолжение. Упрочив свое положение в Палестине, «королевская традиция», переданная Годфруа Бульонским, могла бы заставить всех признать свое настоящее восхождение, царь Иерусалимский получил бы первенство среди самых старинных монархий Европы, а патриарх Святого города вытеснил бы папу. Тогда вместо Рима единственной столицей Христианского мира, всего Христианского мира, да и не только его, стал бы Иерусалим. Потому что, если Иисус был всего лишь смертным пророком, царем-священником и законным главой потомков Давида, верующие мусульмане и евреи в свою очередь признали бы его, а его потомок, король Иерусалима, был бы в состоянии осуществить один из основных принципов политики ордена Храма: примирение католического христианства с исламом и иудаизмом.

Но известно, что исторические обстоятельства не позволили событиям осуществиться в этом направлении, и французскому королю в Иерусалиме никогда не удалось упрочить свое положение. Находясь постоянно в состоянии войны с мусульманскими армиями, ослабленное нестабильным правительством и управлением, оно не смогло получить силу и внутреннюю безопасность, необходимые для его выживания, и еще менее — для утверждения его превосходства над другими тронами Европы и над римской Церковью. Грандиозная судьба, которая должна была быть ему уготована, не состоялась. В один прекрасный момент его слава начала рассыпаться, а затем окончательно растаяла с потерей Святой Земли в 1291 г. Меровинги оказались без короны, а рыцари Храма — без надобности.

Много раз в течение последующих веков Меровинги с помощью или с защитой Сионской Общины, в зависимости от обстоятельств, пытаются вернуть себе свое наследство, но в Европе они используют лишь три стратегических хода:

Первый будет состоять в том, чтобы создать психологический климат, способный тайно ослабить духовное главенство Рима; например, посредством герметических и эзотерических манифестов, некоторых ритуалов франкмасонства, розенкрейцерских писаний и, естественно, широкого проникновения символов Аркадии и «подземной реки». Второй способ будет более узкополитическим; он вдохновит интриги и попытки взять власть семьями де Гизов и Лотарингскими в XVI в. и зачинателями Фронды в XVII в. Наконец, третий будет рассмотрен, начиная с династических браков.

Но если Меровинги действительно происходили от Иисуса, для чего они использовали подобные методы? Почему не удовольствоваться тем, чтобы открыть и доказать происхождение их рода? Перед ними склонился бы весь мир.

Все не так просто. Сам Иисус был отвергнут римлянами; Церковь, явно без угрызений совести, одобрила убийство Дагоберта II, а затем и исчезновение его потомства. Ничто не свидетельствует о том, что Меровинги, открыто провозгласившие себя потомками Иисуса, были бы приняты и призваны таковыми. Быть может, они вызвали бы неожиданную реакцию, драмы и кризисы мировоззрений среди верующих, королей и могущественных церковных сановников. Быть может, их отвергли бы и даже стали бы ненавидеть, и их драгоценная личность была бы навсегда скомпрометирована. Итак, лучшим выходом для них было предусмотрительно подчиниться исторической и политической действительности, попытаться захватить власть и только тогда открыть карты, раскрыв свое происхождение.

Таким образом, чтобы вернуть свои права, Меровингам пришлось прибегнуть к

различным маневрам, в зависимости от обстоятельств, но, по крайней мере, четыре раза, уже почти побеждая, они проигрывали из-за причин, совершенно чуждых их действиям: в XVI в., когда дом де Гизов почти завладел французским тронном; в XVII в., когда фронтеры, в свою очередь, поставили под угрозу корону Людовика XIV, желая отдать ее одному из членов Лотарингского дома; в конце XIX в., когда нечто вроде Святой Лиги предложило объединить католическую Европу вокруг Габсбургов, и только агрессивность Германии и России стала препятствовать к осуществлению этого проекта и спровоцировала войну, которая пошатнула все династии континента.

Но ближе всего к осуществлению своих надежд меро-вингский род был в XVIII в. Через родство с Габсбургами Лотарингский дом, наконец, царствовал в Австрии, и когда Мария-Антуанетта, дочь Франциска Лотарингского, взошла на трон вместе с Людовиком XVI, она имела все основания думать, что Франция очень скоро присоединится к

Священной Римской Империи. И если бы не произошла Французская революция, вполне можно представить себе, что Габсбург-Лотарингский дом около 1800 г. господствовал бы над всей Европой.

Революция нанесла жестокий удар мечте Меровингов, которые увидели, как внезапно все их проекты и надежды, заботливо поддерживаемые более пятисот пятидесяти лет, рухнули. Впрочем, «документы Общины» со своей стороны сообщают, что эти годы смятения и беспорядка особенно тяжелыми были для Сиона, который потерял тогда большую часть своих документов. Этим объясняется выбор в качестве главы Общины на период, последовавший за Революцией, интеллектуалов, вроде Шарля Нодье, способных, благодаря доступу в самые секретные архивы Франции и Европы, восстановить утраченное достояние. Этим и объясняется роль Соньера. Накануне Революции его предшественник Антуан Бигу, возможно, действительно спрятал пергаменты, составленные в 1753 г. каноником Ж.-П. де Негром, потом сбежал в Испанию, где вскоре умер. И возможно, что Сион, по крайней мере, в течение некоторого времени, не знал точно, в каком месте были спрятаны документы, подозревая, тем не менее, что они были захоронены в церкви Ренн-ле-Шато. Имея намерение снова заполучить их, Сион назначил в эту деревню честного и неболтливого священника, готового повиноваться, не задавая вопросов, и мало озабоченного тем, чтобы вмешиваться в деятельность и в интересы ордена. К тому же, если эти пергаменты сообщали еще о чем-то, спрятанном в окрестностях Ренн-ле-Шато, например, то этот человек тогда представлял неоценимый интерес.

Так как Соньер умер, не разгласив о своей миссии, как вскоре и его служанка, Мари Денарно, то в течение последующих лет вокруг Ренн-ле-Шато были предприняты раскопки, не принесшие, однако, никакого результата. Если бы, как мы думаем, там действительно были спрятаны важные документы, то, несомненно, они попали бы в руки одного из многочисленных охотников за сокровищами, привлеченных в эти места. Если только... если только они не были помещены в недоступное для публики место, например, в подземный склеп, или же в пруд, вырытый специально для этой цели в каком-нибудь частном владении. Очевидно, что это был единственный эффективный способ спрятать документы подальше от нескромных и беспорядочных раскопок, ибо для того, чтобы достигнуть склепа, сначала нужно было осушить пруд — совершенно невозможная для тайного осуществления задача. А такой пруд существует неподалеку от Ренн-ле-Шато, рядом с местечком, названным, как нарочно, Лавальдье («La vallee de Dieu» — «Божественная долина») устроенный, может быть, над склепом, который, согласно Леону Фонтану, через цепь подземных ходов легко может привести к бесчисленным пещерам, вырытым в глубине прилегающих гор. Но 20 июля 1971 г. инженер Фонтан покинул свои раскопки...

Что касается пергаментов, найденных Соньером, два из них или, по крайней мере, их факсимиле, много раз были воспроизведены, опубликованы и распространены; зато два других заботливо хранились в тайне, как считает уважаемый лорд Блэкфорд, в сейфе Ллойдс Банк Юроп Лимитед в Лондоне. То есть, вне досягаемости для нас...

А деньги Соньера? Часть из них, как мы видели, была получена в результате финансовых сделок с эрцгерцогом Габсбургским. Но мы знаем также, что значительные суммы были переданы не только Соньеру, но также и епископу Каркассона через аббата Анри Буде, кюре из Ренн-ле-Бэн. Все дает основания думать, что большая часть доходов Соньера шла от Буде через

посредство Мари Денарно. Но в свою очередь, откуда у Буде, бедного кюре маленького прихода в горах, такие огромные деньги? На этот вопрос до сего дня еще никто не дал ответ. Вероятно, он работал на Сионскую Общину, но был ли он источником тех денег, которыми располагал кюре из Ренн-ле-Шато? У нас нет никаких доказательств. Были ли они сокровищем Габсбургов? Или же Ватикана, который, быть может, Сион и Габсбурги подвергли серьезному политическому шантажу?

Как бы то ни было, этот денежный вопрос, очень странный, конечно, в конце концов является второстепенным по отношению к нашим последующим открытиям, и его основной интерес для нас был тем, что он привлек наше внимание и заставил начать это расследование.

Может ли гипотеза о потомстве Иисуса, дошедшая до нас, считаться точной до малейших деталей? Да, отказываясь занять в этом деле категорическую позицию и допуская даже, что некоторые пункты могут показаться спорными, мы абсолютно уверены, что в общих чертах она соответствует истине. Конечно, может быть, продвигаясь вперед, мы неверно истолковали тот или иной элемент этого расследования на уровне изученных документов или отдельного исторического факта; но главное не в этом. Прежде всего, мы считаем, что оно состоит в нашей собственной оценке, теперь окончательной, тайны Ренн-ле-Шато. Но эта незначительная, как мы говорили в начале нашей работы, тайна в действительности является выражением попытки восстановить меровингскую династию на французском троне, а, может быть даже, на тронах Европы; а попытка такого масштаба под прикрытием влиятельных личностей оправдывается происхождением меровингской династии, ведущей свой род прямо от Иисуса.

В этих обстоятельствах большое число аномалий и загадок, появившихся в ходе наших поисков, находит логичный ответ. Таким образом, например, объясняется название работы Николая Фламель «Священная книга еврея Авраама, Принца, Священника, Левита, Астролога и Философа из иудейского племени, которое вследствие гнева Божия было рассеяно среди галлов»; символ Рене Анжуйского, обещающей тому, кто выпьет из нее вино залпом, увидеть одновременно Бога и Магдалину; «Химическое венчание» Андреа, где рассказывается о таинственном ребенке королевской крови, лишенном всего состоянием мусульманами, который находился в лодке, севшей на мель у пустынного берега; загадка Никола Пауссена, или еще одна большая «ТАЙНА» Винсента де Поля между 1605 и 1607 гг. По поводу его путешествия в Баварию, а потом тайна Общества Святой Евхаристии...

Таким же образом нам открываются многочисленные аспекты Истории, оставшиеся до сих пор в тени, по поводу которых мы остерегались высказываться определенно, такими маловероятными они нам казались, а теперь мы в состоянии их правильно истолковать. Вот некоторые из них, наиболее значительные: Людовик XI, видящий в Магдалеянке начало французского королевского рода — верование явно абсурдное даже в XV в.; венец Карла Великого, кусочек которого, носящий надпись «Rex Salomon», находится сегодня среди сокровищ Габсбургов; «Протоколы Сионских Мудрецов», предсказывающие появление нового царя «из рода Давидова»...

Наконец, что касается Лотарингского креста: в силу каких причин, не очень определенных, он становится во время второй мировой войны символом «Свободной Франции», возглавляемой генералом де Голлем? Почему этот крест, герб Рене Анжуйского, был до такой степени ассимилирован с Францией, тогда как Лотарингия, бывшая долгое время независимым герцогством и бывшей землей Империи, не являлась никогда центром страны?

Ответ, как мы считаем, написан между строк: безусловно, в силу значительной роли, которую сыграла Сионская Община в Сопротивлении, и в силу тесных отношений генерала де Голля с некоторыми членами Общины, например, с Пьером Плантаром. Впрочем, надо отметить, что еще за тридцать лет до этого Шарль Пеги, близкий друг Мориса Барреса, автора «Вдохновенного холма», уже посвятил следующие строки этому кресту незадолго до своей смерти в 1914 г. в битве на Марне:

Армия Иисуса — это крест Лотарингии,
И кровь, текущая в жилах,
И благодатный источник, и светлый родник;
Армия Сатаны — это крест Лотарингии,

И это те же самые жилы,
И та же кровь, и мутный родник...

В заключение напомним, что в конце XVII в. отец Винсент, философ из Нанси, опубликовал в Лотарингии работу, посвященную Сиону, а затем следующую — «Правдивая история святого Сигиберта», увеличенный рассказ из жизни Дагоберта II. Что же за фраза была взята эпитафией второго тома, помещенная на титульном листе? Это была фраза из четвертого Евангелия: «Он среди вас, а вы не узнаете Его».

Сами мы, авторы настоящей работы, задолго до начала нашего расследования были агностиками, то есть — ни за Христа, ни против Христа. Естественно, мы менее были заинтересованы богословским или догматическим содержанием религий, нежели силой их сияния и некоторой долей достоверности, присущей многим из них. В этом смысле всякая вера для нас была достойна уважения, но ни одна не обладала монополией на истинность.

Поэтому к личности Иисуса мы приблизились со всей возможной осторожностью, не имея никакого желания доказать или опровергнуть что-либо, и никакие предрассудки не повлияли на такой подход. Историческая объективность стала нашим единственным правилом, единственно достойной нашего интереса, и, таким образом, в наших выводах мы не поставили под вопрос никакие из наших личных убеждений, не изменили в чем бы то ни было нашу систему ценностей. Короче говоря, мы ничего не выиграли и не потеряли ни в какой области.

Но что стало бы с другими? С миллионами людей в этом мире, для которых Иисус всегда был сыном Божиим, Спасителем и Искупителем вины человечества? Какую угрозу представил бы для их веры этот исторический Иисус, этот царь-священник, рожденный нашими поисками? В какой степени мы нарушим, перевернем те понятия, которые для стольких верующих представляют основу, бесценный фундамент их прикосновения к святому?

Ведь эти выводы, мы это прекрасно сознаем, противоречат некоторым главным догмам современного христианства, и против них не преминут подняться большие ереси, если не святотатства, а также и против способа, которым мы нарушили незыблемый порядок.

Однако, мы не считаем, что каким-либо образом нарушили святость Иисуса или признали его в глазах многочисленных верующих, его почитающих; если мы лично в принципе не принимаем его божественность, то ни один из наших выводов не представляется препятствием этому убеждению. Просто мы думаем, что в случае с Иисусом понятие божественности не является несовместимым с тем, что он имел жену и детей, и что нет никаких причин для того, чтобы считать его бесполом существом. Действительно, даже если он и мог быть сыном Божиим, ничто не запрещало ему жениться и создать семью.

Вся христианская теология основана на принципе воплощения Иисусом Бога на земле. Бога, полного сострадания к людям, к своим же созданиям, принявшего человеческий облик и ставшего человеком среди людей; Бога, проводящего личный эксперимент в человеческих условиях и познающего, как и его создания, страдание, одиночество, горечь и отчаяние; Бога, противостоящего, как и тот, кого он создал, земным порокам, а потом и смерти; Бога, покидающего свое далекое царство, чтобы стать человеком в самом глубоком, самом полном смысле этого слова, разделяющего каждодневную судьбу человека и познающего его, как никогда еще в Ветхом Завете ему не было дано его понять; наконец. Бога, искупающего и оправдывающего человеческую природу, пострадав через нее и придя к смерти...

Опять же, как принять, что Иисус познал все это своим человеческим опытом, если он не знал двух главных аспектов — физической любви и отцовства? Можно ли по-настоящему в этих условиях считать, что он был человеком? В наших глазах это невозможно, и Воплощение для нас, повторяем, не может считаться истинным, если Иисус не был помимо всего прочего супругом и отцом. Иисус из Евангелий, то есть из официального христианства, неполон, ибо Бог, воплощенный в нем, лишь частично принял облик человека. Тот же, о котором говорили мы, напротив, человек до конца, и видится он нам, безусловно, более правдивым, более доступным современному человечеству, так как такой Иисус действительно похож на него. Это основная причина, из-за которой мы искренне считаем, что ничего не убавили в его бесподобном ореоле.

Сейчас невозможно определить, кто был прямой потомок Иисуса. Как мы видели,

генеалогические древа увеличиваются ввысь и вширь, от одного поколения к другому, и образуют настоящие леса, и сегодня существует двадцать семей, по крайней мере, принадлежащих роду Меровингов, в Англии и в Европе, а каждая насчитывает огромное количество боковых ветвей. Прежде всего, назовем имена Габсбургов-Лотарингских, Плантар де Сен-Клеров, Люксембургов, Монтестью, Монпеза и, конечно, есть многие другие. Согласно «документам Общины», семья Синклер в Англии тоже входит в этот список, так же как и различные ветви Стюартов или Девонширов. То есть большинство из этих семей может претендовать на свое восхождение прямо к Иисусу, но никто не знает точно, кто из их членов предстанет в один прекрасный день перед нами как новый царь-священник. Не лишне будет по этому поводу дать несколько уточнений.

Мы думаем, что потомок Иисуса не будет ни в чем отличаться от всего остального человечества, и если сегодня мир узнает, что некто или некая группа людей имели Иисуса своим предком, по всей видимости, он не проявит никакой особенной реакции, во всяком случае, гораздо более слабую, чем это было бы один или два века назад. Даже самое неопровержимое доказательство, на наш взгляд, не сможет преодолеть всеобщего безразличия. В этом смысле проекты Сионской Общины не имеют никаких шансов на успех, если только они не основаны на политике, ибо, кроме серьезных отзвуков теологического плана наши выводы повлекут за собой глубокие перевороты в образе мыслей, в ценностях и установках мира, в котором мы живем.

Определенно то, что в прошлом различные семьи из рода Меровингов были глубоко вовлечены в политику, и что среди их главных целей власть занимала первое место. Это было верно для Сионской Общины и некоторых ее великих магистров, и это остается верным и сегодня для Сиона и меровингского потомства. По всей видимости, Сион мечтает объединить Церковь и Государство, собрать воедино духовное и временное, священное и несвященное, религию и политику. В соответствии с меровингской традицией, согласно Сионской Общине, новый царь будет «царствовать, но не править»; он будет действительно МОНАРХОМ, имеющим, в основном, символические и представительские функции, а политическое управление в узком смысле будет доверено другим.

Так, в XIX в. Община, действуя через Усадьбу Золотой Долины, попыталась создать новую Священную Римскую Империю, нечто вроде Соединенных Штатов Европы, теократическое государство, управляемое одновременно Габсбургами и радикально реформированной Церковью. Первая мировая война и крах великих европейских династий провалили этот план, но вполне резонно думать, что сегодняшние цели Сиона, по крайней мере, в общих чертах на цели Усадьбы Золотой Долины.

Не стоит уточнять, что эти цели, конечно, могут подвергнуться серьезным спекуляциям. Но, как бы то ни было, речь могла бы идти о транс — или паневропейской конфедерации, нечто вроде современной империи, управляемой династией, происходящей от Иисуса, облеченной временной властью, как святой Петр. Эта династия будет царствовать над королевствами и княжествами, объединенными между собой союзами, образующими подобие конфедерации, но не увлекаясь злоупотреблениями, неотделимыми от такой системы. Ассамблея, выбираемая народом, возьмет на себя действенное управление, как европейский парламент, обладающий законодательной и исполнительной властью.

Такая Европа составила бы международную политическую мощь, новую и объединенную, сравнимую с тем, чем является в настоящее время Советский Союз и Соединенные Штаты Америки; но, основываясь на духовном и эмоциональном больше, чем на идеологических концепциях, она, прежде всего, будет призывать к великодушию человека и, следовательно, станет более сильной. Таким образом, для новой судьбы в бесконечном религиозном порыве пробудится вся коллективная психика Западной Европы.

А ведь эти массовые движения возможны, и История нам это продемонстрировала событиями в Иране. Не имея армии и никакой политической партии за собой, Хомейни воззвал к духовным силам всего народа, который, преисполнившись фанатизма, встал, чтобы идти за ним.

Очевидно, что эти трагические иранские события совершенно чужды нам, но они хорошо показывают энергетический потенциал, скрытые страсти, дремлющие в глубинах человеческих

существ с обостренным чувством мистицизма. Разбуженные в благоприятный момент, правильно управляемые и направляемые, например, к политическим целям, эти силы могут принять исключительные масштабы, буквально воспламениться, как это было во время второй мировой войны, когда две противоположные силы противостояли друг другу в титанической дуэли, развернувшейся на всей поверхности земли.

В нашей работе мы не раз показывали серьезную роль Сионской Общины, широту ее финансовых возможностей и высокие качества ее членов; выходцы из самых разных стран, вовлеченные в политическую, экономическую, культурную и религиозную жизнь большей части света, они насчитывают сегодня своих сторонников в четыре раза больше, чем это было в 1956 г. Во всяком случае, кажется, они работают в унисон во имя точной цели, которая, согласно директивам ее настоящего Великого Магистра, запрограммирована на длительное время. Мы знаем также, что, начиная с 1956 г., орден Сиона через определенные промежутки времени, тайно и по частям приоткрывает сведения, которые позволили данной работе выйти в свет.

Итак, для Сионской Общины пришло время открывать свои цели. Политические и идеологические системы, которые с начала века столько обещали, потерпели или почти потерпели крах; все они тем или иным образом предали или разо-чаровали людей, прежде чем хоть одна из надежд, которые они проходили, смогла реализоваться. Политические деятели сегодня внушают лишь недоверие, а весь Запад погряз в цинизме и неудовлетворенности, тогда как остальные части света находятся во власти тревоги и отчаяния.

Но в то же время мы присутствуем при некоем расширении духовных границ индивидуума. Мы констатируем в нем жажду знаний, настоящих чувств. Новое желание верить, бесспорно, тоже присутствует, доказывая, что наш мир, явно десакрализованный, никогда не нуждался в том, чтобы обогнать самого себя, и поэтому никогда не имел чувства святого. Не объясняется ли этим быстрый рост числа сект и религиозных культов — одной из главных особенностей нашей эпохи?

Сегодняшний мир, мы убеждены в этом, находится в состоянии поиска настоящего главы и духовного вождя, Монарха, достойного его доверия. Наша цивилизация, бывшая материалистической столь долгое время, и сознающая пробелы в своем опыте, больше не скрывает своего желания напиться из другого источника, непохожего на предыдущий, источника, который утолит ее духовную, эмоциональную и психологическую жажду.

На наш взгляд, Сионская Община прекрасно приспособилась к выполнению этой миссии, и все ее цели находятся в прямой связи с духовным возрождением. Для осуществления своих планов она располагает главным козырем — уникальным наследием, которое, быть может, по причинам, ускользающим от понимания простыми смертными, прошло через века, чтобы дойти до нас.